

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

*History,
Archeology
and Ethnography
of the Caucasus*

Т. 18
№ 4. 2022

*Издание
Института
истории, археологии
и этнографии
Дагестанского
федерального
исследовательского
центра
РАН*

ФГБУН ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

HISTORY, ARCHEOLOGY
AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS

T. 18

№ 4. 2022

Махачкала, 2022

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КAVKAZA

Учредитель: ФГБУН Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
Издается по решению Ученого совета Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН с 2005 г.
(ранее Вестник Института истории, археологии и этнографии. Свид. о рег. ПИ № ФС77-49956).
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72534 от 28 марта 2018 г.
Периодичность: 4 выпуска в год.

Главный редактор

Амирханов Хизри Амирханович, Институт археологии РАН, Россия

Первый заместитель главного редактора

Далгат Эльмира Муртузалиевна,

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Заместитель главного редактора

Мусаева Майсарат Камиловна,

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Редакционный совет

Аликберов Аликбер Калабекович, Мацузато Кимитакэ, Токийский университет, Япония
Институт востоковедения РАН, Россия
Музеибли Наджаф Алекскер оглу, Институт археологии и этнографии
Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Булатов Башир Булатович, Дагестанский государственный Мустафаев Шаин Меджид оглы, Институт востоковедения им.
университет, Россия академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана,
Деревянко Анатолий Пантелеевич, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Россия
Каймаразов Гани Шихвалиевич, Институт истории, археологии и Наумкин Виталий Вячеславович,
этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Институт востоковедения РАН, Россия
РАН, Россия Рейнольдс Майкл, Принстонский университет, США
Кемпер Михаэль, Университет Амстердама, Нидерланды

Редакционная коллегия

Абдулмажидов Рамазан Султанович, Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории,
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследователя центра РАН, Россия
федерального исследовательского центра РАН, Россия
Абдулвахובה Бирлант Борз-Алиевна, Максимчик Андрей Николаевич,
Чеченский государственный университет, Россия
Alizadeh Karim S, Малашев Владимир Юрьевич,
Государственный Университет Гранд-Велли, Мичиган, США
Институт археологии РАН, Россия
Аникеева Татьяна Александровна, Марзоев Ислам-бек Темурканович, Северо-Осетинский институт
Институт востоковедения РАН, Россия гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева
Анчабадзе Юрий Дмитриевич, Владикавказского научного центра РАН, Россия
Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Аракелова Виктория Александровна, Матсыкова Анна Владимировна,
Российско-Армянский (Славянский) Университет, Армения Институт археологии РАН, Россия
Бабаянц Бахтияр Мирасимович, Муминов Аширбек Курбанович, Евразийский национальный
Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии Наук университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
Республики Узбекистан, Узбекистан
Барамидзе Цира Ревазовна, Институт кавказоведения Тбилисского Obrusanszky Borbala, Karoli Gaspar University, Венгрия
государственного университета, Грузия
Осмаев Аббас Доגיעевич, Комплексный научно-исследовательский
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Россия
федерального исследовательского центра РАН, Россия
Гванцеладзе Теймураз Ионович, Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Германия
Сухумский государственный университет, Грузия
Гелашвили Нана Георгиевна, Rodrigue Barry H,
Международный Университет Симбиоза, Индия
Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили Сулейманова Севда Алиевна,
Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова
Досымбаева Айман Медеубаевна, Таразский государственный Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
университет им. М.Х. Дулати, Казахстан
Табатабайи Сейед Хусейн,
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского
Зиливинская Эмма Давидовна, Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Россия
и восточноевропейский департамент Организации культурных
и исламских связей Исламской Республики Иран, Иран
Казанский Михаил Михайлович, Таймазов Артур Исраилович,
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского
Капустина Екатерина Леонидовна, Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия
федерального исследовательского центра РАН, Россия
Квициани Джони Джокиевич, Государственный музей Востока, Россия
Тбилисский государственный университет, Грузия
Ярлыкапов Ахмет Аминович, Московский государственный институт
Кудаева Светлана Григорьевна, международных отношений Министерства иностранных дел РФ, Россия
Майкопский государственный технологический университет, Россия

Исполнительный директор

Мусаев Махач Абдулаевич

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Ответственный секретарь

Капланова Лейла Шамильевна

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского
федерального исследовательского центра РАН, Россия

Переводчик

Сефербеков Магомедхабиб Русланович

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского
федерального исследовательского центра РАН, Россия

На обложке изображен элемент народного орнамента Дагестана
Ответственность за высказывания, точность цитат, фактов, названий
и имен несут авторы
Мнение редакции может не всегда совпадать с точкой зрения авторов
При использовании материалов журнала ссылка обязательна

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022
© Все авторы, Т. 18. №4. 2022

Адрес редакции: 367030, Махачкала, ул. М. Ярагского, 75
Тел.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS

Founder: Daghestan Federal Research Centre of RAS Issued by decision of the Academic Council of the Institute of History, Archeology and Ethnography of DSC RAS since 2005 (formerly as Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. Reg. cert. PI № FS77-49956)
The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (ROSKOMNADZOR)
Registration certificate PI № FS77-72534 of March 28, 2018
Periodicity: 4 issues per year

Editor-in-Chief

Khizri A. Amirkhanov The Institute of Archeology of RAS

Vice Editor-in-Chief

Elmira M. Dalgat Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Deputy Editor-in-Chief

Maysarat K. Musaeva Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Editorial council

<i>Alikber K. Alikberov</i> , Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation	<i>Kimitaka Matsuzato</i> , University of Tokyo, Graduate Schools for Law and Politics, Japan
<i>Bashir B. Bulatov</i> , Daghestan State University, Russian Federation	<i>Nadzhaf A. Museibli</i> , Azerbaijan National Academy of Science, Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan
<i>Anatoliy P. Derevyanko</i> , The Institute of archaeology and ethnography of the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation	<i>Shain M. Mustafaeov, Z. Buniyatov</i> Institute of Oriental Studies Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
<i>Gani S. Kaymarazov</i> , Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS	<i>Vitaliy V. Naumkin</i> , Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation
<i>Michael Kemper</i> , University of Amsterdam, Netherlands, Netherlands	<i>Michael A. Reynolds</i> , The Princeton University, United States

Editorial board

<i>Ramazan S. Abdulmazhidov</i> , Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation	<i>Magomedkhan M. Magomedkhanov</i> , Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
<i>Birlant B. Abdulvakhabova</i> , Chechen State University, Russian Federation	<i>Andrey N. Maksimchik</i> , Belarusian state University, Belarus
<i>Karim S. Alizadeh</i> , Grand Valley State University, Michigan, United States	<i>Vladimir Y. Malashev</i> , The Institute of Archeology Russian Academy of Science, Russian Federation
<i>Tat'yana A. Anikeeva</i> , Institute of Oriental studies, Russian Federation	<i>Islam-bek T. Marzoev</i> , V.I. Abaev North Osetian Institute of Humanitarian and Social Research of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS, Russian Federation
<i>Yuriy D. Anchabadze</i> , The N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation	<i>Anna V. Mastykova</i> , The Institute of Archeology RAS, Russian Federation
<i>Viktoriya A. Arakelova</i> , Russian – Armenian University, Armenia	<i>Ashirbek K. Muminov</i> , L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
<i>Bakhtiyar M. Babadjanov</i> , The Institute of Eastern studies of Academy of Science of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan	<i>Borbala Obrusanszky</i> , Karoli Gaspar University, Hungary
<i>Tsira R. Baramidze</i> , Institute of Caucasology at Ivane Javakhsishvili Tbilisi State University, Georgia	<i>Abbaz D. Osmayev</i> , The H.I. Ibrahimov Complex Scientific Research Institute of RAS, Russian Federation
<i>Vladimir O. Bobrovnikov</i> , The Institute of Eastern studies of Academy of Science of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan	<i>Reinhold Sabine</i> , Deutsches Archäologisches Institut, Germany
<i>Alfrid K. Bustanov</i> , University of Amsterdam, Netherlands	<i>Rodrigue Barry H</i> , Symbiosis International University, India
<i>Murtazali S. Gadzhiev</i> , Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation	<i>Sevda A. Suleymanova</i> , Buniyatov Z. Institute of Oriental Studies of the Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
<i>Teimuraz I. Gvantseladze</i> , Sukhumi State University, Georgia	<i>Seyed Hussein Tabatabayi</i> , Eastern European Department Of the organization of cultural and Islamic relations of the Islamic Republic of Iran, Iran
<i>Nana G. Gelashvili</i> , Ivane Javakhsishvili Tbilisi State University, Georgia	<i>Artur I. Taymazov</i> , Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
<i>Aiman M. Dossymbayeva</i> , M.Kh. Dulaty Taraz State University, Kazakhstan	<i>Madina A. Tekueva</i> , H.M. Berbekov the Kabardino-Balkaria State University, Russian Federation
<i>Emma D. Zilivinskaya</i> , N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation	<i>Alim I. Tetuev</i> , Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkar Scientific Centre of the RAS, Russian Federation
<i>Michel M. Kazanski</i> , French National Centre for Scientific Research, France	<i>Shamil' S. Shikhaliev</i> , Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
<i>Ekaterina L. Kapustina</i> , Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS, Russian Federation	<i>Vladimir R. Erlikh</i> , State Museum of Oriental Art, Russian Federation
<i>Jony J. Kvitsiany</i> , Institute of Caucasology at Ivane Javakhsishvili Tbilisi State University, Georgia	<i>Akhmet A. Yarlykapov</i> , MGIMO University, Russian Federation
<i>Svetlana G. Kudaeva</i> , Maikop State Technological University, Russian Federation	

Managing Director

Makhach A. Musaev
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Responsible Secretary

Leyla S. Kaplanova
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Translator

Magomedkhabib R. Seferbekov
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Scientific Centre of RAS, Russian Federation

The cover image depicts an element from Daghestan's folk art tradition
Responsibility for statements, accuracy of citations, titles and names rests with the authors

The opinion of publishing authors may not always coincide with the opinion of the editorial staff

If using materials from this journal, an electronic link is required

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2022

© All authors, V. 18. № 4, 2022

Address of the editorial office: 367030, Makhachkala, M. Yarakskogo St., 75
Tel.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

В этом номере:

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ

<i>Абдулмажидов Р.С., Алибеков Х.Г.</i>	ПРАВОВОЙ ДИСКУРС ДАГЕСТАНСКИХ БОГОСЛОВОВ XVII–XIX ВВ. (НА ОСНОВЕ РУКОПИСИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ БАГУЖАЛАВА АЛ-МАЧАДИ)	884
<i>Аникиева Т.А., Чмилевская И.А.</i>	ТЮРКСКИЕ РУКОПИСИ ИЗ ЧАСТНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ СЕЛЕНИЯ АЛХАДЖИКЕНТ (КАЯКЕНТСКИЙ РАЙОН, РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН)	899
<i>Магарамов Ш.А.</i>	ЛИЧНЫЕ КОНТАКТЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО С ПРАВЯЩИМИ ЭЛИТАМИ ДАГЕСТАНА	908
<i>Сефербеков М.Р.</i>	ДЖОН БЕЛЛ О ПОХОДЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ДЕРБЕНТ	919
<i>Мусаев М.А.</i>	ЧИСЛЕННОСТЬ И ПОТЕРИ АРМИИ НАДИР-ШАХА В ДАГЕСТАНСКОЙ КАМПАНИИ 1741-1743 гг.	932
<i>Газиева А.А., Озтүрк М.</i>	ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ЛЕЗГИНСКОЙ (КАХЕТИНСКОЙ) КОРДОННОЙ ЛИНИИ: ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ФОРТИФИКАЦИЙ В РАЗВИТИИ РЕГИОНА	941
<i>Далгат Э.М.</i>	ТРУДОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ДАГЕСТАНСКОГО УЗДЕНЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	952
<i>Хабутдинов А.Ю., Имашева М.М.</i>	ПРОЕКТЫ РЕЛИГИОЗНОЙ АВТОНОМИИ МУСУЛЬМАН ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ И СИБИРИ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	962
<i>Абдулагатов З.М.</i>	ЗАКЯТ В ИСЛАМСКОМ СОЗНАНИИ ДАГЕСТАНЦЕВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	975

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Чернышева Е.В., Амирян М.А., Ельцов М.В., Петросян А.А., Потапова А.В.</i>	РЕКОНСТРУКЦИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА НА ОСНОВЕ ГЕОХИМИЧЕСКОГО И ПОЧВЕННО-МИКРОБИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА СОТК-2 (РЕСПУБЛИКА АРМЕНИЯ)	993
<i>Илюков Л.С., Мельников А.Ю.</i>	ПОГРЕБЕНИЯ С НОЖЕВИДНЫМИ ПЛАСТИНАМИ ИЗ ПОДОНЬЯ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	1014
<i>Суханов Е.В.</i>	ФОРМЫ ГЛИНЯНЫХ СОСУДОВ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ АЛАН ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ	1037
<i>Гмыря Л.Б.</i>	РУБАССКАЯ ФОРТИФИКАЦИЯ СЕРЕДИНЫ VI в.: ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИИ ЗАПАДНОГО ФАСАДА СТЕНЫ №2	1061

ЭТНОГРАФИЯ

<i>Махсутов А.К.</i>	АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ФОТОИСТОЧНИКОВ, ОШИБОЧНО ОТНОСИМЫХ К НОГАЙЦАМ	1087
<i>Рамазанова З.Б.</i>	К ПРОБЛЕМЕ АГРОЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ ДАГЕСТАН (на примере лакцев)	1101
<i>Албогачиева М.С.-Г.</i>	МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ Ф.И. ГОРЕПЕКИНА	1113
<i>Волхонский М.А., Ярлыкапов А.А.</i>	ОБРАЗ ГАРЕГИНА НЖДЕ В АРМЯНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ: СИМВОЛИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЯ В г. АРМАВИР И г. КРАСНОДАР)	1126

ЭКСПЕДИЦИИ

<i>Сайпудинов М.Ш., Рябогина Н.Е., Борисов А.В., Идрисов И.А.</i>	АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА МУГИНСКОМ ПОСЕЛЕНИИ В 2021 г.	1141
---	---	------

Contents:

MATERIALS AND RESEARCHES

HISTORY

<i>R.S. Abdulmazhidov, K.G. Alibekov</i>	LEGAL DISCOURSE OF DAGESTANI THEOLOGIAN OF THE 17TH-19TH CENTURIES (BASED ON THE MANUSCRIPT FROM THE BAGUZHALAV AL-MACHADI'S COLLECTION)	884
<i>T.A. Anikeeva, I.A. Chmilevskaya</i>	TURKIC MANUSCRIPTS FROM THE PRIVATE COLLECTIONS OF ALHADJIKENT (THE KAYAKENT DISTRICT, DAGESTAN)	899
<i>Sh.A. Magaramov</i>	PERSONAL CONTACTS OF PETER THE GREAT WITH THE RULING ELITES OF DAGESTAN	908
<i>M.R. Seferbekov</i>	JOHN BELL ON THE CAMPAIGN OF PETER I TO DERBENT	919
<i>M.A. Musaev</i>	THE STRENGTH AND LOSSES OF NADIR SHAH'S ARMY IN THE DAGESTAN CAMPAIGN OF 1741-1743	932
<i>A.A. Gazieva, M.Ozturk</i>	THE HISTORY OF THE CREATION OF THE LEZGIN (KAKHETI) CORDON LINE: GOALS AND TASKS OF FORTIFICATIONS IN THE DEVELOPMENT OF THE REGION	941
<i>Dalgat E.M.</i>	DAILY OCCUPATIONS OF DAGESTAN UZDENIS IN THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURIES	952
<i>Khabutdinov A.Y., Imasheva M.M.</i>	PROJECTS OF RELIGIOUS AUTONOMY OF MUSLIMS OF EUROPEAN RUSSIA, SIBERIA AND THE NORTH CAUCASUS IN THE EARLY 20TH CENTURY	962
<i>Abdulagatov Z.M.</i>	ZAKAT IN THE ISLAMIC CONSCIOUSNESS OF DAGESTANIS: HISTORY AND CURRENT TRENDS	975

ARCHEOLOGY

<i>Chernysheva E.V., Amiryana M.A., Eltsov M.V., Petrosyan A.A., Potapova A.V.</i>	RECONSTRUCTION OF PARTICULARITIES OF ANCIENT HUMAN ACTIVITY BASED ON GEOCHEMICAL AND SOIL MICROBIOLOGICAL INVESTIGATION OF SOTK-2 SITE (REPUBLIC OF ARMENIA)	993
<i>Ilykov L.S., Melnikov A.Yu.</i>	BURIALS WITH KNIFE-SHAPED BLADES FROM THE DON REGION AND THE NORTH CAUCASUS	1014
<i>Sukhanov E.V.</i>	CLAY VESSELS' SHAPES AS AN OBJECT OF STUDY OF THE CULTURAL HISTORY OF ALANS OF THE FOREST-STEPPE DON REGION	1037
<i>L.B. Gmyrya</i>	THE RUBAS FORTIFICATION OF THE MID-SIXTH CENTURY: STRUCTURAL FEATURES OF THE WESTERN FACADE OF WALL 2	1061

ETHNOGRAPHY

<i>A.K. Makhsutov</i>	ANALYSIS OF SOME PHOTO SOURCES, MISTAKENLY ATTRIBUTED TO NOGAIS	1087
<i>Z.B. Ramazanova</i>	TO THE PROBLEM OF AGROETHNOGRAPHY OF THE PEOPLES OF DAGESTAN (ON THE EXAMPLE OF THE LAKS)	1101
<i>M.S.-G. Albogachieva</i>	LITTLE-KNOWN PAGES OF THE LIFE OF F.I. GOREPEKIN	1113
<i>M.A. Volkhonsky, A.A. Yarlykapov</i>	THE IMAGE OF GAREGIN NZHDEH IN ARMENIAN AND RUSSIAN COLLECTIVE MEMORY: SYMBOLIC CONFLICT IN URBAN SPACE (BASED ON RESEARCH IN ARMAVIR AND KRASNODAR)	1126

EXPEDITIONS

<i>M.Sh. Saypudinov, N.E. Ryabogina, A.V. Borisov, I.A. Idrisov</i>	ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF MUGHI SETTLEMENT IN 2021	1141
---	---	------

ИСТОРИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH184884-898>

Исследовательская статья

Рамазан Султанович Абдулмажидов
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
ramazana@yandex.ru

Хизри Гаджиевич Алибеков
м.н.с.
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
alibekovkhizri@gmail.com

ПРАВОВОЙ ДИСКУРС ДАГЕСТАНСКИХ БОГОСЛОВОВ XVII–XIX вв. (НА ОСНОВЕ РУКОПИСИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ БАГУЖАЛАВА АЛ-МАЧАДИ)

Аннотация. Данная статья посвящена обзорному анализу уникальной рукописи, выявленной в книжной коллекции крупного дагестанского богослова Багужалава ал-Мачади. В ней собраны 9 произведений, составленных в форме вопросов-ответов, в которых отражен богословский дискурс по различным правовым аспектам. В дискуссии участвовали такие известные богословы как: Давуд ал-Усиши, шейх Изз ад-Дин Тайиб, Саид ал-Макки, Мухаммад-хаджи ал-Уради, Мухаммад ал-Алиджи, шейх ас-Сиджини, Хадис ал-Мачади, Мухаммад ал-Хифнави и Мухаммада ал-Аймаки. Часть из них дагестанского происхождения, а другие являются выходцами из Ближнего Востока. Созданные ими произведения представляют собой ответы ряда ближневосточных богословов на вопросы дагестанцев по тем или иным актуальным вопросам того времени. Они были составлены во второй половине XVII – первой четверти XIX вв., что позволяет в определенной степени проследить развитие правовой культуры Дагестана данного периода. Она также является ценным источником по истории быта, экономического и социально-политического развития дагестанского общества. Палитра рассматриваемых в богословском дискурсе вопросов и ответов чрезвычайно разнообразна, и касается самых разных сторон жизни и быта. На наш взгляд, дагестанские богословы, обращаясь к более авторитетным своим соотечественникам, а также к ученым из Ближнего Востока, стремились легитимировать адатные нормы через шариатские тексты. Вместе с тем, обращаясь к последним, дагестанские богословы стремились использовать и негласный приоритет в пользу их мнения, существовавший в мусульманском мире. Кроме того, выявленные арабоязычные источники наглядно свидетельствуют о том, насколько тесно Дагестан был включен в единое правовое поле арабо-мусульманского мира.

Ключевые слова: Дагестан; мусульманское право; адат; шариат; арабоязычные сочинения; Багужалав ал-Мачади.

Для цитирования: Абдулмажидов Р.С., Алибеков Х.Г. Правовой дискурс дагестанских богословов XVII–XIX вв. (на основе рукописи из коллекции Багужалава ал-Мачади) // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 884-898 . doi: 10.32653/CH184884-898

© Абдулмажидов Р.С., Алибеков Х.Г., 2022

© Сефербеков М.Р., перевод, 2022

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022

HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH184884-898>

Research paper

Ramazana S. Abdulmazhidov,
Cand. Sci. (History), Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
ramazana@yandex.ru

Khizri G. Alibekov,
Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala Russia
alibekovkhizri@gmail.com

LEGAL DISCOURSE OF DAGESTANI THEOLOGIAN OF THE 17TH-19TH CENTURIES (BASED ON THE MANUSCRIPT FROM THE BAGUZHALAV AL-MACHADI'S COLLECTION)

Abstract. The paper presents an analysis of a unique manuscript identified in the book collection of a prominent Dagestani theologian Baguzhalav al-Machadi. It comprises 9 works compiled in the form of questions and answers, which reflect the theological discourse on various legal aspects. The discussion was attended by such reputed theologians as Dawud al-Usishi, Sheikh Izz ad-Din Tayyib, Said al-Makki, Muhammad-haji al-Uradi, Muhammad al-Aliji, Sheikh as-Sijini, Hadith al-Machadi, Muhammad al-Hifnawi and Muhammad al-Aymaki. Some of them were Dagestanis, while others – of the Middle East origin. Their works are written in a form of answers of a number of Middle Eastern theologians to the questions of Dagestanis on various topical issues of that time. The works were compiled in the second half of the 17th – first quarter of the 19th centuries, which allows to trace to a certain extent the development of the legal tradition of Dagestan of that period. They are also a valuable source on the history of everyday life, economic and socio-political development of Dagestan society. The range of questions and answers considered in the theological discourse is extremely diverse, and concerns the various aspects of everyday life. As we believe, Dagestani theologians, turning to their more authoritative compatriots, as well as to scholars from the Middle East, sought to legitimize adat norms through Sharia texts. At the same time, addressing the latter, Dagestani theologians sought to use the unspoken priority in favor of their opinion that existed in the Muslim world. Moreover, the identified Arabic-language sources clearly demonstrate how closely Dagestan was included in the unified legal field of the Arab-Muslim world.

Keywords: Dagestan; Muslim law; adat; Sharia; Arabic-language works; Baguzhalav al-Machadi.

For citation: Abdulmazhidov R.S., Alibekov K.G. Legal discourse of Dagestani theologians of the 17th-19th centuries (Based on the manuscript from the Baguzhalav Al-Machadi's collection). History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2022. Vol. 18. N. 4. P. 884-898 . doi: 10.32653/CH184884-898

© R.S. Abdulmazhidov, K.G. Alibekov, 2022
© Seferbekov M.R., translation, 2022
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2022

Введение

В ходе археографической экспедиции по гранту РФФИ № 22-18-00295 «Электронная библиотека арабографических рукописей из архивных, библиотечных, музейных и частных собраний России» в частной библиотеке, принадлежавшей видному дагестанскому богослову Мухаммаду, сыну Багужа, более известному как Багужалав ал-Мачади, была обнаружена чрезвычайно ценная сборная рукопись (конволют)¹. Собранные в ней сочинения написаны одним почерком, однако переписчик не указан. По палеографическим данным она была создана в первой половине XIX в. Рукопись форматом 17,5×22,5 см состоит из 36 листов и содержит 9 произведений по мусульманскому праву, написанных в формате вопросов и ответов, которые представлены в рукописи с соблюдением хронологического порядка. Авторами 5 из них являются дагестанские богословы, а остальные 4 произведения представляют собой ответы ряда ближневосточных богословов на вопросы дагестанцев по тем или иным актуальным вопросам того времени. Они были составлены во второй половине XVII – первой четверти XIX вв., и только небольшая часть из них была исследована отечественными востоковедами. Данная статья посвящена общему обзору выявленных материалов.

Сборник фетв Давуда ал-Усиши

Рукопись начинается с известного сборника фетв крупного дагестанского богослова Давуда ал-Усиши (ум. в 1171/1757 г.). Современник ал-Усиши Титалав ал-Карати отправил к нему более 50 вопросов по широкому кругу правовых аспектов, волновавших в то время дагестанцев: торгово-имущественные споры, бракоразводный процесс, мусульманская культовая практика, отношение к иноверцам, вопросы обязательственного и наследственного права (*назр*, *васийа*, *вакф*). Краткие и емкие ответы ал-Усиши впоследствии были выделены в отдельное сочинение, получившее широкую популярность в Дагестане. К примеру, только в Фонде восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН хранится 8 списков этого сочинения². В исследуемой рукописи сочинение представлено на 4 листах (л. 1а–л. 4б).

Один из вопросов, на который ответил ал-Усиши, был связан с дискуссией о легитимности нападений дагестанцев на грузинские области. Часть богословов признавала участников подобных нападений воителями за веру – *газиями*, но ал-Усиши отказывался признавать их таковыми по причине отсутствия неверных (*харби*) вокруг Дагестана, против которых они могли бы вести священную войну [1].

Отвечая на вопрос «Кто имеется в виду под имамом в словах правоведов: “Если имам потребует от хозяина имущества предоставить закят именно ему, а тот откажется, то выплата его закята другим лицам не будет засчитываться [по шариату]?”», ал-Усиши пишет, что под имамом могут пониматься и духовные лица (имамы и кадии) Дагестана. По его словам, они «в нашем крае взяли на себя такие функции из-за крайней необходимости, т.к. до нас не доходит власть законного имама (правителя)».

1. Книжная коллекция Багужалава ал-Мачади в настоящее время хранится в сел. Мачада Шамильского района Республики Дагестан в составе библиотеки М.Г. Шехмагомедова. В этой коллекции содержится около 150 арабографических манускриптов, хронологически датируемых в пределах XIV–XX вв.

2. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН, ф. 14, оп. 1, № 85 (i), № 309 (b), № 1165 (g), № 1390 (a), № 1850 (b), № 2597 (d), № 3018, № 3073 (b).

Отвечая на вопрос, дозволяется ли дагестанским кадиям брать определенную плату за свою работу с каждого дома в селении, в котором они выполняют свои функции, если с этим согласна лишь некоторая часть его жителей, ал-Усиши отвечает утвердительно. По его словам, кадии имеют право брать подобную плату даже принудительно, но при условии, что в селении нет человека, готового добровольно обеспечивать кадия. При этом для определения размера платы не требуется согласие всего джамата, достаточно одобрения лишь авторитетных его членов (*ахл ал-халл ва ал-‘акд*).

Интересен ответ ал-Усиши и о привилегиях женщин в получении закята³. В вопросе говорится: *«Каково решение относительно предоставления закята женщинам? Имеют ли они привилегии, если в отличие от мужчин, их могут нанимать на работу только их близкие родственники (махрам)? Либо же они их не имеют, и они должны сами зарабатывать, как это принято по адату, хотя и противоречит шариаду?»*. Ал-Усиши отвечает, что женщины имеют привилегию перед мужчинами, поскольку нанимать их на работу могут лишь близкие родственники. Поэтому, по его словам, нельзя их заставлять работать в той сфере, которая не подходит женщинам.

Сборник фетв шейха Изз ад-Дина Тайиба

Следующее сочинение (л. 4б–5б) представляет собой небольшие заметки из правовых заключений шейха Изз ад-Дина Тайиба, которого нам не удалось идентифицировать. Из его содержания становится ясным, что этого шейха попросил ответить на ряд вопросов некий имам ал-Аргвани⁴. В самом конце сочинения кодификатором ответов шейха Изз ад-Дина указан известный дагестанский ученый Мухаммад, сын Мусы из Кудутля (ум. в 1717 г.). Вероятнее всего, ал-Кудуки, отправляясь в свою очередную поездку на Ближний Восток, передал вопросы богослова из Аргвани шейху Изз ад-дину Тайибу, а полученные ответы затем собрал в одном списке.

Проблемы, затрагиваемые в данном списке, касаются самых разных сторон бытовой жизни горцев. Некоторые из ответов указывают, что к шейху обращались за фетвой с целью обойти существующие ограничения в книгах по мусульманскому праву. К примеру, в одном из них говорится, что *«вопреки мнениям авторов книг “ал-Халль”⁵ и “ал-Анвар”⁶, нет ничего страшного в том, что наш простой люд не знает условий, требуемых для заключения брака»*. В другом ответе разъясняются условия выплаты закята такой социальной категории, как учащиеся медресе – *мутааллим*. На вопрос об определении их уровня бедности Шейх Изз ад-Дин отвечает, что если *мутааллим* способен обеспечить свое пропитание только учебой, то он имеет право на получение закята в размере достаточном до конца его жизни; однако такой учащийся не должен владеть недвижимостью и прочим имуществом. Если же он, оставив обучение, способен зарабатывать себе на жизнь, то ему предоставляют средства закята лишь на период его учебы.

3. Закят – обязательный ежегодный налог в исламе выплачиваемый с различного видов дохода и имущества в пользу определенных категорий нуждающихся.

4. Нисба указывает на происхождение или проживание в сел. Аргвани, ныне в Гумбетовском районе РД.

5. «Халль ал-Иджаз» – сочинение по мусульманскому шафиитскому праву, авторство которого принято относить к шейху Али ал-Багдади ат-Таргули. Али ал-Багдади – кадий селения Тарки, выходец из Багдада, прибыл в Тарки не позже 1635 г., был кадием и письмоводителем. Автор ряда трудов, в том числе поэтического содержания. Умер в сел. Тарки, где и похоронен в 1655 г. Данное сочинение представляет собой комментарий к труду «ал-Иджаз» иранского шафиитского правоведа Тадж ад-Дина Махмуда бин Мухаммада ал-Кирмани (ум. в 1404 г.).

6. «Ал-Анвар ли а‘мал ал-абрар» – сочинение по шафиитскому праву Джамал ад-Дина Юсуфа бин Ибрахима ал-Ардабили (ум. во второй половине XIV в.).

Сборник фетв Саида ал-Макки

Далее следует сочинение, известное под условным названием «*Ас'уля уляма'и Дагестан ва аджвиба аш-шайх Саид ал-Макки*» («Вопросы ученых Дагестана и ответы на них шейха Саида ал-Макки»). В небольшом своде, на двух страницах (л. 5б–6а), приводятся 8 вопросов, на которые шейх Саид ал-Макки дает короткие ответы. Саид ал-Макки – хадисовед и правовед из Хиджаза. Его полное имя – Мухаммад Саид бин Мухаммад Сунбул ал-Макки (ум. в 1174/ 1761-2 г.). Он был крупным шафиитским богословом в Мекке и преподавал в Заповедной мечети (*Масджид ал-Харам*).

В сезон хаджа многие мусульмане с различных уголков мусульманского мира пользовались возможностью испросить фетву у авторитетных мекканских ученых. Так поступали и дагестанцы, в частности, Мухаммадхаджи ал-Уради и его сын Ибрахим-хаджи ал-Уради. Последний, по всей видимости, тесно общался с шейхом Саидом и превозносил его над другими богословами. К примеру, известна история о сне, который приснился Ибрахиму-хаджи в Каире. Заснув около могилы эпонима шафиитского мазхаба имама аш-Шафии, Ибрахим-хаджи видит во сне имама и спрашивает его, следует ли ему обращаться за советом к богословам Каира. Имам аш-Шафии предостерегает его от обращения к ним, а также к дагестанским богословам, в частности, Титалаву ал-Карати и Али ал-Арговани. Однако советует обратиться к шейху Саиду ал-Макки, с которым «*никто не сравнится в познании фикха*» [2, с. 398–399].

Свод фетв ал-Макки содержит ответы на следующие вопросы: выплата закята с урожая, созревшего лишь частично; использование в строительстве мечети надмогильных камней; употребление табака; положение кадия в городе, жители которого совершают тяжкие грехи; употребление мяса животных, заколотых иноверцами (*зиммий*); использование шкур ягнят, привозимых от иноверцев (*маджус*); использование шкуры выдры; правомочность фетвы Ибн Аббаса о том, что трижды произнесенная в одном месте и в одно время формула развода (*талак*) засчитывается как один талак.

Вслед за этим идет другое сочинение Саида ал-Макки (л. 6а–8а). Оно представлено в виде свода примечаний, каждый пункт которого начинается со слов «*полезное примечание*» (*фаида*). Ближайшее рассмотрение этого сочинения позволило установить, что этот свод комментариев представляет собой ответы на вопросы, которые ранее были адресованы Титалавом ал-Карати Давуду ал-Усиши. Как нам представляется, некий дагестанский богослов, не довольствуясь ответами Давуда ал-Усиши, отправил те же вопросы с ответами в Мекку, к шейху Саиду.

Это позволяет нам сравнить ответы обоих ученых. В первую очередь, интерес представляет то, как ал-Макки отвечает на вопрос о легитимности статуса *газиев* дагестанцев, совершавших походы на Грузию. Ал-Макки отвечает обтекаемо, что если группа людей выступит в военный поход не с целью «*возвысить Слово Всевышнего Аллаха*», а ради земных выгод, то трофеи, завоеванные в этом походе, имеют такое же положение, что и трофеи, добытые с благочестивыми религиозными целями. Однако эти *гази* не получают вознаграждение на том свете.

В некоторых случаях ответы ал-Макки и ал-Усиши противоречат друг другу, при этом ответы первого более соответствуют решениям шафиитского мазхаба. К примеру, отвечая на вопрос дозволено ли человеку в путешествии, не соответствующему нормам шариата, пользоваться послаблениями (*рухас*) касательно исполнения некоторых религиозных предписаний, к примеру, сокращение и (или) перенос молитвы,

ал-Усиши отвечает утвердительно. Ал-Макки же, наоборот считает это запретным, поскольку, по его мнению, отправление в недозволенное путешествие лишает человека послаблений, предоставляемых шариатом. При этом, намекая на фетву ал-Усиши, ал-Макки добавляет: «Тот, кто вынес фетву о дозволенности пользоваться шариатскими послаблениями, ссылаясь на мазхаб аш-Шафи, ошибается».

Саид ал-Макки также не соглашается с мнением, что если имам потребует от кого-либо выплаты закята, а тот откажется, но выплатит его другому, то такой закят не засчитывается. В отличие от ал-Усиши, ал-Макки утверждает, что выплата закята считается выполненной, а имам имеет право лишь потребовать клятву с человека, что закят действительно был им выплачен.

Сборник фетв Мухаммада-хаджи ал-Уради

Далее следует другой небольшой свод правовых заключений на трех страницах (л. 8а–9а). В его конце указано, что вопросы исходят от «кадия ал-Индири», которому отвечает «ал-Хаджи ал-Уради». Идентифицировать автора вопроса нам не удалось, очевидно лишь то, что он занимал должность кадия в селении Эндирей⁷. Что касается автора ответов, то однозначно им является отец вышеупомянутого Ибрахима-хаджи – Мухаммад-хаджи ал-Уради (ум. в 1739–40 г.). Он также был видным богословом, кадием Гидатля⁸ и общественно-политическим деятелем первой трети XVIII в. Мухаммад-хаджи ал-Уради получил мусульманское образование в том числе и на Ближнем Востоке, где обучался у крупных богословов, в частности у авторитетного хадисоведа Абдулла бин Салима ал-Басри ал-Макки (ум. в 1722 г.). В своем родном селении Урада он открыл медресе, в котором воспитал ряд известных дагестанских богословов [2, с. 35–40].

Мухаммад-хаджи ал-Уради отвечает на семь вопросов, связанных с торговлей, имущественным правом, разделом наследства, взаимоотношениями с рабынями. Нам представляется, что не случайно вопрос, касавшийся рабынь, был задан именно кадием из Эндирея, поскольку со второй половины XVII в. это селение становится центром работорговли на Северном Кавказе [3, с. 125]. Суть заданного вопроса заключалась в следующем: если рабыня добровольно вступила в интимную связь со своим хозяином, который не знал о незаконности договора ее купли-продажи, то должен ли он выплатить ей *махр* (брачный дар)? Мухаммад-хаджи ал-Уради отвечал на это, что в таком случае интимная близость является запретной, однако хозяин не должен выплачивать *махр*, поскольку рабыня знала о запретности подобной связи и тем самым поставила себя в положение прелюбодейки.

Сборник фетв Мухаммада ал-Алиджи

На 7 листах (л. 9а–15б) следует еще одно собрание фетв, автором которого является крупный правовед и богослов рубежа XVIII–XIX вв., Мухаммад, сын Ибрахима ал-Алиджи⁹, известный как Чаляби. Он происходил из богословской семьи, в которой

7. Ныне в составе Хасавюртовского района РД.

8. Крупный аварский союз общин, ныне в составе Шамильского района РД

9. Нисба указывает на происхождение из селения Алич, которое ранее входило в состав Кубинского ханства, а ныне в одноименном районе Республики Азербайджан

получил начальное образование, и затем в поисках знаний путешествовал по мусульманским странам, где встречался с видными богословами. Основными учителями Мухаммада ал-Алиджи были его отец Ибрахим ал-Алиджи, муфтий Медины Мухаммад ал-Курди ал-Мадани и богослов из Дамаска Абд ал-Карим ад-Дагистани, который еще в детстве, из-за нашествия Надиршаха на Дагестан, переселился с семьей на Ближний Восток. В конце концов, Мухаммад ал-Алиджи осел на родине, где занимался преподавательской и научной деятельностью [4, с. 64–65]. Из его учеников известны два дагестанских богослова, один из них некий Муртазаали ал-Усиши, а второй – известный политический и религиозный деятель, суфийский шейх Мухаммад ал-Йараги. В нашем распоряжении имеется разрешение (*иджаза*) на вынесение фетв последнему, переданная ему Ибрахимом, сыном Мухаммада ал-Алиджи в 1239 г.х. (начался в 1823 г.).

Мухаммаду ал-Алиджи принадлежит ряд трудов, в том числе «*Тазкират ал-ихван*» («Напоминание братьям»), посвященный разъяснению терминологии из известнейшей книги по мусульманскому праву «*Тухфат ал-Мухтадж*»¹⁰, стал весьма популярным сочинением среди суннитов шафиитского мазхаба.

Свод фетв Мухаммада ал-Алиджи также был весьма популярен. В списках, как правило, он встречается в двух частях, но в исследуемой нами рукописи содержатся еще две части. В первой части автор отвечает на вопросы некоего «крупного ученого Дагестана», имя которого в списках не называется. Однако в списке, переписанном Закария ан-Нукуши (ум. в 1338/ 1919-20 г.), хранящемся в одной из частных коллекций Дагестана¹¹, указано что этим богословом был Мухаррам (Магарам) ал-Ахти. Мухаррам из селения Ахты – видный ученый и богослов XVIII в., был тестем и учителем вышеупомянутого Мухаммада ал-Йараги. Казикумухский правитель Сурхай-хан II переселил его, как крупного ученого-богослова, в селение Махмудкент¹², где он открыл медресе для преподавания естественных наук [4, с. 74].

В этой части свода содержатся двадцать три вопроса с ответами. Большая часть вопросов носит правовой характер, но в начале есть несколько вопросов, касающихся богословия. К примеру: «*по какой причине в ад попадут представители других религий, если они исповедуют свои религии, будучи убежденными в их истинности? Ведь если бы они знали об их ложности, то непременно отреклись бы от своих религиозных воззрений?*». Ал-Алиджи отвечает на это, что в ад они попадут из-за того, что не прилагали достаточных усилий для определения истины, а также потому что не покорились религии, с которой пришел пророк Мухаммад.

На вопрос о браках, заключаемых в Дагестане, когда участники брачной церемонии, не обладая даже элементарными знаниями об исламе, «*не могут определить разницу между своей религией и другими религиями, и если некоторых из них спросить являлся ли пророк Мухаммад неодушевленным предметом, живым существом или чем-то другим, то не смогут дать правильного ответа*», Ал-Алиджи со ссылкой на других правоведов отвечает, что, согласно шафиитскому и ханбалитскому мазхабам, браки, заключенные подобными людьми, не считаются действительными, но признаются таковыми по маликитскому и ханафитскому мазхабам. Он призывает дагестанцев в данном вопросе следовать этим двум мазхабам. Далее Мухаммад ал-Алиджи пишет, что обдумал этот вопрос и пришел к выводу, что подобные браки

10. Речь идет о популярном труде одного из самых авторитетных шафиитских правоведов Ибн Хаджара ал-Хайтами.

11. Рукопись хранится в частной коллекции Магомедова Махмуда в сел. Рахата Ботлихского района РД.

12. Ныне входит в состав Магарамкентского района РД.

дагестанцев действительно даже по мазхабу аш-Шафии, поскольку многие дагестанцы, чтобы прокормить себя и свои семьи, и зимой и летом вынуждены заниматься ежедневным трудом в условиях высокогорья или в труднодоступных ущельях. По этой причине у них нет возможности получать необходимые знания о религии, а, согласно мнению имама ан-Навави, если простой мусульманин не имеет возможности получить подобные знания из-за необходимости прокормить себя или свою семью, то с него снимается это религиозное предписание.

На вопрос, могут ли отдельные мусульмане приводить в исполнение строго оговоренные шариатом наказания (*хадд*) или же это прерогатива только правителя или его заместителей (назначенцев), Мухаммад ал-Алиджи отвечает, что другим мусульманам помимо шариатского правителя, запрещено приводить подобные наказания в исполнение. Но если кто-нибудь, к примеру, казнит другого за прелюбодеяние, то получит грех не за убийство, а за то, что превысил свои полномочия. На следующий вопрос о том, можно ли лишать содержания дагестанских женщин, оказывающих неповиновение мужьям, ал-Алиджи отвечает отрицательно. По его мнению, тот факт, что это стало повсеместным явлением, не позволяет лишать женщину ее прав.

Инициатором второй части свода фетв явился некий богослов Хаджи-Мухаммад из селения Кубачи. В нем приводится восемь вопросов, на которые ал-Алиджи дает свои ответы. Так, в одном из них спрашивается о подарках, которые, согласно обычаю, жених предоставляет стороне невесты¹³. Является ли дозволенным принимать такой дар и становится ли собственником этого имущества невеста, или им становится ее опекун (*вали*). При этом оговаривается, что в Дагестане этот обычай негласно носит обязательный характер, т.е. в случае отказа предоставить такой дар, брак не будет заключен. По мнению ал-Алиджи, если этот дар рассматривать как часть *махра* (брачного дара), который жених по шариату обязан предоставить невесте, то его собственником становится невеста. Если же оно таковым считаться не будет, и опекун без разрешения стороны жениха присвоит себе это имущество, то оно будет для него запретным, и он обязан вернуть его. Все это касается случая, когда жених предоставляет дар по требованию стороны невесты. Если же он предоставляет его добровольно, то следует определить, кому он направляет это имущество: опекуну или лично невесте и в соответствии с этим объявлять собственника подаренного имущества. Но если же жених какой-либо ясности по этому поводу не вносит, тогда его собственником будет опекун.

Третья часть свода представляет собой записи, по всей видимости, одного из учеников ал-Алиджи, в которых он приводит ответы своего учителя на различные вопросы. Некоторые фетвы представлены в виде вопроса и ответа, но большая часть в виде комментариев. При этом часть ответов представляет собой пояснения ал-Алиджи к предыдущим своим фетвам. Неизвестно, кто явился инициатором возникновения этих фетв, но в конце одного из ответов сказано, что «*это ответ Мухаммада ал-Алиджи на вопрос Шуайба ал-афанди ал-Гумуки*». Фетвы посвящены схожим темам, что и в предыдущих сводах, и касаются конкретных прецедентов, происходивших в Дагестане.

В одном из вопросов сообщается о случае, когда некто позвал группу людей помочь в строительстве дома. Когда в ходе работы часть из них находилась на крыше, а другая внутри, стойки дома, не выдержав, обрушились и погиб один из тех, кто находился в доме. Спрашивается, должен ли в этом случае кто-либо выплачивать компенсацию

13. Впоследствии имущество, передаваемое опекуну невесты, получило название калым.

по случаю его гибели. Ал-Алиджи отвечает, что в таком случае компенсация не положена, поскольку смерть произошла не по вине собравшихся. Находящиеся на крыше, не раскачивали ее, чтобы вызвать обрушение, не виноват и хозяин дома, поскольку погибший добровольно вошел в это место. В конце третьей части своего свода фетв, ал-Алиджи указывает, что написанное им является «вынесением фетв (*ифта'*) в качестве наставления (*иршад*)». Этим он обозначает, что фетвы были даны им не официально и не от лица кадия. Вынесение правовых заключений в виде наставления (*иршад*) широко применялось мусульманскими богословами, исходя из того, что богослов мог выносить фетву не на основе «официального» решения мазхаба, а на основе мнения того или иного авторитетного ученого.

В четвертой части свода фетв ал-Алиджи, самой маленькой по объему, представлены всего два вопроса. Они присланы от жителей селения Тарки¹⁴. В одном из них спрашивается о дозволенности совершать специальную молитву о прощении грехов за проявленную неосторожность при мочеиспускании. Известно, что пророк Мухаммад обращал особое внимание на необходимость воздерживаться от попадания капель мочи на тело или одежду. Он утверждал, что большинство могильных мучений в загробном мире будет именно за этот грех [5, с. 125]. В поздний период среди мусульман, а точнее суфиев, была придумана даже специальная молитва из двух ракатов (*салят ал-бавль*), совершив которую мусульманин избавлялся от грехов за проявленную в этом случае неосторожность. Мусульманские правоведы однозначно осуждали подобные молитвы, появившиеся в поздний период, и относили их к разряду порицаемых нововведений (*ал-бид'а ал-мазума*). Ал-Алиджи, указывая, что эта молитва не имеет под собой основания и по мнению правоведов относится к разряду выдуманных, при этом отмечает, что «*ученые тариката*» приводят ее в своих книгах. Она, по его мнению, является одним из отличительных признаков суфиев, и «*если кто-то не является суфием, то он должен придерживаться мнения правоведов*». Таким образом, ал-Алиджи пытается примириться с обеими сторонами. Будучи сам знатоком мусульманского права, он не мог не учитывать мнение правоведов, но в то же время, очевидно влияние на него суфизма, из-за чего он старается своей фетвой не обидеть суфиев.

Сборник фетв ас-Сиджини аш-Шафии

Следующее небольшое сочинение на двух страницах (л. 15б–16а) содержит 6 вопросов одного из дагестанских богословов, адресованных египетскому богослову шейху Абд ар-Рауфу ас-Сиджини аш-Шафии. Шейх ас-Сиджини – богослов и шафиитский правовед, долгое время был шейхом восточной галереи в мечети ал-Азхар. После смерти шейха ал-Азхара Мухаммада бин Салима ал-Хифнави в 1767 г. ас-Сиджини недолгое время занимал должность шейха ал-Азхара и умер в 1769 г. [6, с. 502]

Три из шести вопросов посвящены такой практике, как клятва разводом с женой (*тахлиф би-т-талак*). В целом, подобная клятва (присяга) широко применялась как в обязательственном, так и в уголовном праве народов Дагестана [7, с. 27]. Суть клятвы разводом заключается в том, что мусульманин приносил присягу о том, что если он что-либо совершил или совершит в будущем, то его жена получит развод. При нарушении данной клятвы по шариату развод считается вступившим в силу. Данная

14. Ныне входит в состав муниципального округа г. Махачкала.

практика была довольно популярной и весьма эффективной мерой сдерживания, которую часто использовали в правовой культуре не только в Дагестане, но и у других народов Северного Кавказа. Как пишет А.И. Ладыженский: «У магометанских народов Кавказа, в том числе и кабардинцев, клятва была двоякого рода – именем бога по шариату над Кораном «Валлаги, биллаги, таллаги», и так называемая «хатунталлах» или «кебин-таллах», имевшая значение поручительства в верности произносимых слов: в случае лжеприсяги виновный должен был развестись с женой. Если у человека, произносимого присягу, имелось несколько жен, он должен был указать, с какой именно из них он разведется в случае, если присяга окажется ложною» [8, с. 112].

Ас-Сиджини пишет, что в случае нарушения супругом своей присяги, развод, данный им жене, незамедлительно вступает в силу.

Сборник фетв Хадиса ал-Мачади

Вслед за этим сочинением следуют (л. 186–216) ответы известного дагестанского богослова и правоведа Хадиса ал-Мачади, данные на все те же вопросы Титалава ал-Карати. Как нам представляется, последний не адресовал их ал-Мачади, который решил дать свои ответы на вопросы, имевшие широкое хождение среди дагестанской интеллектуальной элиты и не терявшие своей актуальности. Так, отвечая на вопрос: считать ли при выплате закята с посевных озимую пшеницу и рожь¹⁵ одним видом. Хадис, со ссылкой на авторитетного шафиитского правоведа Ибн Хаджара ал-Хайтами, пишет, что две культуры могут считаться одним видом, если они одинаковы по форме, цвету, природе и вкусу, или, по крайней мере, должны совпасть три из четырех упомянутых свойств. Далее ал-Мачади приводит мнение другого дагестанского правоведа, Тайиба ал-Харахи, о том, что рожь у аварцев не считается одним видом с пшеницей, следовательно, закят с них следует выплачивать по отдельности. Ал-Мачади также объясняет молчание крупного дагестанского богослова рубежа XVII–XVIII вв. Мухаммада ал-Кудуки по данному вопросу: «Возможно, он промолчал, чтобы бедняки из-за его фетвы не лишились своей доли с закята. Я слышал, что когда тлярятинцы спросили его о том, следует ли приравнять рожь к пшенице, он задал встречный вопрос: «А чем тогда будут питаться ваши бедняки?!» Он не вынес прямой фетвы ни о том, что нужно приравнять, ни о том, что не нужно этого делать» (л. 21а).

Далее ал-Мачади продолжает: «Когда Мухаммад ал-Хуури¹⁶ задал об этом вопрос муфтию ал-Халляби аш-Шафии и показал ему и присутствующим на собрании эту рожь, а те попробовали ее на вкус, то его ответ был следующим: «Мы не считаем его ни сортом пшеницы, ни сортом ячменя. Поэтому не следует приравнивать его к пшенице для достижения нисаба¹⁷...». В конце фетвы Хадис заключает, что даже если эти культуры не приравнивать друг к другу, то «не лучше ли нам, о ученые, не препятствовать простым людям считать их одним видом и выплачивать с них один закят, до тех пор пока они сами не обратятся к нам за фетвой по этому вопросу? Ведь тогда люди, имеющие достаток, получают воздаяние за то, что выплатили больше закята нуждающимся».

15. В тексте: «укуб» (огоб), переводе с аварского языка означает «рожь». См.: [9, с. 144, 146].

16. Из сел. Гоор, ныне в Шамильском районе РД.

17. Нисаб – это минимальный уровень имущества, после достижения которого следует выплата закята.

Сборник фетв Мухаммада ал-Хифнави

Далее в исследуемой рукописи содержится один из самых популярных в Дагестане сводов фетв (л. 22а–24б; 27а–28а), принадлежащий перу египетского богослова и шейх ал-Азхара ал-Хифнави (ум. в 1767 г.). Мухаммад бин Салим ал-Хифнави (ал-Хифни) – крупный богослов и правовед, потомок пророка Мухаммада через его внука Хусейна, шейх халватийского тариката. В 1757 г. он занял пост шейха ал-Азхара. Он – автор ряда сочинений по различным отраслям мусульманских наук. Свод фетв ал-Хифнави представляет собой ответы на вопросы нескольких дагестанских богословов. Он состоит из трех частей, что, очевидно, обусловлено тем, что каждое из них было составлено в разное время и инициаторами их составления были разные люди.

В первой части свода приводится пятьдесят вопросов, на которые ал-Хифнави дает весьма краткие ответы, иногда в одно предложение. Неизвестно кто именно стал инициатором этой части фетв, ал-Хифнави лишь сообщает что «один из достопочтенных лиц из Дагестана попросил меня ответить на эти прекрасные вопросы». Вопросы, поднимаемые в этой части свода, касаются самых разных сторон жизни и носят общий характер. Особое внимание здесь уделено разбору взаимоотношений дагестанцев с иноверцами. Так, первый вопрос был связан с условиями получения по сложившейся традиции платы с иноверцев, с которыми дагестанцы заключили мирный договор, не соответствующий всем условиям шариата. Как нам представляется, одним из подобных договоров было заключенное в 1718 г. соглашение между предводителями джаро-белоканских союзов и кахетинской знатью [10, с. 148–158]. Ал-Хифнави отвечает, что эта плата относится к категории *фай'*, т.е. имуществу, которое мусульмане получают с иноверцев мирным путем. Такое имущество, по его мнению, следует, как и военную добычу (*ганима*), делить на пять частей. А на вопрос о том, разрешено ли мусульманам брать вознаграждение с правителя иноверца за участие в их войске, либо просто в качестве дара, в знак уважения, либо за помощь в сборе ополчения, ал-Хифнави уточняет, что, если это происходит во вред мусульманам, тогда это запрещено. Если же участие в подобном войске направлено против других иноверцев, то это дозволено.

Интересны также ответы ал-Хифнави о легитимности дагестанских адатов. Он отказывается объявлять неверными тех дагестанцев, кто использует адатные нормы в судопроизводстве, однако, по его мнению, они являются грешниками. По его мнению, духовным лицам запрещено работать кадиями в тех селениях, жители которых следуют нормам адата. Штрафы, установленные старшинами общин за те или иные преступления, ал-Хифнави также называет незаконными и призывает обратиться к нормам шариата в этих вопросах.

На вопрос о том, дозволено ли курить или нюхать табак, ал-Хифнави отвечает утвердительно. По его словам, нет ни одного доказательства из шариата о запретности этого. Употребление табака может быть лишь нежелательным делом, т.к. его запах может вредить ангелам, по аналогии с запахом от чеснока или лука. Более того, мнение о запретности табака, о чем заявила группа мусульманских правоведов, на его взгляд, является необоснованным. Он также пишет, что супруг даже обязан обеспечить свою супругу табаком, если она привыкла его употреблять и потребует этого. Ал-Хифнави позволяет шафиитам употреблять алкогольные напитки, за исключением вина, последовав за мнением Абу Ханифы. При этом разрешается пить только такое количество, которое по факту не может вызвать опьянение. Более того, он даже разрешает

употреблять в любых количествах твердые наркотические вещества, такие как опиум или гашиш. Однако, по его словам, следует скрывать это от простых мусульман, чтобы они не начали злоупотреблять.

Во второй части свода приводятся десять вопросов с ответами ал-Хифнави¹⁸. Ее инициатором выступил некий дагестанский богослов по имени хаджи Мухаммад, сын Исмаила. Большинство вопросов этой части касаются брака, совершения развода, наследства, хозяйственно-экономической жизни общины. К примеру, в одном из вопросов спрашивается, обязаны ли мужья оплачивать труд дагестанских женщин, которые выполняют по дому разную работу: шьют одежду, убирают урожай, носят воду. При этом отмечается, что они выполняют эти работы даже без требования своих мужей. Ал-Хифнави отвечает, что мужья не обязаны оплачивать их труд, поскольку заранее не было оговорено, что их работа будет оплачиваться. Он отмечает, что труд женщин не обязан оплачиваться мужьями, даже если первые выполняли работу по указанию мужей. При этом он оговаривает, что все это касается совершеннолетних и благообразных женщин. В ином случае, муж обязан оплачивать ее труд, даже если плата не была оговорена. В конце фетвы ал-Хифнави отдельным пунктом напоминает о том, что женщины в принципе не обязаны вести хозяйственные дела: *«Знай, что запрещено мужьям использовать в качестве прислуг своих жен, даже в таких делах как приготовление теста, выпечка хлеба или уборка. Напротив, мужья обязаны предоставить им в готовом виде все то, в чем они нуждаются»*.

Третья часть свода состоит из ответов ал-Хифнави на вопросы еще одного дагестанского богослова – ал-Хаджи Мухаммада (Тинамухаммада) ан-Нукуши (ум. в 1755 г.). Мухаммад-младший (*сагир*) ан-Нукуши изучал исламские науки, в первую очередь, у своего отца Хаджи Мухаммада (Тинамухаммада) старшего, затем отправился в поисках знаний в мусульманские области, где встретился с видными богословами, в том числе и с ал-Хифнави [11, с. 80–82]. В Каире ан-Нукуши стал учеником ал-Хифнави и в 1162 г.х. (начался с 21.12.1748 г.) находясь в популярном для дагестанцев месте, – возле могилы эпонима шафиитского мазхаба имама аш-Шафии, – составил вопросы для своего учителя. На тот момент ал-Хифнави еще не был шейхом ал-Азхара, он стал им только после смерти ан-Нукуши.

В этой части свода приводятся семь вопросов, относящихся к самым разным сторонам жизни горцев. В одном из вопросов ан-Нукуши спрашивает (л. 27а): *«Каково решение относительно неверных Курджистана (Грузии)? Они находятся по соседству с нами, у них есть город под названием Тифлис. Мы слышали, что первый, кто завоевал этот город, был Усман бин Аффан¹⁹, да будет доволен им Аллах. Но затем неверные вновь отвоевали его. После этого город еще несколько раз был завоеван мусульманами: один раз его завоевали османы (ахл ар-Рум), другой раз персы, а в третий раз жители нашего края. В большинстве случаев эти нечестивые неверные заключают мир с тем, в чьих руках этот город, будь он у султана османов или персов. В таком положении, если они наткнутся на нас или на наше имущество, то не преминут позариться на него. Также многие из них живут на землях, которые мы [когда-то] завоевали. Обязаны ли мы в подобном положении оставить их в покое? И есть ли разница в том, с кем они заключили мирный договор: с султаном османов или персов?»*.

18. Существуют списки, в которых количество фетв из этой части свода фетв л-Хифнави, достигает 18. Один из списков хранится в библиотеке Муфтията РД, другой в частной коллекции в сел. Хвартикуни РД.

19. Усман б. Аффан ал-Курайши (ум. 656 г.) – один из ближайших сподвижников пророка Мухаммада, третий праведный халиф.

Ал-Хифнави отвечает на это, что в данном вопросе важно определить, как именно была завоевана эта страна: военной силой или через мирный договор. Если она повторно была завоевана мусульманами, то, по его мнению, к ней применимо то решение, которое было установлено при первом завоевании. Если они заключат мирный договор с мусульманами, то следует соблюдать его, пока он не будет нарушен. И нет разницы, кто представлял мусульман в этом договоре: султан османов или персов. При этом ал-Хифнави отмечает, что это касается лишь тех неверных, на которых распространяется мирный договор.

Сборник фетв Мухаммада ал-Аймаки

В заключительной части исследуемой рукописи содержится (л. 29б–34б) свод фетв дагестанского богослова Мухаммада, сына Мухаммадмирзы из селения Аймаки. Мухаммад ал-Аймаки был видным ученым конца XVIII – начала XIX в., который переселился из своего родного селения в Верхний Дженгутай и получил соответствующую нисбу. Он автор ряда сочинений, известны также его поэтические произведения. Из-за разлада, произошедшего между ними и шамхалом Махди Тарковским, он был арестован и заключен в Кизлярскую крепость, где он умер 21 июня 1820 г. и был похоронен на берегу Терека.

Свод фетв ал-Аймаки известен под двумя названиями, данными автором. Первое – «*Фатх ал-Муджиб би тавзих маса'ил ал-Хабиб*» («Внушение от Отвечающего на мольбы в помощь ответам на вопросы от друга»), а второе – «*Базл ал-фатва фи ма 'аммат бихи ал-балва*» («Вынесение фетв по общенасущным проблемам»). Это единственное произведение в исследуемой рукописи, имеющее свое название. Данное сочинение многими авторами, начиная от ад-Дургели и заканчивая современными исследователями [4, с. 57; 12], ошибочно приписывается другому богослову из селения Аймаки – Абу Бакру. Также ошибочно приписывается Абу Бакру и другое сочинение Мухаммада ал-Аймаки «*аз-Заджир 'ан мувалят ал-фаджир*» («Предостережение от дружбы с нечестивцами») [13]. Свод фетв Мухаммада ал-Аймаки представляет собой ответы на вопросы одного из дагестанских ученых, имя которого не упоминается. В сочинении представлено 42 фетвы по самым разным вопросам, волновавшим умы дагестанцев того времени.

Один из вопросов касается очистительной присяги. В нем говорится, что жители некоего города имеют обычай, когда, к примеру, будет украдена лошадь, то с подозреваемого требуют принести клятву вместе с несколькими другими лицами, заслуживающими доверие, о том, что он не крал ее. Если они принесут клятву, тогда обвинение с него по адату снимается. Спрашивается, есть ли основание для подобной очистительной присяги в шариате. Мухаммад ал-Аймаки отвечает, что для нее нет обоснования в шафиитском мазхабе, и что никто из крупных ученых не заявлял о дозволенности этого. Однако, ал-Аймаки при этом дополняет, что по шариату дозволяется принести клятву о совершении или несомнении кем-либо какого-либо действия. Или же принести клятву о том, что ему не ведомо это, если действие не было установлено перед ним. Далее он приводит слова шафиитского правоведа ал-Булкини о том, что дозволено приносить подобную присягу при наличии твердого предположения (*занн ал-муккад*). Как пишет ал-Аймаки, именно на основе его заключений некоторые дагестанские богословы обосновывали дозволенность очистительной присяги.

Заключение

Как следует из вышеизложенного, выявленная рукопись из книжной коллекции Багужалава ал-Мачади, содержит целый ряд интересных сочинений, по которым в определенной степени можно проследить развитие правовой культуры Дагестана в XVII–XIX вв. Она также является ценным источником по истории быта, экономического и социально-политического развития дагестанского общества в указанный период. Палитра рассматриваемых в богословском дискурсе вопросов и ответов чрезвычайно разнообразна и касается самых разных сторон жизни и быта. На наш взгляд, дагестанские богословы, обращаясь к более авторитетным своим соотечественникам, а также к ученым Ближнего Востока, стремились легитимировать адатные нормы через шариатские тексты. Об этом, к примеру, свидетельствует то обстоятельство, что автор последнего свода фетв из исследуемой рукописи, Мухаммад ал-Аймаки, не высказывает своего однозначного мнения по рассматриваемому вопросу, указывая на расхождение мнений шафиитских правоведов.

Вместе с тем, обращаясь к ученым Ближнего Востока, дагестанские богословы стремились использовать и негласный приоритет в пользу их мнения, существовавший в мусульманском мире. Кроме того, представленный материал наглядно показывает, насколько тесно Дагестан был включен в единое правовое поле арабомусульманского мира.

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 22-18-00295 «Электронная библиотека арабографичных рукописей из архивных, библиотечных, музейных и частных собраний России».

Acknowledgments. The publication was funded by RSCF, project No. 22-18-00295 «E-Library of Arabic, Persian and Turkish Manuscripts from archival, library, museum and private collections of Russia».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мусаев М.А. Взгляд на «лекианоба» в контексте изучения правовых заключений дагестанских ученых-богословов XVIII в // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 10-14. С. 3223-3228. EDN RQRYWX.
2. Хапизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г. Ибрахим-хаджи из Урады (1701-1770) и его эпоха: очерки истории и жизни. Махачкала, 2021. - 552 с.: илл.
3. Иноземцева Е.И. Институт рабства в феодальном Дагестане. Махачкала, 2014.
4. Назир ад-Дургели. Усилада умов в биографиях дагестанских ученых. Нузхат ал-'азхан фи тараджим 'улама' Дагистан / пер. с араб., коммент., факс. изд., указ. и библиогр. подгот. А.Р.Шихсаидовым, М. Кемпером, А.К. Бустановым. М.: Издательский Изд. дом Марджани, 2012. 432 с.
5. Ибн Маджа ал-Казвини. «Сунан». Т. 1. Дар ал-Ихья ал-кутуб ал-араби. Каир. 1952. (на араб. яз.)
6. Абдурахман ал-Джабарти. Аджаиб аль-асар фи-т-тараджим ва-ль-ахбар, Т. 1–4, Булак, 1879–1880. (на араб. яз.)

REFERENCES

1. Musaev MA. A look at the “lekianoba” in an in-depth study of the legal agreements of the Dagestani theologians of the 18th century. *Fundamental research*. 2013, 10-14: 3223-3228. – EDN RQRYWX. (In Russ.)
11. Khapizov ShM., Shekhamagomedov MG. *Ibrahim-hadji from Urada (1701-1770) and his era: studies on history and life*. Makhachkala, 2021. (In Russ.)
3. Inozemtseva EI. *The institution of slavery in feudal Dagestan*. Makhachkala, 2014. (In Russ.)
4. Nazir ad-Durgeli. *A journey of the minds through the biographies of the Islamic Scholars of Dagestan (Nuzhat al-'azkhan fi tarajim 'ulama' Dagistan)*. Transl. from Arabic, comments, facsimile, indices, bibliography by A.R. Shikhsaidov, M. Kemper, A.K. Bustanov. Moscow: Marjani Publ., 2012. (In Russ.)
5. Ibn Maja al-Qazvini. *Sunan*. Vol. 1. Dar al-Ihya al-kutub al-arabi. Cairo, 1952. (In Arabic.)
6. Abdurrahman al-Jabarti. *Adjaib al-asar fi-t-tarajim wa-l-akhbar*. Vol. 1-4. Bulak, 1879-1880. (In Arabic.)

7. *Абдулмажидов Р.С.* Институт соприязничества в Дагестане // Вестник Дагестанского научного центра. 2016. № 60. С. 26–37.

8. *Ладъженский А.М.* Адаты кавказских горцев. Ростов на Дону., 2003.

9. *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.

10. *Абдулмажидов Р.С., Хапизов Ш.М.* Взаимоотношения Джарской республики и Кахетинского царства в конце XVII – первой четверти XVIII вв. // Вопросы истории. 2018. № 6. С. 148-158.

11. *Хапизов Ш.М., Абдулмажидов Р.С.* Сельская община Нукуш в XII–XX вв. (Историко-документальное исследование). Махачкала, 2021. – 264 с.: илл.

12. *Гизбулаев М.А.* К вопросу о развитии мусульманской правовой культуры в Дагестане: «Базл ал-фатави» (Подарок разъяснений) Абубакара-хаджи из Аймаки / *М.А. Гизбулаев* // Дагестанский востоковедческий сборник. Махачкала, 2008. С. 19–26.

13. *Гизбулаев М.А.* Аз-Заджир ‘ан мувалат ал-куффар: как источник по истории развития мусульманского международного права в Дагестане XVIII в. // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 708.

7. *Abdulmazhidov RS.* Institute of Compurgation in Dagestan. *Bulletin of the Dagestan Scientific Center.* 2016, 60: 27-37. (In Russ.)

8. *Ladyzhensky AM.* Adats of the Caucasian mountaineers. Rostov-on-Don, 2003, p. 112.

9. *Shikhsaidov AR, Aitberov TM, Orazayev GM-R.* *Dagestan historical works.* Moscow, 1993. (In Russ.)

10. *Abdulmajidov RS, Khapizov ShM.* Relations between the Jar Republic and the Kakheta Kingdom at the end of the 17th – the first quarter of the 18th centuries. *Questions of history.* 2018, 6: 148-158. (In Russ.)

11. *Khapizov ShM., Abdulmazhidov RS.* *The rural community of Nukush in the 12th – 20th centuries (Historical and documentary research).* Makhachkala, 2021. (In Russ.)

12. *Gizbulaev MA.* On the issue of the emergence of Muslim legal tradition in Dagestan: “Bazl al-fatawi” (Gift of clarification) by Abubakar-haji from Aimaki. *Dagestan Oriental Collection.* Makhachkala, 2008: 19-26. (In Russ.)

13. *Gizbulaev MA.* Az-Zajir ‘an muvalat al-kuffar: as a source on the history of the development of Muslim international law in Dagestan in the 18th century. *Modern problems of science and education.* 2014, 5: 708. (In Russ.)

Поступила в редакцию 27.10.2022

Принята в печать 28.11.2022

Опубликована 25.12.2022

Received 27.10.2022

Accepted 28.11.2022

Published 25.12.2022

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH184899-907>

Исследовательская статья

Татьяна Александровна Аникеева
к.филол.н., с.н.с., зав. Центром исламских рукописей
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
tatiana.anikeeva@gmail.com

Илона Алексеевна Чмилевская
лаборант-исследователь Центра исламских рукописей
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ilonach1905@mail.ru

ТЮРКСКИЕ РУКОПИСИ ИЗ ЧАСТНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ СЕЛЕНИЯ АЛХАДЖИКЕНТ (КАЯКЕНТСКИЙ РАЙОН, РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН)

Аннотация. В рамках исследований по гранту РФФ №. 22-18-00295 «Электронная библиотека арабграфических рукописей из архивных, библиотечных, музейных и частных собраний России» летом 2022 г. была проведена археографическая экспедиция в Каякентский, Ахтынский и Сулейман-Стальский районы Республики Дагестан с целью выявления частных и мечетных коллекций рукописей и книг для последующего описания и оцифровки. В Каякентском районе РД были обнаружены две частные коллекции: К.М. Камалова и Ш.Ю. Магомедова, которые включают в себя около сорока томов рукописей и старопечатных книг, а также рукописные документы: актовые записи, письма, оформление юридических сделок и др. Обе коллекции имеют общее происхождение и представляют собой осколки собраний, принадлежавших местным религиозным деятелям: последнему дореволюционному кади селения Алхаджикент, кади-Агаю и его родственникам Абузару-кади, местному алиму первой половины XIX в., Абдул Вахабу шейху и Шейху-Мирзе. Часть коллекции Магомедова Ш.Ю. была утрачена в 1980-е гг. Наполнение собраний, в основном, представлено сочинениями на арабском языке в областях грамматики и стилистики арабского языка, мусульманского права, догматики, оккультных наук. Коллекция Ш.Ю. Магомедова, ввиду утери ее части, охватывает период с 1747–1748 г. по первую треть XIX в., в то время как в собрании Камалова К.М. встречаются более ранние экземпляры рукописей, которые по палеографическим характеристикам можно отнести к середине XVII в. Наше внимание привлекли немногочисленные рукописи на тюркских языках.

Ключевые слова: частные рукописные коллекции; Дагестан; книжная культура; рукописи на тюркских языках.

Для цитирования: Аникеева Т.А., Чмилевская И.А. Тюркские рукописи из частных коллекций селения Алхаджикент (Каякентский район, Республика Дагестан) // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 899-907. doi: 10.32653/CH184899-907

© Аникеева Т.А., Чмилевская И.А., 2022

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH184899-907>

Research paper

Tatiana A. Anikeeva,
Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Head of the Center of Islamic Manuscripts,
Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia
tatiana.anikeeva@gmail.com

Ilona A. Chmylevskaya,
Laboratory assistant-researcher, Center of Islamic Manuscripts,
Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia
ilonach1905@mail.ru

TURKIC MANUSCRIPTS FROM THE PRIVATE COLLECTIONS OF ALHADJIKENT (THE KAYAKENT DISTRICT, DAGESTAN)

Abstract. As part of the research project of the RSCF No. 22-18-00295 “Electronic library of Arabographic manuscripts from archival, library, museum and private collections of Russia”, the authors conducted an archeographic expedition in the summer of 2022 to the Kayakent, Akhtynsky and Suleiman-Stalsky districts of the Republic of Dagestan with the aim to identify private and mosque collections of manuscripts and books for their subsequent description and digitization. Two private collections, belonging to K.M. Kamalov and Sh.Yu. Magomedov, were identified in the Kayakent district of Dagestan. They comprise around forty volumes of manuscripts and early printed books, as well as handwritten documents: assembly records, letters, registration of legal transactions, etc. Both collections have a common origin and are fragments of collections belonging to local religious figures: the last pre-revolutionary qadi of the village of Alhajikent, Qadi-Agay and his relatives Abuzar-qadi, local alim of the first half of the 19th century, Abdul Wahab Sheikh and Sheikh Mirza. The part of the collection of Sh.Yu. Magomedov was lost in the 1980s. The content of the collections is mainly represented by works in Arabic in the fields of grammar and stylistics of the Arabic language, Muslim law, dogmatics, occult sciences. Due to the loss of its part, the Sh.Yu. Magomedov’s collection covers the period between 1747-1748 to the first third of the 19th century, while in the collection of Kamalov K.M. there are earlier copies of manuscripts, which, according to paleographic characteristics, can be attributed to the middle of the 17th century. Our paper focuses on the few manuscripts in the Turkic languages, identified in the collections.

Keywords: private manuscript collections; Dagestan; book culture; manuscripts in Turkic languages.

For citation: Anikeeva T.A., Chmylevskaya I.A. Turkic manuscripts from the private collections of Alhadjikent (The Kayakent District, Dagestan). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2022. Vol. 18. N. 4. P. 899-907. doi: 10.32653/CH184899-907

В рамках исследований по гранту РФФИ № 22-18-00295 «Электронная библиотека арабскографических рукописей из архивных, библиотечных, музейных и частных собраний России» летом 2022 г. была проведена экспедиция в Каякентский, Ахтынский и Сулейман-Стальский районы Республики Дагестан с целью выявления частных и мечетных коллекций рукописей и книг для последующего их описания и оцифровки.

В селении Алхаджикент Каякентского района РД были обнаружены, полностью оцифрованы и описаны две частные коллекции, в которых содержится общей численностью более сорока рукописей, литографий и старопечатных книг, а также множество документов. В ходе проведенных исследований – атрибуции и анализа рукописей, интервьюирования владельцев коллекций и проч., нам удалось выяснить историю формирования изучаемых коллекций, изучить их состав, определить жанровое разнообразие и хронологические периоды, а также выявить несколько тюркских рукописей, которые, несмотря на свое небольшое количество, позволяют сделать ряд общих выводов о влиянии тюркской культуры и языка на исследуемый регион.

К истории коллекций

Сейчас рукописи и книги хранятся у двух жителей селения Алхаджикент: Камалутдина Магомедовича Камалова (1960 г.р.), кандидата исторических наук, директора Каранайаульской СОШ, краеведа, глубоко увлеченного историей родного селения и района¹, и Шейха Юсуповича Магомедова (1958 г.р.), имама алхаджикентской мечети. Несмотря на то, что рукописи находятся у разных людей, история их происхождения связана с одними и теми же персоналиями.

Фрагменты коллекции Ш.Ю. Магомедова могли принадлежать нескольким видным религиозным деятелям селения. Часть книг была собрана его отцом Юсупом (1907 г.р.), который получил религиозное образование в аварском селении Согратль (Гунибский район РД), владел арабским языком и служил муллой в Алхаджикенте. Юсуп, по причине ранней кончины своего отца, стал воспитанником известного алхаджикентского *кади* и *алима* кади-Агая. В культурной памяти жителей селения сохранились воспоминания о высоком авторитете Агая – его сравнивают со знаменитым *кади* Али Хаджи ал-Акуши (кон. XVIII – 1858 г.)². Вероятно, *кади* Агай завещал некоторые рукописи своему ученику Юсупу, а он впоследствии передал их сыну Ш.Ю. Магомедову.

Также часть книг могла перейти к нынешнему обладателю по линии Абузара-кади, местного *алима* первой половины XIX в., и религиозных деятелей Абдул Вахаба шейха (сын *кади* Агая) и Шейха-Мирзы, не получивших широкой известности в регионе. Все они были связаны родственными узами между собой, а также с Ш.Ю. Магомедовым по линии его матери. Многие документы, владельческие печати и письма подтверждают факт их владения книгами.

В 80-е гг. XX в. часть коллекции Магомедова была утеряна. По свидетельствам жителей селения, ее вывез Салав Магомедсалихович Алиев, преподаватель кумыкского языка в Дагестанском государственном университете. Пообещав доставить книги для изучения в ДГУ, он, вероятно, присвоил их, поскольку в книгохранилище университета нет книг, привезенных из сел. Алхаджикент. Можно

1. Среди его публикаций работа по истории Каякентского района и сел. Алхаджикент: [1].

2. Из интервью с К.М. Камалутдиновым (материалы экспедиции, август 2022).

предположить, что он забрал наиболее ранние экземпляры, поскольку в коллекции остались в основном рукописи и книги XIX – первой половины XX в.

Формирование коллекции К.М. Камалутдинова также связано с упомянутыми выше религиозными деятелями: Абузаром-кади, с которым он был связан по отцовской линии, а также с кади Агаем и Абдул Вахабом шейхом. Учитывая факт многочисленных родственных связей внутри селения, можно предположить, что раскол коллекций стал следствием того, что многие рукописи были переданы потомкам ученых. Также, вероятно, помимо изученных материалов, часть коллекций находится у других жителей селения и не была нам показана в рамках летней экспедиции 2022 г.

Содержание коллекций

Всего в коллекции К.М. Камалова девятнадцать единиц хранения – рукописей и литографий. При описании каждое сочинение из составных рукописей рассматривалось отдельно. Таким образом, нами было описано двадцать семь сочинений. Рукописи охватывают временной промежуток со второй половины XVII в. по первое десятилетие XX в. Большинство из них (пятнадцать из шестнадцати) арабоязычные. Все рукописи переписаны в Дагестане местными копиистами. Наиболее часто в коллекции Камалова встречаются манускрипты XVIII – середины XIX вв., что легко можно объяснить тем, что именно в этот период жили упомянутые выше собиратели коллекций, осколки которых осели у сегодняшнего владельца. Самая ранняя рукопись по палеографическим данным (бумаге и почерку) датируется 1660–1680 гг. и представляет собой сочинение *Халл ал-Иджаз* по мусульманскому праву дагестанского ученого-алима Джамал ад-Дина ‘Али б. Мухаммада ал-Багдади ат-Таргули ад-Дагистани. Наиболее поздняя рукопись переписана на российской бумаге со штемпелем и филигранью «Товарищество Г» в 1910–1911 г. и является сочинением известного ближневосточного алима, представителя шафитской правовой школы, Абу Йахьи Закарийи б. Мухаммада б. Ахмада б. Закарийи ал-Ансари (1420–1520) в области *таджвида*.

Что касается жанрового своеобразия коллекции, стоит заметить, что наибольшее число рукописей (девять сочинений, т.е. примерно половина коллекции) посвящено мусульманскому праву (араб. *ал-фикх*) и его теории (араб. *усул ал-фикх*), что неудивительно, учитывая род деятельности собирателей коллекции. Также четыре раза нам встретились рукописи по кораническим наукам, в частности *таджвиду*, трижды *тафсир* и два сочинения, отнесенные нами к тематике «классификация наук». Наиболее редко встречаются сочинения, связанные с грамматикой и стилистикой арабского языка (по одной каждого жанра), а также *хадисам* (также одна рукопись). В коллекции представлен один Коран, датируемый 1287 г.х. (2.04.1870–21.03.1871 г.), содержащий акты записи и фиксации исторических событий – *таварих*. Также присутствует одно позднее поэтическое сочинение «Манзума» (датируется началом XX в.)

В коллекции имеется три литографии, две из которых изданы в 1910 и одна в 1914 г. в Исламской типографии Мухаммада-Мирзы Мавраева в Темир-Хан-Шуре (ныне г. Буйнакск РД) на арабском и кумыкском языках. Причины сосуществования старопечатных книг, литографий и рукописей в коллекциях дагестанских алимов ярко

описаны дагестанским исследователем-исламоведом, специалистом в области исламских рукописей, Ш.Ш. Шихалиевым³.

Общее число единиц хранения во второй изученной коллекции, Ш.Ю. Магомедова, равно двадцати, описано тридцать одно сочинение. Как уже отмечалось, ввиду утери части коллекции, оставшиеся рукописи в основном датируются концом XVIII–XIX в. Однако присутствует и несколько ранних манускриптов, по каким-то причинам убереженных от вывоза. Это сочинение по мусульманскому праву *Рисала фи-л-фикх* неизвестного автора, переписанное на европейской бумаге с вержерами, понтюзо и водяными знаками, по палеографическим характеристикам, датируемое 1740–1750 гг. Также среди ранних относительно остального собрания рукописей стоит отметить сочинение по толкованию сновидений авторства Абу Бакра Мухаммада б. Сирина ал-Басри (653–729), переписанное на дагестанской кустарной бумаге в 1160 г.х. (1747–1748).

Как и в первой коллекции, большая часть рукописей здесь переписана на арабском языке (кроме двух на тюркских языках) в Дагестане местными переписчиками. Тем не менее, есть существенное отличие между двумя коллекциями – оно связано с жанровым своеобразием. Если в первом собрании многие сочинения были посвящены мусульманскому праву, то во второй коллекции прослеживается явный перевес в сторону грамматических трактатов. Грамматика и стилистика арабского языка представлены в десяти сочинениях различных, преимущественно, ближневосточных авторов. Шесть сочинений посвящены мусульманскому праву. Стоит заметить, что они весьма стандартны, и лишь редкая коллекция рукописей обходится без них в силу высокого авторитета их авторов для шафиитской правовой школы⁴: *Канз ар-рагибин шарх Минхадж ат-талибин* (встречается дважды) Джалал ад-Дина Мухаммада б. Ахмада ал-Махалли (1389–1460) и *Тухфат ал-мухтадж шарх ал-минхадж* (также дважды) Шихаб ад-Дина Ахмада б. Мухаммада Ибн Хаджара ал-Хайтами (1503–1566) и несколько сборных сочинений неизвестного авторства.

Остальные сочинения можно отнести к довольно разнообразным жанрам, например, два из них посвящены оккультным наукам и магии букв и чисел: *Шамс ал-ма'риф ва лата'иф ал-авариф*, содержащий заклинания по вызову духов и джиннов за авторством египетского суфийского шейха Абу-л-'Аббаса Ахмада б. 'Али б. Йусуфа ал-Буни ал-Малики (ум. 1222) [подробнее об оккультных текстах 3, с. 223–249]. Второе сочинение этого жанра сборное и его автор неизвестен (переписано в 1880–1890 гг.). Также нам встретились в единственном экземпляре сочинения по медицине, догматике, хадисам, поэзии, толкованию сновидений. Примечательно, что мы не встретили в этом собрании ни одного Корана несмотря на то, что ее хранитель служит имамом в мечети и довольно религиозен. Можно предположить, что он счел Коран слишком личным и не захотел предоставлять его для изучения, что довольно часто встречается при полевых исследованиях.

В коллекции Ш.Ю. Магомедова также есть печатные материалы – старопечатная книга по мусульманскому праву в трех частях *Тухфат ал-мухтадж шарх ал-минхадж* ал-Хайтами, изданная в Египте в 1880–1890 гг. и учебник арабского языка *Ад-Дурус аш-шифахиййа* Ахмада Хади Максуди (1868–28.06.1941), изданный в казанской типографии в 1912 г. Помимо этого, неохваченными остались многочисленные письма и документы на арабском языке, которые были вложены в тома рукописей.

3. Шихалиев Ш.Ш. Цикл лекций в рамках магистерской программы «Мусульманские миры в России: история и культура» НИУ ВШЭ. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xTyOpF13doM&t=10s> (дата обращения: 23.09.2022)

4. См. подробнее [2, с. 80–133].

Стоит заметить, что некоторые из них несут в себе немаловажные для истории макрорегиона сведения, но не имеют прямого отношения к тюркоязычной составляющей коллекции, поэтому будут рассмотрены в другой статье.

Тюркские рукописи и книги в составе коллекций

Наше внимание привлекли немногочисленные рукописи и книги на тюркских языках. Одна из них, из коллекции Шейха Магомедова (озаглавлена *سوماق*), представляет собой толковый словарь-справочник лекарственных средств, различных растений (таких, как *джадвар* – *curcuma zedoaria*, *бадрудж* – горный базилик, *афсинтин* – полынь, *исфидадж* – белила и мн. др.), плодов, минералов и животных, чьи названия приведены частично на арабском, персидском, греческом языках (в арабской графике; разделы (*баб*) следуют арабскому алфавиту). Рукопись переписана в 1880–1890 гг. в Дагестане, имя переписчика отсутствует. Формат рукописи: 17,5×22; бумага российская фабричная со штемпелем; черные и красные чернила (названия разделов также выделены красными чернилами), почерк *наسخ* (рис. 1). Подобные небольшие медицинские справочники на тюркских языках различного происхождения (имя автора не всегда удается установить) довольно часто встречаются в составе рукописных коллекций (например, собрание ИВР РАН, рук. В 1171 [4, с. 127]).

Другой тюркской рукописью коллекции Шейха Магомедова являются некие стихи-*тюрки* религиозного содержания (дата переписки: 1330 г.х./ 1912), находящиеся в составе сборной рукописи; в рукопись вложено множество писем и внетекстовых записей. Можно предположить, что авторство этих стихов принадлежит известному кумыкскому поэту XVIII в. Абдурахману Какашуринскому (Атлыбоюнскому) (в 1909 г. его *тюрки* были изданы в Темир-Хан-Шуре под редакцией Шихаммат-кади ал-Эрпели) На титуле (рис. 2) имеются записи о смерти следующих лиц из селения Алхаджикент: «3 Мухаррама 1366 г. / 26.11.1946 г. был похоронен Хасан-хан сын 'Исы. 16 Зу-л-хиджа 1366 г./ 30.10. 1947 г. была похоронена Шамай дочь 'Абд ар-Раззака». Формат рукописи 11×18, 7 листов, бумага российская фабричная со штемпелем (штемпель не читается), черные чернила, почерк *наسخ*, кустоды. Рукопись была переписана в Дагестане 1330 г.х. / 21.12.1911–9.12.1912, имя переписчика отсутствует.

Из собрания К.М. Камалова можно выделить литографию (издана: Темир-Хан-Шура: типография Мавраева, 1328 г.х./1910, дагестанский *наسخ*⁵, 70 стр., конец отсутствует), озаглавленную «Йусуф» (*يوسف*). Как следует из информации на титульном листе, редактором выступил Абу Суфйан б. Акай ад-Дагистани ал-Газаниши. «Йусуф» представляет собой один из вариантов (перевод на кумыкский язык) известнейшей в мусульманском мире поэмы Кул Гали *Кысса-и Йусуф* («Сказание о Йусуфе», XIII в.), основанной на сюжете библейско-коранического предания об Иосифе Прекрасном и Зулейхе (жене Потифара). Принято считать, что поэма Кул Гали в поэтическом отношении имеет тесную связь с тюркской литературной традицией Центральной Азии – в первую очередь, хикматами Ахмада

5. Структура оформления титульного листа и почерк соответствуют принятым принципам оформления дагестанской арабоязычной литографированной книги (подробнее см. [5]).

Йасави⁶ и *Ахыр заман китабы* Сулеймана Бакыргани⁷ [7; 8, с. 793–794]; а своеобразие языка поэмы (сочетающем в себе различные элементы – и огузские, и кыпчакские⁸) дает повод говорить тюркологам о том, что это произведение является общетюркским литературным наследием. В виде книги и литографии «Сказание о Йусуфе» было опубликовано многократно (прежде всего в Казани) – согласно Н.Ш. Хисамову, «начиная с 1839 г.⁹, поэма переиздавалась около 80 раз» [7]. Поэма состоит из предисловия и 17 частей (литографское издание перевода из коллекции К.М. Камалова, конечно, в точности следует этой структуре) – «Сновидение Йусуфа», «Рассказ о Зулейхе», «Отъезд Йусуфа из Египта» и др.

Переписанные в Дагестане рукописи, а также литографии и старопечатные книги, на тюркских языках все еще остаются относительно малоизученными (в том числе и потому, что за пределами республики в коллекциях музеев, архивов и институтов их относительно немного¹⁰). Среди наиболее важных задач проекта – сохранение рукописного наследия мусульманских регионов России, а также помещение цифровых копий коллекций в открытый доступ, что впоследствии существенно облегчит взаимодействие с ними, равно как и их изучение.

Благодарность. Статья написана в рамках проекта РНФ № 22-18-00295 «Электронная библиотека арабографических рукописей из архивных, библиотечных, музейных и частных собраний России».

Acknowledgments. The article was written within the framework of the Russian Science Foundation project No. 22-18-00295 “Electronic Library of Arabographic Manuscripts from Archival, Library, Museum and Private Collections in Russia”.

6. Ахмад Йасави (Ахмад б. Ибрахим б. Али из г. Йасы/Туркестан, ум. в 1166/67 г.) – среднеазиатский поэт-проповедник XII в., автор сборника четверостиший «Диван-и хикмат» (или «Хикматов Йасави», т.е. наставлений-сентенций Йасави; достоверность принадлежности этих стихов находится под вопросом, так как многие его последователи приписывали ему различные тексты, см.: [6, с. 426]), основатель братства йасавийа, впоследствии широко распространившегося в Средней Азии (свою популярность идеи братства сохраняли вплоть до XVIII в., и затем (опосредованно через Юнуса Эмре) на территории Малой Азии – Турции

7. Сулейман Бакыргани (или Хаким Ата, ум. в Хорезме в 1186 г.) – поэт, последователь Ахмада Йасави.

8. «Язык дошедших до нас копий романа представляется нам смешанным; по морфологическим признакам на первый план выступают элементы южнотурецкие, и, между прочим, те, которые присущи памятникам староосманской литературы XIV–XV вв.; на втором плане стоят элементы западнотурецкие и на третьем – древние восточнотурецкие, известные нам по произведениям орхонской и уйгурской письменностей» [8, с. 806].

9. Речь идет об издании: Кол Гали. Кыйссаи Йосыф. Казан университети табгханәсе, 1839. – Т.А., И.Ч.

10. По словам Г. М.-Р. Оразаева, «Большая часть, естественно, находится в Дагестане – в частности, в Махачкале, Дербенте, Хасавюрте, Каспийске, Буйнакске и других городах и аулах» [9, с. 35].

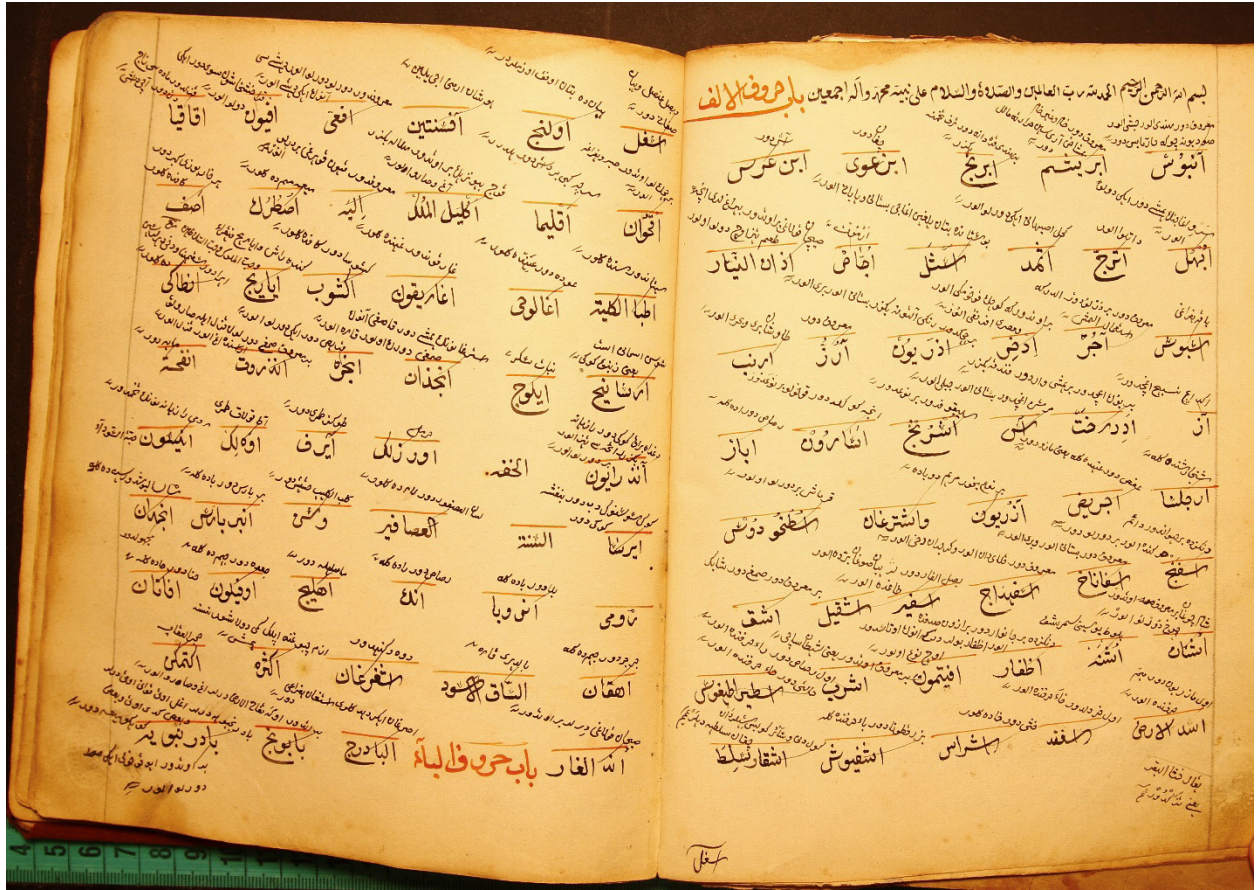

Рис. 1. Рукопись из собрания Ш. Магомедова

Fig. 1. The manuscript of medical reference dictionary from the collection of Sh. Magomedov

Рис. 2. Л. 1 из сборной рукописи коллекции Ш. Магомедова

Fig. 2. Folio 1 from the composite manuscript from the collection of Sh. Magomedov

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Камалов К.М. Родная земля. Очерки истории Каякентского района. Махачкала: Издательский дом «Дагестан», 2021.
2. Шихсаидов А.Р., Тагирова Н.А., Гаджиева Д.Х. Арабская рукописная книга в Дагестане. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 2001.
3. Бустанов А.К. О перспективах оккультного поворота в российском исламоведении // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 2(40). 2022. С. 218–258.
4. Дмитриева Л.В. Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук. М.: Вост. лит., 2004.
5. Османова М.Н. Традиции восточной каллиграфии в арабоязычной литографированной книге Дагестана начала XX века // Современные проблемы науки и образования. 2013, № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9351> (дата обращения: 23.09.2022).
6. Бабаджанов Б. Хикмат // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Под ред. С.М. Прозорова. Т. I. М.: Вост. лит., 2006. С. 425–426.
7. Хисамов Н.Ш. Кысса-и Йусуф («Сказание о Йусуфе», 1233 г.), памятник средневековой тюркско-татарской литературы // Tatarica. Татарская энциклопедия <https://tatarica.org/ru/razdely/kultura/literatura/tatarskaya-literatura/kyssa-i-jusuf> (дата обращения: 23.09.2022).
8. Самойлович А.Н. К какой из турецких литератур относить роман XIII века «Иосиф и Зулейха»? // Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. Сост., предисл., коммент. Г.Ф. Благова, Д.М. Насилов. М.: Вост. лит., 2004. С. 789-829.
9. Оразаев Г. М.-Р. Контингент тюркских арабграфических рукописей Дагестана XVI - начала XX века (общий обзор) // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 2012, № 2. С. 32-37.

Поступила в редакцию 24.10.2022

Принята в печать 22.11.2022

Опубликовано 25.12.2022

REFERENCES

1. Kamalov KM. *Native Land. Studies on the History of the Kayakent District*. Makhachkala, 2021. (In Russ)
 2. Shikhsaidov AR, Tagirova NA, Gadzhieva DH. *Arabic Handwritten Books in Dagestan*. Makhachkala: Dagkningizdat, 2001. (In Russ)
 3. Bustanov AK. On the Prospects of an Occult Turn in Russian Islamic Studies. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2022, 2(40): 218-258. (In Russ)
 4. Dmitrieva LV. *Catalogue of Turkic Manuscripts of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. Moscow, 2004. (In Russ)
 5. Osmanova MN. Traditions of Oriental Calligraphy in the Arabic-language Lithographed Book of Dagestan at the Beginning of the 20th Century. *Modern Problems of Science and Education*. 2013, 3. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9351> (In Russ)
 6. Babajanov B. Hikmat. *Islam on the Territory of the Former Russian Empire. Encyclopedic Dictionary*. SM. Prozorov (ed.). Vol. I. Moscow 2006: 425-426. (In Russ)
 7. Hisamov NS. Kissa-i Yusuf ("The Legend of Yusuf", 1233), a Monument of Medieval Turkic-Tatar Literature. *Tatarica. Tatar Encyclopedia*. Available at: <https://tatarica.org/ru/razdely/kultura/literatura/tatarskaya-literatura/kyssa-i-jusuf>
 8. Samoilovich AN. Which of the Turkic Literatures Should the Novel of the 13th Century "Joseph and Zuleikha" Belong to? *Turkic Linguistics. Philology*. Moscow, 2004: 789-829. (In Russ)
 9. Orazhev GM-R. Contingent of Turkic Arabographic Manuscripts of Dagestan of the 16th - early 20th Century (General Review). *Bulletin of the Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa*. 2012, 2: 32-37. (In Russ)
- Received 24.10.2022
Accepted 22.11.2022
Published 25.12.2022

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH184908-918>

Исследовательская статья

Шарафутдин Арифович Магарамов
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт истории, археологии этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
sharafutdin@list.ru

ЛИЧНЫЕ КОНТАКТЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО С ПРАВЯЩИМИ ЭЛИТАМИ ДАГЕСТАНА

Аннотация. Историографический анализ событий Петровской эпохи на Кавказе показывает, что проблема личных контактов государя Петра I с правящими элитами Дагестана в период его похода в 1722 г. остается одним из слабо разработанных исторических аспектов. Личные контакты царя с иноэтничными элитами были частью его имперской политики по расширению территорий Российского государства, вовлечению в сферу политико-правового пространства империи новых подданных, обеспечения их преданности и лояльности в условиях полиэтничности и политической раздробленности Кавказа. Обеспечение лояльности местных элит достигалось путем вовлечения их в социальную структуру империи, в ее экономическую систему. Контакты Петра Первого с дагестанскими владельцами имели место во время Персидского похода – последней его крупной внешнеполитической акции, в результате которого юго-западный Прикаспий ненадолго был завоеван и присоединен к Российской империи. Проведенное исследование позволило выяснить, чем определялась пророссийская позиция того или иного дагестанского владельца, их отношение к Петру I, в частности. Контакты сторон сопровождалась одариванием друг друга дорогими подарками, пожалованием чинов перешедшей в российское подданство правящей верхушке, утверждением в должностях, назначением ее представителям жалованья и пр. Исследование проведено на основе анализа ретроспективной документальной информации, извлеченной из документов научных архивов России и историографических источников. Источниковой базой исследования, кроме архивных документов, послужили материалы непосредственных участников и очевидцев встречи Петра I и ряда дагестанских владельцев: «Походный журнал 1722 г.», составленный в середине XIX в. на основе дневниковых записей Петра I, путевые записки шотландского врача Дж. Белла и артиллерийского капитана Питера Брюса. Последние два источника в данной работе использованы в оригинале.

Ключевые слова: Петр Великий; Персидский поход; Дагестан; правящие элиты; личные контакты; межэтнические отношения; подношения; подарки.

Для цитирования: Магарамов Ш.А. Личные контакты Петра Великого с правящими элитами Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 908-918. doi: 10.32653/CH184908-918

© Магарамов Ш.А., 2022

© Сефербеков М.Р., перевод, 2022

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH184908-918>

Research paper

Sharafutdin A. Magaramov,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher
Institute of History, Archeology of Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
sharafutdin@list.ru

PERSONAL CONTACTS OF PETER THE GREAT WITH THE RULING ELITES OF DAGESTAN

Abstract. A historiographical analysis of the events of the Petrine era in the Caucasus demonstrates that the problem of personal contacts of Tsar Peter I with the ruling elites of Dagestan during his campaign in 1722 remains one of the poorly developed historical aspects. The tsar's personal contacts with foreign elites were part of his imperial policy of expanding the territories of the Russian state, involving new subjects in the sphere of the political and legal space of the empire, ensuring their loyalty in the conditions of multi-ethnicity and political fragmentation of the Caucasus. Such ensuring was achieved by involving local elites in the social structure of the empire, in its economic system. Peter the Great's contacts with the Dagestan rulers took place during the Persian expedition – his last major foreign policy campaign, as a result of which the southwestern Caspian region was briefly conquered and annexed to the Russian Empire. The conducted study made it possible to identify the reason that determined the pro-Russian position of one or another Dagestan ruler, their attitude to Peter I, in particular. The contacts of the parties were accompanied by giving each other expensive gifts, awarding ranks to the ruling elite that had passed into Russian citizenship, confirmation in positions, assignment of salaries to its representatives, etc. The study is based on the analysis of retrospective documentary information collected from documents of scientific archives of Russia and historiographical sources. The source base of the study, in addition to archival documents, are the materials of direct participants and eyewitnesses of the meeting of Peter I and a number of Dagestani rulers: “The War Diary of 1722”, compiled in the middle of the XIX century based on the diary entries of Peter I, travel notes of the Scottish doctor J. Bell and Artillery Captain Peter Bruce. The last two sources in this study are used in the original.

Keywords: Peter the Great; Persian campaign; Dagestan; ruling elites; personal contacts; interethnic relations; offerings; gifts.

For citation: Magaramov ShA. Personal contacts of Peter the Great with the ruling elites of Dagestan. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2022. Vol. 18. N. 4. P. 908-918. doi: 10.32653/CH184908-918

© Sh.A. Magaramov, 2022
© Seferbekov M.R., translation, 2022
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2022

В юбилейный 2022 год, когда широко отмечается 350-летие со дня рождения первого российского императора Петра Великого, особую актуальность приобретает изучение различных исторических сюжетов, связанных с Петровской эпохой. Нынешний 2022 год примечателен еще тем, что ровно 300 лет тому назад Петром I был предпринят Персидский поход с целью завоевания бассейна Каспийского моря и превращения этого пространства в важнейший коммуникационный узел с восточными странами. Юбилейные даты всегда активизируют научный поиск о том или ином событии, выдающемся деятеле. Историографический анализ событий Петровской эпохи на Восточном Кавказе показал, что проблема личных контактов государя Петра I с правящими элитами Дагестана в период Персидского похода остается одним из слабо разработанных исторических аспектов. В историографии отмечается, что в процессе личных контактов царя с этническими элитами происходит взаимная репрезентация власти и подданных, что является формой межэтнических отношений в Российской империи, а также повторного изъявления покорности жителями национальных окраин [1, с. 6–7, 152]. Кроме того, участие региональных элит в мероприятиях, связанных со встречей и пребыванием высших государственных деятелей, как отмечает американский историк, специалист по истории российской империи Р.С. Уортман, «вовлекало глав завоеванных земель и местную придворную знать в церемониальные представления имперской элиты» [2, с. 195]. В этой связи изучение поставленной в статье проблемы представляет важный научный интерес.

Личные контакты Петра I с «иноверческой» верхушкой были частью этнической политики Российского государства, которые в настоящей статье рассматриваются с позиций имперской власти и новых подданных. Первая позиция позволяет изучить символические приемы и способы вовлечения иноземных народов в орбиту российской государственности, в имперское политико-правовое пространство, методы обеспечения их преданности и лояльности. Вторая позиция предполагает анализ «презентации» себя имперской власти, демонстрации своей osobости и ценности для Российского государства [1, с. 15].

27 июля 1722 г. государь, приплывший из Астрахани, вышел на дагестанский берег в Аграханском заливе. Вслед за ним началась высадка армии. Далее путь императорских войск пролегал по сухопутью вдоль западного берега Каспийского моря. За несколько дней до высадки Петра I произошла встреча русских войск с отрядами эндиреевского владетеля Айдемира. Сторонник активных военных действий на Кавказе А.П. Волынский ранее убедил царя «учинить отмщение Андреевским владельцам» за их антироссийскую позицию. 23 июля 1722 г. против жителей селения Эндирей была предпринята экспедиция по командованием бригадира А. Ветерани, принеся значительные потери среди императорских войск¹. Тем не менее, экспедиция привела к тому, что в октябре 1722 г. Айдемир заверяет коменданта крепости Святой Крест Л.Я. Соймонова о том, что он будет верно служить российской власти и подчеркивает, что еще «отец мой Амзий в прежних годах государю верно служил»². В свою очередь комендант Л.Я. Соймонов в ноябре того же года докладывает кабинет-секретарю А.В. Макарову, что Айдемир «хочет его императорскому величеству по смерть свою в верности быть... и объявил ему, что от наших людей обиды им никакой показано не будет»³.

1. Более подробно об экспедиции российских войск в дагестанский Эндирей см.: [3].

2. Описание книг входящих в Кабинет письмом от разных персон в 1722 году // РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 61. Л. 308-309 об.

3. Там же. Л. 308.

Первым из дагестанских владетелей государя Петра I решил встретить шамхал Тарковский Адиль-Гирей, который был принят в российское подданство накануне похода. 5 августа шамхал прибыл к месту переправы российской армии через реку Сулак. Генерал-адмирал Ф.М. Апраксин сообщил царю о прибытии Адиль-Гирея в лагерь российских войск, а гостю продемонстрировал российские полки [4, с. 118]. По мнению британского военного инженера Питера Генри Брюса, участника Персидского похода, императорская армия сильно впечатлила шамхала: «После того, как наша армия прошла мимо него строем, он, по всей видимости, был весьма удивлен такой безупречной дисциплиной, так как доселе не видел регулярных войск» [5, р. 267].

На следующий день, 6 августа, шамхал Адиль-Гирей вышел на встречу Петру I, разоружившись, так же, как и вся его свита. Шамхал заверил императора в своей верности престолу: «до ныне Его Величеству служил со всякою верностию, а ныне и наипаче служить Его Величеству верно будет». Государь в свою очередь заверил шамхала, «что за службы его содержан он (Адиль-Гирей. – авт.) будет в милости Его Величества», за что шамхал поблагодарил Петра I [6, с. 108]. Вместе с шамхалом для встречи с царем прибыл еще один дагестанский владетель – аксайский Султан-Махмуд, который также подтвердил свое подданство, «обещая к повелениям его всякое послушание». Пётр I со своей стороны подтвердил все дарованные ему ранее права и преимущества [7, с. 484]. Благожелательное отношение государя к местным владельцам заметно из сообщения шотландского врача Дж. Белла, сопровождавшего Петра I в походе: «Петр принял его (Адиль-Гирея. – авт.) весьма ласково и таким же образом принял других офицеров (скорее всего, речь идет об Султан-Махмуде Аксайском и других князьях), которые явились в компании Адиль-Гирея» [8, р. 340].

Шамхал передал царю 600 быков в упряжках, ещё 150 – под провиант для армии и 3 персидских лошадей, а Султан-Махмуд – 100 быков и 6 «изрядных» персидских лошадей⁴. И в XIX в. в дар российским императорам приводили породистых лошадей казаки и калмыки, издавна торговавшие с русскими скотом [1, с. 142].

Очередная встреча шамхала Адиль-Гирея с Петром I состоялась 12 августа во время продвижения российской армии к шамхальским владениям на расстоянии пяти верст от Тарков. Шамхал прибыл на встречу со своим ближайшим окружением численностью около ста человек на лошадях. Он слез с лошади и, подойдя к Петру I, поздравил его с прибытием к его владениям. Со своей стороны государь обнадежил шамхала в своей милости и заверил его о том, что его подданным никакой обиды и вреда со стороны императорской армии не будет причинено, и чтобы они того не опасались. Затем шамхал подошел к карете супруги царя Екатерины Алексеевны, поприветствовал ее поклоном и также поздравил с успешным прибытием [9, с. 110]. Видимо, во время данной встречи шамхал пригласил императора посетить его дом, и он принял его приглашение.

13 августа Пётр I в сопровождении военных министров и генералов въехал в резиденцию шамхала, где в первую очередь решил осмотреть гору, что выше Тарков, где располагалась сторожевая башня с одной пушкой. В честь высокого гостя из данной пушки был сделан выстрел. Затем император, прогуливаясь с шамхалом по разным его дворам, вдруг поинтересовался у него – был ли он в Эндирее и какие там постройки. Ответ шамхала был таким, что он «там бывал и строение в ней было мазанки (из кирпича смеси глины с соломой)» [9, с. 112]. Эндиреем любопытный император

4. Поход Императора Петра Великого в Персию // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1540. Л. 69. Генри Брюс сообщает о 600 телегах, запреженных в каждую по два вола, и о 500 быках для армии (Bruce P.H. Op. cit. P. 267)

интересовался не без оснований, видимо, первое столкновение его войск с неприятелем и значительные потери среди них сильно расстроили государя.

Шамхал пригласил императора в один из своих дворов, «где его жены» проживали. Первое, что удивило царя, это обилие изящной и разнообразной посуды, которой был сервирован стол. Государь поинтересовался у шамхала насчет происхождения посуды. Шамхал ответил, что посуда персидского производства и изготовлена в городе Мешхеде. Как позже выяснилось, царь интересовался дорогой посудой в шамхальском доме, чтобы наладить ее поставки в Россию. Как отмечал Г.С. Федоров, буквально через пару лет посуда из Мешхеда уже продавалась в Астрахани и числилась в реестре российских купцов, торговавших с восточными странами [10, с. 85].

Гости сидели за обедом по восточному обычаю на полу на подушках, пол был застлан коврами. Государя познакомили с двумя шамхальскими женами, зашедшими в комнату вместе с другими шестью женами знатных людей. Все они поприветствовали высокого гостя поклоном. Затем постелили на полу скатерть и подали разнообразной еды. Император побыл в гостях у шамхала недолго, и вскоре вернулся в лагерь. Провожая царя, Адиль-Гирей поблагодарил его за посещение его дома и подарил ему серого аргамака с золотым конским убором [9, с. 113] и шелковый персидский шатер. В знак благодарности за теплый прием государь одарил шамхала золотыми часами, позаимствованными для этого случая у камер-юнкера Вилима Монса [11, с. 254]. Шамхал предложил услугам императора все свое войско, но он взял только нескольких опытных наездников. Со своей стороны, царь отправил к шамхалу почетный караул из 12 солдат, которые оставались в Тарках вплоть до кончины Петра I [12, с. 9].

На следующий день, 14 августа, сопровождавшую Петра I в походе супругу Екатерину Алексеевну посетили жены шамхала Адиль-Гирея. Они были приняты императрицей в шатре и оказали ей «достойное подданское почтение, и принесли Ея величеству подарки, несколько парчей и фрукты» [9, с. 113–114]. Подробности этой встречи приводятся в мемуарах Генри Брюса: «женщины шамхала, в сопровождении других дам, приехали с визитом к ее величеству. Они явились в карете столь закрытом, что их нельзя было разглядеть. Когда они прибыли к императорскому шатру, их усадили на подушки из красного бархата; подушки были уложены на персидских коврах, постеленных на земле, и дамы уселись на них, скрестив ноги в соответствии с их традициями. После этого императрица приказала офицерам, чтобы те, когда, наконец, удовлетворят свое любопытство, удалились и освободили место для других. Визит длился до поздней ночи, и дам отвезли обратно в город, с достаточным количеством факелов, весьма удовлетворенных этим визитом. Не по одним лишь рассказам, но и убедившись своими глазами, как свободно живут наши женщины, они были этим тронуты...» [5, р. 273–274].

Эта встреча произвела большое впечатление на обе стороны, поскольку столкнула людей из совершенно двух разных цивилизаций. Для жен шамхала она была более значима, так как большую часть времени они были замкнуты в своей среде и в отличие от российской императрицы не выезжали за пределы родного края [13, с. 894].

Пророссийская позиция шамхала Адиль-Гирея, отношение к Петру Первому в частности, была вызвана его желанием утвердить свое исключительное положение среди остальных дагестанских владетелей, политический статус царского подданного этому должен был способствовать. Шамхал был заинтересован в русской помощи и поддержке в княжеской междоусобице. В переписке с центральной властью он просил не назначать своего противника Муртазалея правителем в Казанищах, предлагал арестовать его как противника российской власти и сообщника уцмия Кайтагского

и лезгинского владетеля Хаджи-Дауда. Российские власти ограничились отказом в просьбе Муртазалею в назначении его казанищенским правителем [6, с. 262–265]. Кроме того, в планы шамхала входило расширение территории своего владения посредством установления власти над кочевавшими в районе Сулака ногайцами, проживавшими в районе Терека «окочанами» (этногруппа чеченцев) и возвращение под свое управление пяти деревень в Мюшкюрской области к югу от Дербента, переданных ему еще сефевидским шахом. Имперской властью жалованной грамотой Петра I от 21 сентября 1722 г. за шамхалом было признано и право на владение землями утамышского султана Махмуда [6, с. 267–268]. Адиль-Гирей мечтал быть правителем всего Дагестана. В последующем шамхал разочаровался в действиях российских властей, не утвердивших его исключительную роль среди остальных дагестанских владетелей, и стал противником российских интересов в регионе. За антироссийскую деятельность 21 мая 1726 г. шамхал Адиль-Гирей был взят под арест⁵ и отправлен в ссылку в Архангелогородскую губернию, где в январе 1732 г. скончался⁶.

Тем не менее, посещение Петром I резиденции и дома шамхала было для Адиль-Гирея особой честью, знаком проявления к нему царской милости. Воспоминания об этом историческом событии хранились в шамхальском доме спустя более чем столетие, а помещение, где проходил прием, со временем превратилось в мнемоническое место. Посетивший в 1842 г. Дагестан и дом шамхала российский востоковед И.Н. Березин писал: «На втором дворе, расположенном в ряд с первым, находится с левой стороны продолговатая четверугольная комната, также с бассейном, замечательная тем, что в ней принимал шамхал императора Петра во время пребывания Его в Тарху. Теперь эта комната стоит совершенно пустая, стены ее закоптели, окна и двери заперты, но память Великаго стережет ее и от людей, и от времени» [14, с. 75].

Военный историк В.А. Потто в связи с посещением царем Александром III вместе с семьей Кавказа в 1888 г. также приводит сохранившиеся в дагестанской народной памяти предания о подобных исторических событиях в прошлом. Он пишет, что ещё живы старожилы, которые с восторгом рассказывают, как они встречали императора Николая I в 1837 г.; ещё больше тех, которые помнят, как они благословляли царя Александра II в 1861 г. во время его визита на Кавказ. Автор упоминает и о бытовавшем предании встречи шамхала с Екатериной Алексеевной, что удивительно, а не самим Петром I. Данное предание, глубоко запечатлевшееся в памяти «туземцев», рассказывает как тарковский шамхал, выехавший на встречу с русской царицей, был поражен величием этой минуты и, «благоговейно сойдя с коня, поцеловал ту землю, на которой стояла нога императрицы» [15, с. 2–3].

На основе данного предания В.А. Потто проводит параллели в настроениях представителей местных сообществ во время встреч с российскими царями в разные исторические эпохи. Называя шамхала Адиль-Гирея в характерном духе дореволюционной историографической традиции «полудиким», автор отмечает, что «если таковы были чувства, невольно охватившие тогда полудикого шамхала, насколько же эти чувства должны были сказаться» в 1888 г., когда «в сердцах тех народов, которых ... братски приняла Россия в мощные объятия победоносного орла...» [15, с. 3]. При этом автор

5. «Ведомости из Низового корпуса 1725, 1726 и 1727 годов о поиску над недоброжелательными персиянами и горскими народами». Рапорты о военных действиях против персов и горцев генералов: Михаила Матюшина, Гаврилы Кропотова, князя Василия Долгорукова с мая 1725 г. по июль 1727 г. // РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 9. Л. 81–82 об.

6. Доношения Архангелогородской, Астраханской, Казанской, Новгородской и Смоленской губернских, Севской и Вологодской провинциальных канцелярий о сборе сведений для Сената, о количестве населения, зачисленного в подушный оклад после окончания Генеральной переписи, сумме взимаемого подушного оклада и учреждениях, получающих эти деньги // РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 781. Л. 85 и об.

упускает из виду, что депутации из местных народов для встреч с российскими царями тщательно отбирались, и что среди них не могло быть случайных людей. С другой стороны, вполне понятно, что сакральная персона, как и образ всякого государя, вселяла в горцев суеверное почтение.

Далее путь российской армии к Дербенту пролегал через владения уцмия Кайтагского Ахмед-хана, не проявившего покорность царю. Он не стал сам препятствовать проходу императорской армии через свои владения, но сумел настроить на нападение соседнего владетеля. 19 августа 1722 г. петровская армия в районе реки Инчхе была атакована отрядами утамышского владетеля султана Махмуда. Нападение войск султана утамышского Генри Брюс объясняет ответом на карательную экспедицию драгунов во главе А. Ветерани против селения Эндирей. Он пишет, что приказ Петра I повесить доставленного в лагерь одного из эндиреевских владетелей «в пример остальным так разозлило других дагестанских владетелей, что они твердо решили мстить, чем доставили нам немало трудностей» [5, р. 268]. В итоге генерал-майор Г.С. Кропотков атаковал владения султана Махмуда и сжег их; такая же участь постигла и резиденцию султана – селение Утамыш. Потери среди местных насчитывали 600 или 700 человек, в плен было взято 40 человек, среди которых был мусульманский священнослужитель, который был причастен к жестокой расправе над посланными к султану утамышскому казаками. Другой пленник, приведенный к палатке для допроса, хранил молчание, после чего было приказано раздеть его и высечь. Однако, получив первый удар хлыстом, он выхватил шпагу у офицера и устремился с ней прямо на адмирала Ф.М. Апраксина, которого он бы наверняка убил, если бы не двое часовых, стоявших перед палаткой, которые вонзили в него свои штыки. Падая, он схватился за мушкет одного из часовых и откусил ему кусок плоти с руки, когда тот пытался вырвать ружье из его рук. Когда государь вошел в палатку, адмирал сказал, что он не для того пришел в эту страну, чтоб его пожрали бешеные собаки; во всю жизнь еще ни разу он так не испугался. Император, улыбаясь, ответил: «Если б этот народ имел понятие о военном искусстве, тогда бы ни одна нация не могла бы справиться с ними» [5, р. 281].

Перед Дербентом Петра I ждала более торжественная встреча, организованная дербентским правителем (наиб) Имамом Кули-беком, принявшим решение добровольно сдать город государю. Возможно, что на позицию наиба могла повлиять сложная ситуация вокруг Дербента: на город постоянно нападали отряды дагестанских владетелей, боровшиеся против персидской власти. Наibu приходилось защищать город собственными силами. Имам Кули-бек был наибом и при прежней персидской администрации, когда Дербент являлся центром персидского наместничества в Дагестане. В 1721 г. в самый разгар антииранских движений наместник шаха в Дербенте, оставив наиба единственным правителем в городе, убежал в Исфахан [16, с. 70].

23 августа на расстоянии пары верст от города наиб вместе с городской знатью встретил государя и произнес верноподданническую речь [12, с. 11–12]. Речь наиба примечательна тем, что в ней Петр Великий сравнивается с Александром Македонским, и в действиях российского императора подчеркивается античный антураж. В знак покорности наиб поднес императору серебряный ключ от города⁷.

Государь был в восторге от теплого приема его дербентской знатью во главе с наибом и горожанами. Свои впечатления от встречи с дербентцами он отразил в письме к

7. Документы и письма к графу Ф.М. Апраксину по Персидскому походу: о военных действиях; о плавании судов; о доставке припасов; о сношениях с горцами. Приготовление к приезду Петра I в Дербент // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 211. Д. 209.

сенаторам от 30 августа 1722 г.: «... сии люди нелицемерною любовью приняли и так нам ради, как бы своих из осады выручили» [17, с. 36].

Находясь в Дербенте, любознательный монарх продолжал знакомство с городом, осмотрел крепость Нарын-кала, наметил место для строительства гавани, побывал в мыльне [6, с. 113–115]. Пребывание Петра I в Дербенте завершилось пиром в его шатре, куда он пригласил наиба разделить с ним ужин [15, с. 73–74].

Имам Кули-бек подарил государю Петру I породистых лошадей – армакаков, ковры и рукопись хроники «Дербенд-наме», впоследствии получившей широкую известность у востоковедов.

Перед отбытием из Дербента Петр I за оказанные ему «верные услуги» утвердил Имама Кули-бека в той же должности наиба, назначил начальником «туземного» войска, пожаловал чин генерал-майора, определил на постоянной основе ежегодное жалованье в размере 3 тыс. руб. и наградил собственным портретом, украшенным алмазами⁸. Дербентские жители были уравнены в правах с русскими купцами, получили право торговать в российских городах и рынках [7, с. 485–486].

Взятию города Дербента придавалось такое же важное стратегическое значение, как завоевание Петром Великим в 1702 г. шведской крепости Нотебург на Ладожском озере, о чем в своей речи подчеркнул архиепископ Феофан Прокопович, встречавший императора вместе с членами Синода и Сената в Москве⁹ перед Триумфальными воротами [18, с. 313–315], на которых был изображен Дербент.

Встречи Петра I с другими двумя дагестанскими владетелями – Хаджи-Даудом Мюшкюрским и Сурхай-ханом Казикумухским – не могли состояться, поскольку они были объявлены «бунтовщиками», от чьих действий в Шемахе пострадали русские купцы в 1721 г., и что послужило официальным поводом для похода. Указанные владетели, боясь наказания российских властей, перешли под протекцию Османской империи.

Справедливости ради, следует заметить, Хаджи-Дауд, начиная с середины 1720-х гг., как и в 1721 г. [6, с. 240–141], неоднократно просил о российской помощи и протекции. Однако имперские власти, чтобы не нарушать условия мирного договора 1724 г. с турками, решили и на этот раз отказать ему в российском подданстве. В резолюции от 28 марта 1728 г. командовавшего Низовым корпусом князя В.В. Долгорукова находящемуся в Баку генералу А.И. Румянцеву было дано указание, чтобы «ево (Хаджи-Дауда в российскую протекцию. – прим. авт.) не принимать, ибо нам от него какую прибыль иметь не видится»¹⁰.

Итак, у государя Петра I во время Персидского похода состоялись встречи не со всеми дагестанскими владетелями. В числе выразивших покорность российскому императору владетелей и с кем состоялись личные контакты царя оказались шамхал Тарковский Адиль-Гирей, аксайский владетель Султан-Махмуд и дербентский наиб Имам Кули-бек. Остальные дагестанские владетели – уцмий Ахмед-хан Кайтагский, утамышский владетель Султан Махмуд, владетель Эндирея Айдемир, лезгинский владетель Хаджи-Дауд и казикумухский владетель Сурхай-хан заняли по отношению

8. Указы императрицы, письма и переводы писем брагунских, Большой и Малой Кабарды, тарковского, терского и чеченского владельцев о денежном жалованье и пахотных земель // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 203. Д. 79 и об.

9. И Ф.И. Соймонов [19, с. 105], и И.И. Голиков [18, с. 313–314] указывают, что при въезде в Москву в декабре 1722 г. императору был устроен торжественный прием перед Триумфальными воротами. Правда, даты приема государя у авторов различаются: Соймонов приводит дату 13 декабря, в то время как Голиков, комментируя уточнение даты на 18 декабря, отмечает, что он следовал данным хранящегося у него манускрипта, в подлинности которого он не сомневается.

10. Сообщения князя Василия Долгорукова о состоянии Низового корпуса. Отправление в оный корпус рекрут и бунт их (1726–1729 гг.) // РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 19. Л. 219.

имперской власти враждебную позицию, последние два владельца перешли под протекцию турок. Табасаранские владельцы отправили своих посланников на встречу с Петром I в Дербент. Горная часть Дагестана в это время не входила в сферу российских интересов, и поэтому контакты аварского правителя Умма-хана с Петром I не сложились. Чуть позже, в 1727 г. Умма-хан присягнул на верность Российскому государству [20, с. 74]. Позиции проявивших лояльность русским и признавших подданство царя владельцев определялись в первую очередь желанием сохранить свой политический статус, целостность владений, находиться под покровительством сильной державы, получить торговые привилегии. Правящим элитам, чьи владения примыкали к прикаспийской низменности, не было смысла и шансов противостоять многотысячной, хорошо вооруженной императорской армии. В этом плане наиболее дальновидной оказалась политическая позиция наиба Дербента, сохранившего свой прежний политический статус, добившегося обеспечения горожан новой властью продовольствием и получения ими торговых привилегий. Российская власть в свою очередь высоко оценила позицию наиба, проявив благосклонность не только наибу, но и ко всем горожанам. Особый статус наиба позволил ему посетить императорский двор в Петербурге в 1726–1727 гг., во время которого он обратился к императрице Екатерине I и министрам с прошениями, которые были удовлетворены¹¹.

Встречи государя Петра I с дагестанскими владельцами были частью этнической политики, важным средством выстраивания отношений с этническими элитами. Имперская власть проявляла себя посредством системы пожалований – чинами, денежными выплатами, торговыми льготами, подарками и др. Обеспечение лояльности местных элит достигалось путем вовлечения их в социальную структуру империи, в ее экономическую систему. Местные элиты, находясь в российском подданстве, укрепляли свой политический статус, получали покровительство власти в междоусобицах и имели возможность сообщать о своих нуждах царю. Встречи Петра I и дагестанских владельцев ничем не отличались от встреч государя с другими восточными персонами, в частности, если посмотреть на его встречи с калмыцким ханом Аюкой в 1722 г., то можно обнаружить много параллелей.

11. О пребывании в Петербурге дербентского наиба; его прошения и ответы на них; разрешение ему выехать в Москву, а затем на родину; награждение его чином генерал-майора // АВПРИ. Ф. 77. 1727 г. Оп. 77/1. Д. 16. Л. 46–49.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Трепавлов В.В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб.: «Изд-во Олега Абышко», 2018.
 2. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2004.
 3. Магарамов Ш.А. Рапорт бригадира А. Ветерани императору Петру I: новый документ об экспедиции российских войск в село Эндирей в Дагестане. 1722 г. // Вестник архивиста. 2021. № 4. С. 1118–1130.
 4. Курюкин И.В. Планы и итоги Персидского похода Петра I // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 2. М.: Квадрига, 2011. С. 110–128.
 5. Bruce P.H. *Memoirs of Peter Henry Bruce, esq. <...> containing an account of his travels in Germany, Russia, Tartary, Turkey, the West Indies, etc.* London: Printed for the author's widow, and sold by T. Payne and son, 1782.
 6. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1958.
 7. О Персидском походе при государе Петре Великом // Русский архив. № 12. 1899. С. 481–491.
 8. John Bell. *Travels from St. Petersburg in Russia to divers parts of Asia. Vol. II.* Glasgow: Print. by R. and A. Foulis, 1763.
 9. Походный журнал 1722 г. СПб.: [б. и.], 1855.
 10. Федоров Г.С. Некоторые эпизоды из истории похода Петра I на Кавказ // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в. Махачкала: Даг. фил. АН СССР, 1988. С. 84–95.
 11. Шереметев П.С. Владимир Петрович Шереметев. 1668–1737. М.: Синодальная Типография, 1914.
 12. Потто В.А. Пётр I на берегу Каспийского моря. СПб.: В. Березовский, 1912.
 13. Полчаева Ф.А. Образ Петра I в исторической памяти населения Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. Т. 16. № 4. 2020. С. 888–899.
 14. Березин И.Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Ч. I. Казань: Унив. тип., 1850.
 15. Потто В.А. Царская семья на Кавказе 18 сентября – 14 октября 1888 г. Тифлис: Тип. Окр. штаба Кавк. воен. окр., 1889.
 16. Краткая летопись войнам, веденным русскими против персиян // Отечественные записки. Ч. 32. СПб., 1827. С. 53–93, 169–198.
 17. Бумаги императора Петра I. СПб.: Тип. 2-го отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1873.
 18. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. VIII. М.: Тип. Н. Степанова, 1789.
 19. Соимонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть
1. Trepavlov VV. *Symbols and rituals in the ethnic policy of Russia in the 16th–19th centuries.* St. Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 2018. (In Russ.)
 2. Worthman RS. *Power scenarios. Myths and ceremonies of the Russian monarchy. Vol. 1. From Peter the Great to the death of Nicholas I.* Moscow: OGI, 2004. (In Russ.)
 3. Magaramov ShA. Report of Brigadier A. Veterani to Emperor Peter I: a new document on the expedition of Russian troops to the village of Endirey in Dagestan. 1722. *Vestnik arhivista.* 2021, 4: 1118–1130. (In Russ.)
 4. Kurukin IV. Plans and results of the Persian campaign of Peter I. *Unicorn: Materials on the military history of Eastern Europe in the era of the Middle Ages and the Early Modern Age. Issue 2.* Moscow: Quadriga, 2011: 110–128. (In Russ.)
 5. Bruce PH. *Memoirs of Peter Henry Bruce, esq. <...> containing an account of his travels in Germany, Russia, Tartary, Turkey, the West Indies, etc.* London: Printed for the author's widow, and sold by T. Payne and son, 1782.
 6. *Russian-Dagestan relations in the 17th – first quarter of the 18th centuries.* Makhachkala: Dagestan book Publ., 1958. (In Russ.)
 7. On the Persian campaign under the sovereign Peter the Great. *Russian archive.* No. 12, 1899: 481–491. (In Russ.)
 - 8 John Bell. *Travels from St. Petersburg in Russia to diverse parts of Asia. Vol. II.* Glasgow: Print. by R. and A. Foulis, 1763.
 9. Travel journal of 1722. St. Petersburg, 1855.
 10. Fedorov GS. Some episodes from the history of the campaign of Peter I to the Caucasus. *Russian-Dagestan relations in the 16th – early 20th centuries.* Makhachkala: Dagestan affiliation of AN SSSR, 1988: 84–95. (In Russ.)
 11. Sheremetev PS. Vladimir Petrovich Sheremetev. 1668–1737. Moscow: Synodal Publ., 1914. (In Russ.)
 12. Potto VA. *Peter I on the coast of the Caspian Sea.* St. Petersburg: V. Berezovsky, 1912. (In Russ.)
 13. Polchaeva FA. The image of Peter I in the historical memory of the population of Dagestan. *History, archeology and ethnography of the Caucasus.* 2020, 16(4): 888–899. (In Russ.)
 14. Berezin IN. *Journey through Dagestan and Transcaucasia. Part I.* Kazan: University press, 1850. (In Russ.)
 15. Potto VA. *The royal family in the Caucasus September 18 – October 14, 1888.* Tiflis, 1889. (In Russ.)
 16. Brief chronicle of the wars waged by the Russians against the Persians. *Otechestvennye zapiski.* Part 32. St. Petersburg, 1827: 53–93, 169–198. (In Russ.)
 17. *Documents of Emperor Peter I.* St. Petersburg, 1873. (In Russ.)
 18. Golikov II. *Acts of Peter the Great, the wise reformer of Russia, collected from reliable sources and arranged by years. Part VIII.* Moscow: N. Stepanov's Press, 1789. (In Russ.)
 19. Soymonov FI. *Description of the Caspian Sea and the Russian conquests made on it, as part of the history*

истории государя императора Петра Великого. СПб.: при Императорской Академии Наук, 1763.

20. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М.: Наука, 1991.

of the Emperor Peter the Great. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1763. (In Russ.)

20. Sotavov NA. *North Caucasus in Russian-Iranian and Russian-Turkish relations in the 18th century.* Moscow: Nauka, 1991. (In Russ.)

Поступила в редакцию 18.08.2022

Принята в печать 09.10.2022

Опубликована 25.12.2022

Received 18.08.2022

Accepted 09.10.2022

Published 25.12.2022

DOI: <https://doi.org/10.32653/СН184919-931>

Исследовательская статья

Магомедхабиб Русланович Сефербеков
младший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
dnc.ran@outlook.com

ДЖОН БЕЛЛ О ПОХОДЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ДЕРБЕНТ

Аннотация. Персидскому походу Петра I и пребыванию российских императорских войск на юго-западных берегах Каспийского моря в 1722–1735 гг. посвящено немало специальных исследований – монографий, статей, диссертаций, сборников документов и материалов, подготовленных с привлечением широкого круга источников и литературы. К числу ценнейших источников по истории Персидского похода относятся сведения англоязычных авторов – непосредственных его участников и очевидцев описываемых событий. Одним из таких источников является раздел «Путешествие из Москвы в Дербент в Персии, в 1722 году» книги Джона Белла «Путешествия из Санкт-Петербурга, по России, в разные уголки Азии», который переведен автором на русский язык с сопроводительными комментариями. В работе были применены методы исторического исследования (историко-генетический, исторической периодизации, ретроспективный, системный). Перевод также был сравнен с описаниями других авторов, а в ходе анализа материала были выявлены неточности в названиях и исторических датах. Перевод материалов был осуществлен с оцифрованного оригинала книги, доступного в базе archive.org. Благодаря формату дневника путешествий, полученный нами перевод позволяет достаточно точно проследить последовательность течения Персидского похода по датам. Данный дневник также содержит богатый этнографический материал в виде личных впечатлений о дагестанцах и описания их быта, культуры, городов. Наша работа может стать ценным вкладом как в дагестанскую этнографию, так и в историографию российского кавказоведения первой четверти XVIII в.

Ключевые слова: Персидский поход 1722–1723 гг.; деятельность Петра Великого; Кавказско-Каспийский регион; источники англоязычных авторов нового времени.

Для цитирования: Сефербеков М.Р. Джон Белл о походе Петра Великого в Дербент // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 919-931. doi: 10.32653/СН184919-931

© Сефербеков М.Р., 2022

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH184919-931>

Research paper

Magomedkhabib R. Seferbekov,
Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
dnc.ran@outlook.com

JOHN BELL ON THE CAMPAIGN OF PETER I TO DERBENT

Abstract. A number of publications have been devoted to the Persian campaign of Peter the Great and the stay of the Russian Imperial troops on the southwestern shores of the Caspian Sea in 1722–1735 – monographs, articles, dissertations, collections of documents and materials prepared with the use of a wide range of sources and literature. This topic continues to attract the attention of historians even today. It has acquired particular relevance in connection with the 350th anniversary of the birth of the first Russian Emperor Peter the Great and the 300th anniversary of the Persian campaign. A large number of documentary sources from the collections of the federal and regional archives of Russia cover the history of the Persian campaign and its results, which made it possible to reveal new episodes of imperial policy in the Caucasian-Caspian region in the first quarter of the 18th century. Among the most valuable sources on the history of the Persian campaign are the travel notes of the English-speaking authors – the direct participants and eyewitnesses of the events described. One of these sources is the John Bell’s book “Travels from St. Petersburg, across Russia, to different parts of Asia”, particularly, the section titled “Journey from Moscow to Derbent in Persia, in 1722”, translated by the author of the paper into Russian with commentaries. This translation may be a valuable contribution to both the ethnography and historiography of the Russian Caucasian studies of the first quarter of the 18th century.

Keywords: Persian campaign of 1722–1723; activity of Peter the Great; Caucasian-Caspian region; sources of English-speaking authors.

For citation: Seferbekov MR. John Bell on The Campaign of Peter I to Derbent. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2022. Vol. 18. N. 4. P. 919-931. doi: 10.32653/CH184919-931

© M.R. Seferbekov, 2022

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2022

Введение

Одной из актуальных тем российского кавказоведения продолжает оставаться исследование Персидского похода Петра I. Этой проблеме уделялось достаточно внимания в дореволюционной [1; 2, с. 377], советской [3, с. 38; 4, с. 412–415; 5; 6] и российской [7, с. 46, 54–64; 8; 9, с. 63, 69–92] историографии. Не обошли его вниманием и дагестанские историки, издавшие на эту тему монографии [10, с. 421–436; 11, с. 58–65; 12, с. 9–24, 113, 120], статьи [13, с. 40–41], а также сборники архивных документов [14], получившие высокую оценку специалистов [15, с. 233–247]. Однако вне поля их зрения оказались труды англоязычных авторов, побывавших в первой четверти XVIII в. на Северо-Восточном Кавказе.

Целью данного исследования является введение в научный оборот нарративных англоязычных источников. Используя методы исторического исследования (историко-генетический, исторической периодизации, ретроспективный, системный), будет проанализирован переведенный нами на русский язык с комментариями раздел «Путешествие из Москвы в Дербент в Персии, в 1722 году» книги Джона Белла «Путешествия из Санкт-Петербурга, по России, в разные уголки Азии» [16, с. 326–355].

Джон Белл: краткая автобиография и творческая деятельность

Джон Белл (John Bell, 1691–1780) – шотландский врач и путешественник, находившийся на русской службе. Подробности приезда Джона Белла в Россию объясняются самим автором на страницах предисловия первого тома его произведения [17, с. 13–17], где он отмечает, что, будучи в возрасте 23 лет и заручившись рекомендациями, в 1714 году он отбывает из Лондона в Санкт-Петербург, где начинает работать при враче Петра I Роберте Карловиче Эрскине [18, с. 27; 19, с. 135–145]. Роберт Эрскин (1677–1718), как и Джон Белл, родился в Шотландии, потому и посодействовал принятию своего соотечественника на русскую службу. В 1718 г. по возвращении в Санкт-Петербург из первого путешествия в Испагань Джон Белл узнает о смерти Р. Эрскина. К этому времени Белл заручился уважением российского посла, и после кончины Эрскина его служба при Петре I продолжилась.

Будучи штатным медиком в составе российских посольств, он посетил Персию (1715–1718), Китай (1719–1721), Дербент (1722) и Турцию (1737–1738). В Петербурге, прислушавшись к его желанию как можно больше путешествовать по Востоку, в 1715 г. его назначили на должность врача при посольстве А.П. Волынского, отправлявшегося в Персию. Вернувшись только через три года (1718), Джон Белл сразу же отправился с другим посольством в Китай, откуда вернулся тоже лишь через три года, в 1722 г. В том же году Джон Белл, состоя при свите Петра I, участвовал в Персидском походе и посетил Дербент. Затем Джон Белл уехал из России, но в 1734 г. вернулся снова в качестве секретаря британского посла в Петербурге. В 1737–1738 гг., во время русско-турецкой войны, он был послан в составе миссии русского правительства в Константинополь. В 1746 г. он вернулся на родину в Шотландию.

В 1763 г. Джон Белл издал в Глазго двухтомное описание своих путешествий [16; 17], в дальнейшем опубликованных на пяти (английский, французский, голландский, русский, немецкий) языках, как в Великобритании, так и в других странах Европы.

Сочинение Джона Белла стало для некоторых европейских ученых первоисточником по истории России XVIII в. По словам самого автора, появление на свет двух томов путевого дневника не было целью его путешествий, а явилось результатом сдержанного им слова, данного одному из знакомых, который попросил поделиться с мировой общественностью своими впечатлениями о России и сопредельными странами. Джону Беллу потребовалось четыре года для того, чтобы собрать все материалы к первой своей публикации [20, с. 572].

Свидетельства Джона Белла не утратили своей ценности в плане описания разных территорий России и в наши дни. В полном объеме на русском языке «Белевы путешествия чрез Россию в разныя азиатския земли; а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь» в трех частях [1] издавались лишь однажды. В 1776 г. в Санкт-Петербурге они вышли в переводе с французского языка, выполненном известным литератором Михаилом Ивановичем Поповым. Этот перевод не удовлетворяет современным научным требованиям, поэтому в данной работе мы приводим переводы оригинальных англоязычных текстов на русский язык, выполненных нами. Интересующие нас события периода военного похода императорских войск во главе с Петром I в Дербент в 1722 г. излагаются во втором томе «Путешествий из Петербурга в России к различным областям Азии» («Travels from St. Petersburg in Russia to diverse parts of Asia. Vol. II. Glasgow: Print. by R. and A. Foulis, 1763. 426 p.»).

Следует отметить, что выдержки из мемуаров Джона Белла были обнаружены в дневнике неизвестного лица, который вел его во время Персидского похода Петра I, с 1722 по 1724 г. Этот дневник сохранился среди рукописей Вольтера в то время, когда он работал над «Историей Российской империи при Петре Великом» (1759–1763) [21, с. 164–184].

Джон Белл был не одинок в своем описании совершенных им в России и на Восток путешествий. Например, такие же путевые заметки о своем пребывании на Северном Кавказе (природа, населяемые народы, зарисовки их повседневной жизни) в рамках поездки на Ближний Восток в первые десятилетия XIX в. оставил известный британский художник и путешественник Роберт Кер Портер [22, с. 22–36].

Перевод раздела «Путешествие из Москвы в Дербент в Персии, в 1722 году» книги Джона Белла «Путешествия из Санкт-Петербурга, по России, в разные уголки Азии». Т. 2. С.

«Краткое изложение моего путешествия в Дербент, Персию, с армией российской под командованием его императорского величества Петра Первого, в году 1722».

Стр. 326.

«По прибытии из Пекина, я нашел его императорское величество, весь королевский двор, генералов, и дворянство со всей империи в Москве. В городе проходили грандиозные приготовления к фестивалю по случаю заключения мира в Аланте¹ в 1721 г. между Россией и Швецией, после войны, длившейся более двадцати лет...

Стр. 327.

Когда все празднества завершились, его императорское величество стал готовиться к экспедиции в Персию по просьбе шаха Хусейна, суфия Персии [*Sophy of Persia*], дабы оказать ему поддержку против афганцев, его взбунтовавших подданных,

1. Здесь автор путает, говоря, что мирный договор между Россией и Швецией в 1721 г. был заключен на острове Аланта вместо г. Ништадта [23, с. 118–137]. В действительности в Аланте в 1718 г. велись лишь переговоры о мире.

которые под предводительством сначала Мир Ваиса, а затем Мир Махмуда, захватили не только город и крепость Кандагар, но также и несколько провинций на границах в сторону Индии, совершая частые набеги на столицу Исфахан. Доктор Блюментрост², врач его королевского величества, попросил меня сопровождать его в этой экспедиции.

Стр. 328

Таким образом, в мае 1722 года, когда все было подготовлено, войска двинулись из Москвы на бортах полугалер, специально построенных для этой цели, по направлению к Коломне. Возле этого города, на расстоянии около 90 верст от Москвы, Москва-река впадает в Оку. Коломна была местом встречи, где войска ожидали прибытия его Королевского Величества и Императрицы, супруги его, сопровождавшей царя в экспедиции.

13 мая император с супругой, а также все остальные участники экспедиции из королевского двора, вышли из Москвы по суше, и прибыли на следующий день в Коломну.

15 мая его Величество осмотрел войска, а также состояние флота, и дал необходимые распоряжения. Флот состоял из трех сотен суден всех типов, на борту которых находилось около 15 тысяч солдат регулярной армии, включая личную стражу.

16 мая вечером его Величество и императрица в сопровождении нескольких дам взошли на борт прекрасной галеры с сорока веслами, оборудованной специально всем необходимым для этого путешествия.

Стр. 329

17-го, на рассвете, тремя выстрелами из пушки с борта корабля его Величества флоту был подан сигнал выдвигаться. Галера его Величества была во главе, а все остальные корабли плыли позади, выстроившись в линию. На императорском борту висел штандарт России, а на других суднах висели флаги, играла музыка и били в барабаны, что в целом выглядело весьма необычно. Приблизительно через час мы вошли в Оку, где у суден было больше пространства для маневров...

Далее 25-го мая они доплыли до Нижнего Новгорода, 31-го – до Казани, затем до Саратова, 4-го июля – до Астрахани и 24–26-го июля все достигли берегов Терека.

Стр. 336

24-го июля вечером мы кинули якорь близ устья Терека [*Terky*].

25-го июля император и все галеры прибыли в целостности и сохранности.

26-го июля император взошел на берег, и, посетив город³ и укрепления, вечером вернулся на борт.

Стр. 337

Город Терки имеет естественную границу, окруженную глубокими болотистыми землями, лишь с одним входом со стороны суши, хорошо охраняемым артиллерией. Назван город в честь речушки Терек [*Terk*], протекающей возле него. Им управляет комендант, а также в нем расположен гарнизон в тысячу солдат из регулярных войск и казаков. Гарнизон всегда хорошо снабжался амуницией и провизией. У этого места лишь одна цель – держать под контролем черкесских горцев, известных своим мятежным характером.

Тем же днем император послал офицера к Адиль-Гирею [*Aldigerey*], называемого шамхалом, для извещения о своем прибытии. Этот князь пользуется уважением у горцев и других россиян.

2. Вероятно, имеется в виду Иван Лаврентьевич Блюментрост (1676–1756) – лейб-медик Петра I, сын Лаврентия Лаврентьевича Блюментроста.

3. Город-крепость Терки.

27-го июля флот поднял якоря и направился в сторону Аграханского залива, названного в честь одноименной реки. Вечером мы встали на якорь в заливе, неподалеку от берега.

Стр. 338

28-го июля имперский штандарт был водружен на берегу; все войско сошло на берег, где мы и разбили лагерь. Тем же днем в лагерь прибыл казак с донесением от генерала Ветерани [*Veteranie*], командующего корпусом драгунов, сообщавшим, что тот был атакован группой горцев у укрепленной деревни Андреевка [*Andrea*]⁴ и, после ожесточенного столкновения, в котором было убито и ранено несколько человек с обеих сторон, он сумел разогнать их и захватить эту деревню. Отправив заблаговременно все свои семьи и имущество подальше в горы, этот народ, похоже, заранее намеревался совершить атаку, хотя генерал не требовал от них ничего, кроме свободного прохода через их земли, и обязался не причинять никому вреда. Само место было не защищено, но жители забаррикадировали улицы и подходы, ведущие к нему. Этот бедный народец ощутил на себе все последствия нападения на регулярное войско. В то же время это было и неким доказательством их мужества. Некоторых из них привезли в лагерь в качестве узников; с виду они были крепкие трудоспособные мужчины, весьма способные к бою.

Стр. 339

Перед отбытием из Астрахани, император разослал манифесты всем мелким принцам и правителям Дагестана, в котором заявлял, что явился не с целью захвата или войны с ними, а лишь желая свободного прохода через их земли, и готовностью заплатить деньгами за провизию и другие необходимые вещи, за их полную цену; некоторые из них согласились, другие – нет, как часто и бывает с подобными независимыми обществами Дагестана.

29-е и 30-е июля прошли в погрузке провизии, артиллерии и прочего, после чего вся армия и обоз были перевезены на лодках и паромах на восточный берег Аграхани. Дело выдалось сложным, так как кругом не было ни леса, чтобы построить переправу, ни достаточного уровня воды в устье реки, чтобы принять наши полугалеры.

Во время транспортировки армии, император задумал построить небольшую крепость⁵. Он назвал ее Аграхань, в честь реки, у которой она и была построена. Место это было возведено с целью сохранения припасов, которые мы не могли везти с собой, а также как место отхода при непредвиденных обстоятельствах.

Стр. 340

2-го августа явился Адиль-Гирей, дабы оказать свое почтение императору. Петр принял его весьма ласково и таким же образом принял других офицеров (вероятно, принцев, князей), которые явились в компании Адиль-Гирея. После того, как он уладил все дела касавшегося прихода армии, Адиль-гирей отбыл.

Между тем солдаты трудились над возведением крепости. Десять тысяч казаков на лошадях прибыли с реки Дон, находившихся под командованием Краснощокова и других офицеров. Так же Аюка-хан послал пять тысяч калмыков, согласно уговору.

Когда войско собралось, мы лишь дожидались повозок с обозом и артиллерией от Адиль-Гирея.

В течение этого времени наш великий князь, Император, не оставался без дела. Каждый день он на коне осматривал армию, к тому моменту пополнившейся на более

4. Селение Эндирей.

5. Аграханский ретраншемент. О нем см.: [24, с. 36–38].

чем тридцать тысяч солдат из числа калмыков и казаков – армией, способной захватить саму Персию, если бы Петр пожелал.

Стр. 341

Помимо той армии, Адиль-Гирей предложил императору большой отряд из своих воинов, однако он отклонил это предложение.

К середине августа армия выдвинулась в несколько колон из Аграхани, оставив там достаточное количество людей для завершения строительных работ и охраны этого места. Вечером мы сделали привал у ручья с темной и мутной водой. Тем временем наш путь пролегал на равном расстоянии от моря и черкесских гор, известных как Дагестан.

На следующее утро мы собрались и выдвинулись по равнине в сторону гор, а к ночи дошли до очередного ручья с непригодной к питью водой и дубовым леском неподалеку. В лесу обильно росла трава, а именно полынь понтийская, которую наши лошади стали с жадностью поедать. На следующее день мы обнаружили, что около пяти сотен лошадей издохли в лесу и близлежащих полях. Сие обстоятельство можно было расценить как катастрофу. Причина смерти, вероятно, заключалась в той самой траве, а посему в дальнейшем мы избегали мест, где она произрастала.

Потеря такого количества лошадей задержала нас на несколько часов, однако, так как и вода, и трава были непригодны к употреблению, мы свернули лагерь и к ночи вышли на просторную равнину напротив города Тарки, где проживал Адиль-Гирей. Здесь в обилии была чистая вода и трава.

Стр. 343

На следующее утро прибыл Адиль-Гирей и пригласил Его и Её Величества к ужину.

В полдень княжна, супруга Адиль-Гирея, явилась, дабы поприветствовать императрицу, и передала ее величеству официальное приглашение. Она явилась в экипаже – закрытой тележке, запряженной волами, – и свитой из пары лакеев на лошадях. Дама хоть и была уже в преклонных летах, но все еще сохранила привлекательные черты. С ней в телеге была ее дочь, невероятную красоту которой оценил бы любой в Европе. Когда они вошли в императорские шатры, ее Величество встала поприветствовать их. Затем они сняли с себя вуаль и вели себя крайне воспитанно. Обе женщины были богато одеты в платья по персидской моде. После распития кофе, они отбыли обратно в город.

Стр. 344

Вскоре после их отбытия, император и императрица отправились в город отобедать. Император ехал верхом, а императрица находилась в карете в сопровождении своей свиты и охранного батальона. Улицы были настолько узкими, а ближе к дворцу настолько крутыми, что карета и шесть лошадей не могли продвигаться далее. Когда об этом известили ее Величество, она вышла из кареты и дошла оставшийся путь пешком. Император был весьма удовлетворен романтической обстановкой этого места. Вечером они вернулись обратно в лагерь.

22-го августа армия выдвинулась от *шамхала*. Сильная жара вкупе с недостатком воды и вихрями пыли, поднимавшимся по дороге, сделали сей переход самым неприятным и трудным, особенно для тягловых лошадей и скота. Однако же император весь день пробыл на коне и разделял все тяготы с войском. Вечером мы прибыли к колодцам с пресной водой, где и сделали привал. Однако воды для всех было недостаточно, что вынудило нас отправить лошадей и скот к ручью неподалеку, а казаков охранять их в случае, если враг пожелает своровать их.

Стр. 345

На следующий день мы все еще находились у колодцев, когда император получил развединформацию, что некий военачальник горцев по имени *уцмий* [*Ussmey*] собирал войско, дабы помешать нам на нашем пути, пролегающем через его пустынные земли. В связи с этим, ближе к обеду, мы заметили некоторое количество конницы и пехоты на вершинах близлежащих холмов в трех английских милях от нашего лагеря. После того, как была проведена разведка, около половины из них спустились на равнину, дабы согнать наш скот, что привело к столкновению между нашими иррегулярными войсками и горцами, в котором несколько человек было убито и ранено с обеих сторон. Наши солдаты взяли многих горцев в плен. Во время боя наша пехота держалась ближе к лагерю. Император поскакал в поле, приказав драгунам выдвинуться и поддержать иррегулярные войска. С их приближением враг отступил и бежал в горы. Похоже, их главной задачей было увести скот, иначе бы это было чистейшим безумием совершать атаку на армию опытных бойцов.

Стр. 346

Тем временем, наши драгуны и иррегулярные войска погнались за врагом по другую сторону холмов, так что мы скоро потеряли их из виду. Император, опасаясь засады и нападения большего войска горцев на наших солдат, приказал армии в три часа пополудни выдвинуться и следовать к горе шестью колоннами. Вскоре его уведомили об успехе драгунов и иррегулярных войск: они рассеяли врага и овладели городом⁶, в котором пребывал уцмий. Так как уже было поздно возвращаться в оставленный лагерь, то армия была вынуждена провести ночь в долине между двумя холмами, на берегу речушки.

Стр. 347

На следующий день рано утром армия возвратилась в прежний свой лагерь у колодцев, оставив драгунов и иррегулярные войска докончить дело. Дагестанцы, а особенно уцмий и его люди, дорого заплатили за свою опрометчивую попытку прервать ход столь превосходящей их армии. Мы прождали там два дня в ожидании драгунов и иррегулярных войск.

27-го августа, снова собравшись воедино, мы свернули лагерь и двинулись на юго-восток, через пересохшие равнины, в сторону Дербента. Ночью мы дошли до ручья у подножия гор, где и разбили лагерь, не увидев никого из врагов.

28-го августа мы продолжили поход и прошли ущелье.

29-го августа, на подходах к Дербенту, император остановился и дал войску время собраться и привести себя в порядок перед тем, как войти в город, так как это был пограничный город, принадлежавший шаху Персии.

Стр. 348

30-го августа⁷ армия выдвинулась вперед во главе с императором верхом на коне. На расстоянии около трех английских миль от Дербента, правитель этого места, в сопровождении офицеров и чиновников города, вышел навстречу Петру, дабы преподнести ему золотые ключи от города и цитадели, которые они положили на подушечку из богато украшенной персидской парчи. Губернатор⁸ и вся его свита во время этой краткой церемонии присели на колени. Император принял этих господ весьма

6. Здесь под городом автор подразумевает селение Утамыш, центр владений султана Махмуда Утамышского, а не кайтагского уцмия.

7. Числа у Белла не соответствуют числам из других источников, например, дата взятия Дербента у автора 30 августа, а в других – 23 августа.

8. Наиб Дербента Имам Кули-бек. О нем см.: [25, с. 306–322].

любезно, и выказал им свою признательность. Они провели его в город, где, по прибытии, армия простояла несколько дней. Приставили караул ко всем воротам и ввели гарнизон в крепость под начальством полковника Юнгера, которого снабдили артиллерией и прочими припасами.

Стр. 349

Император проехал весь город, ведя свое войско, и расположился лагерем между виноградниками в одной английской миле к северо-востоку от города, и около полумиле от берега.

Вскоре после этого император, сопровождаемый своими генералами, вернулся обратно в город, и обследовал состояние укреплений. По этому случаю персидский губернатор [дербентский наиб] предложил его Величеству свои покои и столько места для армии, сколько она уместится. Однако, чтобы не причинять жителям города неудобства, либо по какой-то иной причине, император отклонил это предложение, и к ночи вернулся в свой лагерь.

Так прошло несколько дней. Мы делали все необходимые приготовления для выдвигания вглубь страны, дожидаясь, когда транспорт с провизией, припасами и прочим прибудет из Астрахани.

Стр. 350

По итогу они прибыли в сохранности, однако самое неприятное обстоятельство произошло на следующую ночь: после их прибытия разразился сильный шторм с северо-востока, и большую их часть прибило к берегу, где они потерпели крушение; однако, к счастью, мало кто пострадал. Это несчастье расстроило планы его Величества: страна была лишена всего необходимого, а ожидать новой помощи из Астрахани было уже поздно, что и вынудило приостановить все продвижения на пока и оставить все как есть. Петр собрался вернуться назад в Астрахань тем же путем, что мы прибыли, оставив достаточно гарнизона в Дербенте для удержания приобретенных им преимуществ.

Прежде чем продолжить далее, мне стоит дать краткое описание Дербента. Говорят, что это место первым построил и укрепил в соответствии со стилем фортификаций того времени Александр Великий. Хоть в эту историю и сложно подтвердить, как и во время его первой постройки, все же по множеству признаков город выглядит весьма древним.

Стр. 351

Архитектура нынешних цитадели, стен, ворот выглядят по-европейски. Цитадель стоит на самой высокой точке города и смотрит на сушу. Стены города построены из крупных блоков квадратного камня и уходят вглубь моря, дабы предотвратить пересечение этого места врагом. Гавань сейчас настолько ограничена сушей, что туда едва ли вместится маленькая лодка.

Дербент именуют ключом к Персидской империи, который также держит в страхе горцев и других соседей по ту сторону. Расположение города весьма благоприятное, плавно восходящее от моря к вершинам склонов, имея таким образом превосходство над большой территорией, особенно в сторону юго-запада. Около 30 миль к югу находится одна из самых высоких гор Персии – Шах-Даг, покрытая снегом круглый год. К востоку от города располагаются обширные виноградники, дающие богатый урожай для белого и красного вина. Состоятельные люди держат вино в сосудах, закопанных в землю, что позволяет сохранить его на долгие годы.

Окрестности так же богаты плодородными равнинами, а недалеко есть лес с грецкими орехами, дубами и тому подобным. Здесь располагается крайне важная граница, посему царь Персии всегда назначает управителем города человека выдающегося.

Стр. 352

Его величество, оставив достаточно людей в Дербенте под начальством полковника Юнгера, выступил в обратный поход 18 сентября, прошел город тем же образом и отбыл той же дорогой, что и прибыл.

29-го сентября мы прибыли в Аграханскую крепость, при которой находился оставленный нами флот.

Первого октября перенесли на суда тяжести и артиллерию, а в крепости оставили достаточное число солдат и пушек для защиты.

Стр. 353

Здесь я бы хотел поведать читателю о стране, известной как Черкассия/Черкессия [*Tzercassia*], или, как ее именуют жители этой страны, Дагестан, от слова даг, что означает гора на их языке. Эта страна расположена между Черным и Каспийским морями; эти два моря омывают ее с северо-запада и юго-востока. На юге она простирается до провинции Гургистана, также известной как Грузия. На севере частично граничит со степями или пустыней, что пролегает между Азовом [*Asoph*] и Астраханью.

Эта страна разделена на несколько независимых княжеств: Кабарда [*Kaberda*], Шафкал/Шамхал [*Shaffkal*], Уцмий/Усмей [*Ussmey*] и множество других, под управлением своих начальников, избираемых народом. И хотя и известно, что этот пост занимался представителями одной семьи, все же частенько случалось и такое, что через мужское управление, либо по причине войн между этими княжествами, правитель со своей семьей изгонялся, а на его место назначался другой. Также известно, что Сефи⁹ Персии назначал и смещал некоторых из князей Дагестана, находящихся по соседству с Персией. Как Сефи, так и Порта претендуют на суверенитет Дагестана...

Стр. 354

...однако, за последние годы, этот народ, полагаясь на свое мужество и естественное превосходство своих земель, не проявляет никакого уважения к столь могущественным монархам, которые временами то угрожают им, то пытаются с ними подружиться.

Эта страна покрыта горами практически на всем своем протяжении; некоторые из ее гор весьма величавы. Однако, как мне рассказали, здесь также достаточно много плодородных долин, на которых произрастает кукуруза, виноград и фрукты, естественные для этого климата. Помимо замечательных скакунов, они разводят скот, особенно овец, которые дают самую прекрасную шерсть из всех, что мне доводилось видеть. Является ли известное золотое руно продуктом этих земель или нет, я оставляю для уточнения другим.

Мужчины Дагестана в основном крепкие и хорошо сложенные. Многие из них ходят на службе у Сефи и часто занимают высокое положение. Этмадовлет или премьер-министр Али-бег был выходцем из этих земель. Что касается их женщин, то они считаются самыми прекрасными во всей Азии, как в плане цвета и черт лица, так и в плане стройной фигуры, поэтому этих бедняжек часто покупают за высокую цену или крадут в качестве наложниц в Испагань, Константинополь и другие восточные страны.

9. Иранские шахи из династии Сефевидов.

Стр. 355

Дагестанцы в основном магометане [мусульмане]; некоторые являются последователями Османского течения, другие – Али [*Haly*]¹⁰. Некоторые из них – христиане греческой церкви. Их язык, по большей части, турецкий или скорее диалект арабского, хотя многие говорят на персидском.

Еще один момент, который стоит упомянуть, касается их законов гостеприимства. В основе этого закона лежит, что если вы приютили у себя даже самого злейшего врага, то хозяин, в каком бы положении он не находился, отвечает за его безопасность, пока тот находится у него дома, а также обязуется провести его до безопасного места через свои земли. Этими строками я бы хотел закончить свой рассказ о дагестанцах.

5-го октября его Величество отправился на своей галере, а флот последовал за ним.

14-го прибыли в Астрахань, 25-го ноября прибыл в Москву, а его величество – в середине декабря, 1722».

Итак, как это видно из переведенного нами текста, путевые заметки Джона Белла повествуют об его участии в Персидском походе в свите Петра I. Путешествие началось в мае 1722 г. отбытием Петра I и сопровождающих его лиц из Москвы и их прибытием (через Нижний Новгород, Казань, Саратов и Астрахань) вместе с погруженными на кораблях войсками до берегов Терека. Оно заняло почти три с половиной месяца.

Белл описывает обстоятельства военных столкновений императорских войск с жителями сел. Эндирей и горцами *уцмия*. Особое внимание он уделяет визиту Петра I и его супруги к владельцу Тарков Адиль-Гирею. Ценным является его описание Дербента и Дагестана.

В своем повествовании Белл отождествляет Черкессию и Дагестан. Правильно указывая границы Дагестана, он ошибочно делит его на несколько независимых княжеств – Кабарду, владения *шамхала* и *уцмия*, а также на «множество других, под управлением своих начальников, избираемых народом»¹¹.

Белл описывает природу и климат Дагестана, возделываемые его жителями сельскохозяйственные культуры и разводимый ими скот, дает антропологическую, профессиональную и лингвистическую характеристику жителям края, указывая, что «их язык, по большей части, турецкий или скорее диалект арабского, хотя многие говорят на персидском». Эти языки были распространены в основном на Равнине и в Южном Дагестане (и особенно в Дербенте), однако, как известно, жители Горного Дагестана (включая подданных *уцмия*) говорили на языках нахско-дагестанской группы северокавказской семьи языков.

Завершая свое повествование о дагестанцах, Белл приводит их замечательный обычай гостеприимства.

Заключение

Таким образом, переведенный нами раздел «Путешествие из Москвы в Дербент в Персии, в 1722 году» книги Джона Белла «Путешествия из Санкт-Петербурга, по России, в разные уголки Азии» является ценным источником по истории Персидского похода Петра I и пребыванию российских императорских войск на юго-западных берегах Каспийского моря в 1722 г. Его ценность состоит в описании многих новых

10. Здесь автор подразумевает деление мусульман на суннитов и шиитов.

11. Видимо, речь идет о союзах вольных обществ

обстоятельств и деталей похода, научная достоверность которых подтверждена трудами других авторов и очевидцев этих исторических событий. Ценны также его географические и этнографические описания Дербента и Дагестана, природы и климата края, населяющих его народов, их хозяйственных занятий, антропологическая, конфессиональная и лингвистическая характеристика горцев. В тоже время в путевых заметках Джона Белла имеются некоторые неточности, касающиеся, например, датировки описываемых событий, ошибочно его включение Кабарды в состав Дагестана и др.

Как нам кажется, перевод в новой редакции труда Джона Белла с нашими комментариями станет новым вкладом в историографию российского кавказоведения, что актуально в связи с 350-летием со дня рождения первого российского императора Петра Великого и 300-летием Персидского похода.

Благодарность. Статья была подготовлена в рамках гранта РФФИ № 20-09-42023 «Петр Великий в исторической судьбе Кавказско-Каспийского региона».

Acknowledgments. The publication was funded by RFBR, project No. 20-09-42023 «Peter the Great in the historical destiny of the Caucasian-Caspian region».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белевы путешествия чрез Россию в разныя азиатския земли; а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Пер. с франц. Михайло Попов. В 3-х частях. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1776. Ч. 1. 250 с.; Ч. 2. 244 с.; Ч. 3. 246 с.
2. *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. СПб.: Тип. Демакова, 1875. Ч. 1. 701 с.
3. *Веселаго Ф.Ф.* Краткая история русского флота. М.: Л.: Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1939. 304 с.
4. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. 554 с.
5. *Лысов В.П.* Персидский поход Петра I. 1722–1723 гг. М.: Изд-во МГУ, 1951. 247 с.
6. *Тушин Ю.П.* Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век) / Отв. ред. В.В. Мавродин. М.: Наука, 1978. 183 с.
7. *Кирокосьян М.А.* Русский флаг на Каспии: Два столетия Каспийской флотилии (середина XVII – середина XIX века). Пираты Каспийского моря. М.: Военная книга; Кучково поле, 2013. 416 с.
8. *Курюкин И.В.* Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 381 с.
9. *Кучирь А.Г.* «Каспийское мореходство – дело государево»: История борьбы за Каспий. СПб.: Морское наследие, 2015. 192 с.
10. История Дагестана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. А.И. Османов. В 2-х т. Т. 1. История Дагестана с древнейших времен до XX века. М.: Наука, 2004. 627 с.
11. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией: К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России / Отв. ред. А.И. Османов. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2009. 752 с.
12. *Магарамов Ш.А., Чекулаев Д.Н., Иноземцева Е.И.* История Дербентского гарнизона Российской императорской армии (1722–1735): К 300-летию провоз-

REFERENCES

1. *Bell's journey through Russia to various Asian lands; namely: to Ispahan, to Beijing, to Derbent and Constantinople.* Michael Popov (transl.). In 3 parts. St. Petersburg: At Imp. Acad. of Sciences, 1776. Part 1. 250 p.; Part 2. 244 p.; Part 3. (In Russ.)
2. *Veselago FF. Essay on Russian maritime history.* St. Petersburg: Demakov Printing House, 1875. Part 1. (In Russ.)
3. *Veselago FF. Brief history of the Russian fleet.* Moscow; Leningrad: Naval Publishing House of the NKVMF USSR, 1939. (In Russ.)
4. *History of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century.* Moscow: Nauka, 1988. (In Russ.)
5. *Lyscov VP. Persian campaign of Peter I. 1722–1723.* Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1951. (In Russ.)
6. *Tushin JuP. Russian navigation in the Caspian, Azov and Black Seas (XVII century).* V.V. Mavrodin (ed.). Moscow: Nauka, 1978. (In Russ.)
7. *Kirokosjan MA. Russian flag in the Caspian: Two centuries of the Caspian flotilla (mid-17th - mid-19th centuries). Pirates of the Caspian Sea.* Moscow: Military book; Kuchkovo field, 2013. (In Russ.)
8. *Kurukin IV. Persian Campaign of Peter the Great: Grassroots Corps on the Banks of the Caspian Sea (1722–1735).* Moscow: Quadriga; United edition of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. (In Russ.)
9. *Kuchir' AG. Caspian navigation is the business of the sovereign: The history of the struggle for the Caspian Sea.* Saint-Petersburg: Marine heritage, 2015. (In Russ.)
10. *History of Dagestan from ancient times to the present day.* A.I. Osmanov (ed.). In 2 vol. V. 1. *History of Dagestan from ancient times to the XX century.* Moscow: Nauka, 2004. (In Russ.)
11. *The history of centuries-old relations and unity of the peoples of Dagestan with Russia: to the 150th anniversary of the final entry of Dagestan into Russia.* A.I. Osmanov (ed.). Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS, 2009. (In Russ.)

глашения Российской империи. М.: Изд-во «Лотос», 2021. 192 с.

13. Сефербеков Р.И. Каспийская флотилия: становление и развитие, прошлое и настоящее // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2022. Том 37. Вып. 2. С. 37–56.

14. Западный Прикаспий в составе Российской империи (1722–1735 гг.): сборник архивных документов / Сост. Е.И. Иноземцева, Ш.А. Магарамов, Н.Д. Чекулаев. Махачкала: Институт ИАЭ ДФИЦ РАН; МавраевЪ, 2020. 376 с.

15. Клычников Ю.Ю. «Нелицемерною любовью приняли»: 300-летие похода императора Петра Великого на Каспий (к новинке отечественного кавказоведения: Магарамов Ш.А., Чекулаев Н.Д., Иноземцева Е.И. История Дербентского гарнизона Российской императорской армии (1722–1735)). Махачкала: Лотос, 2021. 192 с.) // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 2. С. 233–247.

16. John Bell. Travels from St. Petersburg in Russia to diverse parts of Asia. In 2 volumes. Vol. II. Glasgow: Print. by R. and A. Foulis, 1763. 426 p.

17. John Bell. Travels from St. Petersburg in Russia to diverse parts of Asia. In 2 volumes. Vol. I. Glasgow: Print. by R. and A. Foulis, 1763. 378 p.

18. Мирский М.Б. Доктор Роберт Эрскин – первый российский архиатр // Отечественная история. 1995. № 2. С. 135–145.

19. Иодко О.В. Арескин Роберт Карлович // Ученые-фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий биографический справочник: А–В / науч. ред. и сост. Е.Ю. Басаргина, И.В. Тункина. СПб.: Реноме, 2018. 196 с.: Краткий биографический справочник: А–В / науч. ред. и сост. Е.Ю. Басаргина, И.В. Тункина. СПб.: Реноме, 2018. 196 с.

20. Останина М.А. Путевые заметки Джона Белла о поездке через азиатское пространство (1719–1721 гг.) как источник материалов о Сибири в Европе и России в XVIII–XIX вв. // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2 (75). С. 571–574.

21. Сперанская Н.М. Дневник Персидского похода 1722–1723 гг. из библиотеки Вольтера // Материалы конференции «Петр I и Восток» XI Международного Петровского конгресса. 2019 (Санкт-Петербург, 01–02 июня 2018 г.). СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2019. С. 164–184.

22. Ткаченко Д.С. Путевые заметки Роберта Портера как источник изучения формирования образа Кавказа у европейской общественности первых десятилетий XIX в. // Электронный журнал «Кавказология». 2022. No 2. С. 22–36.

23. Под стягом России: Сборник архивных документов / Сост., примеч. А.А. Сазонова, Г.Н. Герасимовой, О.А. Глушковой, С.Н. Кистерева. М.: «Русская книга», 1992. С. 118–137.

24. Чекулаев Н. Д. Расположение войск гарнизона крепости Святого Креста на Кавказе. 1722–1735 гг. // Военно-исторический журнал. 2007. № 7. С. 36–38.

25. Магарамов Ш.А. «О верности его известно всем»: политическая деятельность наиба Дербента имама Кули-бека // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 2. С. 306–322.

12. Magaramov ShA, Chekulaev DN, Inozemtseva EI. *History of the Derbent garrison of the Russian Imperial Army (1722–1735): To the 300th anniversary of the proclamation of the Russian Empire*. Moscow: Lotos, 2021. (In Russ.)

13. Seferbekov RI. *Caspian flotilla: formation and development, past and present*. *Bulletin of the Dagestan State University. Series 2. Humanities*. 2022, 37(2): 37–56. (In Russ.)

14. *Western Caspian region within the Russian Empire (1722–1735): a collection of archival documents*. E.I. Inozemtseva, Sh.A. Magaramov, N.D. Chekulaev (comps.). Makhachkala: IHAE DFRC RAS; Mavraev, 2020. (In Russ.)

15. Klychnikov JuJu. Received with unfeigned love: the 300th anniversary of the campaign of Emperor Peter the Great to the Caspian Sea (to the novelty of domestic Caucasian studies: Magaramov Sh.A., Chekulaev N.D., Inozemtseva E.I. History of the Derbent garrison of the Russian Imperial Army (1722–1735)). Makhachkala: Lotos, 2021. 192 p.). Makhachkala: Lotos, 2021. 192 s.). *Caucasus*. 2022, 2: 233–247. (In Russ.)

16. John Bell. *Travels from St. Petersburg in Russia to diverse parts of Asia*. In 2 volumes. Vol. I. Glasgow: Print. by R. and A. Foulis, 1763.

17. John Bell. *Travels from St. Petersburg in Russia to diverse parts of Asia*. In 2 volumes. Vol. II. Glasgow: Print. by R. and A. Foulis, 1763.

18. Mirskij MB. Dr. Robert Erskine – the first Russian archiatrist. *National history*. 1995, 2: 135–145. (In Russ.)

19. Iodko OV. Areskin Robert Karlovich. *Fund-creating scientists of the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences: Brief biographical guide: A–B*. E.Yu. Basargin, I.V. Tunkina (scientific. ed. and comp.). St. Petersburg: Renome, 2018. (In Russ.)

20. Ostanina MA. John Bell's travel notes on a trip through Asia (1719–1721) as a source of materials on Siberia in Europe and Russia in the 18th–19th centuries. *The world of science, culture, education*. 2019, 2(75): 571–574. (In Russ.)

21. Speranskaja NM. Diary of the Persian Campaign 1722–1723 from the Voltaire Library. *Proceedings of the conference “Peter I and the East” of the XI International Peter's Congress*. 2019 (St. Petersburg, June 01–02, 2018). St. Petersburg: European House Publishing House, 2019: 164–184. (In Russ.)

22. Tkachenko DS. Robert Porter's travel notes as a source for studying the formation of the image of the Caucasus among the European public in the first decades of the 19th century. *Caucasus*. 2022, 2: 22–36. (In Russ.)

23. Under the banner of Russia: collected documents. A.A. Sazonov, G.N. Gerasimova, O.A. Glushkova, S.N. Kisterev (comps.). *Russkaya Kniga*, 1992. p. 118–137.

24. Chekulaev ND. The location of the troops of the garrison of the fortress of the Holy Cross in the Caucasus. 1722–1735. *Military history magazine*. 2007, 7: 36–38. (In Russ.)

25. Magaramov ShA. “Everyone knows about his fidelity”: the political activity of the naib of Derbent, Imam Kuli-bek. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2022, 18(2): 306–322. (In Russ.)

Поступила в редакцию 15.07.2022

Принята в печать 27.09.2022

Опубликована 25.12.2022

Received 18.08.2022

Accepted 09.10.2022

Published 25.12.2022

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH184932-940>

Исследовательская статья

Махач Абдулаевич Мусаев
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
mahachmus@gmail.com

ЧИСЛЕННОСТЬ И ПОТЕРИ АРМИИ НАДИР-ШАХА В ДАГЕСТАНСКОЙ КАМПАНИИ 1741-1743 гг.

Аннотация. Дагестанской кампании Надир-шаха 1741–1743 гг. посвящено множество исследований. Ознакомление с ними показывает значительное расхождение в оценке численности армии Надир-шаха, вторгшейся в Дагестан весной 1741 г. Авторами приводятся сведения, указывающие ее количественный состав от «нескольких десятков тысяч» до «ста пятидесяти тысяч». Ссылаются же авторы в основном на весьма ограниченный круг источников информации, предоставляемой П.Г. Бутковым и Л. Базином. Между тем в Архиве внешней политики России хранятся зашифрованные донесения русских резидентов Ивана Калужкина и Василия Братищева, которые находились в ставке Надир-шаха в период военной кампании. Изучение их сведений позволяет получить представление о количестве войск армии шаха в войне, а также определить число потерь его войск: Общая численность солдат в дагестанском походе достигла примерно 110 тыс. чел. Вместе с армией прибыло примерно 40 тыс. человек обслуживающего персонала и женщин. Из солдат более 82 тыс. чел. погибли в Дагестане или, в незначительном количестве, за увечьем были отправлены домой. Большей частью потери были боевые, меньшей – от голода и болезней. Вероятно такими же крупными были и потери среди «служащих». Реляции русских резидентов при персидском дворе очень информативный источник, из них можно узнать много интересных подробностей не только о количестве войск, потерях, но и хронологию военных событий, результаты битв, о тактике и стратегии действий Надир-шаха, о проблемах военной кампании, о путях их решения, международных отношениях и много иных исторических сведений.

Ключевые слова: Надир-шах; Афшариды; Дагестанская кампания 1741–43 гг.; Персидская армия.

Для цитирования: Мусаев М.А. Численность и потери армии Надир-шаха в дагестанской кампании 1741-1743 гг. // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 932-940. doi: 10.32653/CH184932-940

© Мусаев М.А., 2022
© Сефербеков М.Р., перевод, 2022
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH184932-940>

Research paper

Makhach A. Musaev
Cand. Sci. (History), Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
mahachmus@gmail.com

THE STRENGTH AND LOSSES OF NADIR SHAH'S ARMY IN THE DAGESTAN CAMPAIGN OF 1741-1743

Abstract. A number of solid monographs are dedicated to Nadir Shah's campaign in Dagestan in 1741-1743. While reviewing these studies, one can note a significant discrepancy in the estimations of the size of Nadir Shah's troops during the invasion of Dagestan in the spring of 1741. The authors provide information that specifies the army's size ranging from "several dozen" to "one hundred and fifty thousand" men. However, they mainly cite a very limited range of sources of information provided by P.G. Butkov and L. Bazin. Meanwhile, the Foreign Policy Archives of the Russian Empire stores encrypted reports of the Russian residents at Nadir Shah's court Ivan Kalushkin and Vasily Bratishchev. Examination of their information provides an idea of the number of troops of the Shah's army in the war, as well as determine the number of losses of his troops: the grand total of soldiers in the Dagestan campaign reached approximately 110 thousand people. Along with the army, there were about 40,000 service personnel and women. Of the soldiers, more than 82 thousand died in Dagestan and a small number of injured men were sent home. Most of the losses were due to combat, less – to hunger and diseases. The losses among the service personnel might have been just as large. The reports of the Russian residents at the Persian court are a very informative source, from which we can learn many interesting details not only about the number of troops, losses, but also the chronology of military events, the results of battles, about Nadir Shah's tactics and strategy, about the problems of the military campaign, their solutions, international relations and lots of other historical information.

Keywords: Nadir Shah; Afsharid dynasty; Dagestan campaign of 1741-1743; Persian army.

For citation: Musaev MA. The strength and losses of Nadir shah's army in the Dagestan campaign of 1741-1743. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2022. Vol. 18. N. 4. P. 932-940. doi: 10.32653/CH184932-940

© M.A. Musaev, 2022
© M.R. Seferbekov, translation, 2022
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2022

Правлению Надир-шаха и его бурной военной и политической деятельности посвящены основательные монографии специалистов по истории Востока, а непосредственно его походы в Дагестан, освещены в нескольких трудах – специализированных исследованиях советских и российских историков дагестанского происхождения. При ознакомлении с исследованиями можно обратить внимание на значительное расхождение в оценке численности армии Надир-шаха, вторгшейся в Дагестан весной 1741 г. Авторами приводятся сведения, указывающие ее количественный состав от «нескольких десятков тысяч» до «ста пятидесяти тысяч» [1, с. 201; 2, с. 110; 3, с. 321; 4, с. 112–113; 5, с. 195; 6, с. 143; 7, с. 140; 8, с. 184–185; 9, с. 234; 10, с. 31, 36]. Ссылаются же авторы в основном на весьма ограниченный круг источников информации, предоставляемой П.Г. Бутковым и Л. Базином.

П. Бутков пишет, что «Надыр в 1741 г. обратился на восточную сторону Дагистана, более как в 100 т. войска, и пришел сюда выше Кубы, чрез местечко Гавдышан» [11, с. 211]. Автор – Петр Григорьевич Бутков (1775–1857) – русский военный и ученый, который по долгу службы в канцелярии на Кавказе имел доступ к архивной информации [12, с. 90; 13, с. IX–X]. Что касается Луи Базина, то он, будучи иезуитским священником, в 1741 г. оказался в Дербенте, когда в городе была армия Надира. Он пишет, что его «войско, значительно увеличившее свою численность во множестве военных экспедиций, насчитывало 150 000 человек» [14, р. 288–289].

Другой источник, на который ссылаются исследователи – это материалы Архива внешней политики Российской империи. Среди них зашифрованные сообщения русского резидента при дворе Надир-шаха Ивана Калушкина. Его сведения за основу взяли М. Арунова и К. Ашрафян. Они указывают, что численность войск Надир-шаха достигала «52 тыс. воинов, а после окончания похода в Аварию – не более 27 тыс.». Цитируемый источник – это Реляция И. Калушкина №25 от 28 сентября 1741 г. Между тем имеются уточненные реляции №26 от 8 октября и №30 от 4 ноября 1741 г. В последней изложено следующее:

«Дополнение к Реляции №26 от 8 октября 1741 г. с указанием о численности персидских войск и потерях в Дагестане, а именно:

В Дагестанской экспедиции было войско, которое состояло из солдат разных персидских провинций и новонабранных – всего 52 тыс.

Шах при бегстве из Дагестана встретил на дороге¹ – 2545.

Всего войска было – 54545.

При пребывании шаха в Дагестане в разных местах² лезгинами³ убито, в плен взято и захвачено:

военных людей – 29805;

всякого звания domestиков, служителей и женского пола – 12473;

верблюдов мулов, лошадей с багажом – до 55940.

При пребывании шаха в Дербенте из команды Рустом-бека, стоящего в Табасаране, убито, в плен взято и захвачено:

военных людей – 2200;

1. Подразумевается, что 2545 человек направлялись на пополнение шахских войск при Андалальском сражении, но не успели к нему и были встречены Надиром при своем отступлении.

2. Подразумеваются потери при Андалальском сражении и после него, когда войска Надир-шаха отступали к Дербенту разными путями.

3. Вплоть до 20-х гг. XX в. дагестанцев было принято называть лезгинами. Этимология не ясна, но, вероятно, восходит к названию раннесредневекового государственного образования Лакз, располагавшегося на Восточном Кавказе. В русский и европейские языки этноним «лезгины» вошел через персидскую и тюркскую традицию обозначения дагестанских народов. Соответственно под этнонимом «лезгины» следует понимать дагестанцев. Подробнее см. объяснения В.Г. Гаджиева [15, с. 185].

от ран померло – 536;

всякого звания domestиков и женского пола – с 400;

мулов и лошадей с багажом – 806.

При пребывании шаха в Кара-Кайтаге, посланных для разорения известной деревни, убито, в плен взято и захвачено:

военных людей – 1165;

служителей – 934;

мулов и лошадей – 2847.

В это же время посланных для высвобождения вышеуказанных в плен взято и убито:

военных людей – 2000;

и направленных для расчистки дороги военных людей убито – 1000.

Всего убито и в плен взято персиян – 50513 душ.⁴

Военных людей – 36706;

Служителей всякого звания и женского пола – 13807;

Уничтожено и захвачено верблюдов, мулов, лошадей с багажом до 59593»⁵.

И. Калушкин в своих сообщениях разделяет «военных людей» и «служителей», указывает потери по каждой из категорий. При этом он в точности называет численность «военных людей», но не указывает количество «служителей разного рода», бывших при войске. Если исходить из указанных резидентом потерь, то соотношение одной категории к другой составляет примерно 2,4:1 или 2,7:1⁶. При такой пропорции, когда число «военных людей» достигало 54,5 тысяч, общая численность армии должна была составлять 75–77 тыс. чел., из которых 20,5 – 22,5 тыс. являлись «всякого звания domestиками, служителями и женского пола».

По сообщениям русского резидента, в результате военных действий с августа по октябрь шах потерял 50513 душ. В наличии у него осталось 17839 военных людей и, по нашим подсчетам, примерно 6,7 – 8,7 тыс. обслуги. При этом указывается, что «между ними много хворых и от голода помирают»⁷.

Методика расчета, примененная нами выше, единственно возможная, за отсутствием других данных, позволяющая определить общую численность войск Надир-шаха при походе в Дагестан.

Боевые действия продолжались и в конце 1741 г. Горцы регулярно атаковали места расположения персидских войск. В самом начале января 1742 г. русский резидент уже писал, что «одних военных людей шах потерял 39304»⁸. Из чего следует, что потери были и среди персонала обслуживавшего армию. Т.е. за два последних месяца года потери составили минимум 2598 человек, а вероятнее всего превысили 3 тыс., поскольку человеческий ущерб указан только в отношении солдат. Мы исчисляем потери «служителей всякого звания» в минимальных пределах, поскольку бои конца 1741 г. носили для персидских сил оборонительный характер и проходили в непосредственной близости от укрепленного Дербента.

Эти цифры интересно сравнить со сведениями из отчетов Голландской Ост-Индской компании, где имеется сообщение, что «Надир, как утверждается, потерял

4. В это число входит 3700 раненных военных людей, которых «за увечьем службе ставших быть негодными», Надир-шах отпустил по домам по прибытии своему в Дербент (Реляция №26 от 8 октября 1741 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 7. 1741 г. Лл. 423).

5. Реляция №30 от 4 ноября 1741 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 7. 1741 г. Лл. 472-473.

6. 29805:12473≈2,4; 36706:13807≈2,7.

7. Реляция №25 от 28 сентября 1741 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 7. 1741 г. Лл. 395.

8. Реляция №2 от 5 января 1742 // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 4. 1742 г. Л. 22.

80 тыс. человек против лезгин, и у него осталось только 50 тысяч дееспособных людей, которых он вывел в Дербент». Сообщение датируется 17 января 1742 г., и сделано Аалмисом, возглавлявшим факторию компании в Исфакханах [16, р. 98].

Сокрушительное поражение в сентябрьской Андалальской битве, огромные потери, холод и голод, возникший вследствие ошибок в логистике планирования похода, не вынудили Надир-шаха ретироваться. Он, «покаявшийся на Алкоране извести дагестанцев», продолжал упорствовать. Оставшись на зимовку в районе Дербента, шах рассчитывал на пополнение. Судя по реляциям И. Калушкина, шах «непрестанно в разные города указы рассылает о наборе войск, ибо у него с дагестанцами идет дело тяжкое против которых принял меры все свои силы употребить»⁹. О пополнении войск резидент писал следующее:

В начале февраля И. Калушкину «встретились тысяча авганцов, идущие к шаху, половина пешие и все в гнусном состоянии. Прежде они были в Балбасской экспедиции». При этом он дополняет, что есть причины полагать, что еще войска прибудут, поскольку в реляциях в Персию Надир-шах доносил «об отмщении всеподданнейших»¹⁰.

В конце февраля резидент сообщал, что прибыли 7 тысяч авганцов, которых приполнили тысячей человек из ширванских, муганских и ардевильских аулов. По мнению резидента, это часть войска состоявшего в Балбасской экспедиции в числе 20 тыс. чел. под командой Ашур-хана. Далее он уточняет, что «из оставшихся 12 тыс., 4 тыс. уже к Самуру реке прибрели, а остальные позади тащатся».¹¹

В конце апреля Калушкин сообщал, что в персидский лагерь прибыло «до 25 тыс. чел. из адырбайджанской провинции собранного и вновь в службу нахватанного».¹²

Из этих сообщений следует, что в феврале-апреле 1742 г. войска Надира в Дагестане пополнились более чем на 45 тыс. человек. Учитывая, что в 1741 г. в Дагестан вторглось войско в 55 тыс. человек, в общем военные силы Надир-шаха составили 100 тыс. человек. Из этой цифры становится ясно, что П.Г. Бутков, указывая именно такую численность войск Надир-шаха, основывался архивными донесениями русской резидентуры в стане шаха Надира. При этом данная цифра не учитывает обслуживающий персонал, который, по всей видимости, превосходил треть численности армии.

Косвенно сведения И. Калушкина, умершего 9 июня 1742 г., подтверждаются донесениями его преемника Василия Братищева, до этого бывшего переводчиком у резидента. Исполняющий обязанности резидента сообщал 25 июня, что Надир-шах «вчерашнего дня, имея 40 тыс. военных людей и облегчив сколько возможно было, и, взяв с собой 4 тыс. пеших в поход вступил».¹³ При этом, в это же время 8 тыс. человек под командой «шахова шурина Фетхали-хана ради довольствия трав и прокорма лошадей» были направлены на Южный Кавказ.¹⁴ И в это же время все больные авганцы были переведены в отдельный лагерь под Бойнаком¹⁵, и, надо полагать, некоторая часть войск охраняла иные лагеря шаха. К этому надо присовокупить, что в июньских битвах персы несли серьезные потери, и, как упоминалось, умирали от болезней.

9. Реляция №2 от 5 января 1742 // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 4. 1742 г. Л. 23.

10. Реляция №7 от 18.02.1742. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 4. 1742 г. Л. 133.

11. Реляция №9 от 28 февраля 1742 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 4. 1742 г. Л. 161.

12. Реляция Калушкина №16 от 30 апреля 1742 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 4. 1742 г. Л. 246; Реляция Братищева от 5 мая 1742 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 5. Ч.1. 1742 г. Л. 43.

13. Реляция Братищева от 25 июня 1742 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 5. Ч.1. 1742 г. Л. 150.

14. Реляция Братищева от 22 июля 1742 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 5. Ч.1. 1742 г. Л. 212.

15. Реляция Братищева от 14 июля 1742 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 5. Ч.1. 1742 г. Л. 198.

Учитывая вышеизложенное, мы бы оценили численность войск шаха к июлю 1742 г. в 60 тыс. чел. То есть на самом деле с февраля 1742 г. войска шаха пополнились на 55 тыс. человек¹⁶, а не на 45.

Уже в сентябре Братищев писал, что у шаха осталось войск от 25 до 28 тыс.¹⁷, тогда как немногим более месяцем ранее сообщал, что «все шаховы войска которого ныне при нем налицо за всеми уронами до тридцати тысяч набраться может в крайнем истощении и хилости находится, не имея к поправлению ни малые надежды».¹⁸

В начале октября 1742 г. резидент доносил, что все войско Надира, составляет 20 тыс. чел. Из них от 7 до 8 тыс. при шахе находятся, а остальные в разных местах собраны¹⁹. В конце октября Братищев предоставил уточненные данные:

В готовности при шахе – 9 тыс.;

В Шабране и в Мушкуре – авганцев, курдов и других – 4200 чел.;

В Муганской степи – узбеки в количестве 8 тыс.;

В той же Муганской степи – всяких до 7 тыс.²⁰

Т.е. от армии Надир-шаха к концу октября осталось 28 тыс. военных людей.

Причина огромных потерь не только в голоде и холоде, как это было зимой 1741-42 гг.²¹, но и в эпидемиях, которые случались регулярно. Например, 14 июля В. Братищев сообщал, что «из авганцов и озбеков по 100 и даже 150 человек в день помирают» по болезни²².

К причинам высокой смертности следует отнести также несколько иных факторов:

1. Осень 1741 г. и весна 1742 г. были крайне дождливыми. Кремниевые ружья горцев в этих условиях оказались значительно эффективнее фитильных, которыми в основном пользовались персы²³;

2. Подкрепления 1742 г. имели крайне низкий боевой дух и были плохо вооружены. Например, прибывшие весной узбеки «склонность к побегу имеют», и вооружены были в основном «простыми жердьми», и только некоторые имели «ружья, сабли и дротики»²⁴;

3. Дагестанцы изматывали противника партизанской войной, постоянными нападениями, наносящими значительный урон. Они были направлены не только против боевых сил, но и снабжения войск²⁵. Это приводило к тому, что персы не чувствовали безопасности даже в собственных укрепленных лагерях и все время находились в напряжении;

16. При расчете мы учитываем потери персидской армии в первой половине 1842 г.

17. Реляция Братищева от 5 сентября 1742 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 5. Ч.1. 1742 г. Л. 334.

18. Реляция Братищева от 31 июля 1742 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 5. Ч.1. 1742 г. Л. 262. Огромные потери июля 1742 г. объясняются двумя крупными походами Надир-шаха на Акуша и Авар. В первом из них ему удалось подчинить союз обществ Акуша-Дарго и получить 86 аманатов. Второй поход завершился без результатов (Реляция Братищева от августа 1742 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 5. Ч.1. 1742 г. Лл. 251-252).

19. Реляция Братищева от 9 октября 1742 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 5. Ч.1. 1742 г. Л. 416.

20. Реляция Братищева от 21 октября 1742 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 5. Ч.1. 1742 г. Л. 478.

21. Реляция №6 от 27 января 1742 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 4. 1742 г. Л. 107.

22. Реляция Братищева от 14 июля 1742 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 5. Ч.1. 1742 г. Л. 200.

23. Реляция №26 от 8 октября 1741 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 7. 1741 г. Л. 411; Реляция Братищева от 21 октября 1742 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 5. Ч.1. 1742 г. Л. 479.

24. Реляция Братищева от 5 мая 1742 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 5. Ч.1. 1742 г. Л. 43.

25. В частности закавказские дагестанцы захватывали продовольствие, доставляемое из Тифлиса (Реляция Братищева от 4 августа 1742 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 5. Ч.1. 1742 г. Л. 260; Реляция №6 от 27 января 1742 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 4. 1742 г. Л. 103). Реляция №26 от 8 октября 1741 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 7. 1741 г. Л. 410-414.

4. Постоянные неудачи деморализовывали армию. В сообщениях В. Братищева говорится об аварской деревне в 40 домов, которую не смогли взять штурмом 20-тысячное войско²⁶. Он же сообщает, что, что «персы признаются сами, что вдесятером против одного лезгинца стоять не способны»²⁷. Можно привести цитату В. Братищева: «Лезгинцы до того персиян довели, что они стращась перед семи лезгинцами стоять робщут, одним видом воины шаховы так от горцев настращены, что всегда мысль их к бегству наклоняется нежели к твердости привлекаема. От сего столь бедственного порока шах сурово наказывать старается»²⁸.

Можно обратить внимание, что отчеты Братищева не так подробны как Калушкина, но позволяют иметь представление о численности иранских войск. Важный вопрос – насколько можно доверять сведениям Калушкина и Братищева. Есть несколько обстоятельств, которые позволяют говорить о надежности источника.

1. Резиденты являлись дипломатическими работниками. Их делом было добывать информацию и сообщать ее в Астрахань и Санкт-Петербург. Они не принимали решений. Соответственно нет оснований полагать, что они были ангажированы, в чем-либо заинтересованы.

2. Калушкин и Братищев находились в зоне боевых действий. Иногда они детально описывают многие события, которые свидетельствуют о том, что они были очевидцами. Например, в январе 1742 г. Калушкин чуть не попал в плен. Он в обстоятельно описывает бой.²⁹ Братищев подробно описывает военные действия в реляциях, например от 4 апреля 1742 года.

3. Довольно подробные сведения Калушкина обусловлены тем, что он детально собирал информацию в течение сентября-ноября. Он указывает иранские потери вплоть до драгоценной посуды. По его словам он имел реляции командиров шаху.

4. Ежеквартально Калушкин отчитывался о потраченных им суммах. Из них видно, что он много средств тратил на разного рода подарки. Надо полагать они использовались для получения разведывательных сведений.

5. Информация резидентов проверяется другими источниками. Нами пока не обнаружено расхождений в фактах с иными доступными сведениями по рассматриваемым событиям.

Резюмируя можно отметить следующее:

В Дагестан вступило войско численностью в 75-77 тыс. человек, из которых 54545 составляли военные, а 20,5 – 22,5 тыс. человек были «всякого звания domestиками, служителями и женского пола».

В результате военных действий в течение 1741 г. шах потерял 39304 своих солдат и, по меньшей мере³⁰, 13807 человек обслуживающих армию лиц, т.е. всего 53111 человек. К январю 1742 г. под его началом осталось чуть более 15 тыс. солдат и немногим более 7 тыс. «служителей»;

В феврале – апреле к шаху прибыло примерно 45 тыс. военных людей, и, надо полагать, еще 10 тыс. к лету 1742 г. При этом мы не имеем представления о численности обслуживающего персонала, прибывшего с армией в первой половине 1742 г. При соотношении 2,7:1, их число должно было достигать 20 тыс. чел.

26. Реляция Братищева от 4 августа 1742 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 5. Ч.1. 1742 г. Л. 251.

27. Реляция Братищева от 30 сентября 1742 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 5. Ч.1. 1742 г. Л. 382.

28. Реляция Братищева от 7 июля 1742 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 5. Ч.1. 1742 г. Л. 176.

29. Реляция №6 от 27 января 1742 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 4. 1742 г. Л. 102.

30. Мы здесь учитываем то обстоятельство, что потери вспомогательных сил указаны в реляциях не во всех боестолкновениях.

Потери «военных людей», без учета «служилых», в течение 1742 года составили 42 тыс. человек. О потерях обслуживающего персонала неизвестно, но мы можем предположить, что они имели место быть в пропорционально значительном количестве.

Таким образом, общая численность солдат в дагестанском походе достигла примерно 110 тыс. чел. Вместе с армией прибыло примерно 40 тыс. человек обслуживающего персонала и женщин. Из солдат более 82 тыс. чел. погибли в Дагестане или, в незначительном количестве, за увечьем были отправлены домой. Большей частью потери были боевые, меньшей – от голода и болезней. Вероятно такими же крупными были и потери среди «служителей».

Т.е. в дагестанском походе 1741–43 гг. участвовало 150 тыс. человек, а потери превысили 100 тыс. чел. Эти данные получены на основе анализа сведений, предоставляемых русскими резидентами при персидском дворе Калужкиным и Братищевым.

Конечно, хотелось бы иметь представление о потерях войск дагестанцев. Но, к сожалению, архивные источники не позволяют нам этого сделать. Можно лишь отметить, что вероятно они были значительно ниже, чем у Надир-шаха. Вывод об этом позволяют сделать описания боевых действий и некоторые донесения. Например, 25 июня 1742 г. Братищев сообщал, что «от 400 до 500 персиян погибло, а с лезгинской стороны, кроме раненных, если один есть убитый, то сомневаюсь»³¹.

Реляции русских резидентов при персидском дворе очень информативный источник, из них можно узнать много интересных подробностей не только о количестве войск, потерях, но и хронологию военных событий, результаты битв, о взаимоотношениях внутри персидского двора, отношениях с дагестанскими владельцами и дагестанских владельцев между собой, о тактике и стратегии действий Надир-шаха, о проблемах компании, о путях их решения, о тактике и стратегии действий дагестанцев, о качестве и количестве вооружений, строительстве кораблей, путях доставки продовольствия и многом другом, и даже о том, что Надир-шах был болен туберкулезом.

31. Реляция Братищева от 25 июня 1742 г. // АВПРИ. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 5. 1742 г. Ч. 1. Л. 146.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lockhart, Lawrence. Nadir Shah. A Critical Study Based Mainly Upon Contemporary Sources. London: Luzac & Co, 1938.
2. Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке. Баку: Издательство АН Азербайджанской ССР, 1948.
3. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1957.
4. Тамай А.И. К вопросу о провале дагестанской кампании шаха Надира (1741 – 1743 гг.) // Ученые записки Дагестанского филиала АН СССР. Т. V. 1958.
5. Арунова М.Р., Аирафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. Очерки общественных отношений в Иране 30-40-х годов XVIII века. М.: Восточная литература, 1958.
6. Гаджиев В.Г. Разгром Надир-Шаха в Дагестане. Махачкала, 1996.
7. Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000.
8. Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной» в Дагестане. Махачкала: Эпоха, 2013.
9. Axworthy, Michael. The Sword of Persia: Nader Shah, from Tribal Warrior to Conquering Tyrant. I.B. Tauris, 2006.
10. Айтберов Т.М. Надир-шах Афшар и дагестанцы в 1741 году. Махачкала: ИД «Ваше дело», 2011.
11. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Часть первая. СПб., 1869.
12. Косвен М.О. П.Г. Бутков как кавказовед-этнограф // Советская этнография. 1958. №1. С. 90-95.
13. Броссе Л. Предисловие от издателя // Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Часть первая. СПб., 1869.
14. Bazin, Pere Louis, S.J. Memoires sur les dernieres années du règne de Thamas Kouli-Kan et sur sa mort tragique, contenus dans une lettre du Frère Bazin // Lettres Edifiantes et Curieuses. Paris, 1780. Vol. IV.
15. Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. Москва: Наука, 1979. - 270 с.
16. Floor, Willem. The Rise and Fall of Nader Shah: Dutch East India Company reports, 1730-1747. Washington: Mage Publishers, 2009.

REFERENCES

1. Lockhart, Lawrence Nadir Shah. A Critical Study Based Mainly Upon Contemporary Sources. London: Luzac & Co. 1938
2. Leviatov V.N. Studies from the history of Azerbaijan of the 18th century. Baku: Publishing House of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR, 1948. (In Russ.)
3. Magomedov RM. Socio-economic and political system of Dagestan in the 18th – early 19th centuries. Makhachkala: Dagestan book publishing house, 1957. (In Russ.)
4. Tamay AI. On the issue of the failure of the Dagestan campaign of Shah Nadir (1741- 1743). Scientific notes of the Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences. Vol. V. 1958. (In Russ.)
5. Arunova MR. Ashrafyan KZ. State of Nadir Shah Afshar. Studies on public relations in Iran in the 30-40s of the 18th century. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1958. (In Russ.)
6. Gadzhiev VG. Defeat of Nadir Shah in Dagestan. Makhachkala, 1996. (In Russ.)
7. Sotavov NA. The collapse of the “Storm of the Universe”. Makhachkala, 2000. (In Russ.)
8. Sotavov NA. The collapse of the “Storm of the Universe” in Dagestan. Makhachkala: Epokha, 2013. (In Russ.)
9. Axworthy, Michael The Sword of Persia: Nader Shah, from Tribal Warrior to Conquering Tyrant. I.B. Tauris. 2006.
10. Aitberov TM. Nadir Shah Afshar and the Dagestanis in 1741. Makhachkala: Publishing House “Vashe Delo”, 2011. (In Russ.)
11. Butkov PG. Materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803. Part one. Saint-Petersburg, 1869. (In Russ.)
12. Kosven MO. P.G. Butkov as a Caucasian ethnographer. Soviet Ethnography. 1958. № 1. (In Russ.)
13. Brosse L. Preface from the publisher. Butkov P.G. Materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803. Part one. Saint-Petersburg, 1869. (In Russ.)
14. Bazin, Pere Louis, S.J. Memoires sur les dernieres années du règne de Thamas Kouli-Kan et sur sa mort tragique, contenus dans une lettre du Frère Bazin // Lettres Edifiantes et Curieuses. Paris, 1780. Vol. IV. 1780.
15. Gadzhiev VG. The work of J. Herber “Description of the countries and peoples between Astrakhan and the Kura River” as a historical source on the history of the peoples of the Caucasus. Moscow: Nauka, 1979. (In Russ.)
16. Floor, Willem The Rise and Fall of Nader Shah: Dutch East India Company reports, 1730-1747. Washington: Mage Publishers, 2009.

Поступила в редакцию 14.11.2022
 Принята в печать 01.12.2022
 Опубликовано 25.12.2022

Received 14.11.2022
 Accepted 01.12.2022
 Published 25.12.2022

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH184941-951>

Исследовательская статья

Абидат Абдулаевна Газиева
младший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
gazieva.abidat@mail.ru

Мустафа Озтурк
доцент
Университет Акдениз, Анталья, Турция
mustafaozturk@akdeniz.edu.tr

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ЛЕЗГИНСКОЙ (КАХЕТИНСКОЙ) КОРДОННОЙ ЛИНИИ: ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ФОРТИФИКАЦИЙ В РАЗВИТИИ РЕГИОНА

Аннотация. С начала XIX в. начинается новый этап в военно-политическом освоении Восточного Кавказа и Закавказья. В связи с тем, что в начале века Грузия была присоединена к империи, перед государством встал вопрос защиты новых территорий. При А.П. Ермолове начинается период активной деятельности топографов края, связанный со строительством ряда крепостей, и переход от политики карательных операций к планомерному освоению края, с применением методов гражданской колонизации. С этой целью в 30-х гг. XIX в. началось строительство системы крепостей по рекам Иори и Алазани, вошедшей в историографию как Лезгинская (Кахетинская) кордонная линия, которая была частью Левого фланга Кавказской кордонной линии (после деления Кавказской кордонной линии на фланги в 1834 г.). В статье раскрываются место и роль командного состава Кордонной линии в строительстве, передислокации войск на линии, претворении в жизнь положений кавказской политики в регионе на указанном участке Кордонной линии, раскрывается ее военно-политическое и социально-экономическое значение и история создания кордона на границе с Грузией. На примере Лезгинской (Кахетинской) линии кордона прослеживается трансформация кавказской политики в регионе, изменение вектора ее направленности – от оборонительной (тактика карательных операций) к гражданской колонизации, что впоследствии способствовало сближению с горцами за счет экономических и культурно-бытовых связей. В зависимости от успехов царской армии в горах, менялось количество сооружений на Линии и численность войск, дислоцированных в крепостях и укреплениях. С момента своего возникновения Линия выполняла оборонительные функции, не только для внутренних границ империи, но и служила прикрытием южных рубежей России со стороны Турции и Ирана, что было первостепенной задачей сохранения региона в геополитическом плане.

Ключевые слова: Левый фланг Кавказской кордонной линии; укрепления; посты; Джар; Закаталы; Грузия; Военно-Грузинская дорога; Кордонная линия; геополитика; кавказская политика.

Для цитирования: Газиева А.А., Озтурк М. История создания Лезгинской (Кахетинской) кордонной линии: цели и задачи фортификаций в развитии региона // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 941-951. doi: 10.32653/CH184941-951

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH184941-951>

Research paper

Abidat A. Gazieva
Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
gazieva.abidat@mail.ru

Mustafa Ozturk
Assistant Professor
Akdeniz University, Antalya, Turkey
mustafaozturk@akdeniz.edu.tr

THE HISTORY OF THE CREATION OF THE LEZGIN (KAKHETI) CORDON LINE: GOALS AND TASKS OF FORTIFICATIONS IN THE DEVELOPMENT OF THE REGION

Abstract. The beginning of the 19th century marks a new stage in the military-political development of the Eastern Caucasus and Transcaucasia. Since Georgia was annexed to the empire at that time, the state faced the issue of protecting new territories. A. Ermolov initiated a period of vigorous activity of topographers of the region associated with the construction of a number of fortresses and transfer from the policy of punitive operations to the systematic development of the region using civil colonization. For this purpose, the construction of a system of fortresses along the Iori and Alazani rivers began in the 30s of the 19th century. This system of fortresses entered historiography as the Lezgi (Kakheti) cordon line which was a component of the Left flank of the Caucasian cordon line (after the division of the Caucasian cordon line into flanks in 1834). The Russian government entrusted a number of military-political and economic tasks to the new cordon. In addition, the article examines the place and role of the command staff of the cordon line in the construction, re-deployment of the forces on the line, and the putting into practice provisions of the Caucasian policy in the region. The work reveals the military-political, social-economic importance of the line and the history of the creation of a cordon on the border with Georgia based on the available sources. Overall, the transformation of the Caucasian policy in the region can be seen on the example of the Lezgi (Kakheti) cordon line (the change of policy's vector from defensive (tactics of punitive operations) to the civil colonization of the region that subsequently contributed to the approach with highlanders through economic, cultural and household relations. The number of constructions on the line and the number of forces deployed in fortresses and fortifications were changing depending on the success of the Tsarist Army in the mountains. The line from the moment of its creation and in the subsequent period performed defensive functions not only for the internal borders but also served as a support of the southern borders of Russia from Turkey and Iran. It was the primary task of preserving the region in geopolitical terms.

Keywords: Left flank of the Caucasian cordon line; fortification; post; Djar; Zakatala; Georgia; Georgian Military Highway; cordon line; geopolitics; Caucasian policy.

For citation: Gazieva A.A. , Ozturk M. The history of the creation of the Lezgin (Kakheti) cordon line: goals and tasks of fortifications in the development of the region. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2022. Vol. 18. N. 4. P. 941-951. doi: 10.32653/CH184941-951

The issue of the development of the southern territories and subordinating them to the center was always relevant for Russia throughout different periods of history. The development of the Eastern Caucasus was strategically important and one of the key directions in resolving the Eastern question as an integral part of the Caucasian policy. The designation of the formula of the political vector of the Eastern question was first used by diplomats in 1822 and included a set of disagreements and contentious issues in Russian-Turkish and Russian-Iranian relations. Georgia, a part of Armenia, and Northern Azerbaijan were ceded to Russia as a result of signing of the Adrianople Treaty with Turkey and the Turkmanchay Treaty with Iran. There was an ongoing process of colonization of the North-Eastern Caucasus.

Wishing to designate the territories of the Caucasian peoples as subject to it, Russia began to erect separate cordon lines that covered the most vulnerable and strategically important areas in the 18th century. Separate cordon sections that had been built since the beginning of the 18th century were united into the Caucasian cordon line in 1785. The Caucasian cordon line was divided into the Black Sea cordon line, the Right flank of the line, the Center, the Left flank, and the Vladikavkaz military district by a decree of the Caucasian administration, dated January 20, 1834, as a result of the outbreak of the Caucasian War, for the convenience of management. The Left flank united the Terek line, the Kumyk line, the Sulak cordon, and the Sunzha and Lezgi lines.

Inconsistency resulted in a military-political crisis in the region – territories that expressed obedience during the presence of Russian forces, as soon as the forces left, again became disobedient; this led to numerous human losses and the need to defend the same territory several times. That was a feature of the Caucasian policy since the beginning of the 19th century. The tactics of military development of the region did not bring the desired result. Periodic punitive operations carried out by the Russian administration in the Caucasus did not contribute to the subjugation of the region, but only brought great human losses. This military-political concept was revised and replaced by the systemic development of the region through the construction of cordon sections which shaped the historical and geographical space of the Caucasus and became a platform for communication, integration, and acculturation.

As a result, cordon sections intended for defense and military-political subordination of territories gradually transformed into contact zones. This allows us to explore this topic and the history of the region in accordance with the frontier theory when cordon sections are not administrative-geographical boundaries, their functions are much broader.

Born as a regional theory to consider the relationship between Europeans and the local population of America, the Turner's Thesis has become applicable to the history of many regions. The theory subsequently took form from the military subordination of the region into a policy of civil colonization and incorporation.

Many types of frontier communications such as military frontier, intercultural frontier, and inter-confessional, ethnic, paradigmatic, and mental frontier formed on the Caucasian border. This, in turn, characterizes the uniqueness of the region, where Oriental and Western cultures clashed. Frontier types do not emerge alone, they follow each other and interact in parallel with each other. The historical and geographical characteristics of the frontier are the fundamental concepts of the subsequent economic, political, social, and cultural conditions for the development of the region. The Caucasian border zone has historically been shaped as a military frontier, a zone of distribution of military forces, and a geostrategic base.

The combination of frontier components that emerged in this territory contributed to the change of tactics of military-political development by cultural and civilizational development (a similar type of frontier, confrontation, and promotion of the zone of one's own

influence) through civil colonization. The frontiersmen (Cossacks, as pioneers on the frontier) and cultural traders in turn contributed to the active spread of a new culture (material, household) during the colonization of the region.

In the course of studying the subject under consideration, we applied the method of structural-diachronic analysis, which allowed to explore the structurally changing periods in the history of the construction of the fortifications of the Lezgin cordon line and their restructuring. Furthermore, it became possible to carry out a theoretical reconstruction of a strategically important part of the Caucasian cordon line. The principles of objectivity and consistency were used as the main historical principles on which our research is based. This made it possible to explore comprehensively the issue of the history of creation, the main role and functionality of the cordon in the context of the geopolitical implementation of the solution of the key points of the Eastern question.

The Georgian kingdom, according to the Geogrievsky treaty, recognized the vassalage of the Russian Empire, which contributed to the activation of the Caucasian administration in the development and strengthening of the southern borders of the state in 1783. It was supposed to contain two Russian battalions with four guns in Georgia. However, it was impossible for such weak forces to protect the country [1, p. 8].

The decision of undertaking a punitive expedition to the villages of Djar and Belokan against the rebellious mountaineers was carried out on October 14, 1784 in the area of the Mуганлу tract. The mountaineers were defeated by the government forces and were forced to flee across the Alazan River. This victory did not bring significant results. The Djar raids on Georgian villages continued since there was no long-term effect from the punitive expeditions of the Russian troops.

The Caucasian administration faced a difficult task to subjugate this territory in the shortest time and bring the population into submission.

Georgia was invaded by Agha Mohammed Khan, who ravaged Tiflis in 1795. The Russian administration immediately reacted to this and sent the tsarist forces to Georgia and Dagestan at the end of 1795 [1, p. 10]. The punitive expeditions undertaken by the military command yielded no significant results. The expeditions allowed to subdue the highlanders for a short period and marked the Russian presence in the region for Persia and Turkey. In subsequent years, the Infantry General V. Zubov was sent against Agha Muhammad Khan for further approval in the region in 1796. I. Lazarev, general-in-chief was sent to Tiflis with the same purpose in 1799.

The question of the devastation of these territories by Turkey and Iran, Djars, and the need to protect them was periodically raised since Russia did not have a constant presence on the Georgian territories and along the border. Major General A. Mende notes that “the Djar-Belokan Lezgins, together with the mountain Lezgins, greatly disturbed us (the empire). They took prisoners from the vicinity of Tiflis itself, and on occasion, could inflict on us a lot of harm before the construction in 1830 of the Lezgin Line with Transcaucasia”¹. The practice of punitive operations to intimidate the highlanders did not bring the desired results, and Alexander I decided to annex the Kingdom of Georgia to the Russian Empire in 1801. As a consequence, it allowed for the permanent presence of forces on the border territory – as a strategic and geopolitical factor of development, protection, and full incorporation into the Russian state. The process of Georgia’s incorporation into the Russian Empire necessitated the creation of the Kakheti (Lezgi) cordon line [2, p. 111]. The transformation

1. Major General Menda’s genuine “Note on the Caucasus”. Historical review of Russia’s actions in the Caucasus from the time of Ivan IV to 1841 [Podlinnaya general-mayora Menda «Zapiska o Kavkaze». Istoricheskiy obzor deystviy Rossii na Kavkaze so vremeni Ivana IV do 1841 goda]. Scientific archive of the IHAE DFRC RAS. F. 1. Inv. 1. File 102. p. 31.

and expansion of the competencies of the border zone occurred, and subsequently led to the natural historical need for the incorporation of the territory and the development of a new form of frontier relations based on the military-political principles of subjugation and protection of the territory which were typical for all frontier zones, both in Russia and abroad (limes, military border, etc.).

After the signing of the manifesto on the accession of Georgia to Russia, General K. Knorring was assigned as commander-in-chief in Georgia, and M. Kovalensky as the civil ruler; soon, both were recalled due to the turbulent situation in Georgia, and the inability of leadership to cope with the tasks of the center.

The appointment of Prince P. Tsitsianov as commander-in-chief in the Caucasus marked the next milestone in the history of the formation and development of the control system. The Djar and Belokan peoples were conquered “by the power of Russian weapons” by General P. Tsitsianov in 1803². The issue of tactics for protecting the southern territories of the empire still remained open despite numerous successes and acquired territories. The main problem that worried the Russian administration regard to the acquired territories was that the population living in the border areas “provided shelter for open enemies of Russia and rebels, participated with mountain predators in raids on Kakheti, prevented the constant deployment of forces in their possessions and passage through them and oppressing the Georgian Christians enslaved by them in the freedom of faith. They forbade them to build churches and even receive Christian confessors; they never paid a certain tribute and even refused to pay at all”³.

The situation began to acquire new forms and realities after the capture of Belokan by the tsarist forces. The villagers “quickly moved to Djar, the main and richest of their societies, sent elders from all the people with a petition for clemency and an expression of readiness to submit to the Russian state”⁴. Thus, Prince P. Tsitsianov having subjugated the possessions of Djar, Belokan, Chinih, Tala, Mukhakha, and Dzhanikha⁵ accepted an oath of allegiance from their foremen, imposed tribute on them and concluded conditions with them that were supposed to ensure the inviolability of the oath⁶. The relationship was based on military-political subordination for a long period, despite the attempts of the government forces to transform the level of relations with the conquered peoples: military presence on the territory, the construction of fortresses near the conquered lands, and the capture of amanats, which characterized relations as the development of a military frontier.

It must be noted that dependency on the empire was nominal. As a result, hostilities in the area continued. The tactics of punitive operations against rebellious highlanders did not yield the desired outcome, since it had a short-term effect.

The situation in South Dagestan began to worsen in the 30s of the 19th century since the military operations of the Caucasian War were not successful for the Russian army. In addition, the raids of the highlanders on Kakheti and Djar, and the destruction of the Georgian Military Highway, became more frequent.

Georgia was of strategic and economic importance for the empire. At the same time, there was no peace in the annexed territories. As soon as the Russian troops left the territories of the Lezgins, they quickly became disobedient and devastated the subjugated lands. Thus,

2. Proclamation to the Char and Belokan communities from Field Marshal Count Paskevich-Erivansky dated February 25, 1830 [Proklamatsiya Charskomu i Belokanskomu obshchestvam ot general-fel'dmarshala grafa Paskevicha-Erivanskogo ot 25 fevralya 1830 goda]. Scientific archive of the IHAE DFRC RAS. F. 1. Inv. 1. File 92. p. 49.

3. Proclamation ... File 92. p. 42.

4. Proclamation ... File 92. p. 45.

5. Proclamation ... File 92. p. 40.

6. Proclamation ... File 92. p. 42.

the tsarist authorities noted for themselves that the Lezgin mountain communities were quickly recovering from punitive operations. Count I. Paskevich-Erivansky, the commander-in-chief of the civilian unit in Georgia, the Astrakhan province, and the Caucasus region recognized the need not to delay the subjugation of the Djar and Belokan villages⁷. It was decided to start an expedition to Djar in 1830, and “the goal of the expedition was achieved on April 28, 1830”⁸.

The Russian command already had experience in the formation of numerous lines of the Caucasian cordon system (the Terskaya, Sulakskaya, and Sunzhenskaya lines were already operating on the Left flank). It was decided to build a number of fortresses and fortifications, which later formed the basis of the Lezgi (Kakheti) cordon line. Djar was the main object around which all the military forces of the region were concentrated by the 1930s. It was possible to conduct an offensive along three roads that led to the Djar – the ford Urdo, Kozlu, and the ford near the village of Muganlo, which was the wider and chosen as the main one. The success of the capture of the Djar was also facilitated because of the natural and climatic conditions (harsh winter) the Lezgins of the villages of Djurmut, Tebelts, Tashaly, Antsug, Kapuchi could not come to the aid of the Djars⁹. Besides, the Belokan, Mukhakhinsky, Djinikh communities “separated from the Djar and Galts” due to discord between the villages of the Djar-Belokan union which could put “up to 10 thousand armed men”¹⁰. It should be noted that in the case of a military threat to the Lezgin villages, as noted by the headquarters captain V. Mochulsky in his essay “War in the Caucasus and Dagestan. Part I. Politics.”, “Lezgins send their wives to neighbors and to distant places to incline them with weeping and shouting to help their community. Women make bread for the fighters and cook food...”¹¹. The gorge between Djar and Belokan was chosen as a place for the construction of a Lezgin cordon fortress after this campaign in 1830. As can be seen from the “Information on the construction of fortresses and fortifications in the Caucasus and beyond the Caucasus, existing at present and abolished, and on the works of the Regions of the Transcaucasian Territory with the Russian Empire at different times”, the territory near the future Zakatala fortress was occupied in 1830, where a fortress was laid in the same year, and which was completed by Colonel Espejo, a communications engineer¹². The Russian fortress was founded in Zakatala as the supporting core of the Lezgi cordon line by Count I. Paskevich, the Viceroy of the Caucasus [3, p. 144].

The historical period of the functioning of the Line was associated with the name of Field Marshal Prince I. Paskevich, who proposed the idea of a cordon line and developed a plan for its construction, in accordance with the geographical features of the territory. Paskevich managed to capture Belokan, which seemed impregnable for the tsarist forces until the second quarter of the 19th century, and build seven cordon posts. Twelve posts were built by his order (7 covered the Kakhetian distance and 5 Lezgi). The Lezgi (Kakhetian) line was divided

7. Proclamation ... File 92. p. 42.

8. Proclamation ... File 92. p. 43.

9. Proclamation ... File 92. p. 46.

10. Major General Menda's genuine “Note on the Caucasus”. Historical review of Russia's actions in the Caucasus from the time of Ivan IV to 1841 [Podlinnaya general-mayora Menda «Zapiska o Kavkaze». Istoricheskiy obzor deystviy Rossii na Kavkaze so vremeni Ivana IV do 1841 goda]. Scientific archive of the IHAE DFRC RAS. F. 1. Inv. 1. File 102. p. 46

11. War in the Caucasus and Dagestan. Mochulsky's essay. Part I, political [Voyna na Kavkaze i Dagestane. Sochineniye Mochul'skogo. Chast' I politicheskaya]. Scientific archive of the IHAE DFRC RAS. F. 1. Inv. 1. File 115. p. 36.

12. Information about the construction of fortresses and fortifications in the Caucasus and beyond the Caucasus, now existing and abolished, and about the works at different times of the Regions of the Transcaucasian Territory with the Russian Empire [Svedeniya o postroyenii krepostey i ukrepleniya na Kavkaze i za Kavkazom nune sushchestvuyushchikh i uprazdnennykh i o proizvedeniyakh v raznoye vremya Oblastey Zakavkazskogo kraya s Rossiyskoy imperiyei]. Scientific Archive of the IHAE DFRC RAS. F. 1. Inv. 1. File 92. p. 411.

into the left and right flanks¹³, which united in Lagodekhi. The fortification of Lagodekhi was built under Field Marshal I. Paskevich-Erivansky on the right side of the Kara-Su River in 1830¹⁴. Amanats were taken from the communities of the territory to maintain order and peace in these lands, and who “will be released to their homes” upon completion of the construction of the fortress between Djar and Belokan¹⁵. As documents note, the administration of the Line had the right “to take from them (from the unconquered highlanders living near the village of Djar) amanats and issue a pass for free entry into the Russian lands to those who would like to use this advantage for industrial purposes”¹⁶ in order to subordinate all spheres of activity on the cordon to their political interests.

The construction activity that unfolded under Count I. Paskevich Erivansky, spread to all the possessions of the Djar Lezgins, who lived between the Alazan River, the possessions of Elisuy Sultan, and the highest ridge of the Caucasus Mountains. As written in the report of Field Marshal Count Paskevich-Erivansky, the commander-in-chief of a separate Caucasian corps, in the name of the emperor, these were “8200 yards, in which the number of armed men is more than 20 thousand”¹⁷.

In 1830, under Field Marshal I. Paskevich-Erivansky, the Kortuban fortification was built in Kakheti, 4 versts from the post of the same name¹⁸, as well as the fortifications of New Zakatala, Belokan, Lagodekhi¹⁹.

At the same time, fortifications were built at the exit from the mountains, where the loopholes for the attack were located. Posts were located near the villages of “Mukhakh, Dzhary, Katekhi, Belokan, in the tracts of Lagodekhi, Karatuban, Bezhanyany, near the villages of Kvareli, Shildy, Napareul, Pshavel, and Matany” [4]. The work on the construction of the Lezginskaya line was carried out since 1822, in addition to the fortification of Bezhanyany, which was built during the Georgian rebellion in 1812, and resumed in 1822²⁰. There were also built fortifications of Matlis Mtsemeli and Kvarel²¹.

For convenient administration, the Line was divided into three distances: Bezhanyanskaya, Belokanskaya, and Zakatalskaya. Distances in turn were equipped with guns and regimental teams for the defense and protection of the Line. After the establishment of the Line and the severe punishment of the Dzhary by force of arms, “it brought peace not only to this province, but also to Kakheti and Tiflis”, as the decrees of the tsarist government say²².

The Line had undergone a number of significant changes caused by military operations and the strategic plans of the Russian administration by the 40s of the 19th century. The Line with new fortifications and changes in the combat composition had the following form:

13. Left wing of the Caucasian cordon line (Terek region). Caspian region (Dagestan region) and Lezgin cordon line. Collection of documents [Levoye krylo Kavkazskoy kordonnoy Linii (Terskaya oblast'). Prikaspiyskiy kray (Dagestanskaya oblast') i Lezginskaya kordonnaya Liniya. Sbornik dokumentov B.v.d.]. From the rare book fund of the DFRC RAS. p. 339.

14. Information about the fortresses and fortifications in the Caucasus and beyond the Caucasus, now existing and abolished, and about the work at different times of the Regions of the Transcaucasian Territory in the Russian Empire [Svedeniya krepostey i ukrepleny na Kavkaze i za Kavkazom nyne sushchestvuyushchikh i uprazdnennykh i o proizvedenii v raznoye vremya Oblastey Zakavkazskogo kraya v Rossiyskoy imperii]. Scientific Archive of the IHAE DFRC RAS. F. 1. Inv. 1. File 97. p. 411.

15. Proclamation ... File 92. p. 48.

16. Proclamation ... File 92. p. 48.

17. Proclamation ... File 92. p. 40.

18. Information about the construction of fortresses ... F. 1. Inv. 1. File 92. p. 411.

19. Major General Menda's genuine “Note on the Caucasus”. Historical review of Russia's actions in the Caucasus from the time of Ivan IV to 1841 [Podlinnaya general-mayora Menda «Zapiska o Kavkaze». Istoricheskiy obzor deystviy Rossii na Kavkaze so vremeni Ivana IVdo 1841 goda]. Scientific archive of the IHAE DFRC RAS. F. 1. Inv. 1. File 102. p. 31.

20. Information about the construction of fortresses ... p. 411.

21. Major General Menda's genuine “Note on the Caucasus”. Historical review of Russia's actions in the Caucasus from the time of Ivan IV to 1841 [Podlinnaya general-mayora Menda «Zapiska o Kavkaze». Istoricheskiy obzor deystviy Rossii na Kavkaze so vremeni Ivana IVdo 1841 goda]. Scientific archive of the IHAE DFRC RAS. F. 1. Inv. 1. File 102. p. 26.

22. Information about the fortresses and fortifications ... File 97. p. 481.

a) “The Bezhan distance: the posts of Bezhanyan, Kvarel, Shild, Napareuli, Pshaveli, Matan, Sabu (newly erected), and four notifications (new) in the tract of Kontsio, Koshtskaro, Tsikh-is-Jvari, and Goris-Tsviri. Each post was guarded by 40 foot and 7 mounted policemen from Telavi and Signakh regions; in Bezhanyany, Kvareli, and Sabui. Additionally, there was an infantry company with a cannon; b) the Belokan distance; posts: Lagodekhi, Karatuban, Kroglychay, and Atakharab. A strong fortification was erected in Belokany, and the Karatuban post was brought into a good defensive condition. The distance was guarded by an infantry company, the 1st Georgian foot regiment and the 60th regiment of Signakh militiamen, with 7 guns (4 in Belokany, 2 in Lagodekhi, and 1 in Karatubani); c) Zakatala distance; posts: Mukhakh, Yar (Zakatala), Katekh and notification – in the Kolisa-Ulan-Takhta tract, near the Sapunchi-chai river, at the tip of the Abirganukh-burun spur, on Mount Karaul-tapa, in the gorges of Kafizdar and Zagatala and in the tract of Tsoor- Katsy. The distance was guarded by the Georgian line battalions No. 12 and 13, an artillery garrison, and 20 Cossacks, who were stationed in the Novaya Zakatala fortress (near the village of Dzhary). The posts were guarded by 1 1/2 hundreds of militiamen of the Dzhary-Belokan district, and one company was sent from the Zakatala garrison to Belokan” [4]. From the passage above, describing the disposition of forces on the Line, we can conclude that its organization was complex, with the involvement of a large number of military police and Cossacks, which was necessary since it was the key to the Caucasian fortification line and the base of the military frontier in the Caucasus. The authorities actively used the practice of forming police units from the local population because there was no recruitment system in the Caucasus, which is also a characteristic feature of the military border. The principle of voluntariness lay at the heart of the system of formation of detachments. The government ordered “to make up the zemstvo army from Lezgins and Ingeli (Ingiloyes), mixing them among themselves without any preference” after the Russian troops captured Djar and Belokan²³.

Furthermore, the Line was divided into sections, as its length was too long, which was inconvenient for defense. The Lezgi (Kakheti) line did not fulfill the tasks assigned to it because militarily it needed additional weapons and military personnel (the problem of most of the cordon section lines at that time).

Lieutenant General N. Volkonsky described the cordon sections of the Caucasian line erected in the fortification area as follows: “They could not be called guard posts literally judging by their structure and armament. They were nothing more than a cover for teams put forward with two purposes: to mark the outskirts or limit of the territory we occupied and for a possible threat to the population in the case of any private predatory or general political movement on their part” [5, p. 102]. It was necessary to increase the command staff of the troops at the posts, as well as to improve and increase the material and technical base of the cordons in order to resolve the issue of the defensive capability of the fortifications.

Another important fact that should be noted is that natural and geographical conditions played an important role in the functioning of the line. The landscape, namely a large number of gorges, had a negative impact on the functioning of the Lezgi (Kakheti) line fortifications, namely on the protective function of the designated territories, in particular the Georgian Military Highway. Thus, this section remained as a military frontier for a long time without the possibility of transformation to a new level of border relations.

The administration of the Line was aware of the need to transfer some of the fortifications and build new ones after reconnaissance activities under the leadership of Major General L. Sevarsemidze. The Caucasian administration petitioned the leadership for the need for

23. Proclamation ... File 92. p. 53.

radical reforms on the cordon. As a result of reconnaissance, it was decided to build a fortification on a hill near Mount Akvan in order to exercise control over neighboring gorges and protect Kakheti.

As a result of the reconstruction of the Line, many fortifications were abolished and new ones emerged because of the strategic need. The Line was still presented as a division into three distances: “1) Bezhanyanskaya covered the fortification of Natlis-Mtsemeli and the posts of Bakhimtel, Evstafiev, Artan, Small Eilakh, Schild and Bezhanyan. The Telavi and Signakh districts were freed from the order of 420 city posts and abolished posts by the prince at Bezhanyana tract, Apena, at Kvareli, Sabui, Natsareul, Ibuzha, Konzio, Kushtskaro, Tsikhis-Jvari, and pickets at Shakryan, Yenisey, Gremy, Nakalakevi, Ampaty, Chekany and at Dalochabi tract; 2) Belokanskaya consisted of Belokan fortification and the posts of Khochaldag, Lagodekhi, Koroglychay, and Karatuban; 3) Zakatala (from posts near Lake Akimal-Naur, in the Tsablun Gorge, descending from Mezeldeger Mountain and to Sary-Dag). The entire line was guarded by 5 companies of infantry, 4 1/2 hundreds of the 1st Georgian Foot Regiment, and 4 1/2 hundreds of militia. The 1st distance was subordinate to the commander of the Georgian linear No. 14th battalion, the 2nd to the commander of the 1st Georgian foot regiment, and the 3rd to the Djar chief bailiff” [4].

As we believe, the main purpose of creating a large number of fortifications was to increase the defense capability and prevent ties between non-civil, belligerent mountaineers, as well as to defend the territory of Georgia.

Besides, the Line became much better equipped militarily because of the reconstruction in the 30s. As a result, the detachments of the recalcitrant highlanders of Dagestan had to send more forces to destroy it. Thus, the situation in the foothill areas became more peaceful.

The Line continued to be built up during 40-50s, and the existing fortifications were improved, either in terms of weapons or in terms of expanding the fortifications and increasing their amount. The Zakatala fortress and the Belokan fortification can be noted as the largest and most strategically important structures of that period. The Lezgi (Kakheti) line was divided into two sections and had the following form in 1846: “1) the right flank contained the posts of the Sheki district and the Belokan district with such fortifications as Nukhi city, the Kakh village, New Zakatala and Belokan settlement fortresses (from the Georgian Lagodek to the Nukhi city); 2) the left flank skirted the posts of the Kvareli section and following fortifications – Lagodekhi, Karatuban, Bezhanyan, Kvareli, Natlis-Mtsemeli, and Kodori fortification since 1847. The control of the right flank was entrusted to the head of the Belokansky district, and the left – to the commander of the Georgian linear number 16th battalion located in the Kvareli fortification” [6].

However, the Line did not fully fulfill the main functions assigned to it during the construction despite the extensive system of fortifications. During this period, the problem was not the poor staffing of military personnel and a weak material and technical base, but the fact that conducting maneuvers in this area was impractical in relation to the geographical location. This confirms the description of the geographical position of the Line given by Lieutenant-General N. Volkonsky: “The grandiose ridge stretched without significant bends for 160 miles from Barbalo Mountain to Gudur-Dag Mountain dividing the unruly communities from the Tiflis province. The slope in front of us and 15 to 20 versts deep was desolate and completely covered with dense forest; the monotony of a treeless and elongated almost straight line of the ridge was broken only a few meters by very rounded protruding peaks. The lower part of the slope was everywhere marked with a clear line; it was the outskirts of a wooded plain, which had a slight depression, and therefore was swampy almost everywhere. A strip of dry and fertile land with a width of 1.5 to 5 versts stretched along the outskirts” [6].

The administration faced the issue of restructuring the main structures of the Line, as well as changing the tactical approach to the issue of warfare.

The work on the reorganization of the Line began with the rise to power of Prince M. Vorontsov. He realized that the Line had not only strategic but also geopolitical significance. As a result, road construction began. The road could establish a connection with the rest of the region, and the mobility of troops in both directions would contribute to the complete subordination of this territory. Thus, a military-Akhtyn road was built from the city of Nukhi along the Shin gorge to the fortification of Akhta. At the same time, the construction of the road from Kakheti to Kodor Mountain was in process. The old posts and fortifications, which were in a dilapidated state, were demolished, some were built according to a new plan, and those that had lost their strategic importance were moved to more convenient places. It should be emphasized that a number of decisions were made in order to increase the defense capacity of the Line: “to put up a tower between Zakatala and Belokan, ... to resettle a village near Bezhenyan, in which the Capuchins settled, ... to cut down clearings in several places ... to establish a guard post between the fortress of Zakatala and Muganinskaya crossing”²⁴.

M. Vorontsov's plan suggested to move the Lezgin line higher to the mountains for better control of the peoples living there. The implementation of this plan began with the construction of the Kodor fortification. A number of towers and fortresses were built “at the foot of the main Caucasian ridge, partly on the top of the mountains, in the space from Mskhalt Mountain and Ugeltekhili to Sairmo Mountain and the Stora River” [7]. Peace on the Line was maintained by military-political methods and the capture of amanats, as in the 30s. The unruly peoples, over time, were forced to submit in the face of the constant presence of the Russian army. Thus, the temporary commander of the troops on the Lezgin cordon Line “Lieutenant-General Prince Andronikov, on February 12, 1858 reported... that the inhabitants of the Khushet society expressed their obedience to the government”²⁵, which secured the eastern regions of Tushetia. A number of mountain societies, which had previously expressed disobedience, desired to develop and live under the rule of the Russian Empire in the 50-60s of the 19th century. It is clear from the report of July 31, 1859 of Prince Shalikov, head of the detachment of the right flank of the Lezgin Line, Colonel and Melikov, the commander of the troops of the Lezgin Line, Major General and Cavalier that the highlanders of the regions subject to them gravitated towards Russia, that “even remote societies, such as the Keyserukh and Antsukh, sent deputies with an expression of humility and with full readiness to surrender Irib”²⁶. The military frontier gradually entered the phase of the peak of development, which had a logical possibility of transformation in the socio-economic direction at that period.

Such transformations contributed to the increase in the defense capability of this section, the establishment, and the improvement of the quality of economic contacts with Georgia.

During the historical functioning of the Lezgin (Kakheti) Line, it served as a defensive line, both internal – “had a brought great peace to Kakheti and Kartli [7, p. 481,] protecting Georgian territories from the raids of the highlanders, – and external – marked geopolitical interests of Russia in the region”. The line was abolished by order No. 208 (May 20, 1860) of Prince A. Baryatinsky, Field Marshal of the Caucasian Army, which stated that “the transformation of the Djar-Belokan district into Zakatala, its administration, and dependence are

24. Journal of military operations of the Chechen detachment on January 7-15, 1852 [Zhurnal voyennykh deystviy Chechenskogo otryada 7-15 yanvarya 1852 goda]. Central State Archive of the Republic of Dagestan. F. 133. Inv. 4. File 13. p. 5.

25. Left wing of the Caucasian cordon line ... p. 147-148.

26. Left wing of the Caucasian cordon line ... p. 460.

explained in a special regulation on the administration of the Zakatala region, the Tionet and Nukhinsky districts are withdrawn from the military department and go directly to the conduct of the governors, the first to Tiflis, and the last one to Baku” [6, p. 702]. The Lezgin (Kakheti) line played a strategic and defensive role with a subsequent transformation into an economic one, promoting free trade with Georgia along the Georgian Military Highway, not only for Russia, but also for the local peoples until the end of hostilities in the Caucasus. It should be emphasized that, despite the constant work to improve the material and technical base of the Line and attempts to transfer it, it was constantly in a state of transformation and improvement, as this was required by the natural and geographical conditions of the region and the strategic tactics of warfare. The Lezgin (Kakheti) Line became the objective completion of the system of cordon fortifications in the Eastern Caucasus.

This section of the cordon of the Left flank of the Caucasian line played one of the key roles in the geopolitical assertion of the Russian Empire in the Eastern Caucasus and Transcaucasia. The studied part of the frontier zone of the Caucasian region, in the course of the historical process, which arose as a military, external frontier, was transformed and began its formation as an internal one, concentrating various elements of economic, cultural, and ethnic integration. The value of the cordon as a junction road was great both in terms of defense and in the development of trade and economic ties in the region that formed the basis for communication and incorporation of the highlanders into the Russian state, although initially the construction was planned as a border from outlanders.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русские на Кавказе. Эпоха Ермолова и Паскевича. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2004. 352 с.
2. Суламберидзе Ю.С. Крепостные пограничные укрепления России на Кавказе: к истории создания Кахетинской (Лезгинской) пограничной линии. Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихонского гуманитарного университета // Картвелология: проблемы и перспективы. №27. 2017. С. 111-113.
3. Потто В. Памятники времени установления русской власти. Тифлис, 1906. 1. Выпуск. 182 с.
4. Три года на Кавказе (1837-1839 гг.) // Кавказский сборник, Том 8. 1884 г.
5. Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе 1816-1827 гг. - Армавир. 1998. С. 265.
6. Волконский Н.А. Трехлетие на лезгинской кордонной линии (1847-1849) // Кавказский сборник, Том 9. 1885.
7. Баратов Н.Н. Описание нашествия толп Шамиля в Кахетию в 1854 г. // Кавказский сборник, Том 1. 1876 г.

Поступила в редакцию 14.02.2022
Принята в печать 27.09.2022
Опубликована 25.12.2022

REFERENCES

1. *Russians in the Caucasus. The era of Ermolov and Paskevich*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2004. (In Russ.)
2. Sulamberidze YuS. Fortified border fortifications of Russia in the Caucasus: on the history of the creation of the Kakheti (Lezgin) border line. Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities. *Kartvelology: Problems and Prospects*. 2017, 27: 111–113. (In Russ.)
3. Potto V. *Monuments of the establishment of Russian power*. Tiflis, 1906. (In Russ.)
4. Three years in the Caucasus (1837-1839). *Caucasian collection*, Volume 8, 1884. (In Russ.)
5. Klychnikov YuYu. *Activities of A.P. Ermolov in the North Caucasus in 1816-1827*. Armavir, 1998. (In Russ.)
6. Volkonsky N.A. Three years on the Lezgin cordon line (1847-1849). *Caucasian collection*, Volume 9, 1885. (In Russ.)
7. Baratov NN. Description of the invasion of Shamil's hordes into Kakheti in 1854. *Caucasian collection*, Volume 1, 1876. (In Russ.)

Received 14.02.2022
Accepted 27.09.2022
Published 25.12.2022

Эльмира Муртузалиевна Далгат

д.и.н., зав. отделом новой и новейшей истории Дагестана

Институт истории археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

elmira.dalgat@yandex.ru

ТРУДОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ДАГЕСТАНСКОГО УЗДЕНЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Аннотация. Предметом исследования является трудовая повседневность дагестанских свободных общинников – узденей во второй половине XIX – начале XX в. Нами использованы процессуальный и модернизационный подходы. Первый подход рассматривает повседневность как обыденное, будничное существование человека, уделяя особое внимание окружающей среде, социальным отношениям в обществе. Модернизационный подход рассматривает переход социума от традиционного к современному типу, сопровождаемый разрушением традиционных ценностей, изменением менталитета. В статье применяются историко-генетический и историко-сравнительный методы. Статья является актуальной, поскольку в ней впервые охарактеризована трудовая повседневность дагестанских узденей после присоединения Дагестана к России. Цель статьи – показать изменения, происходившие в традиционной трудовой повседневности дагестанского узденя под влиянием капиталистических отношений, проникавших из Российской империи. Сделаны выводы, что трудовую повседневность дагестанского свободного общинника составляли традиционные формы аграрного производства. В основе трудовой деятельности узденских хозяйств лежал хозяйственный опыт предшествующих поколений. Занятие земледелием в разных частях Дагестана имело свои особенности. Особое развитие оно получило в плоскостной и предгорной частях края, где было больше пахотных земель. В горной зоне недостаток пахотной земли вынуждал крестьян использовать искусственные поля – террасы, создаваемые и поддерживаемые трудом нескольких поколений. Террасы свидетельствуют о высокой земледельческой культуре и имеют в Дагестане многовековую историю. Помимо земледелия дагестанские уздени занимались скотоводством, ремеслами, отходничеством, работами на рыбных промыслах. Большую роль в трудовой повседневности дагестанцев играл природно-климатический фактор, диктовавший сроки сельскохозяйственных работ. Трудовая повседневность дагестанцев включала занятия земледелием, животноводством, ремеслом, часть крестьян находила заработок в отходничестве. Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. привычный уклад повседневной трудовой жизни дагестанского крестьянина постепенно менялся. Товарный характер приобретали земледелие и скотоводство, в хозяйствах зажиточных крестьян появились сельскохозяйственные орудия фабричного производства, расширилась география отходничества. Это объяснялось интеграцией Дагестана в экономическое пространство России и модернизацией его экономики в исследуемый период.

Ключевые слова: Дагестан; уздени; трудовая повседневность; земледелие; скотоводство; ремесло; отходничество.

Для цитирования: Далгат Э.М. Трудовая повседневность дагестанского узденя во второй половине XIX – начале XX в. // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 952-961. doi: 10.32653/CH184952-961

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH184952-961>

Research paper

Elmira M. Dalgat,
Dr. Sci. (History), Head of Dep. of Modern and Contemporary History of Dagestan
Institute of History, Archeology and Ethnography
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
elmira.dalgat@yandex.ru

DAILY OCCUPATIONS OF DAGESTAN UZDENIS IN THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURIES

Abstract. The subject of this research is the daily activities of Dagestan freemen (commoners) – uzdenis in the second half of the 19th – early 20th century. In our research, we have applied procedural and modernization approaches. The first approach considers everyday life as an ordinary, everyday human existence, focusing on the environment, social relations in society. The modernization approach considers the transition of society from the traditional to the modern type, accompanied by the breaking of traditional values, a change in mentality. The article applies historical-genetic and historical-comparative methods. The author describes for the first time the daily activities of Dagestan uzdenis after the annexation of Dagestan to Russia. The article aims to show the changes that occurred in the traditional occupation of Dagestan uzdenis under the influence of capitalist relations that came from the Russian Empire. The author concludes that the daily occupations of the Dagestan freemen comprised traditional forms of agricultural production. The basis of the labor activity of uzden farms was the economic experience of previous generations. Farming in different parts of Dagestan had its own peculiarities. It received special development in the flat and foothill parts of the region with more arable land. In the mountainous zone, the lack of arable land forced farmers to use artificial fields – terraces created and maintained by the labor of several generations. Terraces testify to a high agriculture and have a centuries-old history in Dagestan. In addition to agriculture, Dagestani uzdenis were engaged in cattle breeding, handicrafts, seasonal work, and fishing. A major role in the daily activities of Dagestanis was played by the natural and climatic factor, which dictated the timing of agricultural work. Thus, in the second half of the 19th – early 20th century, the usual way of daily life of the Dagestan peasant gradually changed. Agriculture and cattle breeding acquired a commodity character, factory-made agricultural tools appeared on the farms of wealthy peasants, and the geography of seasonal works expanded. This might be explained by the integration of Dagestan into the economic space of Russia and the modernization of its economy during the period under study.

Keywords: Dagestan; uzdenis; daily occupations; agriculture; cattle breeding; handicraft; seasonal work.

For citation: Dalgat E.M. Daily occupations of Dagestan uzdenis in the second half of the 19th – early 20th centuries. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2022. Vol. 18. N. 4. P. 952-961. doi: 10.32653/CH184952-961

© Dalgat E.M., 2022
© Seferbekov M.R., translation, 2022
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2022

Традиционная история изучает крупные события в истории народов, известных политических деятелей, т.е. сферой ее интересов является макроистория. Жизнь рядовых людей приобретает в ней значение, если они были участниками восстаний, революций, войн и т.д. Интерес к микроистории, обращенной к повседневной жизни простого человека, к условиям его труда, его семейности и общественного быта, досугу, возник у историков во второй половине XIX в. Появились работы зарубежных и отечественных историков, в которых рассматривались традиции, нравы, быт народов в разные исторические периоды. «Второе дыхание» повседневность получила в 1920-х гг., когда происходит поворот исследователей от изучения внешних форм проявления повседневности к ее внутренним интеллектуально-духовным регуляторам [1, с. 4].

Во второй половине XX в. история повседневности получает широкое распространение в Европе и России. Она остается приоритетным научным направлением и по настоящее время. В работах ряда российских и зарубежных ученых [2–5] повседневность рассматривается как привычная часть жизни человека, которая повторяется изо дня в день. Появились работы, посвященные отдельным элементам жизни крестьян [6; 7], горожан [8; 9] и т.д.

Вместе с тем, в современном гуманитарном знании нет единого мнения в определении предмета изучения истории повседневности как научного направления. Нет единства и в определении методов изучения истории повседневности. Так, одни отечественные исследователи считают, что повседневная жизнь изучает сферу частной жизни. Другие включают в сферу анализа трудовую деятельность. Социологи и этнографы считают, что повседневность включает «производственный быт» и «повседневность труда».

На наш взгляд, повседневность – широкое понятие, включающее в себя условия жизни, труда и отдыха, факторы, влияющие на формирование сознания и норм поведения и т.д. Оно охватывает повседневную жизнь всех социальных слоев и групп общества. Таким образом, повседневность – понятие многоаспектное.

В своей статье мы поставили целью показать трудовую повседневность самой многочисленной группы населения Дагестана – узденства, свободных общинников. Они проживали во всех девяти округах Дагестанской области, образованной после окончания Кавказской войны и присоединения Дагестана к Российской империи.

Помимо узденства, до крестьянской реформы 60-х годов XIX в., в Дагестане были феодальнозависимые категории земледельцев – райяты, чагары, а также небольшое количество рабов.

Трудовая повседневность дагестанских узденей не была предметом специального исследования, но существует много обобщающих работ – монографий, статей по истории Дагестана, написанных историками и этнографами, в которых освещены традиционные занятия дагестанцев, показаны изменения, происходившие в их трудовой повседневности после присоединения Дагестана к России. Таким образом, историография по вопросам социально-экономического развития Дагестана во второй половине XIX – начале XX в. достаточно обширна.

При написании статьи нами использованы разнообразные источники. Это статистическое приложение к ежегодному отчету военного губернатора «Обзоры Дагестанской области» – заметки путешественников, посетивших Дагестан исследуемого периода, мемуарная литература.

Традиционным занятием дагестанского узденя было земледелие. Основой его жизни выступали земля и труд на ней. Это получило отражение в пословицах: «Нарядный

дом – не богатство, богатство – нарядная пашня», или «Хозяин земли тот, кто ее пашет» [10, с. 47].

Земледелие, наряду со скотоводством, с древнейших времен относится к основным занятиям дагестанцев. Об этом говорят археологические материалы, письменные источники и т.д.

Поскольку Дагестан представлял собой страну природно-климатических контрастов, имел сложный рельеф, занятие земледелием в его разных частях имело свои особенности. Так, широкое развитие оно получило в плоскостной и прилегающей к ней предгорной части, где было больше пахотных земель. В горах население также повсеместно занималось земледелием. Недостаток пахотной земли в горах вынуждал крестьян создавать искусственные поля – террасы или использовать естественные террасы. Исследователи отмечают, что террасы имеют в Дагестане многовековую историю и являются показателем высокой земледельческой культуры. Распространение их, предположительно, относят к железному веку [11, с. 20].

Искусственные террасы создавались и поддерживались кропотливым трудом нескольких поколений крестьян. Дагестанские крестьяне накопили большой хозяйственный опыт в использовании искусственного орошения и удобрения полей. Был создан сельскохозяйственный календарь, изучены свойства разных видов почв.

В исследуемый период земли в Дагестанской области не были размежеваны, поэтому точное хозяйственное распределение различных угодий в десятинах было невозможно. По сведениям Обзоров Дагестанской области количество земель под разными угодьями в 1899 г. было 1 099 601 десятина¹, а в 1913 г. уже 1 275 472 десятины², т.е. площади используемых земель увеличились.

Дагестанские уздени в основном выращивали зерновые. Основные культуры менялись в зависимости от зоны – горная, предгорье, равнина. В горных округах сеяли пшеницу, просо, кукурузу, лен, коноплю, голый ячмень, бобы, чечевицу, фасоль. На равнине и в предгорье сеяли озимую пшеницу, ячмень. «В весеннем посеве, – пишет С.Ш. Гаджиева, – большое место занимали яровой ячмень, кукуруза, также рис (у засулакских кумыков). Кроме того, кумыки весной сеяли огородно-бахчевые культуры, в основном тыкву, арбузы, дыни, фасоль, огурцы, что составляло специфическую особенность хозяйства всего населения равнинного и предгорного Дагестана» [12, с. 66]. На равнине, помимо огородно-бахчевых культур, крестьяне выращивали технические культуры – хлопок и марену. Хлопок выращивали не на продажу, а для собственных нужд, из него делали одежду, паласы.

Во второй половине XIX и в начале XX в. видное место в экономике Дагестана занимали садоводство и виноградарство. Садоводство было распространено везде, где по климатическим условиям это было возможно – в горно-долинной зоне нагорного Дагестана, в равнинной и предгорной полосе в Темир-Хан-Шуринском, Кайтаго-Табасаранском и Самурском округах. Со строительством железной дороги фрукты из Дагестана стали вывозить в российские города.

Расширились площади под виноградниками. Виноградарство приобрело товарный характер. В области стали выращивать новые сорта плодов и винограда. Так, в сел. Геджух, в имении И.И. Воронцова-Дашкова, выращивали элитные сорта винограда из Италии и Франции.

В.С. Кривенко отмечал, что в Южном Дагестане в 90-е годы XIX в. «устройство воронцовских виноградников начинает уже благотворно отражаться на садах окрестных

1. Обзор Дагестанской области за 1899 г. – Темир-Хан-Шура, 1900. С. 44.

2. Обзор Дагестанской области за 1913 г. – Темир-Хан-Шура, 1913. С. 6.

жителей, которые под руководством ученого-винодела и садовода практически устраивают себе усовершенствованные приемы посадки, обрезки кустов и приготовления вина» [13, с. 140]. Таким образом, в трудовую повседневность дагестанцев проникали более современные приемы занятия виноградарством.

Методы и способы обработки земли передавались от отца к сыну, оставаясь, таким образом, и архаичными, но и достаточно продуманными. В зависимости от зоны вспашки использовали разные орудия труда. В горах это было легкое пахотное орудие – «пуруц» (или «дуруц»). На равнине применяли «сабан» – четырех или шести-парный деревянный плуг. Крестьяне использовали также серпы, деревянные бороны, молотильные доски, усаженные камнями. В горах они обрабатывали поля такими же орудиями, какие были у их отцов и дедов.

От пахоты до жатвы череда дней земледельца, его повседневность была заполнена тяжелым трудом. От рождения и практически до самой смерти дагестанский уздень был включен в привычный круговорот работ на земле.

Надо отметить, что существовало различие между трудовой повседневностью мужчин, живших в горах, и тех, кто жил в предгорье и на равнине. В обязанности мужчин и на равнине, и в горах входили вспашка земли, посев, полив, косьба, снятие урожая с деревьев, уход за деревьями [14, с. 180]. Прополкой и мотыжением (культивацией) занимались женщины.

Общими занятиями были уборка хлеба и сена (мужчины косой, женщины косовидным серпом); доставка сена (мужчины на транспорте – осел, арба, дровни, волокуша, женщины – на себе), молотьба [14, с. 180].

На равнине земледельческое хозяйство было более масштабным и трудоемким, чем в горах. По сведениям М-З.О. Османова, «в среднем количество обрабатываемых угодий на равнине было выше в пересчете на одно хозяйство, чем в горной части в 5–6 раз, чем в высокогорной – в 7–8 раз. Далее – работа косой физиологически мужская работа, а сенокосов тоже на равнине было в 4–5 раз больше, чем в нагорье» [14, с. 180].

Кроме того, на равнине, где был развитой колесный транспорт, мужчина занимался перевозкой грузов – сена, снопов, дров, удобрений. В горах эту работу выполняли женщины, перенося грузы на себе.

Таким образом, мужчины на равнине в земледелии были заняты больше, чем в горах, в силу того, здесь было больше земель сельскохозяйственного назначения.

Помимо земледелия в трудовую повседневность мужчин входило занятие *скотоводством*. Наряду с земледелием оно было древнейшим занятием дагестанцев. Природно-климатические условия накладывали свой отпечаток на особенности развития скотоводства. Горные округа были хорошо обеспечены летними пастбищами, в то время, как пастбища равнинной части Дагестана были удобны для зимнего выпаса скота.

Жители равнин содержали много крупного рогатого скота. Его использовали не только для получения мяса и молока, но и в качестве тягловой силы. На втором месте стояло овцеводство, овец на лето перегоняли на пастбища в горы, которые арендовали у горцев.

В горных округах в основном разводили овец, хотя там был и крупный рогатый скот. Как и во всем Дагестане, здесь содержали лошадей, используемых для верховой езды. Кроме того, в горных районах разводили ослов и мулов для перевозки грузов.

Существовало разделение труда по уходу за скотом. Мелким рогатым и рабочим скотом занимались мужчины, молочным скотом – женщины [12, с. 71].

В Дагестане в силу особенностей природно-климатических условий традиционно выработалась отгонная система скотоводства. Суть ее заключалась в том, что скот,

в основном мелкорогатый, из горных и предгорных районов перегоняли на зиму на равнину. Зимние пастбища были расположены на Терско-Сулакской и Приморской низменностях Дагестана, а также на равнинах Азербайджана и Грузии.

Отдельные скотоводы, имевшие небольшие стада, объединялись в «кош» по 10–15 хозяйств, чтобы построить кошары и заготовить корм на случай суровой зимы, все расходы делили между собой пропорционально количеству овец [15, с. 89].

Отгонное скотоводство было трудным занятием, им занимались только мужчины. По мнению Х.-М.О. Хашаева, порядок объединения скотоводов в «кош» существовал издавна, поскольку в адатах говорится, что один из членов «коша» выбирался удаманом (главным), и ему подчинялись все чабаны [15, с. 89]. Им мог быть любой опытный скотовод, но чаще всего им становился владелец большей части овец или арендной дани. Он руководил работой коша, решал вопросы, связанные с арендой пастбищ, распределял обязанности между членами кошевого объединения и следил за соблюдением внутреннего распорядка коша, в основе которого лежало традиционное строгое выполнение всех поручений старшего [16, с. 57].

Обязанности членов коша были разнообразными – пасти скот, два раза в год стричь овец, доить их и делать брынзу, по очереди дежурить по ночам, охраняя стадо. Повседневная жизнь чабанов была тяжелой, и это нашло отражение в пословицах: «Кто хочет работы, пусть построит мельницу, кто хочет заботы, заведет стадо» [15, с. 89].

Чабан, выполнявший тяжелую, столь необходимую для поддержания семьи и хозяйства, работу, пользовался у дагестанцев большим уважением. В фольклоре всех народов Дагестана – он всегда положительный герой. Чабан в представлении народа должен был отличаться выносливостью, ловкостью, уметь лечить раны, красиво играть на свирели.

У народов Дагестана сложились праздники, обряды, связанные со скотоводством. По возвращении чабанов со стадами овец с зимних пастбищ-кутанов в горных селениях устраивали скачки, соревнования в силе и ловкости между молодежью.

По мере интеграции Дагестана в экономическую систему России в земледелии и животноводстве происходят позитивные перемены. Они постепенно приобретают товарный характер. Этому способствовало строительство дорог во внутреннем Дагестане, теснее связавшей разные части области между собой, что усилило развитие товарно-денежных отношений.

Большую роль в экономическом развитии области играл почтово-торговый тракт Темир-Хан-Шура – Гуниб – Кумух, торговые дороги, связывавшие горные округа с равниной: (Тарки – Кафир – Кумух и Казикумух и т.д.), а также дороги, связывавшие Нагорный Дагестан с Закавказьем [22, с. 100].

Благодаря прокладке в 90-е годы XIX в. по территории Дагестана Владикавказской железной дороги из области стала вывозиться продукция полеводства и животноводства, что способствовало росту их товарности. Кроме того, по железной дороге в Дагестан стала поступать фабричная сельскохозяйственная техника. В «Обзоре Дагестанской области» за 1902 г. указывалось, что в селениях округов, прилегающих к железной дороге, постепенно вводятся в употребление усовершенствованные железные плуги. Результаты вспашки этими плугами получались отличные, между тем как для работы ими требовалось только две пары буйволов, для прежних плугов – четыре пары. К концу года были зафиксированы частые случаи замены старых плугов новыми³. Кроме железных плугов появились молотилки, сеялки, жнейки, веялки, косилки и т.д.

3. Обзор Дагестанской области за 1902 г. – Темир-Хан-Шура, 1903. С. 17.

Фабричные орудия труда стоили недешево, приобрести их могли только крупные землевладельцы и зажиточные уздени. Интересно, что, судя по данным переписи сельскохозяйственных машин и орудий 1910 г., уздени приобретали фабричные орудия намного чаще, чем крупные землевладельцы⁴. Фабричная техника облегчала труд крестьянина и способствовала росту товарности земледелия.

По степени распространенности фабричных сельскохозяйственных орудий Г.Г. Османов разделил Дагестан на три района: «В первом районе, куда входили Аварский, Гунибский, Даргинский, Казикумухский и Самурский округа, использовали преимущественно старые, примитивные сельхозорудия. В Кюринском и Кайтаго-Табасаранском округах шло постепенное вытеснение железными плугами устаревшей техники. И только в Темир-Хан-Шурином и Хасавюртовском округах усовершенствованные сельхозорудия составляли 80%» [23, с. 125].

Трудовая повседневность дагестанского узденя, помимо занятий земледелием и животноводством, включала в себя и занятие *кустарными промыслами*. Они получили в Дагестане широкое распространение. Причиной этого были природно-климатические, исторические и социально-экономические условия. Из-за сурового климата в горах земледелие было возможно только короткий период времени. Малоземелье не позволяло крестьянину прокормиться за счет земледелия и сельского хозяйства, поэтому широкое распространение получили кустарные промыслы.

Во второй половине XIX в. наряду с домашними кустарными промыслами в Дагестане существовало ремесло, когда потребитель заказывал изделие. Получила распространение и третья стадия крестьянской промышленности – мелкое товарное производство, когда ремесленник производил изделия для продажи на рынке.

По нашим подсчетам, в конце XIX – начале XX в. 90% ремесленников проживали в сельской местности, 10% – в городах [17, с. 128].

Причинами широкого развития в Дагестане кустарных промыслов О.В. Маргграф считает «исторические условия» и «густоту населения». Под историческими условиями он подразумевает пролегание через Дагестан в течение многих веков естественного пути восточной торговли и народных движений с востока, через Дербент и по берегу Каспийского моря. Благодаря этому пути, его население, чаще других, оказывалось в осадном положении. На этой скалистой почве, окруженные со всех сторон врагами, горцы должны были находить и добывать все средства пропитания и защиты: пищу, платье, обувь, оружие и прочее [18, с. 37].

Действительно, у народов Дагестана получили развитие разные виды кустарных промыслов: металлообработка, обработка дерева, кожи, камня. Этими промыслами занимались мужчины. Женщины обрабатывали шерсть, изготавливали изделия из глины и т.д.

Почти в каждом селении были кузнецы, изготавливавшие ножи, топоры, молотки, подковы, серпы, косы и другой необходимый в крестьянском хозяйстве инвентарь. Во многих селениях Дагестана делали медную посуду, особенно много мастеров-медников было в Казикумухском и Даргинском округах. В некоторых селениях металлообработка развивалась от уровня кустарных промыслов, когда металлические изделия производились на заказ в свободное от сельскохозяйственных работ время, до уровня мелкого товарного производства. Это произошло в изготовлении оружия, признанными центрами которого стали селения Амузги, Харбук и Кубачи Кайтаго-Табасаранского и Большое Казанище Темир-Хан-Шуриного округов, а также в ювелирном деле, которое получило развитие в Казикумухском округе.

4. Сельскохозяйственные машины и орудия Европейской и Азиатской России. – СПб., 1913. С. 7.

Мужчины повсеместно занимались обработкой кожи. Жители Казикумухского и Даргинского округов шили сапоги и башмаки на продажу. Они открывали мастерские по пошиву обуви в городах Северного Кавказа и Закавказья. Повсеместно в селениях из овечьих шкур шили шубы, папахи.

Мужским занятием была также обработка дерева, которой занимались во многих селениях. Резьбой по дереву украшалась домашняя утварь, лари для хранения зерна, поставцы, мерки для зерна, рамы для окон. Все, к чему ни прикасалась рука горца, приобретало художественную ценность. Даже простая деревянная солонка покрывалась резьбой.

Исключительно мужским занятием была и резьба по камню. Во многих селениях мастера изготавливали надмогильные стелы, богато украшенные великолепной резьбой. Ею украшали и предметы быта, например, каменные подставки для прялок и т.д.

Таким образом, трудовая повседневность дагестанских узденей, наряду с земледелием и скотоводством, включала и кустарные промыслы, игравшие большую роль в экономике крестьянского хозяйства.

Одной из особенностей трудовой повседневности мужчин в Дагестане было *отходничество*. Под отходничеством понимается временный уход крестьян из своего хозяйства на заработки. Оно занимало важное место в социально-экономическом развитии области, в жизни его населения. Обычной целью отхода было получение необходимых денежных средств для покрытия недоимок и поддержания своего хозяйства. Для определенной части населения Дагестана отход был почти единственным источником существования, поскольку для Горного Дагестана характерно острое малоземелье.

В поисках работы дагестанцы уходили в Закавказье, на Северо-Восточный Кавказ. После присоединения Дагестана к России география отходничества расширилась, увеличился рынок рабочей силы, возрос спрос на рабочие руки. Отходничество приобрело массовый характер. Дагестанцы шли в отход большими «партиями по 40 и более человек».⁵ Это были в большинстве своем чернорабочие, согласные на любую работу. Наряду с ними в отход уходило много ремесленников. Ювелиры и оружейники из Дагестана работали во Владикавказе, Грозном, Пятигорске, Ставрополе и т.д. [19, с. 57].

Отход ремесленников был сильно распространен в малоземельных горных округах, например, в Казикумухском. В поисках заработка лакцы зачастую забирались в самые отдаленные уголки земного шара, «лакских кустарей можно было встретить в Ростове-на-Дону, Москве, Константинополе, Каире, Аддис-Абебе, Кульдже, Париже и проч.» [20, с. 491].

Количество дагестанцев-отходников росло год от года. Об этом свидетельствуют «Обзоры Дагестанской области». Так, если в 1906 г. отходников было 79 652 чел.⁶, то в 1913 г. их число достигло 93 313 чел.⁷, т.е. за 7 лет отходников стало больше на 13,6 тыс. человек.

В исследуемый период в трудовой повседневности дагестанских мужчин роль отходничества возросла. Кругозор горцев-отходников расширялся, через них крепла связь Дагестана с окружающим миром. Горцы быстрее отходили от патриархальных устоев в быту, и народы Дагестана втягивались в русло общероссийской общественно-экономической жизни.

5. Новая Русь. 1910. № 116. 30 апреля.

6. Обзор Дагестанской области за 1906 год. – Темир-Хан-Шура, 1907. С. 47.

7. Обзор Дагестанской области за 1913 год. – Темир-Хан-Шура, 1915. С. 45.

Под влиянием России в Дагестане появилась новая отрасль промышленности – рыбная. Владельцами рыбных промыслов были русские промышленники. Помимо квалифицированных рабочих – рыбаков из Поволжья – на промыслах работали местные жители. Во время весенней путины по селам ездили подрядчики и вербовали мужчин в «ватаги» – рыбные промыслы. В своих мемуарах А. Далгат пишет, что хозяин промысла платил подрядчику по три рубля за каждого из рабочих. Подрядчик эти деньги присваивал и требовал с рабочих по три рубля в качестве платы за предоставление работы [21, с. 47]. Свободных рабочих рук было очень много, и каждый бедняк хотел попасть на весеннюю путину.

Таким образом, содержание трудовой повседневности дагестанского свободного общинника-узденя составляли сельскохозяйственные работы – земледелие и скотоводство, а также кустарные промыслы. После присоединения к России широкое развитие получает отходничество, которое в меньших масштабах имело место и раньше. Дагестанцы работали также и на рыбных промыслах на Каспии.

В ведении хозяйства уздени использовали опыт предыдущих поколений. В исследуемый период происходило и заимствование дагестанцами производственного опыта, новых навыков у других народов. Это происходило разными путями: в результате отходничества, когда дагестанцы, побывавшие в других регионах империи, приобретали новые знания, умения; у русских переселенцев, основавших поселки в северных районах Дагестана. Кроме того, после восстания 1877 г. 5 тыс. дагестанцев было выслано в отдаленные губернии империи, часть из них погибла, другие не захотели возвращаться, а вернувшиеся на родину передавали землякам приобретенный ими на чужбине производственный опыт.

Большую роль в трудовой деятельности дагестанцев играли специфические природно-климатические условия. Приспосабливаясь к тяжелым условиям хозяйствования, они создавали террасные поля, занимались отгонным скотоводством.

Во второй половине XIX – начале XX в. в привычном укладе повседневной трудовой жизни дагестанского узденя постепенно происходили изменения под влиянием проникавших из России капиталистических отношений: товарный характер принимало земледелие и скотоводство, в область поступала сельскохозяйственная техника фабричного производства, расширилась география сбыта изделий кустарных промыслов, а также отходничества. Новой сферой приложения труда для горцев стала рыбная промышленность. Трудовая деятельность традиционно была важнейшей составляющей жизни дагестанского узденя, такой она оставалась и в исследуемое нами время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История культуры повседневности. М., 2018.
2. Людке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. – М.: Росспэн; Герман. ист. ин-т в Москве, 2010. 271 с.
3. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. – М.: Росспэн, 2001. 336 с.
4. Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница. – М., Ладомир, 1997. 330 с.
5. Леленко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. 320 с.

REFERENCES

1. *History of the culture of everyday life*. Moscow, 2018. (In Russ.)
2. Lyudke A. *History of everyday life in Germany. New approaches to the study of labor, war and power*. Moscow: Rosspen; German hist. inst. in Moscow, 2010. (In Russ.)
3. Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: city*. Moscow: Rosspen, 2001. (In Russ.)
4. Pushkareva N.L. *The private life of a Russian woman: bride, wife, mistress*. Moscow: Ladomir, 1997. (In Russ.)

6. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции XIX – начала XX веков). М.-Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. 304 с.
7. Лебедева Л.В. Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены. М.: Росспэн, 2009. 183 с.
8. Куприянов А.И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX вв. М.: Новый хронограф, 2007. 480 с.
9. Рута В.Э. Москва повседневная: очерки городской жизни. – М.: Олма-пресс, 2015. 208 с.
10. Назаревич А.Ф. Пословицы и поговорки народов Дагестана. Махачкала, 2006. 112 с.
11. Гаджиева С.Ш., Османов М-З.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. – Махачкала, 1967. 300 с.
12. Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961. 388 с.
13. Кривенко В.С. По Дагестану. Путевые заметки. – СПб., 1896. 260 с.
14. Османов М-З.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана (с древнейших времен до начала XX в.). – Махачкала, 1996.
15. Хашаев Х-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. – М., 1961.
16. Гаджиев М-Г.А. Народные традиционные навыки по уходу и содержанию крупного и мелкого рогатого скота в Южном Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. // Хозяйство народов Дагестана. – Махачкала, 1979.
17. Далгат Э.М. Крестьянство Дагестана на рубеже XIX-XX вв. – Махачкала, 2000.
18. Маргграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М., 1882.
19. Аствацатурян Э.Г. Дагестанское оружие. Махачкала, 2009.
20. Народы Кавказа. Т. 1. – М., 1960.
21. Далгат А. В огне революции. – Махачкала, 2017.
22. Мансурова А.Г. Дороги и их роль в социально-экономическом и культурном развитии Дагестана. – Махачкала, 2015.
23. Османов Г.Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. – М., 1965.
5. Lelenko V.D. *The space of everyday life in European culture*. Saint-Petersburg: SPbGUKI, 2002. (In Russ.)
6. Bezgin VB. *Peasant everyday life (traditions of the 19th – early 20th centuries)*. Moscow-Tambov: Tambov Publ., 2004. (In Russ.)
7. Lebedeva LV. *Daily life of the Penza village in the 1920s: traditions and changes*. Moscow: Rosspen, 2009. (In Russ.)
8. Kupriyanov AI. *Urban culture of the Russian province. Late 18th – first half of 19th century*. Moscow: Novyi Hronograf, 2007. (In Russ.)
9. Ruta VE. *Everyday Moscow: essays on city life*. Moscow: Olma-press, 2015. (In Russ.)
10. Nazarevich AF. *Proverbs and sayings of the peoples of Dagestan*. Makhachkala, 2006. (In Russ.)
11. Gadzhieva SSh, Osmanov M-ZO, Pashaeva AG. *Material culture of the Dargins*. Makhachkala, 1967. (In Russ.)
12. Gadzhieva S.Sh. *Kумыкs*. Moscow, 1961. (In Russ.)
13. Krivenko VS. *Around Dagestan. Travel notes*. St. Petersburg, 1896. (In Russ.)
14. Osmanov M-ZO. *Economic and cultural types (areals) of Dagestan (from ancient times to the beginning of the 20th century)*. Makhachkala, 1996. (In Russ.)
15. Khashaev Kh-MO. *The social system of Dagestan in the 19th century*. Moscow, 1961. (In Russ.)
16. Gadzhiev M-GA. *Folk traditional skills for the care and maintenance of cattle and small cattle in South Dagestan in the second half of the 19th - early 20th centuries. Economy of the peoples of Dagestan*. Makhachkala, 1979. (In Russ.)
17. Dalgat EM. *Peasantry of Dagestan at the turn of the 19th-20th centuries [Krest'yanstvo Dagestana na rubezhe XIX-KhKh vv.]*. Makhachkala, 2000. (In Russ.)
18. Marggraf OV. *Essays on handicrafts in the North Caucasus with a description of production techniques*. Moscow, 1882. (In Russ.)
19. Astvatsaturyan EG. *Dagestan weapons*. Makhachkala, 2009. (In Russ.)
20. *Peoples of the Caucasus*. Vol. 1. Moscow, 1960. (In Russ.)
21. Dalgat A. *In the fire of revolution*. Makhachkala, 2017. (In Russ.)
22. Mansurova AG. *Roads and their role in the socio-economic and cultural development of Dagestan*. Makhachkala, 2015. (In Russ.)
23. Osmanov GG. *Socio-economic development of the Dagestan pre-kolkhoz aul*. Moscow, 1965. (In Russ.)

Поступила в редакцию 27.10.2022

Принята в печать 01.12.2022

Опубликована 25.12.2022

Received 27.10.2022

Accepted 01.12.2022

Published 25.12.2022

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH184962-974>

Исследовательская статья

Айдар Юрьевич Хабутдинов

д.и.н., профессор

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия;

Институт международных отношений;

Казанский федеральный университет, Казань, Россия

aikhabutdinov@mail.ru

Марина Маратовна Имашева

д.и.н., доцент

Институт международных отношений;

Казанский федеральный университет, Казань, Россия

imaschewa@yandex.ru

ПРОЕКТЫ РЕЛИГИОЗНОЙ АВТОНОМИИ МУСУЛЬМАН ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ И СИБИРИ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. Цель исследования - сравнение концепций религиозной автономии мусульман Европейской России и Сибири с аналогичной на Северном Кавказе, изложенных в проектах в начале XX в. В статье анализируется процесс выработки решения о создании религиозной автономии мусульман Европейской России и Сибири и Северного Кавказа в начале XX в. в рамках единой российской государственности, включая правительственные законопроекты, проекты Всероссийских мусульманских съездов 1906 и 1914 г., мусульманских съездов весны-лета 1917 г. В итоге, в 1917 г. у мусульман татар Внутренней России и Сибири на II Всероссийском мусульманском съезде в июле 1917 г. победила концепция национально-культурной автономии и были созданы Милли Идарэ и Миллет Меджлисе, на Северном Кавказе Первый Горский съезд объявил о создании Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (СОГСКД), как территориальной автономии, с единым органом в лице «Кавказского муфтията». Для сопоставления положений проектов и характеристики исторических событий, сопровождавших их создание, нами был применен сравнительно-исторический метод. Мы пришли к выводам: во-первых, главными вопросами были вопросы о форме государственного устройства и автономии мусульман и земельный. Во-вторых, политическое сотрудничество лидеров мусульман Волго-Уральского региона и Кавказа в начале XX в. привело к созданию всероссийской партии «Иттифак аль-Муслимин», мусульманской фракции Государственной Думы, созывам общероссийских мусульманских съездов, идее создания 5 отдельных муфтиятов и единой общероссийской мусульманской религиозной автономии во главе с Шейх-уль-Исламом. В-третьих, в 1917 г. произошло обособление двух регионов по вопросам формирования религиозной автономии, отход от идеи общемусульманского единства в границах российской государственности. В-четвертых, события Гражданской войны и установление советской власти на Кавказе так и не привели к решению вопроса об организации Духовного управления мусульман в регионе.

Ключевые слова: мусульмане; религиозная автономия; национально-культурная автономия; мусульманский съезд; шариат; Духовное управление мусульман.

Для цитирования: Хабутдинов А.Ю., Имашева М.М. Проекты религиозной автономии мусульман европейской России и Сибири и Северного Кавказа в начале XX века // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 962-974. doi: 10.32653/CH184962-974

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH184962-974>

Research paper

Khabutdinov Aidar Yuryevich,
Dr. Sci. (History), Professor
Kazan Branch of the Russian State University of Justice;
Institute of International Relations;
Kazan Federal University, Kazan, Russia
aikhabutdinov@mail.ru

Imasheva Marina Maratovna,
Dr. Sci. (History), Associate Professor
Institute of International Relations
Kazan Federal University, Kazan, Russia
imaschewa@yandex.ru

PROJECTS OF RELIGIOUS AUTONOMY OF MUSLIMS OF EUROPEAN RUSSIA, SIBERIA AND THE NORTH CAUCASUS IN THE EARLY 20TH CENTURY

Annotation. The study aims to compare the concepts of religious autonomies of the Muslims of European Russia and Siberia with similar ones in the North Caucasus, set out in projects in the early 20th century. We analyze the process of developing a decision on the creation of religious autonomy for Muslims in European Russia and Siberia and the North Caucasus at the beginning of the 20th century within the framework of a unified Russian statehood, including government bills, drafts of the All-Russian Muslim Congresses in 1906 and 1914, Muslim congresses in the spring-summer of 1917. As a result, in 1917, the Tatar Muslims of Inner Russia and Siberia at the II All-Russian Muslim Congress in July 1917. The concept of national-cultural autonomy was chosen and the Milli Idare and Millet Majlis were established. In the North Caucasus the First Mountain Congress announced the creation of the the Alliance of the United Mountaineers of the North Caucasus and Dagestan (SOGSKD), as a territorial autonomy, with a single body represented by the “Caucasian Muftiate”. We applied the comparative historical method in order to compare the provisions of the projects and characterize the historical events that accompanied their creation. We came to the following conclusions: firstly, the main questions were questions about the form of government and the autonomy of Muslims and the land issue. Secondly, the political cooperation between the Muslim leaders of the Volga-Ural region and the Caucasus at the beginning of the 20th century led to the creation of the All-Russian party “Ittifaq al-Muslimin”, the Muslim faction of the State Duma, the convocations of the all-Russian Muslim congresses, the idea of creating 5 separate Muftiates and a single all-Russian Muslim religious autonomy headed by Sheikh-ul-Islam. Thirdly, in 1917 there was a separation of the two regions on the issues of the formation of religious autonomy, a departure from the idea of common Muslim unity within the borders of Russian statehood. Fourthly, didn't result in a solution of the issue of organizing the Spiritual Administration of Muslims in the region.

Keywords: Muslims; religious autonomy; national-cultural autonomy; Muslim congress; Sharia; Spiritual administration of Muslims.

For citation: Khabutdinov A.Y., Imasheva M.M. Projects of religious autonomy of muslims of European Russia, Siberia and the North Caucasus in the early 20th century. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2022. Vol. 18. N. 4. P. 962-974. doi: 10.32653/CH184962-974

С середины XVI в. Российское государство стало «прирастать» территориями, населенными мусульманами – постордынские татарские ханства Волго-Уральского региона, Сибирь, Крым, Северный Кавказ и Закавказье, Средняя Азия и Казахстан, стали частями православного государства. Перед царизмом встала задача по организации контроля и управления многомиллионным иноконфессиональным населением, имевшим свою сложившуюся систему социальных связей, образования, брачно-семейных и т.п. отношений.

В отношении мусульман Волго-Уральского региона российское правительство в середине XVI–XVIII вв. попыталось реализовать политику насильственной христианизации, которая встретила ожесточенное сопротивление со стороны татар. И к концу XVIII в. властям стало понятно, что следует искать иные пути взаимодействия с подданными, прежде всего, в области конфессиональной политики. В контексте общей либерализации правительственного курса в отношении религий в период «просвещенного абсолютизма» Екатерины II, с учетом присоединения Крыма, отношений с Османской империей, продвижением в Казахскую степь, было принято решение о создании официальной организации мусульман России. Эта организация – Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС) было создано в 1788 г. Во главе ее стоял утверждаемый монархом муфтий, резиденция которого располагалась в Уфе.

Впоследствии, в течении XIX в., с присоединением новых территорий и увеличением числа подданных-мусульман, опыт ОМДС был распространен и на них. К началу XX в. в Российской Империи было открыто четыре духовных управления (собрания) мусульман: два в Закавказье (для мусульман-суннитов и мусульман-шиитов, соответственно), Оренбургское (для мусульман Европейской части России и Сибири) и Таврическое (для мусульман Крыма и Западных губерний). При этом ни одно из этих духовных управлений не охватывало своим «духовным попечением» многонациональное мусульманское население Северного Кавказа. Причины, конечно, очевидны – российские власти в конце XIX в. не были уверены в полной лояльности горцев имперским властям, свежа была память о Кавказской войне, имамате, восстании 1877 г. Поэтому с созданием Духовного управления на Северном Кавказе предпочли повременить.

Тем не менее, с точки зрения имперского законодательства, территории и мусульманские институты Северного Кавказ, Казахстана и Туркестана, населенные мусульманами (где не было своих думов), согласно именному указу императрицы Екатерины II «Об определении мулл и прочих духовных чинов магометанского закона, и об учреждении в Уфе духовного собрания для заведывания всеми духовными чинами того закона, в России пребывающими» должны были подчиняться ОМДС [1, с. 1107]. Но во второй половине XIX в. они (кроме некоторых городских мечетей Северного Кавказа) были выведены из-под его юрисдикции.

Прежде, чем перейти к основному изложению проблемы, остановимся на историографии. Классическим фундаментальным трудом по анализу правительственной политики в отношении российских мусульман, в целом, и проектов Духовных Собраний, в частности, остается докторская диссертация Д.Ю. Арапова «Система государственного регулирования ислама в Российской империи (Последняя треть XVIII – начало XX вв.)» [2]. Основным трудом, анализирующим проекты создания и реформы Духовных Собраний мусульман, созданных самими российскими мусульманами в период 1905–1917 гг. на Всероссийских мусульманских съездах на общероссийском уровне и отдельно для мусульман округа ОМДС, является монография А.Ю. Хабутдинова «Формирование нации и основные направления развития татарского общества в

конце XVIII – начале XX вв.» [3], которая легла в основу его докторской диссертации. Следует также отметить докторскую диссертацию И.Х. Сулаева «Мусульманское духовенство Дагестана и власть: история взаимоотношений (1917–1991 гг.)» [4], которая посвящена только Дагестану, и только с 1917 г.

В историографии на английском языке авторы этой статьи являются авторами двух статей, посвященных проблеме реформирования Духовных Собраний / Управлений российских мусульман, в конце XVIII – начале XXI вв.: «Проекты государственного и политического развития российских мусульман» [5] и «Муфтии Европейской России и Сибири в конце XVIII-начале XXI вв.» [6], вышедшие в свет за последние 5 лет.

В работах, касающихся северокавказского региона, в том числе в последние 5 лет, основное внимание уделялось деятельности Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (СОГСКД) [7; 8], Владикавказскому съезду горских народов Северного Кавказа [9; 10], деятельности Нажмуддина Гоцинского, включая его попытки создать мусульманское теократическое государство [11]. Все эти работы, безусловно, вносят существенный вклад в освещение вопроса истории религиозных автономий двух регионов, которые оказались в центре нашего внимания. Вместе с тем, на основе анализа документов и работ наших коллег, мы представляем в данной статье свой сравнительный анализ проектов религиозной автономии в России (как имперской, так и в период становления советской государственности) двух ключевых мусульманских центров страны.

Итак, к началу XX в., когда стало очевидно, что местное мусульманское население уже не является опасным носителем сепаратистских настроений, вопрос о создании самостоятельного Духовного управления для мусульман Северного Кавказа начинает широко обсуждаться. Он отчетливо формулируется правительственными кругами, а также, и, прежде всего, он стал одним из самых обсуждаемых в самом российском мусульманском общественном движении, которое организационно оформилось в ходе российской революции 1905–1907 гг.: была создана партия российских мусульман «Иттифак-аль-муслимин», проведены три Всероссийских мусульманских съезда.

На III Всероссийском мусульманском съезде, проходившем 16–21 августа 1906 г. в Нижнем Новгороде, ставшим пиком мусульманского движения в дореволюционной России, духовную комиссию возглавил ректор казанского медресе «Мухаммадия» Галимджан Баруди. Под его руководством были сформулированы положения предполагаемой реформы управления духовными делами мусульман в России. В соответствии с ними предлагалось создать пять территориальных Мусульманских собраний, под названием Махками-и-Исламия: Оренбургское (для мусульман Волго-Уральского региона и Сибири), Таврическое (Крым и Западные губернии), Туркестанское (Средняя Азия) и два на Кавказе (соответственно, для суннитов и шиитов региона). Эти собрания должны были сосредоточить в своем ведении все религиозные дела мусульман округа, включая контроль над конфессиональными учебными заведениями (медресе и мектебе), мечетями и вакуфами, назначение духовенства и судопроизводство по брачно-семейным вопросам (бракосочетания – *никах*, разводов – *талак* и наследования – *мираса*). Предполагалось создание однотипной структуры Собраний, средний уровень которых составили бы губернские и уездные межлисы мусульманского духовенства. Главой всех российских мусульман должен был стать выборный Раис-уль-Улама в ранге имперского министра, с правом личного доклада Императору. Мусульманское духовенство всех уровней (в т.ч. и Раис-уль-Улама) избиралось исключительно самими мусульманами. Оно предполагало три элемента: избрание приходом, экзамен и одобрение Духовным Собранием [3, с. 210–213]. И. Гаспринский

предложил на должность руководителей автономии Г. Баруди и Ю. Акчуру [12, с. 106]. Таким образом, главой российских мусульман должен был стать мусульманский богослов-улем, а его заместителем – общественный деятель со светским юридическим образованием. Но проект так и остался на бумаге.

Обсуждение лидерами мусульман вопроса об организации управления их духовной жизнью сделало очевидным факт, что царское правительство уже не могло игнорировать потребности мусульманской уммы России и вынуждено было провести ряд мероприятий, направленных если не на решение их, то, хотя бы на выяснение наиболее актуальных вопросов. Весной 1906 г. в Санкт-Петербурге состоялось Особое совещание по делам веры под председательством генерала А.П. Игнатьева, в ходе которого обсуждалась и тема реорганизации системы управления мусульманскими народами России. Основным докладчиком по этому вопросу был сенатор, член Государственного совета, действительный тайный советник В.П. Череванский, который в 1880-е гг. проявил себя талантливым администратором в Туркестане.

Выступление В.П. Череванского содержало изложение его же «Записки по делам веры мусульман-суннитов», текст которой был подготовлен им еще в 1905 г. Докладчик полагал возможным «укрупнить управление мусульманами-суннитами Кавказа, подчинив суннитский Северный Кавказ Закавказскому Духовному правлению суннитов в г. Тифлисе» [13, с. 104].

Один из ведущих специалистов по истории ислама в Российской империи Д.Ю. Арапов указывает, что на Северном Кавказе в 1906-1914 гг. вопрос об «упорядочении» местной системы организации духовной жизни мусульман-суннитов поднимался несколько раз, причем «как представителями царской бюрократии, так и мусульманскими и русскими общественными деятелями, преимущественно либерального направления» [2, с. 303–305]. Он же перечисляет ряд проектов, которые непосредственно затронули данную проблему и были рассмотрены в верхах.

Во-первых, это был, уже известный проект В.П. Череванского 1905–1906 гг., который предложил подчинить мусульман-суннитов Северного Кавказа Закавказскому суннитскому муфтияту. То есть создание отдельного Северокавказского муфтията не предполагалось.

Во-вторых, проект, предложенный в июле 1906 г. на совещании представителей мусульман Кубанской и Терской областей. Он был изложен в принятом «Положении» об учреждении в г. Владикавказе самостоятельного Духовного правления для мусульман Северного Кавказа во главе с выборным муфтием.

В-третьих, в 1909 г. начальник Терской области генерал А.С. Михеев высказался о необходимости создания на Северном Кавказе для местных мусульман самостоятельного Духовного управления.

В-четвертых, сами представители уммы подняли этот вопрос с трибуны российского парламента – Государственной думы IV созыва: в декабре 1913 г. 39 депутатов внесли «законодательные предположения» об учреждении особого Духовного управления (муфтията) для мусульманского населения Северного Кавказа «по образцу и подобию Закавказского суннитского правления».

Несмотря на то, что все перечисленные проекты и предложения тогда же были направлены в высшие правительственные инстанции монархии, принятие какого-либо четкого решения на основании хотя бы одного из них, постоянно откладывалось. Имперское правительство, в том числе премьер-министры П.А. Столыпин и В.Н. Коковцев, опасались, что создание муфтията в регионе приведет к «антиправительственной» консолидации северокавказских мусульман (память об имамате и Шамиле была

еще очень свежа). В числе противников идеи был и сам император Николай II. При чтении текста доклада генерала А.С. Михеева царь, в месте, в котором предлагалось создать муфтият на Северном Кавказе, написал: «С этим я не согласен» [2, с. 303–305].

В числе проектов мы видим и проект мусульманской фракции: к концу 1913 г. мусульманская российская политическая элита сформулировала идею создания духовного управления (муфтията) для мусульман Северного Кавказа по образцу Закавказского муфтията, внеся такое предложение в Государственную Думу. Но оно не было поддержано в Совете Министров, который, «соглашаясь с заключением Министра Внутренних Дел, ...нашел означенное предположение неприемлемым» [14, с. 312–333].

Но лидеры общественного мусульманского движения вскоре вновь обратились к идее создания муфтията на Северном Кавказе. На IV Всероссийском мусульманском съезде, состоявшемся 15–25 июня 1914 г. в Санкт-Петербурге, на основании доклада депутата от Казанской губернии Садри(етдина) Максуди(нова) был принят проект «Положения об управлении духовными делами мусульман Российской империи». Оно содержало пункты о выборности духовенства, создании светских и религиозных учебных заведений для мусульман России, передаче контроля над всеми школами, их программой и составом преподавателей в руки Духовного собрания, отмене ограничений, касающихся мусульманских учебных заведений и их преподавательского состава. В проекте предусматривалось единообразное устройство порядка управления духовными делами мусульман России вообще, без разделения на местности, на началах широкой автономии. Проект по своей структуре, в целом, напоминал «Положение об управлении закавказского мусульманского духовенства суннитского учения» 1872 г. В целом этот проект соответствовал программе реформы управления духовными делами мусульман в России, принятой на III Всероссийском мусульманском съезде в 1906 г. [3, с. 254–255].

На IV съезде было принято решение поручить мусульманской фракции Государственной думы вновь представить правительству требования от имени всех мусульман России, в том числе и требование о создании духовного управления (муфтията) для мусульман Северного Кавказа, а затем представить их к одобрению Думе. Но началась Первая мировая война, и государству уже было не до обсуждения и решения этноконфессиональных проблем своих подданных.

Новый этап в разработке проектов об управлении духовными делами российских мусульман связан с падением самодержавия. Февральская революция принесла народам России надежду на возможность решения своих судеб на основе демократических принципов. На I (V) Всероссийском мусульманском съезде, проходившем 1–11 мая 1917 г. в г. Москве, ключевым стал вопрос о форме автономии российских мусульман. По нему разгорелась ожесточенная дискуссия. В итоге, большинство делегатов съезда, представлявших мусульман Кавказа, Крыма, Башкирии, Туркестана и Казахстана, поддержали предложение азербайджанского общественного деятеля М.-Э. Расулзаде о создании федерации на основе национальных территориальных автономий. Другой точки зрения придерживались почти все представители мусульман Волжско-Уральского региона (татар) и часть делегатов Северного Кавказа, которые высказались за национально-культурную автономию в составе унитарного государства, что соответствовало решениям III Всероссийского мусульманского съезда 1906 г. о местной автономии и ее самоуправлении.

В итоге была принята резолюция из двух пунктов. В первом пункте отмечалось, что формой государственного устройства России, «наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на

национально-территориально-федеративных началах», а народы, которые не проживали компактно на какой-либо территории бывшей империи, должны были получить национально-культурную автономию. Второй пункт этой резолюции предполагал создание общего для всех мусульман России центрального органа с законодательными функциями. Орган этот предполагалось создать для решения духовно-культурных вопросов мусульман. [15, с. 101]. Таким органом стал Всероссийский Мусульманский Совет (Милли Шура).

По вопросу религиозного управления мусульман (резолюция казья ОМДС С. Урманова) съезд решил реорганизовать Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС) и избрал Временное духовное управление во главе с муфтием Галимджаном Баруди. В состав управления также вошли шесть казиев: Салихджан Урманов, Габдулла Сулеймани, Кашшаф Тарджемани, Хаджат Махмудов, Мухлиса Буби, Гумер Караши. Казахи Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семиплатинской областей были возвращены в ОМДС, согласно их заявлению. ОМДС получала права религиозной автономии, включая выборность всего духовенства (которое утверждалось ОМДС), контроль за приходами, вакфами, военными муллами, преподаванием закона Божьего в религиозных и светских школах. По резолюции создавалась трехзвенная система управления: Духовное собрание (управление) – мухтасибат – приход. Этот проект касался только округа ОМДС, так как мусульмане других регионов должны были создать собственные Духовные управления [15, с. 108–110, 140–143].

Предложение религиозной секции съезда (резолюция Кашшафа Тарджемани) «о создании единого религиозного всероссийского центра», в итоге так и не было поставлено на голосование на съезде. Так как этот проект предусматривал создание только религиозной автономии, то он был перенаправлен на рассмотрение Всероссийского съезда духовенства (Голямалар съезды), намеченного на вторую половину июля 1917 г. в Казани. Сразу отметим, что поскольку на Всероссийский съезд духовенства прибыли преимущественно имамы округа ОМДС, то по вопросам общероссийского уровня принятия решений так и не состоялось.

На I Всероссийском мусульманском съезде 1917 г. возникло и противоречие по вопросу о том, в чьем ведении должна находиться система образования российских мусульман: религиозных или светских органов. В итоге, резолюция по культурно-просветительским делам предусматривала создание национально-культурной автономии, включающей все виды профессионального образования и учительские школы. Духовные управления при этом сохраняли контроль только над медресе, то есть системой религиозного профессионального образования. Съезд рекомендовал мусульманам повсеместно перейти на обучение на «материнском языке каждого племени» (т.е. на национальных языках), изучение языка тюрки в средней школе и обучение на нём в высшей школе при обязательном изучении русского языка [15, с. 108–110, 140–143].

Предложение религиозной секции съезда (резолюция К. Тарджемани) учитывало реалии Северного Кавказа в языковом вопросе, где большинство мусульман не относились к тюркским народам. Так, взаимоотношения между всеми Духовными управлениями (собраниями)¹ и их местными правлениями должны были вестись на тюрко-татарском языке, а для муфтията Северного Кавказа предусматривалось делопроизводство на арабском языке [15, с. 144].

Одновременно с I Всероссийским мусульманским съездом в Москве во Владикавказе под председательством Б. Шаханова проходил Первый Горский съезд (или Первый

1. В оригинале: “рухани идарэ” и “мэхкэмэ”

съезд горских народов Кавказа, 1–7.05.1917 г.). Съезд объявил о создании Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (СОГСКД). Его полномочия распространялись на Дагестанскую область, горские округа Терской области (Назрановский, Нальчикский, Владикавказский, Грозненский, Веденский, Хасав-Юртовский), Ногайский участок Терской области, Кубанский Горский областной комитет, Закатальский округ и исполнительные комитеты ногайцев и караногайцев Ставропольской губернии [16, с.16–183]. На Горском съезде были обсуждены и утверждены программа, конституция, политическая платформа, ряд резолюций, касавшихся наиболее болезненных проблем региона и местного населения – земельных, религиозных, финансовых, местного судопроизводства СОГСКД. Принятая конституция легитимировала государственно-правовое существование СОГСКД на федеративной основе. В свою очередь СОГСКД должен был стать субъектом будущей Российской федеративной республики.

В соответствии с текстом принятой на съезде конституции, «Союз горцев Кавказа объединил все горские племена Кавказа, а также ногайцев и туркмен», стал «членом кавказского мусульманского союза» и имел целью «обеспечение мирного сосуществования всех народов Кавказа и России; защиту и упрочение свобод, завоеванных революцией; претворение в жизнь демократических принципов; защиту общих для всех горских племен политических, культурных и национальных интересов» (ст. 1). Органами, объединяющими горцев, ногайцев и туркмен, согласно ст. 2., стали съезд делегатов и ЦК объединенных горцев [17, с. 92].

Съезд принял ряд важных решений по вопросам общественной жизни горского общества. В частности, в отношении образования декларировалось всеобщее, обязательное и бесплатное начальное образование в горских школах. Неполное среднее образование также должно было стать всеобщим и бесплатным. Обучение детей и молодежи предполагалось осуществлять на родном языке, при этом «с первого года вводился тюркский язык» [17, с.88]. То есть, предполагалось обязательное обучение языку и письменности тюрки, который в тот период (а не арабский) представлялся лидерам мусульманских народов России языком межнационального общения для российских мусульман разных национальностей.

Безусловно, для горцев-мусульман важнейшим был вопрос, связанный с религиозным управлением на Кавказе, так и не решенный царскими властями. В соответствии с резолюцией религиозной секции (п. 1) было принято решение: «Во все судебные дела мусульман ввести правила Корана и Шариата». П. 2 предполагал создание в столице России (на тот момент – Петрограде) Управления Шейх-уль-Ислам[а], «избранное по шариату мусульманами всей России», которое будет наделено «правами министра религиозных и политических дел мусульман» [17, с. 92]. Это положение в целом соответствовало резолюции III Всероссийского мусульманского съезда 1906 г. При Управлении предполагалось создать совет из 6 представителей мусульманских народов, избранных по нормам шариата: 2 шафиита, 2 ханафита и 2 джафарита (шиита), то есть представительство здесь определялось принадлежностью к мазхабам [17, с. 92].

Третий пункт резолюции касался вопроса организации управления «Кавказского муфтията». Предполагалось, что мусульмане Терской, Кубанской областей и Дагестана, Черноморской губернии, ногайцы, карачаевцы и туркмены Ставропольской губернии будут избирать кавказского муфтия. Резиденция его должна была располагаться в г. Владикавказе. Также избирался совет при муфтии, состоявший из 4 кади(ев), представлявших суннитское направление ислама (по 2 представителя от ханафитского и шафиитского мазхабов)

Особо оговаривалась в документе вертикаль шариатских судов. Пункт 4 регламентировал вопрос создания областных шариатских судов в регионе. Предполагалось учредить областные шариатские суды, состоявшие из судей-кадиев, которые избирались дееспособными мусульманами в соответствии с нормами шариата. От каждого округа избирался один судья. Областные суды должны были стать апелляционной инстанцией для окружных судов.

Следующий, 5 пункт, предполагал учреждение окружных шариатских судов, в состав которых входили избранные на основе норм шариата судьи – по одному от каждого участка. Данный вид судов должен был стать первой судебной инстанцией для мусульман участка и кассационной по отношению к сельским судам. В тех округах, где действовали два горских словесных суда, учреждались два и более шариатских суда, в зависимости от численности населения.

Пункт 6 предполагал создание в каждом сельском участке должности кади, избранного местными мусульманами на основе норм шариата. Их юрисдикции подлежали гражданские дела, в которых сумма ущерба не превышала 300 рублей» [17, с. 92].

Этот проект был составлен местными юристами, представителями мусульманской интеллигенции, получившими светское юридическое образование в Российской империи и за ее пределами. В результате, в документе оказалось множество отсылок к нормам светского гражданского права, при том что, в целом он должен был опираться на нормы шариата.

Наиболее четко это можно увидеть в статье о различии между апелляционной и кассационной инстанциями, которая соответствовала в целом российским Судебным уставам 1864 г. «В «рассуждениях» к Уставу гражданского судопроизводства 1864 г. отмечалось, что применительно к российскому гражданскому судопроизводству «существует два рода способов, посредством которых тяжущиеся могут достигнуть изменения или отмены судебного решения»: обыкновенные (включающие в себя отзывы на заочные решения и апелляционные жалобы) и чрезвычайные (кассационные жалобы, просьбы о пересмотре решений и отзывы третьих лиц)... Производство уже в суде второй степени и постановление им окончательного решения предполагали возможно более полное (исходя из представленных сторонами в рамках реализации принципа состязательности судебного процесса доказательств) и «окончательное» выяснение фактических обстоятельств дела (в том смысле, что кассация, как один из чрезвычайных способов обжалования решения, по своей сути уже не предполагала возможности этого выяснения) [18, с. 132–135]. В.В. Захаров, специалист в истории российского права, в этой связи отмечает: «Кассация отличалась от апелляции тем, что использовалась для отмены решений, нарушавших законы, а не неправильных или несправедливых с точки зрения фактических обстоятельств дела» [19, с. 52–94]. Таким образом, окружные шариатские суды с их окружными кадиями должны были исправить возможные нарушения законов в решениях сельских кадиев. Можно согласиться и следующей аналогией: «По итогам Судебной реформы 1864 г., – как отмечает М.Н. Марченко, сначала наметилась, а затем довольно чётко обозначилась продолжающаяся по сей день тенденция постепенного практического «освоения» российским судом наряду с его традиционными функциями правоприменителя и толкователя права также функции, весьма близкой к основному направлению деятельности российского правотворца, к функциям создателя новых правовых норм» [7, с. 376].

Фактически, как следует из анализа текста документа, северокавказские шариатские суды получали полный контроль над всей вертикалью судебной власти от судов первой инстанции до апелляционной и кассационной [17, с. 92].

Религиозная секция постановила просить съезд горцев организовать при союзе объединенных горцев специальный религиозный совет из 9 человек: 5 – от Дагестанской и Терской областей, 2 – от Кубанской области и 1 – от ногайцев, карачаевцев и туркмен Ставропольской губернии. Религиозный совет должен был заниматься религиозными делами мусульман Северного Кавказа до назначения муфтия. Во Владикавказе планировалось открытие Юридической академии шариата, с полным курсом шариата и циклами светских наук [17, с. 92]. Совет возглавил *Наджмутдин Гоцинский* (1859–1925), ставший муфтием Северного Кавказа.

Создание вертикали мусульманского духовенства Кавказа в 1917 г. планировалось на выборной основе, что соответствовало решениям II Всероссийского мусульманского съезда (Нижний Новгород, 1906). В резолюции Горского съезда значилось следующее:

«7) Сельские имамы избираются дееспособными членами вышеназванного общества согласно шариату. Выборы кадиев всех судов проходят через посредничество доверенных дееспособного населения соответствующего района в случае, если сход этого района сталкивается с трудностями.

8) Сельские имамы и муфтии подчинены окружным кадиям, последние – муфтиям. Прежде, чем приступить к своим обязанностям, муфтии экзаменуются временным религиозным советом при ЦК объединенных горских народов» [17, с. 93].

При этом мусульманское духовенство не было замкнутой корпорацией, а должно было избираться всем населением от уровня мусульманского общества до всероссийского мусульманского съезда: «12) Порядок выборов Шейха-уль-Ислама и членов его совета устанавливается Всероссийским съездом мусульман» [17, с. 93]. Таким образом, в реалиях мая 1917 г., мусульманское население Северного Кавказа продолжало ориентироваться на создание и включение в состав общероссийских мусульманских структур в границах российской государственности.

Уже к лету 1917 г. стала очевидна разновекторность процессов реализации религиозной автономии мусульман Европейской части России и Сибири (с одной стороны) и Северного Кавказа (с другой). Мусульманские политические лидеры первого из названных регионов проводят объединенное заседание Всероссийских мусульманских съездов (включая съезд духовенства) в Казани 22 июля 1917 г., включают муфтият, в качестве одного из назаратов (министерств) в Милли Идарэ (правительство национально-культурной автономии), фактически поставив духовную власть под контроль светской. Путем отказа от ряда либеральных положений (важнейшее – частичное ограничение женского равноправия), светским лидерам мусульман региона удалось заключить альянс с большинством духовных лидеров Европейской России и Сибири [13, с. 282]. Руководство ОМДС-ЦДУМ до конца 1919 г. поддерживало Милли Идарэ в его противостоянии с советским режимом, но речь не шла о мобилизации духовенства под религиозными лозунгами.

В это же время, на Северном Кавказе все большую роль в принятии политических решений стало играть мусульманское духовенство. На состоявшемся 19 августа 1917 г. съезде, вошедшем в историю как Андийский, был избран имам – *Наджмутдин Гоцинский*, обряд совершил аварский шейх *Узун-Хаджи Салтинский* (1847–1920). Таким образом, был взят курс на создание имамата – шариатского государства. На всей территории СОГСКД было решено ввести нормы шариата и ликвидировать государственные светские суды [7, с. 9]. Однако делегаты Второго Горского съезда (проходил 21–28 сентября 1917 г. во Владикавказе) подтвердили приоритет светской власти, признав при этом единогласно *Наджмутдина Гоцинского* главой Горского духовного

управления в звании муфтия [17, с. 148]. При этом ни те, ни другие уже не ориентировались на общероссийское мусульманское единство.

События 1917–1922 гг. привели к тому что, религиозные деятели Дагестана оказались «по разные стороны баррикад», они разделились на сторонников и противников большевиков и советской власти. Во главе противников большевизма встал Н. Гоцинский. Он считал, что лидер Белого движения А.И. Деникин является человеком верующим и в числе прочих, защищает и религиозные ценности разных народов (в отличие от большевиков-атеистов). Гоцинский запретил своим последователям бороться с деникинцами, а в 1920–1921 гг. возглавил антисоветское восстание на Северном Кавказе под знаменем ислама.

Шейхи А.-Х. Акушинский (в январе 1918 г. был провозглашён шейх-уль-исламом сторонниками социалистических преобразований), Сейфулла-кади Башларов, Хасан Кахибский и их последователи поддержали советскую власть. Но и сторонники, и противники большевиков в своих призывах активно использовали религиозные лозунги, проповеди и фетвы, призывающие мусульман защитить ислам и шариат от «гяуров». В результате, по призыву религиозных деятелей по обе стороны противостояния, за оружие взялись сотни и тысячи дагестанцев [4, с. 28].

Однако, советские власти, как и в 1860-е гг. имперские, обеспечив контроль над Закавказьем и степными и прибрежными районами Дагестана, сумели изолировать и ликвидировать сторонников имамата Н. Гоцинского, включая и его лично. А вопрос о создании Духовного управления мусульман Северного Кавказа так и не был решен.

Как мы видим, ни имперские власти, ни советские (в период становления) оказались не готовы решать вопрос о реализации проектов религиозной автономии в двух ключевых регионах страны в пользу мусульман, не решились предоставить им широкую религиозную автономию. Единственный шанс решить вопрос в интересах мусульман Европейской части России и Северного Кавказа по формированию органов религиозной автономии был связан с демократической альтернативой, которая реализовывалась с февраля по октябрь 1917 г. Но, к сожалению, как мы знаем, этой альтернативе не суждено было реализоваться. Если имперские власти покровительствовали институтам православной церкви и не желали какого-либо усиления мусульманской уммы (в том числе и в институциональной форме), то советские, отстаивая атеистические идеи, вообще старались игнорировать конфессиональную идентичность и связанные с этим интересы граждан-мусульман.

Вновь вопрос о религиозной автономии стал актуален уже в Российской Федерации, в которой с начала 1990-х гг. последовательно проводился в жизнь конституционный демократический принцип свободы совести. В 1990–2000-е гг. духовные управления мусульман были созданы во всех регионах с мусульманским населением. Конечно же, при их создании был востребован исторический опыт столетней давности, отложившийся в проектах религиозных автономий мусульман начала XX века в двух крупнейших мусульманских регионах России – Волго-Уральском и Северо-Кавказском.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Полное Собрание законов Российской Империи. Собрание первое. 1784-1788. СПб, 1830.– Т.22. С. 1107. № 1670.
2. Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (Последняя треть XVIII – начало XX вв.): Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 Москва, 2005. – 381 с.
3. Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татар. общества в конце XVIII – начале XX в. Казань, 2001. – 383 с.
4. Сулаев И.Х. Мусульманское духовенство Дагестана и власть: история взаимоотношений (1917 – 1991 гг.). Автореф. Дис... доктора ист. наук. – Махачкала, 2010.– С. 28.
5. Khabutdinov A., Imasheva M. Fahrutdinov B. Projects of state and political development of Muslims in Russia / *Opcion*. – 2019. – Vol.35, Is.Special Issue 22. – Pp.561-573.
6. Khabutdinov A., Imasheva, M., Fahrutdinov R, Yafyasova M., Youzeev A. Muftis of European Russia and Siberia in the late XVIII-early XXI centurie // *Opcion*. – 2019. – Vol.35, Is.Special Issue 22. – Pp. 469-482.
7. Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917-март 1918 года. Нальчик, 2012. 608 с
8. Вачагаев М.М. Союз горцев Северного Кавказа и Горская республике. История несостоявшегося государства. 1917-1920. М., 2018. 351 с.
9. Сулаев И.Х. Общественно-политические и социальные взгляды Нажмуддина Гоцинского (1859-1925 гг.) // *Религиоведение*. 2018. № 2. С. 21-29.
10. Матиев Т.Х. Роль религиозной составляющей в национальном движении горцев Северного Кавказа во второй половине 1917 г. // *Современная научная мысль*. 2020. №.1. С. 33-37.
11. Орешин С.А. Мусульманская теократическая монархия на Северном Кавказе в период российской Революции 1917 года и Гражданской войны: идеи и попытки реализации // *Исламоведение*. 2019. № 3. Т. 10. С. 81-92.
12. 1906 сЭнЭ 16-21 августта иЖтимаг итмеш Русия Мөселманнарының нЭдвэсе. — Казан, 1906.
13. Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю. Ислам в России в XVIII – начале XXI вв.: модернизация и традиции. Нижний Новгород: Издательство ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2011.
14. Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. Петроград. 1917 // *Ислам в Российской империи (Законодательные акты, описания, статистика)* // сост. Арапов Д.Ю.-М., 2001. – С. 312-333.
15. 100-летие Образования Татарской АССР: Сборник документов и материалов: В 3 Т. / Авт.-Сост. З. С. Миннуллин, Науч. Ред. Р.Р. Фахрутдинов., Р.Р. Хайрутдинов. Казань, 2017. Т. 1.
16. Кринко Е.Ф. Национальная политика и государственные преобразования на Северном Кавказе в период революции и Гражданской войны // *Современные исследования социальных проблем*. Т. 10. 2018. №1(1).

1. *The Complete Collection of laws of the Russian Empire. The first collection. 1784-1788*. Saint-Petersburg, 1830. Vol.22, p. 1107. No. 1670. (In Russ.)
2. Arapov DYu. The system of state regulation of Islam in the Russian Empire (The last third of the XVIII - early XX centuries). Abstract of doctoral thesis. 07.00.02 Moscow: Moscow State University, 2005. (In Russ.)
3. Khabutdinov AYu. The formation of the nation and the main directions of development of Tatar society in the late XVIII - early XX centuries. Kazan: Idel Publishers, 2001. (In Russ.)
4. Sulaev IKh. The Muslim clergy of Dagestan and the authorities: the history of relations (1917-1991). Abstract of doctoral thesis. Makhachkala, 2010. (In Russ.)
5. Khabutdinov A, Imasheva M, Fahrutdinov B. Projects of state and political development of Muslims in Russia. *Opcion*. 2019, 35(22): 561–573.
6. Khabutdinov A, Imasheva M, Fahrutdinov R, Yafyasova M, Youzeev A. Muftis of European Russia and Siberia in the late XVIII – early XXI centuries. *Opcion*. 2019, 35(22): 469–482.
7. Muzaev TM. *Union of Mountaineers. The Russian Revolution and the peoples of the North Caucasus, 1917-March 1918*. Nalchik, 2012. (In Russ.)
8. Vachagaev MM. The Union of Mountaineers of the North Caucasus and the Mountain Republic. The history of the failed state. 1917-1920. Moscow, 2018. (In Russ.)
9. Sulaev IKh. Social and political views of Nazhmuddin Gotsinsky (1859-1925). *Religiovedenie*. 2018, 2: 21–29. (In Russ.)
10. Matiev TKh. The Role of Religious Component in the National Movement of the Highlanders of the North Caucasus in the Second Half of 1917. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 2020, 1: 33–37. (In Russ.)
11. Oreshin SA. Muslim theocratic monarchy in the North Caucasus during the Russian revolution of 1917 and the civil war: ideas and attempts of implementation. *Islamovedenie*. 2019, 3(10): 81–92. (In Russ.)
12. The Congress of Russian Muslims, gathered on August 16-21, 1906 [1906 sene 16-21 avgustta ijtimag itmesh Rusiya Muselmannarynyng nedvese]. Kazan, 1906. (in Tatar).
13. Mukhetdinov DV, Khabutdinov AYu. *Islam in Russia in the XVIII – early XXI centuries: modernization and traditions*. Nizhniy Novgorod: NNGU Publ., 2011. (In Russ.)
14. Rybakov SG. The structure and needs of the management of spiritual affairs of Muslims in Russia. Petrograd. 1917. In: Arapov D.Yu. (comp.). *Islam v Rossijskoj imperii (Zakonodatel'nye akty, opisaniya, statistika)*. Moscow, 2001: 312–333. (In Russ.)
15. Minnullin ZS (author-comp.), Fakhrutdinov RR, Khairutdinov RR (eds.). The 100th anniversary of the Formation of the Tatar ASSR: A collection of documents and materials: In 3 Volumes. Kazan, 2017. Vol. 1. (In Russ.)
16. Krinko EF. National policies and state transformations in the North Caucasus during the revolution and civil war. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem*. 2018, 10(1): 163–183. (In Russ.)

17. Материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана 1917 года / Сост., автор вступительной статьи А.Х. Кармов. Нальчик, 2014.

18. Ковальчук А.М. Кассационное производство Российской империи по уставу Гражданского судопроизводства 1864 г. // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2018. № 3 (56). С. 132–135.

19. Захаров В.В. Проблемы квалификации юридической силы определений гражданского кассационного департамента Сената в России второй половины XIX – начала XX столетия // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2015. № 12. С. 52–94.

17. Karmov AKh (comp., introd.). *Proceedings of the congresses of the mountain peoples of the North Caucasus and Dagestan in 1917*. Nalchik, 2014. (In Russ.)

18. Kovalchuk AM. Cassation proceedings in the Russian Empire according to the Statute of Civil Procedure of 1864. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»*. 2018, 3(56): 132–135. (In Russ.)

19. Zakharov VV. Problems of qualification of the legal force of definitions of the Civil Cassation Department of the Senate in Russia in the second half of the 19th – early 20th century. *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs*. 2015, 12: 52–94. (In Russ.)

Поступила в редакцию 02.02.2022

Принята в печать 28.09.2022

Опубликована 25.12.2022

Received 02.02.2022

Accepted 28.09.2022

Published 25.12.2022

Абдулагатов Заид Магомедович
к.ф.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
zaid48@mail.ru

ЗАКЯТ В ИСЛАМСКОМ СОЗНАНИИ ДАГЕСТАНЦЕВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию исламского сознания в вопросах института закята в его историческом развитии и перспектив его развития в современном историческом процессе. Исламскими духовными лидерами поставлена цель реализации идей исламской экономики в странах и регионах с мусульманским населением и демонстрации преимуществ исламской экономической модели. Эта идея достаточно сильно проявила себя в Поволжье, на Северном Кавказе, в том числе и в Дагестане. Идут процессы формирования исламского экономического мышления. Актуальность исследования связана с тем, что институт закята является одним из ключевых в реализации исламской экономической модели. Эта модель претендует на конкурентоспособность с либеральной моделью, господствующей в современном мире. В статье показаны основные позиции института закята, определяемые основополагающими исламскими сакральными текстами. Рассмотрены дискуссионные вопросы правового характера, которые были вызваны внешними факторами социального характера. При этом отмечено, что внешние факторы имеют существенное значение в изменениях социально значимых функций закята. Сделан вывод о том, что введение правовых новшеств в институт закята не затронуло его сущностных характеристик, определенных сакральными текстами. В определении значимости закята в религиозной жизни современного дагестанского мусульманина использованы результаты социологического опроса, проведенного автором в 2021 г. Опрос показал, во-первых, что у рядового мусульманина нет необходимых знаний в вопросах закята. В частности, о том, с какого имущества, при каких обстоятельствах он обязан выплачивать мусульманский налог, обозначенный как один из столпов ислама. Во-вторых, данный налог платит незначительная часть тех, которые называют себя верующими мусульманами. Результаты опроса приводят к выводу, что институт закята как важнейшая составляющая исламской экономической деятельности, недостаточно актуализирован в жизни рядовых мусульман Дагестана.

Ключевые слова: Коран; закят; нисаб; ислам; исламское сознание; мусульманский налог; мусульманское право; экономика; Дагестан; опрос.

Для цитирования: Абдулагатов З.М. Закят в исламском сознании дагестанцев: история и современные тенденции // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 975-992. doi: 10.32653/CH184975-992

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH184975-992>

Research paper

Zaid M. Abdulagatov,
Cand. Sci. (Philosophy), Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
zaid48@mail.ru

ZAKAT IN THE ISLAMIC CONSCIOUSNESS OF DAGESTANIS: HISTORY AND CURRENT TRENDS

Annotation. The article deals with the study of Islamic consciousness in terms of the institution of zakat in its historical development and the prospects for its development in the modern historical process. Islamic spiritual leaders set the goal of implementing the ideas of the Islamic economy in countries and regions with a Muslim population and demonstrating the benefits of the Islamic economic model. This idea manifested itself rather strongly in the Volga region, in the North Caucasus, including Dagestan. There are ongoing processes of formation of Islamic economic thinking. The significance of the institute of zakat in the implementation of the Islamic economic model determines the relevancy of the study. This model claims to be competitive with the liberal model that dominates the modern world. The article shows the main provisions of the institute of zakat, determined by the fundamental Islamic sacred texts. The controversial issues of a legal nature are discussed, caused by external factors of a social nature. At the same time, we note that external factors are essential in changing the socially significant functions of zakat. The author concludes that the introduction of legal innovations in the institution of zakat did not affect its essential characteristics, defined by sacred texts. In determining the importance of zakat in the religious life of a modern Dagestan Muslim, the results of a sociological survey conducted by the author in 2021 have been used. The survey shows, firstly, that an ordinary Muslim does not have the necessary knowledge regarding zakat. In particular, under which circumstances and which property tax he is obliged to pay, designated as one of the pillars of Islam. Secondly, this tax is paid by an insignificant part of those who call themselves Muslims. The results of the survey lead to the conclusion that the institution of zakat, as the most important component of Islamic economic activity, is not sufficiently covered in the life of ordinary Muslims of Dagestan.

Keywords: Quran; zakat; nisab; Islam; Islamic consciousness; Muslim tax; Islamic law; economy; Dagestan; survey.

For citation: Abdulagatov Z.M. Zakat in the Islamic consciousness of Dagestanis: history and current trends. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2022. Vol. 18. N. 4. P. 975-992. doi: 10.32653/CH184975-992

Введение

С середины XX в. в мировом исламском сообществе усилились процессы актуализации исламских культурных ценностей, исламского религиозного самосознания. Вопросы исламской экономической деятельности стали важными составляющим этого процесса. Эти процессы обусловлены рядом причин, среди которых можно выделить основные.

Во-первых, это достаточно быстрый подъем исламской активности в мире, связанный с распадом колониальной системы, в составе которой было немало мусульманских стран, таких как Пакистан (в составе Индии), Алжир, Ливия, Тунис, Марокко, Сомали и другие. Улучшение социально-экономических показателей этих стран, возможность проявления политической воли в условиях государственного суверенитета стали основой для решения проблем исламской направленности их развития во всех сферах жизни. В том числе и в сфере экономической деятельности.

Во-вторых, более 50 лет назад, в 1969 г., была организационно оформлена исламская идея в мировой политике и экономике – Организация Исламская конференция (ОИК)¹. ОИК охватила все 57 мусульманских стран мира, одной из ее целей является реализация идеи «третьего пути» – исламской модели экономического развития. Очевидно, «третий путь» понимается как отрицание капиталистической и социалистической систем организации государственной и общественной жизни, в том числе и в сфере экономической деятельности [1, с. 16-17].

В-третьих, мировая мусульманская культура сильно подвержена глобализационным процессам, экспансии западных культурных ценностей. Эта экспансия затронула экономическую сферу исламской деятельности: банки западного типа, ценности рыночной экономики, проникшие в страны исламской цивилизации, внесли в ислам чуждые его культуре, «греховные» составляющие. Исламское сообщество считает необходимым «очиститься» от этого «греховного» состояния. В принятой в 1990 г. странами ОИС «Каирской декларации прав человека» подчеркивается, что «...все права и свободы, изложенные в настоящей Декларации, регулируются исламским шариатом»².

В-четвертых, произошли коренные изменения в самой России. После распада СССР в 1991 г., идеология России изменилась в корне. Религия, религиозные институты в исламских регионах возродились и развились удивительно быстрыми темпами. Духовными лидерами поставлена цель реализации идей исламской экономики в светском государстве. Эта идея достаточно сильно проявила себя в Поволжье, на Северном Кавказе, в том числе и в Дагестане. Идут процессы формирования исламского экономического мышления [1-6].

Цель статьи заключается в прослеживании исторического процесса становления института закята как экономической категории в исламе, его изменений в связи с трансформациями в социально-экономической жизни общества. При этом используются сведения как из истории ислама в целом, так и из истории ислама в Дагестане в частности.

По характеру использованных методов статью можно отнести к исследованиям историко-социологического характера. Социология современной истории может помочь в определении тенденций в развитии института закята, которые детерминированы изменениями общественной жизни.

1. С 2011 года – Организация исламского содружества (ОИС).

2. Каирская декларация о правах человека в исламе [дата обращения: 16.03.2022]. Доступ по ссылке: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-02.htm

Исходная гипотеза исследования заключается в утверждении, что закят, как сакральная норма, играл в истории ислама важную социально-регулятивную роль в сфере имущественных отношений, в решении вопросов социальной справедливости, в частности, в решении проблем нищеты, бедности. Сохраняя в определенной степени эти функции в современном исламском сообществе, институт закята меняется: а) теряет свою социальную значимость в решении проблем нищеты, бедности, преодолении дисбаланса в материальных условиях жизни людей; б) под воздействием изменений в общественной жизни, «народного ислама», меняются классические представления о формах выплаты закята; в) в массовом исламском сознании наблюдается тенденция отхода от сакральных представлений о закяте, как об одном из обязательных (фарз) требований к мусульманину; г) для отдельных религиозных группировок, в том числе и международных, закят становится финансовой базой реализации экстремистских и террористических целей.

Объектом исследования является исламская экономическая деятельность. При этом под исламской экономикой автор понимает деятельность человека, отдельной социальной общности – организации (трудовой, торговой, финансовой, благотворительной и т.д.), государства, в соответствии с нормами шариата.

Предметом исследования, как составляющей исламской экономики, определен институт закята в исламском сознании в его историческом развитии, перспективы этого института в современном историческом процессе.

Исследования вопросов закята можно разделить, по меньшей мере, на две группы. Во-первых, те, которые проводятся мусульманскими богословами, правоведами. Они в основном связаны с формированием исламского экономического сознания, подготовкой новых поколений мусульманских правоведов, привлечением населения к нормам исламской экономической деятельности.

Во-вторых, научные исследования, которые акцентируют внимание на его истории [7], социальной сущности [8], перспективах. Исследователей особо интересуют перспективы института закята в современном обществе. Идут острые дискуссии между теми, кто считает, что исламская экономика, в том числе и институт закята, имеет принципиальное значение в решении социальных проблем современного общества, и теми, кто не видит её перспектив в современном мире. Первые считают, что есть социальные проблемы, которые не решаются, не могут быть решены в системах социалистических или капиталистических общественных отношений [1, с. 13-18]. Противники исламской экономической модели говорят о её неконкурентоспособности в мировом экономическом процессе [9, с. 290-348; 10, с. 109]. При этом, как правило, исследователи дают оценки социальной роли исламской экономики, исходя из положений нормативного ислама, зафиксированного во всеобщих мусульманских сакральных текстах (Коран, Сунна), и региональных нормативностях, закрепленных в его различных направлениях.

В то же время, вопрос об успешности исламской экономики в современном мире во многом, и даже главным образом, связан с тем, в какой мере рядовые мусульмане готовы поддержать принципы, исламские нормативные установки в своей экономической деятельности, в том числе и в отношении закята. Такого рода научных исследований с социологическим содержанием найти в российских научных изданиях автору данного текста не удалось. В тексте представлены результаты социологического опроса, проведенного в Республике Дагестан, который выявил отношение рядовых верующих к институту закята в современных условиях.

Закят в нормативном исламе. Основные позиции

Отдельные исследователи отмечают, что Мекка, где родился пророк Мухаммад, сильно зависела от торговли, будучи купеческим городом. При этом они полагают, что Коран изначально был обращен к людям, занимающимся торговлей. В тексте Корана часто встречаются коммерчески-богословские термины как день «расплаты», «расчет», «весы», «книга», где записываются все поступки человека, одобренные Аллахом, поступки человека получают свою наемную «плату», кто поддерживает дело пророка, дает Аллаху «заем» [11, с. 11-12].

Одним из примеров использования в Коране торговых, экономических терминов в связи с закятом является следующий аят: «... творите молитву обрядовую, вносите закят и давайте Аллаху в долг ссуду добрую» [12, 73:20].

Исламскую экономику часто характеризуют как экономику, которая ставит цели, не достижимые в условиях капитализма и социализма: решение проблем бедности, проблем справедливого распределения ресурсов и др. [1, с. 28]. Не дискутируя по поводу данного утверждения, необходимо сказать, что главная особенность исламской экономики лежит в другой плоскости. Известно, что ислам, в отличие от иных религий, регулирует весь образ жизни мусульманина. Это означает, что все его действия имеют сакральный смысл, связанный с его отношением к Богу. Человек, согласно исламу, является не собственником каких-либо благ, но распорядителем от имени Аллаха, из чего вытекает его ответственность перед Богом за свое экономическое поведение. При этом получение прибыли не является основной целью экономической деятельности в исламе: «стремление к получению доходов – это хорошая цель..., но она должна быть вторичной целью» [6, с. 88]. Главный акцент исламской экономики, в её социальной выраженности, направлен на распределение, обмен и потребление благ. Распределение важно, так как по исламу «бедные живут за счет налога с богатства состоятельных людей» [5, с. 105]. В этом смысле наиболее показательна роль закята в исламе. Закят является наиболее ярким, символическим примером специфики исламской экономической деятельности. Эта специфика обозначена в следующих его характеристиках:

1) выплата закята делает халяльным, одобряемым Шариатом, использование имущества, полученного с помощью производства, торговли, наследства и др.;

2) важнейшая особенность закята заключена в том, что он является обязательным (фарз) условием его веры. «Отрицание обязательности выплаты закята в корне влечет за собой неверие» [13, с. 5-6; 4, с. 4];

3) закят, наряду с соблюдением Единобожия (Таухид), совершением ежедневной пятикратной молитвы (Салат), соблюдением поста в месяц рамадан (Саум), является одним из 5 столпов исламской веры;

4) закят как налог выплачивается зажиточными слоями населения. В исламе подробно разработаны методы определения минимума имущества (нисаб), начиная с которого выплачивается закят;

5) закят, в его классическом выражении, предназначен для удовлетворения общественных нужд, а не государственных. Государство выполняет лишь функции посредника в перераспределении материальных ценностей между богатыми и бедными.

6) важная социальная функция закята заключена в том, чтобы устранить противоречия между богатыми и бедными слоями населения. Как показывает история общественного развития, противоречия такого рода являются одними из главных в

развитии социальной напряженности в обществе, нередко становясь причинами социальных революций;

7) закят в нравственном плане способствует формированию у мусульманина различных социально значимых, этических качеств: а) запрещается отдавать закят из средств, нажитых незаконным путём; б) способствует «освобождению человека от чрезмерной любви к материальным благам, приучает к щедрости, отторгает от жадности, скупости и ненасытности» [5, с. 105-106]; в) обязательным условием при выплате закята является произношение Ниййа (Ниййат, Негет) – намерения, которое делает его осознанным, одухотворяет проводимое действие; г) человеку, отдающему закят, рекомендуется отдать его с довольствием и прочитать соответствующую молитву;

8) закят не зависит от прибыли. Он зависит от размеров имущества (торговое имущество, денежные средства, золото, серебро, скот, рудники, клады, плоды и зерновые культуры), которые превышают нисаб. Это один из способов социальной защиты бедных слоёв населения в исламе;

9) молитва является служением Аллаху телом. Закят – служение материальными средствами. «Выплата одного дирхема в качестве обязательного закята лучше, чем добровольное пожертвование (садака) золота величиной с гору» [5, с. 103]. Эта позиция подтверждает приоритетную значимость сакрального смысла закята, по отношению к его социальной роли;

10) закятом не могут быть обложены результаты целого ряда трудовой деятельности, такие как проституция, порнография, колдовство, игровой бизнес, производство и продажа алкогольных напитков, музыкальных инструментов, переработка мяса животных, которые умерли своей смертью, мясо животных, которые не были забиты именем Аллаха, экономическая деятельность с максимальным и неопределённым риском (**гапар**), например, розыгрыш по лотерее.

Ориентированность закята на решение социальных проблем общества выражена и в требованиях к нисабу, минимуму имущества, с которого платится закят.

При определении нисаба из имущества, которым владеет мусульманин, предварительно вычитаются все расходы, необходимые для содержания семьи, поддержания жизни (дом, мебель, инструменты, одежда, продукты, расходы на образование, долги и т.д.). Это условие предохраняет мусульманина от возможности оказаться в социальной группе неимущих или бедных.

Плата по нисабу имеет небольшой размер, 2,5%.

Мусульманину запрещено снижать показатели его собственности, нисаба, к концу года, чтобы избежать выплаты закята. Например, покупкой излишних предметов домашнего быта, продуктов питания, переводом скота на пастбища общего пользования или на рабочую силу и др., которые не облагаются закятом. В шафиитском мазхабе такого рода покупками считаются и ювелирные изделия, с которых закят также не выплачивается. Закят – это, прежде всего, собственность бедных, нищих, которая таким образом может быть незаконно присвоена состоятельным человеком.

Исключительность требований закята как одного из столпов веры многократно зафиксирована в Коране. В Коране, переведённом на русский язык Э. Кулиевым [14], автор данного текста насчитал 30 аятов, где говорится об обязательности закята для верующего. Во всех из них обозначен термин «закят». Несколько по-другому сделаны переводы отдельных аятов Корана, имеющих отношение к закяту, М.-Н.О. Османовым. В его переводах речь идет о необходимости мусульманину «вносить налог нуждающимся» [12, 5:12]. М.-Н.О. Османов не использует термин закят в переводе ряда аятов, как это делает Э. Кулиев [14, 5:12]. Есть аяты, переведенные

М.-Н.О. Османовым, где закят по смыслу обозначен как «милостыня»: «[Милостыню подаете вы] беднякам...знает Всевышний о том, чем жертвуете вы [во имя Его] из добра своего» [12, 2: 273]. Известно, что «на ранних этапах мусульманской истории садака и закят были синонимичными понятиями» [1, с. 95]. Закят как самостоятельная правоприменительная практика начал использоваться в 623 г., то есть на второй год после исхода мусульманской общины из Мекки в Медину [7, с. 179]. Если исходить из подобного смыслового понимания содержания понятия закят, в Коране упоминаний о нем более 30-ти.

Другой основной принцип исламской экономической деятельности – запрет риба, ростовщичества, который упоминается в Коране 8 раз. Аятов, имеющих отношение к риба, безусловно к прямому использованию этого термина в Коране, насчитывается 12. Не признавая закят [13, с. 5-6], мусульманин переходит в категорию неверующих. Особенность закята как требования к мусульманину заключается в том, что он не может быть выплачен из имущества, который заработан нарушениями исламских норм торговли, финансовой деятельности, ведения хозяйства. То есть, с того что считается в исламе запретным (харам). В отношении риба эта позиция в современном исламском сознании несколько иная. В случае необходимости хранения денег в банке, мусульманину рекомендуется «ни в коем случае» не оставлять риба в банке, брать её с целью «использовать для общественной пользы» [5, с. 180]. Этим еще раз подчеркивается высокий уровень сакральной, божественной значимости закята в исполнении верующим религиозных обязанностей.

На исключительную важность закята как обязательного составляющего веры мусульманина указывает еще одно обстоятельство. В 24 аятах Корана, в которых говорится о важности закята для мусульманина, он упоминается в связке с другим из столпов ислама – «молитвой обрядовой» (салат), обозначенной в Дагестане, на иранский манер, намазом: «верующие... совершают салат, вносят закят» [12, 9:71], «...творите салат и вносите закят» [12, 4:77], «Было велено им лишь одно – поклоняться Богу... творить молитву обрядовую, раздавать закят. Это и есть вера истинная» [2, с. 8; 12, с. 98:5].

Дискуссии и инновации в вопросах закята

Приведенные выше требования нормативного ислама к мусульманину в вопросах закята были сформулированы еще в начальный период становления классического мусульманского права (VII-XIII вв.). Значимых противоречий по поводу них между различными направлениями суннитского ислама нет. И в историческом прошлом, и на современном этапе мусульманские лидеры опираются на них в регулировании экономического поведения мусульман. Но разногласия имели и имеют место по некоторым второстепенным вопросам практического и правового характера. Ислам допускает определенного рода дискуссии по второстепенным вопросам, если положения первоисточников применительно к тем или иным вопросам могут быть поняты неоднозначно или выражены некорректно [15, с. 170]. Новшества в институт закята исторически внедрялись в основном двумя путями. Во-первых, на основе разночтений первоисточников. Во-вторых, в связи с новыми жизненными обстоятельствами, которые требовали применения процедур иджтихада – новых правовых решений на основе дозволенных исламом методов.

В Дагестане весьма строго относились к вопросам исламского регулирования сферы экономической деятельности. К примеру, в статье «Полемика об отчуждении собственности по «назру» в Дагестане в XIX в.», анализируются разногласия между известными дагестанскими богословами-правоведами Хаджи-Али Акушинским и Мухаммадтахиром Карахским в вопросах наследственного права [16, с. 183-200]. Оценивая «весьма горячую полемику» между этими богословами, переводчик данной полемики на русский язык говорит «о глубоких знаниях» ими обоими мусульманских юридических сочинений и изумительной настойчивости в своих убеждениях [17, с. 6]. Никаким высоким должностям, статусам, мусульманские правоведы в сфере экономической деятельности побряжек не делали. Как известно из рукописного наследия Мухаммадтахира Карахского, когда конюх Данийал-бека, мудира (правителя нескольких наибств) имама Шамиля, рассказал ему о том, что он кормит лошадей из одной трети закятного имущества, тот сказал: «Не дозволено такое... в твоих руках достаточно средств, чтобы не нуждаться в закятном имуществе» [18, с. 82]. Это было доведено до Данийал-бека, и практика кормления лошадей на средства закята была им прекращена.

Одним из первых дискуссионных вопросов был вопрос о необходимости платить закят бумажными деньгами. Дело в том, что в Арабском халифате денежные знаки имели содержание в драгоценных металлах, в золоте и серебре. Динар был золотой монетой 22 пробы, дирхем – серебряной монетой. Появление бумажных денег поставило новый вопрос перед мусульманскими правоведами. Постепенно он был решен в пользу взимания закята бумажными знаками. Ибн Таймия (1263-1328) допускал возможность получения закята деньгами в отдельных случаях: а) если необходимо отправлять закят в другую местность, б) чтобы обеспечить сохранность закята; в) чтобы избежать дополнительных расходов.

В поисках ответов на сложные вопросы адаптации в сфере экономики мусульмане были вынуждены обращаться к процедуре иджтихада. Богословская дискуссия о том, должен ли мусульманин платить закят с бумажных денег, имела место и на страницах газеты «Джаридат Дагистан», издаваемой в 1913-1918 гг. дагестанцем Али Каяевым. Мухаммад Суюхи Аварский, шейхи Муртаза Али Урадинский, Мухаммад ал-Анбаби, Абдулхамид Ширванский, Нурмухаммед ал-Куруши ал-Карахи, кадий Грозного Гасанхан Ясин были противниками закята с бумажных денег. Противоположную точку зрения приводили Али Каяев, Шамсутдин Чеченский, Саййид Абубакар Шатойский, Ибрахим б. Мухаммад Хаджалмахинский [19, с. 137-143]. Анализ полемики показывает, что Али Каяев и его сторонники, доказывая справедливость своей позиции, применили метод аналогии (кияс), который является одним из источников мусульманского права. То есть, совершили процедуру иджтихада. Как показало время, Али Каяев оказался прав: современные мусульмане-сунниты, за исключением ханбалитской школы, дают закят как с бумажных денег, так и в бумажном выражении. Мусульмане-шафииты, коих абсолютное большинство в Дагестане, сегодня обязаны давать закят с торгового имущества только в денежном выражении [5, с. 110]. С точки зрения Муфтията РД, «сегодня бумажные банкноты в полной мере заменяют в обиходе золотые и серебряные монеты, которые использовались в прошлом, и все решения относительно золота и серебра распространяются и на банкноты» [4, с. 19].

Этот исторический фрагмент развития института закята говорит о том, что внешние факторы имеют существенное значение в изменениях его социальных проявлений, не затрагивая сущностных характеристик, определенных сакральными текстами.

Социальная роль института закята в современных условиях подвержена значительным изменениям. Это связано с тем, что уровень жизни населения благодаря научно-техническому прогрессу стал несравненно выше относительно показателей уровня жизни средневековья. Можно ожидать, что в современных условиях относительно материального благополучия, мусульмане в качестве бедных и нищих в основной массе будут считать невозможным для себя пользоваться закятом. Тем более, что «Шариат дает наставления бедным и нищим не злоупотреблять поданной им милостыней – закятом. Они должны брать эту милостыню лишь в том случае, когда они не могут обойтись без нее, чтобы обеспечить содержание семьи» [20, с. 263]. Современные мусульмане в светском государстве стали больше зависеть от помощи государства: уровня заработной платы, пенсий, пособий, льгот и др. Можно предположить, что в современном Дагестане мусульмане чаще раздают специфическую форму закята – закят ал-фитр (милостыня в день разговения) по случаю окончания поста в месяц Рамадан, реже – закят от основного капитала.

Рост уровня жизни населения по-особому влияет на выполнение исламских обязанностей, связанных закятом. Уменьшение числа бедных и нищих не означает, что институт закята снижает свою роль в решении проблем мусульманского сообщества (уммы). Учитывая то обстоятельство, что сущность закята заключена, прежде всего, в его сакральной, а не социальной роли, изменения в материальных условиях жизни мусульман приводит к перераспределению имущественных, финансовых возможностей этого института на другие, определенные Кораном, сферы исламской деятельности.

Необходимо заметить, что в Коране предназначение закята в основном носит адресный, направленный на проблемы конкретного человека, характер, за исключением одного из 8 пунктов «...на дела во имя Бога...» [12, 9:60]. Никакие показатели высокого материального благополучия, отсутствие бедных, нищих не могут быть, с этой точки зрения, основанием неисполнения обязательного требования одного из столпов ислама. В частности, закят используется на такие сугубо религиозные дела, как строительство мечетей, медресе, распределяется среди сборщиков налога, выдается благосклонным к исламу кяфирам. В случаях, когда нет бедных, нищих, или их количество незначительно, закят накапливается у имамов мечетей, в других институтах организации исламской деятельности, которые распределяют его на реализацию других исламских целей. Не уходя от коранических установок, акцент в использовании закята переносится с решения проблем бедности, нищеты отдельных людей, «на дела во имя Бога» в широком их понимании.

Одним из дискуссионных является вопрос о том, может ли государство взять на себя право сбора закята. В Коране нет на это прямых указаний. Относительно сборщиков, в нем указывается лишь на то, что «Предназначена милостыня лишь бедным, нищим, тем, кто занимается [сбором, учетом, и раздачей её] ...» [12, 9:60]. Известно, что государство, взяв на себя функции сборщика, нередко злоупотребляло своей посреднической ролью в распределении закята. Широкую возможность для реализации интересов государства, а не общества, открывало положение Корана о том, что закят предназначен и «...на дела во имя Бога» [12, 9:60]. Это давало возможность отождествлять государственный интерес с решением религиозных проблем общества.

Другой вопрос подобного характера – может ли исламское государство иметь только исламский налог, закят. Беккин Р.И. считает, даже при максимальной трактовке понятия «на пути Аллаха» («...на дела во имя Бога»), который рекомендован Кораном в отношении закята, подогнать под это определение все необходимые для государства

статьи расходов невозможно [1, с. 171]. Следовательно, государству необходимы и другие налоги. Это действительно так. Тем не менее, мусульманские лидеры разделились в вопросе о том, насколько оправдано наличие, наряду с закятом, других налогов в мусульманском государстве.

О необходимости таких налогов в связи с резким сокращением доходов государства, расходами на оборону, говорили основатель маликитского мазхаба Малик ибн Анас (713-795), выдающийся исламский правовед Ибн Таймия (1263-1328). Известный современный мусульманский правовед Юсуф ал-Кардави также видит необходимость в дополнительных налогах в пользу государства и общества. Считается, что они не могут дублировать закят, например, в форме подоходного налога. В то же время они должны быть религиозно санкционированы сообществом мусульманских правоведов.

При объяснении религиозной оправданности введения налогов такого рода ссылаются на аят второй суры «Корова»: для благочестия человеку необходимо, чтоб он раздавал имущество «близким, сиротам, путникам, бедным и подавание просящим, жертвовал его на освобождение рабов, творил молитву обрядовую, вносил закят...» [12, 2:177]. На основе этого аята и других доводов в мусульманском сознании существует точка зрения о том, что для благочестия человеку необходимо, кроме закята, пополнять бюджет и другими налогами. Нужно признать объективной оценку данной ситуации, сделанную Р.И. Беккиным о том, что однозначного вывода из высказываний Пророка в пользу новых налогов делать нельзя, так как имеются «другие, более достоверные с точки зрения хадисоведения высказывания Пророка, подтверждающие, что только закят олицетворяет налоговую систему мусульманского государства» [1, с. 167].

Проблема в том, что закят как религиозная обязанность мусульманина неправомерно отождествляется с правом государства превратить его в государственную обязанность. В таких исламских государствах как Королевство Саудовская Аравия, Пакистан, Йемен, Судан закят объявлен обязательным государственным налогом. Закят как обязанность мусульманина перед Богом и как обязательный государственный налог имеют принципиальные различия. «Нет принуждения в вере» [12, 2:256]. Мусульманин не просто платит налог, это пожертвование по его собственной воле с изношением намерения (Ниййата), с удовлетворением от выполненного долга перед Аллахом. Эта сторона деятельности института закята, при её государственной организации, значительно теряет свои сакральные, религиозно-этические качества.

Проблемы возникают у мусульман в связи с закятом в светском государстве. «Говорить о введении закята как обязательного или факультативного налога для мусульман в современной России – нецелесообразно по ряду причин. Среди этих причин можно выделить правовые проблемы «оформления» закята (противоречие Конституции, законодательству о свободе совести и законодательству о налогах и сборах), проблема отсутствия культуры и должных знаний о закяте и пр.» [21, с. 92-99]. Современная Россия, как светское государство, считает вопросы сбора и распределения закята делом гражданского общества. Сбор налогов иного характера (ушр, джизья, харадж), который имеет место в мусульманских странах, в России мусульманами не практикуется.

Другая инновация в отношении института закята введена в отдельных странах с мусульманским населением. Она изменяет традиционную исламскую нормативность, определенную Кораном. Эти изменения касаются, прежде всего, мусульман светских государств, в том числе и России. Как пишет Г.М. Керимов, «поскольку

мусульмане-предприниматели платят налог светским налоговым организациям государства, сугубо мусульманские налоги и милостыня носят добровольный характер. В России создаются добровольные фонды закята...» [20, с. 269]. То есть, обязательное для мусульманина требование поклонения имуществом, являющееся одним из пяти общепризнанных столпов религии, переходит в разряд добровольных. Здесь имеет место явление, противоположное описанному выше: нет принуждения со стороны государства, но нет и самопринуждения, как исполнения верующим одной из ключевых обязанностей перед Богом, что говорит о низком уровне исламского самосознания.

Криминальные составляющие института закята в современных условиях исламской деятельности

Одной из проблем института закята в современном исламе стала его криминальная составляющая, которая является фактором, формирующим не доверительное отношение государства к исламской экономике вообще, с одной стороны, и ослабление роли исламских ценностей в регулировании социального поведения верующего, с другой.

В течение ряда лет, в 2010-е годы в дагестанских в СМИ весьма шумно обсуждались вопросы взимания «закята» с успешных бизнесменов. Религиозно-экстремистские группы, возглавляемые Докку Умаровым, будучи хорошо осведомленными о доходах богатых мусульман, требовала выплату 2,5% от нисаба. Члены организации подкидывали бизнесмену флешку с указанием суммы денег на закят в помощь тем, кто находится «на пути Аллаха». В случае отказа предпринимателя убивали. Известно, что закят («очистительный налог») распределяется не только для обеспечения нужд бедных мусульман, нищих, но и на тех, кто «на пути Аллаха» и др. Как верно замечает этнограф А.А. Ярлыкапов, исламские радикалы воспользовались в решении своих задач расплывчатостью понятия «на пути Аллаха». «Боевики используют лазейки в исламском праве, которые позволяют им паразитировать на мусульманском религиозном налоге» [22, с. 340]. «Бандподполье», по свидетельству президента Ингушетии Ю. Евкурова, облагало налогами и крупных коррупционеров. «Боевики приходят к такому чиновнику и говорят: давай, делись»³. В то же время в исламе запрещено платить закят с имущества, нажитого не в соответствии с нормами шариата.

Эти проблемы в результате немалых усилий со стороны правоохранительных органов на Северном Кавказе были решены. Но активизировалась другая форма криминальной исламской финансовой деятельности в форме закята, которая, можно сказать, приняла в Дагестане и в ряде других российских регионов массовый характер. Речь идет о финансировании экстремизма и терроризма мусульманским населением.

В «Российской газете» в рубрике «Перечень дополнен», начиная с 2013 г. публикуются списки экстремистов, которые считаются таковыми по решениям российских судов. Перечень озаглавлен как «Статистика экстремизма по списку организаций и физических лиц, включенных в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму на основании подпунктов 1-3 пункта статьи 2.1 статьи 6 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Эти списки

3. Егоров И. Кто сколачивает пацанов в банду? // Российская газета. 15 декабря 2010.

готовятся Федеральной службой по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг). По данным Росфинмониторинга, дагестанцы значительно больше, чем кто-либо в России, финансируют религиозный экстремизм и терроризм. В Перечне Росфинмониторинга за 2013-2016 гг., где фиксируются экстремистские и террористические деяния не только религиозного, но и националистического, политического характера, пять исламских регионов России представлены следующим образом: Республика Дагестан – 32,6%; Чеченская республика – 8,7%; Кабардино-Балкарская республика – 5,4%; Республика Ингушетия – 1,4%; В Республике Татарстан этот показатель оказался самым низким – 1,1%⁴.

Статистика экстремизма Росфинмониторинга после 2016 г. не дает оснований считать, что такого рода экономическая деятельность дагестанцев пошла на спад. Так, по данным Росфинмониторинга, дагестанцев в одном из списков причастных к экстремистской деятельности и терроризму, опубликованном в конце 2018 г., оказалось 24,1%⁵. В списке, опубликованном в начале 2019 г., их уже 38,3%⁶.

Результаты социологического опроса. Характеристика выборки социологического опроса

Социологический опрос проводился в Республике Дагестан в марте-июне 2021 г. Всего опрошены 480 человек. Из них 221 опрошен в городах Махачкала, Каспийск, Дербент, Буйнакск. Из сельских районов в выборке оказались 259 опрошенных. В разных количествах в неё попали респонденты из Акушинского, Ахвахского, Ахтынского, Бабаюртовского, Ботлихского, Гергебильского, Гунибского, Дахадаевского, Дербентского, Казбековского, Карабудахкентского, Каякентского, Кизлярского, Кулинского, Кумторкалинского, Лакского, Левашинского, Сергокалинского, Табасаранского, Тарумовского, Хасавюртовского, Хивского, Чародинского районов.

Один из вопросов, заданных респондентам, определял степень их готовности платить закят наряду с налогами государству. Мнения опрошенных представлены в Диаграмме 1.

По данным Диаграммы 1, примерно половина опрошенных согласна платить закят наряду с другими государственными налогами. Существенных различий в ответах на вопрос по возрастным группам, группам по полу, не оказалось. Обращает на себя внимание то, что 15,0% опрошенных не считают необходимым платить закят, так как «двух разных налогов на одно и то же в государстве не должно быть». Еще 13,4% выборки отождествляют налоги государству с закятом, по-своему истолковывая исполнение своих сакральных обязанностей. Эти две группы отходят от исламской нормативности, неправомерно отождествляя светское и религиозное. К ним же можно присоединить и группу респондентов, которые согласны платить закят, если «налог небольшой» (4,6%).

Надо полагать, что причина таких ответов кроется в низком мусульманском самосознании, так как речь идет об обязательном мусульманском пожертвовании, которое является одним из пяти столпов ислама. Этот вывод подтверждается ответами опрошенных на другие вопросы анкеты. Так, по признанию самих респондентов, закят

4. Рассчитано автором по: Перечень дополнен // Российская газета. 15.11.2013; 15.01.2014; 27.04.2015; 20.07.2015; 21.08.2015; 14.09.2015; 19.10.2015; 17.11.2015; 14.03.2016; 6.04.2016; 18.05.2016; 14.10.2016.

5. Перечень дополнен // Российская газета. 19 сентября, 2018.

6. Перечень дополнен // Российская газета. 11 января, 2019.

реально выплачивают гораздо меньше людей, по сравнению с согласными платить (см. Диаграмму 2).

О выплате закята с капитала из 100 опрошенных сообщили 12 респондентов. По Диаграмме 1, согласных платить закят было 47 человек из 100. А если «закят небольшой», то еще 5 человек. Таковую несогласованность мусульманского самосознания и реального поведения можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, в советский атеистический период истории Дагестана мусульмане потеряли традиции выплаты закята с капитала. В начальный период советская власть сама подключилась к этому процессу. Закят собирали и распределяли кресткомы – комитеты крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВ). «Главной целью передачи сбора и распределения закята, однако, стало не стремление оптимизировать и улучшить системы сбора и распределения, а скорее стремление ослабить финансовую опору и влияние исламского духовенства» [21, с. 95]. Вследствие жесткой атеистической деятельности в конце 1920-х годов, закят с капитала был искоренен⁷.

Во-вторых, острой необходимости в закяте, как в действенном инструменте решения проблем бедности и нищеты, в современном Дагестане, как это было, например, в XIX в., сейчас нет. Как писал один из авторов энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона о ситуации в Дагестане, «благотворительных заведений и богаделен в области не существует: беднейшие жители содержатся благодаря существующему у мусульман обычаю отдавать 0,1 часть произведений земли в пользу неимущих (сбор этот известен под именем закят). В 1891 г. таким образом прокормлено более 15 тысяч человек» [23, с. 31]. Если исходить из того, что число «магометан суннитов» в Дагестане на тот период было 590356, «прокормленных» закятом оказалось более 2,5%.

В-третьих, мусульманское население современного Дагестана не имеет должных знаний не только о том, как грамотно рассчитать норму выплачиваемого закята от собственного имущества – эта задача сама по себе достаточно сложная, но и об основных требованиях, принципах закята, о роли этой сакральной по сути процедуры в утверждении себя мусульманином. Такой вывод можно сделать на основе ответов опрошенных на другие вопросы анкеты.

На вопрос «Знаете ли Вы, как определяется величина налога закят?» утвердительно ответили 30,2% верующих. Молодежь (до 35 лет) – 26,5%. Старшее поколение (36 лет и старше) – 33,2%. При этом 42,2% опрошенных затруднились с ответом. По группам образования наиболее высокий показатель в выборе ответа «да, знаю» оказался у лиц, имеющих исламское образование. У тех, кто обучался в мактабе и медресе, совместный показатель самооценок знаний в определении норм закята равен 76,9%. Значимых различий в ответах на данный вопрос между горожанами и сельчанами, «фундаменталистами» и «модернистами», мужчинами и женщинами не оказалось.

Ответы респондентов на данный вопрос дают основание выводу, что основная масса опрошенных даже на уровне субъективных самооценок не готова к исполнению одного из главных требований ислама к верующему.

Следующий вопрос, заданный в ходе опроса, был в определенном смысле проверочным: насколько заявленные самооценки имеют объективный характер.

Вопрос, заданный в ходе опроса, предлагал опрашиваемым выбрать из предложенных вариантов ответа тот, который верно выражает основной смысл, принцип уплаты закята. Опрашиваемый должен был выбрать, с какого имущества, с какой прибыли,

7. Мамедбеков К.Г. О мусульманском духовенстве. Доклад на пленуме Дагобкома и Даг. КК ВКП(б) от 13 по 20 февраля 1928 г. // Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1260. Л. 18.

при каких условиях мусульманин должен платить ежегодный мусульманский налог закят. Необходимо обратить внимание на то, что от респондента не требовалось ответить на вопрос о закяте в том плане, каковы размеры закята от отдельных видов имущества, дохода, который является вопросом более сложным. Вопрос, заданный респонденту был таков, что он мог ответить на него при условии, если хоть один раз в жизни платил этот обязательный для каждого мусульманина налог. Это так же, как любой работающий на зарплату знает, что он должен отчислять государству подоходный налог (НДФЛ) в размере 13%. Ответы на вопрос представлены в Диаграмме 3.

В диаграмме обращают на себя внимание следующие показатели.

Ответ на вопрос, соответствующий исламской нормативности, дали всего 6,8% опрошенных.

Более одной трети опрошенных затруднились с ответом.

93,2% опрошенных не имеют объективных знаний о важнейшем в исламе требовании в определении необходимых критериев выплаты закята, обусловленного нисабом.

Исходя из полученных ответов, можно предположить, что такая же доля выборки (93,2%) не оплачивает ежегодный обязательный налог. Справедливость данного предположения находит подтверждение в анализе данной ситуации человеком, знающим ситуацию «изнутри»: «Выплата закята – один из обязательных столпов религии Ислам. Но в Дагестане исполнение этой обязательной составляющей религии по результатам анализа соответствует цифре 0,001%»⁸. Этот вывод сделан на основе достаточно скрупулезных расчетов по данным деятельности кредитных организаций, банковской системы Республики Дагестан. В городе Махачкале в 2012 г. закята было выплачено всего на 2 млн. рублей.

Примерно такая же ситуация по данным соцопроса в 2018 г. наблюдается в Республике Кыргызия. «В Бишкеке из 1200 опрошенных, 15,6% отметили, что платят закят» [24, с. 240-243]. Как отмечено выше, в Дагестане такого рода заявления сделали 12,3% опрошенных.

Особое отношение у мусульманского населения наблюдается к выплате закята ал-фитр, который необходимо исполнить накануне начала священного для мусульман праздника Ид ал-Фитр. По упомянутому исследованию, в Республике Кыргызия закят ал-фитр выплачивают 59% опрошенных. Аналогичный показатель по опросу в Дагестане в 2021 г. равен 33,5% (сельские жители – 36,9%). В обоих случаях показатели значительно превышают соответствующие по закяту от капитала. Объяснение этому можно свести к двум обстоятельствам исторического характера. Во-первых, уже упомянутая борьба с религиозными институтами в советский период истории. В досоветском Дагестане было более 2000 мечетей. Жизнь мусульман полностью регламентировалась нормами шариата. В советском Дагестане к 1986 г. функционировали всего 27 мечетей в более чем 40 сельских районах и 10 городах республики. Отсутствие мечетей, имамов не позволяло решать вопросы массового сбора и распределения закята от капитала. К тому же, государство всячески препятствовало деятельности исламских институтов. В отношении закята ал-фитр, во-вторых, ситуация была иная. Данная процедура выполнялась перед праздником и касалась одновременно всех верующих, ввиду чего о времени выплаты все знали. Как правило, закят ал-фитр отдавался без особого афиширования, между известными друг другу людьми. Этот вид закята финансово не поддерживал деятельность мусульманского

8. Без автора. Каков «закятный» потенциал Дагестана? [дата обращения: 30.03.2022]. Доступ по ссылке: <https://islamdag.ru/analitika/11593>

Диаграмма 1

Распределение ответов на вопрос: «Мы живем в светском государстве. Согласны ли Вы одновременно платить обязательный исламский налог с имущества (закят) и налоги государству?». РД. 2021.

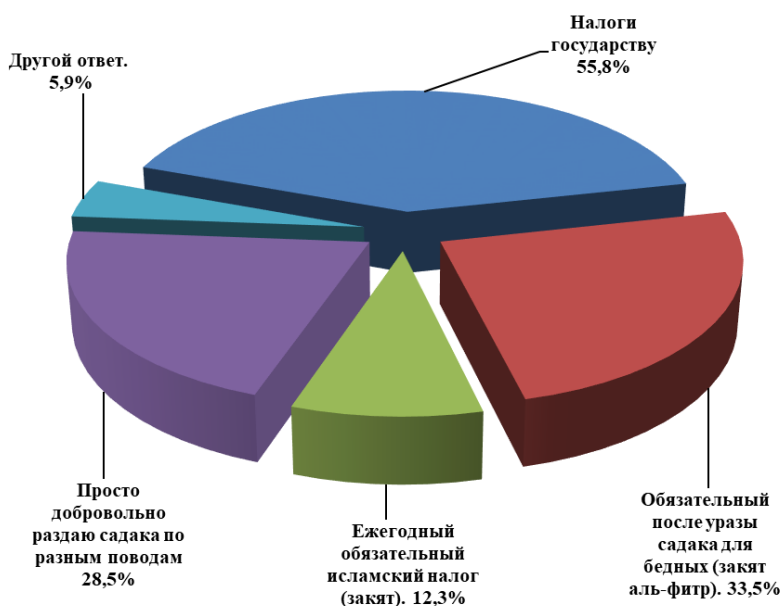

Диаграмма 2

Распределение ответов на вопрос: «Какие налоги в настоящее время Вы платите? (Можно выбрать несколько вариантов ответа)». РД. 2021.

Диаграмма 3

Распределение ответов на вопрос о том, с какого имущества, прибыли мусульманин должен выплачивать ежегодный налог закят. РД. 2021.

духовенства, в связи с чем не возникали проблемы в отношениях с атеистическим государством. Размер закята ал-фитр небольшой, в пределах одного саха по объему (нескольких килограммов) пшеницы, ячменя, фиников на каждого члена семьи. Традиция закята ал-фитр сохранилась благодаря «народному» исламу. Можно сказать, что она переросла свои религиозные конфигурации и стала народной традицией. По данным опроса, эту традицию сегодня признает и соблюдает и часть опрошенных, которая не говорит о себе как о верующей. Из числа данной группы респондентов таковых в выборке оказалось 9,3%.

Результаты опроса показывают ослабление роли института закята в «народном» исламском сознании дагестанцев не только как фактора решения социальных проблем бедности, но и в сакральном его значении как одного из обязательных видов поклонения Аллаху. Закят от капитала и закят ал-фитр являются для мусульманина обязательными. Эти обязанности не равнозначны как по сакральной значимости, так и своим последствиям в случаях их неисполнения. Имеют место обязанности «фарз айн», непризнание, неисполнение которых выводит мусульманина из ислама. Закят от капитала является обязанностью такого рода. Есть обязанности «ваджиб», не исполнение которых делают мусульманина грешным, но не выводит из ислама. Закят ал-фитр относится к обязанностям такого рода [13, с. 5, 12]. В настоящее время показатели выплаты мусульманами Дагестана закята от капитала являются очень низкими.

Основные выводы

Исламская экономическая деятельность ставит перед собой принципиально иные цели, которые отличают её от экономик капиталистического и социалистического характера. Для неё первостепенную важность имеют справедливое распределение, обмен и потребление продуктов производства, а не вопросы высокой производительности труда.

Институт закята в исламе имеет ключевое значение в достижении целей исламской экономической деятельности. В то же время его роль в формировании образа жизни мусульманина двойственна. С одной стороны, закят есть обязательная сакральная обязанность мусульманина, один из столпов ислама, непризнание, неисполнение которой переводит его в категорию неверующих. С другой – закят выполняет важнейшую социальную функцию по решению проблем бедности, социальной справедливости в обществе. В этом двуединстве его сущности, определяющей является сакральная (божественная, священная) сторона, связанная с поклонением Аллаху.

В ходе исторического процесса общественного развития институт закята претерпел значительные изменения, которые коснулись всех направлений мусульманского права. Это появление, наряду с закятом, других мусульманских и государственных налогов, взятие исламским государством права сбора и распределения закята, богословская легитимация выплаты закята с бумажных денег и бумажными деньгами. Повышение уровня жизни населения, роли современного государства в решении общественных проблем, в известной степени снимает актуальность главной социальной функции закята – оказание материальной помощи бедным и неимущим. Из восьми указанных в Коране предназначений закята, наиболее значимым в современных условиях становится «на дела во имя Бога».

Ход исторического развития, введение правовых новшеств в институт закята, не затронули его сущностных характеристик, определенных сакральными текстами.

По данным социологического опроса, в современном Дагестане закят с капитала теряет свои традиционные позиции. Реально его выплачивают не более одной двадцатой части тех, кто называет себя мусульманином. При этом имеют место причины двоякого характера. Во-первых, достаточно высокий уровень материального благополучия населения, который выводит мусульманина из социальной группы бедных и неимущих, в связи с чем милостыня в виде закята не нужна. Во-вторых, низкий уровень исламских знаний и исламского самосознания мусульманского населения республики: закят как сакральную обязанность при достижении нисаба необходимо платить в любом случае.

В связи с закятом в современных мусульманских сообществах имеет место тенденция, когда мусульмане начинают путем подмены понятий отождествлять закят с государственными налогами, снимать с себя обязанности по выплате закята. Опрос выявил такую тенденцию и в Республике Дагестан.

Отсутствие органов, контролирующих исламский образ жизни (хисба) в современном светском государстве, недостатки их деятельности в исламских государствах, приводят к криминальным, преступным деяниям с использованием закята. Эти явления имели место на Северном Кавказе в деятельности международных террористов, финансируемых средствами от закята, собранными в зарубежных государствах. Террористы Северо-Кавказского региона насильно изымали закят у успешных бизнесменов и коррупционеров «на дела во имя Аллаха». Процесс индивидуального финансирования экстремистской деятельности с использованием закята имеет место и сегодня. Среди российских регионов наибольшие показатели данного явления имеет Республика Дагестан.

В современных условиях светского государства закят от капитала как составляющая исламской экономики может утвердить себя в локальном круге последовательных в вере мусульман, преследующих строгое соблюдение исламских норм. В смысле решения каких-либо значимых проблем социального, экономического характера, институт закята в светском государственном образовании, каковым является Дагестан, пока не эффективен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беккин Р.И. Исламская экономическая модель и современность. М.: Издательский дом Марджани, 2010. – 352 с.
2. Рамазанов Курамумухаммад-хаджи. Запретность ростовщичества. Махачкала: Издательский отдел Муфтията РД, 2008. – 22 с.
3. Гаджиев М.П. Торговля в исламе. Махачкала: Издательский отдел Муфтията РД, 2008. – 98 с.
4. Абдулкадыров З.А. Закят: очищение и приумножение имущества. Махачкала: Издательский отдел Муфтията РД, 2020. – 40 с.
5. Кахаев А.М., Гаджиев М.П., Мутаилов М.М. Торговля и финансы в Исламе. Т.1. Махачкала: Издательский отдел Муфтията РД, 2016. – 290 с.
6. Ибрахим Разалия. Ислам и бизнес. Перевод с арабского Ахвадиева З. – Казань: Издательство ОАО ПИК «Идеал Пресс», 2006. - 104 с.
7. Нуриев Б.Д. Закят в классическом мусульманском праве // Вестник КГУ имени Н.А. Некрасова. 2015. №3. С. 178-182.

REFERENCES

1. Bekkin RI. *Islamic economic model and modernity*. Moscow: Marjani Publ., 2010. (In Russ.)
2. Ramazanov Kuramumuhammad-haji. *The prohibition of usury*. Makhachkala: Publishing Department of the Muftiate RD, 2008. (In Russ.)
3. Gadzhiev MP. *Trade in Islam*. Makhachkala: Publishing Department of the Muftiate RD, 2008. (In Russ.)
4. Abdulkadyrov ZA. *Zakat: purification and increase of property*. Makhachkala: Publishing Department of the Muftiate RD, 2020. (In Russ.)
5. Kakhaev AM, Gadzhiev MP, Mutailov MM. *Trade and finance in Islam*. Vol. 1. Makhachkala: Publishing Department of the Muftiate RD, 2016. (In Russ.)
6. Ibrahim Razalia. *Islam and business*. Translated from Arabic by Akhvaдиеv Z. Kazan: Ideal Press, 2006. (In Russ.)
7. Nuriev BD. Zakat in classical Muslim law. *Vestnik KGU imeni N.A. Nekrasova*. 2015, 3: 178-182. (In Russ.)
8. Kerimov GM. *Sharia and its social essence*. Moscow: Nauka, 1978. (In Russ.)

8. Керимов Г.М. Шариат и его социальная сущность. М.: Наука, 1978. – 223 с.
9. Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М.: «Международные отношения», 2003. – 568 с.
10. Жданов Н.В., Игнатенко А.А. Ислам на пороге XXI века. – М.: Издательство политической литературы, 1989. – 352 с.
11. Белл Р., Уотт У.М. Коранистика: введение. Перевод с англ. Москва – С. Петербург: «Издательство «Диля», 2005. С. 11-12. – 256 с.
12. Коран. Перевод с арабского и комментарии Османова М.-Н.О. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1999. – 598 с.
13. Зинатулла От Терази. Исламский шариат. Махачкала, 2009. – 88 с.
14. Кулиев Э. Смысловой перевод Корана на русском языке [Internet]. – [дата обращения: 21.02.2022]. Доступ по ссылке: <http://vkorane.info/>
15. Али-Заде А. Ихтилаф // Исламский энциклопедический словарь. М.: Издательский дом «Ансар», 2007.
16. Абдулмажидов Р.С. Полемика об отчуждении собственности по «назру» в Дагестане в XIX в. // *Ислам в современном мире*. 2018;14(4). С. 183-200.
17. Полемика дагестанских ученых по вопросу об отчуждении собственности по назру (обету) // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. V. Отд. IV. Тифлис, 1871.
18. Мухаммадтахир ал-Карахи. Книга о значимости стремления улучшать свои деяния по мере сил. Перевод с арабского и комментарии Р.С. Абдулмеджидова, М.Г. Шехмагомедова // Абдулмеджидов Р.С., Маламагомедов Д.М., Шехмагомедов М.Г. Мухаммадтахир ал-Карахи: жизнь и творческое наследие (исследование и тексты). Махачкала, 2021. С. 75-111.
19. Наврузов А.Р. Газета «Джаридат Дагистан» (1913-1918) как историко-культурный памятник. – Махачкала: «Эпоха», 2007. – 212 с.
20. Керимов Г.М. Шариат: закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. – СПб.: «Издательство «ДИЛЯ», 2007. – 512 с.
21. Оруджалиев Р.А. История закята в России // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2018. 6(22). С. 92–99.
22. Ярлыкапов А.А. Роль ислама в формировании экономического поведения и сознания мусульман // Культура и экономическое поведение: сборник научных статей / Под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 330–346.
23. Кузнецов Н. Дагестан // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. X. Давенпорт-Десмин. – СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1893. С. 26-32.
24. Джунусбаева Ч.И. Закят в экономике Кыргызстана // Проблемы современной экономики. N 4 (68), 2018. С. 240–243.
9. Zhdanov NV. *Islamic concept of world order*. Moscow: “International Relations”, 2003. (In Russ.)
10. Zhdanov NV, Ignatenko AA. *Islam on the threshold of the 21st century*. Moscow: Publishing house of political literature, 1989. (In Russ.)
11. Bell R, Watt WM. *Quranic studies: an introduction*. Translated from English. Moscow; Saint-Petersburg: Dilya Publ, 2005. (In Russ.)
12. Quran. Osmanov M.-N.O (transl., comm.). Moscow: Ladomir, 1999.
13. Zinatulla Ot Terazi. *Islamic Sharia*. Makhachkala, 2009.
14. Kuliev E. *Semantic translation of the Quran in Russian*. Available at: <http://vkorane.info/>
15. Ali-Zade A. Ihtilaf. In: *Islamic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Ansar Publ., 2007.
16. Abdulmajidov RS. The controversy about the alienation of property according to “nazr” in Dagestan in the 19th century. *Islam v sovremennom mire*. 2018, 14(4): 183-200. (In Russ.)
17. The controversy of Dagestan scholars on the issue of alienation of property by nazr (vow). In: *Collection of information about the Caucasian highlanders*. Issue V. Dep. IV. Tiflis, 1871. (In Russ.)
18. Muhammadtahir al-Qarahi. A book about the importance of striving to improve one’s actions to the best of one’s ability. R.S. Abdulmejidov, M.G. Shekhmagomedov (comm., transl.). In: Abdulmejidov RS, Malamagomedov DM, Shekhmagomedov MG. *Muhammadtahir al-Qarahi: life and creative heritage (research and texts)*. Makhachkala, 2021. (In Russ.)
19. Navruzov AR. *The newspaper “Jaridat Dagistan” (1913-1918) as a historical and cultural monument*. Makhachkala: Epoha, 2007. (In Russ.)
20. Kerimov GM. *Sharia: the law of Muslim life. Sharia answers to the problems of our time*. Saint-Petersburg: DILYA Publ, 2007. (In Russ.)
21. Orudzhaliev RA. The history of zakat in Russia. *Skif. Voprosy studencheskoy nauki*. 2018, 6(22): 92-99. (In Russ.)
22. Yarlykapov AA. The role of Islam in shaping the economic behavior and consciousness of Muslims. In: *Culture and economic behavior: a collection of scientific articles*. N.M. Lebedeva, A.N. Tatarko (eds.). Moscow: MAKS Press, 2011: 330–346. (In Russ.)
23. Kuznetsov N. Dagestan. *Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron*. Vol. X. Davenport-Desmin. Saint-Petersburg: Typo-Lithography I.A. Efron, 1893: 26-32. (In Russ.)
24. Dzhunusbaeva ChI. Zakat in the economy of Kyrgyzstan. *Problemy sovremennoi ekonomiki*. 2018, 4(68): 240-243. (In Russ.)

Поступила в редакцию 17.04.2022

Принята в печать 04.08.2022

Опубликована 25.12.2022

Received 17.04.2022

Accepted 04.08.2022

Published 25.12.2022

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH184993-1013>

Исследовательская статья

Чернышева Елена Владиславовна,
к.б.н., старший научный сотрудник
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино, Россия
e.chernyusheva@yandex.ru

Амирян Мариам Арменовна,
аспирант, младший научный сотрудник
Институт археологии и этнографии НАН, Ереван, Армения
amiryanm@yandex.com

Ельцов Максим Витальевич,
к.б.н., старший научный сотрудник
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино, Россия
m.v.eltsov@gmail.com

Петросян Ануш Андрониковна,
аспирант, младший научный сотрудник
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино, Россия
alisa_mayakovskaya@bk.ru

Потапова Анастасия Владимировна,
младший научный сотрудник
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино, Россия
anastassia4272@gmail.com

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА НА ОСНОВЕ ГЕОХИМИЧЕСКОГО И ПОЧВЕННО- МИКРОБИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА СОТК-2 (РЕСПУБЛИКА АРМЕНИЯ)

Для цитирования: Чернышева Е.В., Амирян М.А., Ельцов М.В., Петросян А.А., Потапова А.В. Реконструкция особенностей хозяйственной деятельности древнего человека на основе геохимического и почвенно-микробиологического исследования памятника Сотк-2 (Республика Армения) // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 993-1013. doi: 10.32653/CH184993-1013

© Чернышева Е.В., Амирян М.А., Ельцов М.В., Петросян А.А., Потапова А.В., 2022
© Сефербеков М.Р., перевод, 2022
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022

ARCHEOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH184993-1013>

Research paper

Elena V. Chernysheva
Cand. Sci. (Biology), Senior researcher
Institute of physicochemical and biological problems in soil science, Pushchino, Russia
e.chernyysheva@yandex.ru

Mariam A. Amiryan
Postgraduate student, Junior researcher
Institute of Archaeology and Ethnography of NAS, Yerevan, Armenia
amiryanm@ymail.com

Maxim V. Eltsov
Cand. Sci. (Biology), Senior researcher
Institute of physicochemical and biological problems in soil science, Pushchino, Russia
m.v.eltsov@gmail.com

Anush A. Petrosyan
Postgraduate student, Junior researcher
Institute of physicochemical and biological problems in soil science, Pushchino, Russia
alisa_mayakovskaya@bk.ru

Anastasia V. Potapova
Junior researcher
Institute of physicochemical and biological problems in soil science, Pushchino, Russia
anastassia4272@gmail.com

RECONSTRUCTION OF PARTICULARITIES OF ANCIENT HUMAN ACTIVITY BASED ON GEOCHEMICAL AND SOIL MICROBIOLOGICAL INVESTIGATION OF SOTK-2 SITE (REPUBLIC OF ARMENIA)

For citation: Chernysheva E.V., Amiryan M.A., Eltsov M.V., Petrosyan A.A., Potapova A.V.
Reconstruction of particularities of ancient human activity based on geochemical and soil
microbiological investigation of Sotk-2 site (Republic of Armenia). History, Archeology and
Ethnography of the Caucasus. 2022. Vol. 18. N. 4. P. 993-1013. doi: 10.32653/CH184993-1013

© Chernysheva E.V., Amiryan M.A., Eltsov M.V., Petrosyan A.A., Potapova A.V., 2022
© Seferbekov M.R., translation, 2022
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2022

Аннотация. В статье представлены результаты первых совместных почвенно-археологических исследований на территории Республики Армения. В качестве объекта исследования были выбраны культурные слои поселения Сотк-2, расположенного на юго-восточном побережье оз. Севан. Поселение играло особую роль в системе расселения в регионе, поскольку оно расположено на пути по направлению к золотым приискам, которые активно разрабатывались в бронзовом веке. Поселение Сотк-2 представляет собой многослойный памятник, который функционировал с раннего бронзового века вплоть до раннего железного века (с определенными перерывами). Однако только для бронзового века было характерно наличие культурных отложений, тогда как другие периоды заселения выявлены только по рассеянным артефактам. В рамках совместных исследований из археологических раскопов на поселении в августе 2021 г. были отобраны образцы для лабораторных анализов. Анализ химических и микробиологических свойств культурных отложений позволил впервые на памятниках такого типа выявить периоды с наименьшей и наибольшей интенсивностью хозяйственной деятельности, а также установить инфраструктурные особенности поселения. Наиболее сильное антропогенное воздействие имело место при формировании слоя среднего – позднего бронзового века. Были локализованы места приготовления пищи и хозяйственные ямы, где наблюдалась повышенная концентрация органического фосфора, меди, марганца, лантана, а также высокая микробная биомасса и липазная активность. На другом участке поселения, в слое среднего – позднего бронзового века, выявлена повышенная концентрация кальция, стронция и магния, что указывает на возможность разделки рыбы в этом месте. Наименьшая селитебная нагрузка на поселение Сотк-2, по данным почвенного анализа, имела место в раннем бронзовом веке.

Ключевые слова: биологическая память почв; археологическая микробиология; фосфор; микроэлементы; культурные слои.

Abstract. The article presents the results of the first joint soil-archaeological investigations on the territory of the Republic of Armenia. The cultural layers of the Sotk-2 site, located on the southeastern coast of Lake Sevan, were chosen as the object of study. The Sotk-2 played a special role in the settlement system in the region, as it is located on the way to the Bronze Age gold mine. A multi-layered settlement has been recorded here, which settled from the early Bronze Age until the early Iron Age (with certain interruptions). However, only the Bronze Age layer was characterized by the presence of anthropogenic deposits, while only scattered artifacts identified other periods of occupation. As part of joint research, samples were taken from the previous excavated trenches at the archaeological site in August 2021 for laboratory analysis. Analysis of the chemical and microbiological properties of cultural layers made it possible, for the first time on the archaeological monuments of this type, to identify periods with the lowest and highest intensity of human activity, as well as to establish the infrastructural features of the settlement. The strongest anthropogenic impact took place during the formation of the Middle – Late Bronze Age layer. Places for cooking and household pits were localized, where an increased concentration of organic phosphorus, copper, manganese, lanthanum was observed, as well as high microbial biomass and lipase activity. In another site of the settlement in the layer of the Middle – Late Bronze Age, an increased concentration of calcium, strontium and magnesium was revealed, which indicates the possibility of butchering fish in this place. The lowest residential load on the Sotk-2 site, according to soil analysis, took place in the early Bronze Age.

Keywords: soil biological memory; archaeological microbiology; phosphorus; cultural layers.

Концепция «памяти почв» возникла в 70–80 гг. XX в., и представляет собой развитие идеи В.В. Докучаева – «почва – зеркало ландшафта» [1]. Память почв рассматривается как способности почвы в своих физико-химических и биологических свойствах сохранять информацию о различных событиях, так или иначе происходивших в ее толще или на ее поверхности. На различных уровнях организации педосферы Земли носители почвенной памяти весьма разнообразны. Иерархия носителей почвенной памяти включает все уровни организации твердой фазы почвенной системы, начиная с молекулярно-кристаллического, затем агрегатные и горизонтальные уровни и заканчивая уровнем почвенного тела и почвенного покрова. На разных уровнях организации твердой фазы почвы информация о различных событиях в прошлом может быть записана в качестве различных слоев памяти, различающихся по содержанию и объему, по скорости записи и устойчивости к стиранию. Выделяют гранулометрическую, геохимическую, минералогическую, гумусовую, педно-агрегатную, кутанную и другие виды почвенной памяти [1].

Одной из сторон почвенной памяти является ее биологический компонент [2]. Концепция биологической памяти почв впервые получила развитие в работах О.Е. Марфениной и А.Е. Ивановой при изучении сообщества почвенных микроскопических грибов культурных слоев средневековых поселений [3]. В некотором смысле почву или грунт археологического объекта можно назвать специфическим экотопом, в составе которого микробные сообщества становятся так называемыми экофактами [4], которые, как и археологические артефакты, несут информацию о прошлом. Поэтому археологические контексты можно рассматривать как своеобразные экологические ниши, обладающие специфическими в различной мере микробными сообществами, имеющими свое биоразнообразие и пул ферментов. Даже в случае отмирания микробных сообществ, следы их активной деятельности остаются в виде закрепленных в почве ферментов, а также остаточном разнообразии микробных сообществ [5]. Особенности изменения почвенного микробного сообщества длительно сохраняются благодаря способности микроорганизмов переходить в покоящиеся формы и возвращаться в активное состояние при наступлении благоприятных условий [6]. Что касается ферментов, то они могут сохраняться в почве неопределенно долгое время, вступая в сложные органоминеральные комплексы с почвенными частицами и гуминовыми веществами [7]. Информация о поступлении органических субстратов, связанных с деятельностью человека, сохраняется в биологической почвенной памяти в виде увеличения численности микроорганизмов, специализирующихся на разложении данного субстрата (микробная память), а также в увеличении активности ферментов, участвующих в процессе минерализации (ферментативная память почв). Почвенные биологические характеристики используются для изучения границ поселений и их инфраструктуры, определения мест содержания скота [8], а также выявления внесения органических удобрений в почвы древних полей [9]. Показана возможность применения микробной и ферментативной памяти для реконструкции погребального обряда [10] и исходного содержимого ритуальных сосудов [11]. На сегодняшний день применение методов микробиологии в археологических исследованиях наиболее детально описано в статьях «Microbiology Meets Archaeology» [4] и «Археологическая микробиология: теоретические основы, методы и результаты» [12], где показана возможность сохранения в микробном сообществе почвы информации об антропогенном воздействии в древности.

Не менее значимым является химический компонент почвенной памяти. Определение валового содержания химических элементов – один из классических подходов

к изучению культурных слоев археологических памятников. Исследования особенностей накопления различных химических элементов были начаты с определения содержания фосфатов еще в 20-х годах прошлого века О. Аррениусом [13]. Фосфор, поступающий в почву вместе с остатками пищи, мусором и золой, может оставаться стабильным на протяжении весьма длительного периода времени, что и дает основание делать выводы о характере хозяйственного использования территории в древности [14]. Позже было показано, что в местах длительного проживания людей, в почвах и культурных слоях, может увеличиваться содержание целого спектра химических элементов [15]. При этом состав и варьирование макро- и микроэлементов на различных участках памятника может нести в себе информацию о характере поступающих субстратов, существование различных функциональных зон в пределах археологического памятника: производственных, селитебных и т.д. [16–18].

В данной работе представлены результаты почвенно-археологических исследований археологического памятника Сотк-2, расположенного на окраине села Сотк, Республика Армения, на юго-восточном побережье оз. Севан. Сотк – это уникальный микрорайон, расположенный возле самых больших золотых копий в Передней Азии. Кроме того, уникальность поселения заключается в его центральном положении, соединяющем между собой южный и восточный Кавказ. Археологические работы, начатые армяно-немецкой экспедицией в 2011 г., открыли несколько поселений и могильников эпохи ранней, средней и поздней бронзы, а также раннего железного века. Всего был исследован 41 памятник. Большинство классифицировались как фортификационные поселения с циклопической архитектурой [19].

Нами впервые были применены возможности естественных наук для осмысления культурно-исторических и экономических явлений в исследуемом регионе. Были скоординированы традиционные историко-археологические методы и новый почвенно-археологический микробиологический подход, суть которого заключается в совместном использовании потенциала биологической и геохимической памяти почв для раскрытия особенностей хозяйственных моделей древнего населения Армении.

Описание ключевого участка

Поселение Сотк-2 расположено в пределах Масрикской равнины, на юго-восточном побережье оз. Севан. Границами исследуемой территории являются: с севера – Севанский, с востока – Восточно-Севанский, с юга – Варденисский хребты, с запада – оз. Севан. Среднегодовая температура в регионе составляет +4°C, среднегодовое количество осадков – 430–440 мм [20]. Поселение Сотк-2 расположено на абсолютной высоте 2100 метров, на вершине овального холма площадью 6500 м², на северо-восточной окраине села Сотк (Гехаркуникская область, Республика Армения, координаты – N 40°20'35", E 45°88'59").

Поселение играло особую роль в системе поселений в регионе, поскольку оно расположено на пути по направлению к золотодобывающему месторождению. Проведенные раскопки показали, что территория была заселена на протяжении раннего бронзового века (куро-аракская культура), среднего бронзового века (севан-арцахская культура), позднего бронзового века и раннего железного века (лчашен-мецаморская культура), а также среднего железного века и Средневековья. Однако только для бронзового века было характерно наличие культурных отложений, тогда как другие

периоды заселения выявлены по рассеянным артефактам. В среднем и позднем бронзовом веке поселение занимало центральное положение внутри фортификационных стен [19].

Культурные отложения исследованного участка поселения Сотк-2 включают слои раннего бронзового века (29–27 вв. до н.э., культурный слой 3), среднего – позднего бронзового века (XVIII–XVI вв. до н.э., культурный слой 2) и раннего железного века (XI/X–IX вв. до н.э., культурный слой 1). Ранний бронзовый век представлен остатками глинобитных построек, однородной типичной керамикой, типичными каменными и обсидиановыми орудиями, мышьяковистой бронзой. Для средней и поздней бронзы характерны каменные постройки с многочисленными ямами и весьма разнообразным керамическим материалом. На среднем этапе позднего бронзового века поселение некоторое время не функционировало и вновь было заселено в раннем железном веке. Несмотря на определенные перерывы, в стратиграфическом профиле памятника хиатус не зафиксирован. На поселение Сотк-2 погребенная почва не сохранилась, и культурные слои подстилаются скальной плитой [21].

Из археологических раскопок на поселении Сотк-2 в августе 2021 г. отобраны образцы из нескольких участков культурных слоев Раскопов Е (Разрез 1, 2) и К (Разрез 3) (рис. 1, 2).

Раскоп Е расположен в западной части плоской вершины холма. В раскопе выявлено два стратиграфических уровня культурного слоя.

Слой 1, залегающий непосредственно под дерниной, представлен скоплениями камней неправильной формы и диахронической керамикой.

Слой 2, залегающий ниже, более однородный, с меньшей долей камней. Керамика представляется переходным периодом от среднего к позднему бронзовому веку и является типичной для севан-арцахской культуры. С этим слоем связаны четыре скальные ямы и каменный фундамент, построенный на скале. Дно и стены ям глинобитные. В этих объектах выявлено очень большое количество костей животных и керамики. Одна из ям разделена на две части, которые различаются по форме. Можно предполагать, что ямы имели хозяйственную функцию.

Слой 3, соответствующий раннему бронзовому веку, в этой части памятника не сохранился и выявляется только в слое 1 по фрагментам керамики.

В пределах раскопа Е были обследованы два стратиграфических разреза.

Разрез 1. Отбор образцов осуществлялся на северной стенке раскопа послойно через каждые 10 см. На этом участке толща культурных отложений имеет следующее строение. С поверхности и до глубины 10 см гумусированный слой темно-серого цвета, комковато-ореховатой структуры (культурный слой 0). Слой 10–50 см менее гумусирован, обладает крупноореховатой структурой (культурный слой 1, ранний железный век). Ниже (до глубины 110 см) расположен слабо затронутый почвообразованием культурный слой 2 (средний бронзовый – поздний бронзовый век), пепельно-серого цвета, порошистой структуры), подстилаемый скальной породой. Во всех слоях в большом количестве встречаются артефакты (кости животных, обломки керамики, камни). Разрез заложен на краю хозяйственной ямы. Культурный слой 1 представлен скоплениями камней неправильной формы. В культурном слое 2 встречается множество фрагментов керамики, костей животных и семена злаковых культур [22].

Разрез 2. Разрез на южной стенке раскопа, в пяти метрах от разреза 1. Расположен также вблизи большой хозяйственной ямы. Почвенно-грунтовая толща разделяется на следующие горизонты. Гумусированный слой с большим количеством корней,

темно-серого цвета, комковато-ореховатой структуры (0–10 см, культурный слой 0). Слой 10–20 см представляет собой скопление камней размером 1–5 см (культурный слой 1, ранний железный век, встречается диахроническая керамика). Ниже, до глубины 70 см, залегает слабо преобразованный современным почвообразованием культурный слой палево-серого цвета, порошистой структуры (культурный слой 2, средний бронзовый – поздний бронзовый век). Толща подстилается скальной породой. Во всех слоях профиля в большом количестве встречаются артефакты.

Раскоп К приурочен к западному склону холма. На этом участке культурный слой 2 имеет плохую сохранность, в значительной мере переотложен, включает более поздние артефакты. Относительно не поврежден слой 3; лучшая его сохранность отмечена в северной части раскопа. Здесь зафиксировано захоронение ребенка.

Разрез 3. Разрез заложен на северной стенке раскопа, в 12 м от разреза 1. Толща имеет следующее строение. Верхние 10–15 см гумусированы, темно-серого цвета, комковато-ореховатой структуры, в большом количестве встречаются корни травянистой растительности (культурный слой 0). Ниже (до глубины 30 см) залегает культурный слой 3 эпохи раннего бронзового века (белесо-серый, порошистой структуры), он подстилается серо-бурым слоем, с глыбисто-порошистой структурой (глинобитный пол, культурный слой 3а). С глубины 60 см залегает скальная порода. Во всех слоях (кроме 3а) в большом количестве встречаются артефакты (кости животных, обломки керамики, камни). Артефакты в основном датируются ранним бронзовым веком. Разрез заложен вблизи детского захоронения.

Методы

Для анализа почв и культурных слоев археологических памятников с целью реконструкции изменений природной среды в прошлом использовались следующие методы: определение рН водной вытяжки потенциометрическим методом, содержание органического углерода по Тюрину, содержание карбонатов ацидиметрическим методом [23]. Содержание валового, минерального и органического фосфора определялось по методу Сандерса и Вильемса [24], валовое содержание химических элементов с помощью рентген-флуоресцентного метода на анализаторе МАКС-GV (Россия). Определение химических элементов проведено в Центре коллективного пользования ИФХиБПП РАН. Микробную биомассу определяли по содержанию фосфолипидов [25], уреазную активность модифицированным индофенольным методом [26]. Кроме того, ферментативную активность (кислая и щелочная фосфатаза, бутират-эстераза и пальмитат-липаза, лейцин-аминопептидаза и глицин-аминопептидаза) определяли микропланшетным методом с использованием хромогенно меченных субстратов на основе п-нитрофенола и процедуры гетеромолекулярного обмена [27–28].

Результаты и обсуждение

Химические свойства культурного слоя

В культурных слоях поселения Сотк-2 на исследованных его участках отмечено существенное накопление некоторых химических элементов (рис. 3), а именно

магния (Mg), марганца (Mn), калия (K), фосфора (P), бария (Ba), меди (Cu), лантана (La), олова (Sn) и цинка (Zn), элементов, которые традиционно связывают с антропогенной деятельностью древнего человека [29–31]. В изученных культурных отложениях максимальное обогащение химическими элементами было характерно для слоя средней – поздней бронзы (культурный слой 2), в особенности для разреза 1, заложенного на северной стенке Раскопа Е. Данный разрез был заложен на границе хозяйственной ямы, поэтому существенное возрастание лантана, марганца, кальция, фосфора непосредственно указывает на значительное попадание в культурный слой пищевых отходов [30]. В отличие от других элементов, марганец имел несколько пиков возрастания, что может говорить о различном объеме поступающих в культурный слой растительных материалов в момент его формирования [15–16]. Максимальная концентрация марганца выявлена в слое раннего железного века. Можно заключить, что формирование культурного слоя раннего железного века было связано с попаданием растительных остатков и золы, тогда как при формировании слоя средней – поздней бронзы попадало больше кухонных отходов животного происхождения. В культурных отложениях на участке заложения разреза 2, в слое средней – поздней бронзы, в целом, также выявлена максимальная концентрация макро- и микроэлементов. Однако содержание антропогенных элементов на этом участке была ниже, чем в культурных слоях на участке заложения разреза 1. Вероятно, данный участок раскопа являлся жилой зоной поселения или имел другое хозяйственное значение. В разрезе 3, заложенного на северной стенке Раскопа К, выделялся лишь наиболее древний слой, относящийся к периоду раннего бронзового века, и здесь выявлена наименьшая концентрация химических элементов. По-видимому, на данном этапе освоения территории численность населения была не столь высока, и антропогенная нагрузка не привела к существенному изменению почвы. Возможно, на начальном этапе освоения территории памятника основная деятельность человека была связана с выловом рыбы, на что указывает повышенная концентрация кальция, стронция и магния [31].

Содержание органического углерода на изученных участках раскопа равномерно уменьшалось с глубиной (рис. 4). Однако в культурном слое 1 и 2 разреза 1, заложенного на северной стенке Раскопа Е, рядом с хозяйственной ямой, эти значения были выше, чем в аналогичных слоях разрезов 2 и 3. Это также указывает на то, что при формировании культурных отложений на этом участке в слой попадало больше органических отходов, так как внесение органических материалов обычно приводит к увеличению содержания органического углерода в почвах [32].

С целью установления природы происхождения фосфатов в культурном слое было проведено отдельное определение минеральных и органических фосфатов, и рассчитана доля органического фосфора от валового (рис. 5). В культурных отложениях разреза 1 выявлена максимальная доля органических фосфатов, здесь она достигала 62% в слое среднего – позднего бронзового века. Высокая доля органических фосфатов в этом слое также подтверждает ранее высказанное предположение, что в момент его формирования в него попадало значительное количество остатков пищи и других органических отходов. На участках заложения разрезов 2 и 3 доля органического фосфора не превышала 25%, исключение составил лишь слой современной почвы (0–10 см) разреза 3, что обусловлено естественными причинами.

Биологические свойства культурного слоя

Наибольшая биологическая активность наблюдалась в слое современной почвы на всех участках раскопа, что связано с естественной биогенностью почвы (рис. 4, 6). Микробная биомасса, как правило, равномерно уменьшалась с глубиной. Исключением были антропогенные отложения в разрезе 1, заложенном на северной стенке Раскопа Е, на границе хозяйственной ямы, причем в слое среднего – позднего бронзового века, на глубине 70–80 см и 100–110 микробная биомасса была существенно выше, чем в верхнем современном слое почвы, что обусловлено значительным попаданием органических материалов в толщу культурного слоя в момент функционирования памятника. Возможно, данный участок был местом приготовления пищи. На попадание именно остатков пищи также указывает увеличение содержания органического фосфора и некоторых химических элементов (La, Mn, Ca) в толще среднего – позднего бронзового века.

К наиболее информативным ферментам для археологических реконструкций относятся ферменты класса фосфатаз, липаз, протеаз и уреазы [11; 33]. Фосфатазы участвуют в разложении фосфорорганических соединений, строгой специфичностью также не обладают. В зависимости от реакции почвенной среды микроорганизмами будет выделяться преимущественно либо кислая, либо щелочная фосфатаза. Липаза участвует в разложении жировых субстратов животного и растительного происхождения. Протеазы участвуют в разложении белковых молекул, которые поступают в почву из всех мертвых организмов, как животных, так и растений. Продуцентами протеаз в почве являются многие бактерии и грибы. Они не обладают строгой специфичностью, а могут разлагать любые белоксодержащие органические компоненты. Уреазы участвуют в разложении мочевины, которая попадает в почву в составе растительных остатков и навоза [34].

Ферментативная активность (рис. 6), как правило, равномерно уменьшалась с глубиной во всех изученных разрезах, ее значения были достаточно близки во всех изученных почвах. Равномерное распределение ферментативной активности было характерно для фосфатазы и уреазы. Профильная динамика уреазной активности и уменьшение этого показателя с глубиной не дает оснований говорить о содержании скота на поселении на всех этапах его существования. Для ферментов, участвующих в разложении жиров и белков (липазы и протеазы соответственно), отмечалось несколько пиков возрастания их активности. Выявлено существенное увеличение активности липаз и пептидаз в слое среднего – позднего бронзового века в разрезе 1, расположенного на границе хозяйственной ямы, что, в совокупности с другими почвенными характеристиками, подтверждает вероятность использования данного участка в качестве места приготовления пищи. Небольшое возрастание активности липаз и протеаз наблюдалось также в слое среднего – позднего бронзового века в разрезе 2, заложенного на южной стенке раскопа Е. В слое раннего бронзового века, в разрезе 3, отмечалось только незначительное возрастание активности фермента глицин-аминопептидазы. Это указывает на минимальную антропогенную нагрузку на начальных этапах освоения территории памятника.

Определение фосфатазной активности совместно с отдельным определением минерального и органического фосфора может пролить свет на природу происхождения фосфора в культурном слое. Фосфатазы являются непосредственными участниками фосфорного цикла в почве, отвечают за вклад органического фосфора в фосфатный

пул культурного слоя. При этом степень фосфатазной активности отражает интенсивность поступления в почву фосфорсодержащих органических соединений [35]. Корреляционный анализ показал, что для разрезов 1 и 2 была характерна обратная взаимосвязь содержания минерального фосфора и активности фосфатаз (коэффициент корреляции -0,71 и -0,79 соответственно), тогда как в разрезе 3, напротив, выявлена положительная корреляция как с минеральным, так и с органическим фосфором (коэффициент корреляции 0,83). Принимая во внимание невысокое содержание как минеральных, так и органических фосфатов при высокой фосфатазной активности, можно предположить, что данный участок испытал наименьшую антропогенную нагрузку. На участках заложения разрезов 1 и 2, напротив, значительное поступление материалов антропогенной природы стимулировало микробиологическую активность, что приводило к их усиленной минерализации и накоплению именно минеральной формы фосфора, а по мере исчерпания субстрата фосфатазная активность уменьшалась. Но, с другой стороны, высокое содержание минеральных фосфатов при пониженной фосфатазной активности может говорить о минеральной природе фосфора в культурном слое.

Статистическая обработка данных

Метод главных компонент, выполненный с микробиологическими и химическими данными, показал, что 70,5% общей вариации объяснялось первыми двумя факторами, и образцы антропогенных отложений достаточно четко группировались по периодам освоения территории памятника (рис. 7). Ось 1 объясняла 51,1% общей вариации и с ней были связаны следующие параметры: химические – органический углерод (C_{org}), стронций (Sr), железо (Fe), хром (Cr), барий (Ba), кальций (Ca), медь (Cu), магний (Mg), валовый фосфор (P_{bulk}), марганец (Mn), а также микробиологические – активность фосфатазы (PhA), уреазы (UA), липаз (LA), пептидаз (PA) и микробная биомасса (MB). Ось 2 объясняла 19,4% общей вариации, и с ней были связаны такие параметры, как калий (K), минеральный (P_{min}) и органический фосфор (P_{org}). С повышенными значениями всех параметров биологической активности и органического углерода были связаны верхние современные слои изученных разрезов (TS 1-3). Слой раннего железного века (OL1-1, разрез 1) выделялся повышенными концентрациями магния, бария, хрома, меди и лантана. Как было сказано выше, формирование этого слоя связано с попаданием золы. В слое раннего железного века разреза 2 (OL1-2) не наблюдалось накопление данных элементов, что указывает на иной характер использования территории поселения в этот период, например, в качестве жилой зоны или же производственной зоны, связанной с незначительным попаданием органики. Слой средней – поздней бронзы на северной стенке раскопа E (OL2-1, разрез 1) характеризовался высокой концентрацией таких элементов как кальций, фосфор (все формы) и лантан, что указывает на попадание органических остатков, связанных с приготовлением пищи в культурных слоях [30]. На южной стенке раскопа E (OL2-2, разрез 2) наблюдалось повышение концентрации таких элементов как магний, стронций, кальций и сера. Для слоя раннего бронзового века (OL-3, разрез 3) также было характерно повышенное содержание кальция и стронция, а также серы. Повышение концентрации таких элементов как кальций, магний и стронций связывают с разделкой рыбы [31]. Поэтому можно предположить, что в раннем бронзовом веке основная деятельность человека могла

быть связана с выловом рыбы, а участок на южной стенке раскопа Е в среднем – позднем бронзовом веке мог представлять собой зону разделки рыбы.

Заключение

Морфологические, химические и микробиологические особенности культурного слоя на различных участках поселения Сотк-2 позволяют выявить различия в бытовой и производственной деятельности на территории поселения в раннем бронзовом веке и в переходный период от среднего – позднего бронзовому веку к раннему железному веку, а также реконструировать инфраструктурные особенности памятника.

Принимая во внимание полученные результаты почвенного изучения культурных слоев, можно заключить, что формирование слоя раннего железного века обусловлено попаданием растительных остатков в виде золы, тогда как слой среднего – позднего бронзового века на северной стенке раскопа Е сформировался при значительном попадании органических (пищевых) отходов в почву, и данная территория могла быть зоной приготовления пищи. Это согласуется с археологическими данными, так как на данном участке раскопа выявлена максимальная концентрация археологического материала (кости, керамика, камни). Противоположный участок раскопа (на южной стенке раскопа, на удалении пяти метров) в этот период мог быть производственной зоной, например, для разделки рыбы. Данный вид хозяйственной деятельности не связан со значительным попаданием органических материалов в почву, поэтому здесь и не наблюдалось значительное возрастание биологической активности, но отмечено увеличение концентрации таких элементов как кальций, магний и стронций, то есть химических элементов, накопление которых связывают с разделкой рыбы. Слой раннего бронзового века, выявленный только на исследованном участке раскопа К, связан с начальным этапом освоения территории и минимальной антропогенной нагрузкой, которая не привела к существенному изменению почвы и ее свойств.

Таким образом, совместное применение геохимического анализа и методов почвенной микробиологии повышает надежность археологических реконструкций особенностей хозяйственной деятельности древнего человека. Традиционный геохимический анализ не может с большой точностью установить органический или неорганический материал попадал в культурный слой в момент его формирования. Но, если при значительном повышении концентрации определенных химических элементов (например, фосфор, марганец, сера, цинк, стронций, лантан) будет также наблюдаться повышение биологической активности, то можно говорить о поступлении именно органических материалов в культурный слой. В связи с этим, для повышения надежности почвенных реконструкций, мы рекомендуем совместное использование геохимического анализа и методов почвенной микробиологии для изучения антропогенных отложений разновозрастных археологических памятников.

Благодарность. Полевые исследования выполнены в рамках гранта РФФИ № 20-59-05001 и гранта комитета по науке Республики Армении № SC 20RF-141. Геохимические исследования осуществлены за счет средств гранта РНФ № 19-18-00406-П.

Acknowledgements. The fieldworks were carried out within the framework of RFBR grant No. 20-59-05001 and the grant of the Committee for Science of the Republic of Armenia No. SC 20RF-141. Geochemical studies were conducted with the financial support of the RNF grant No. 19-18-00406-P.

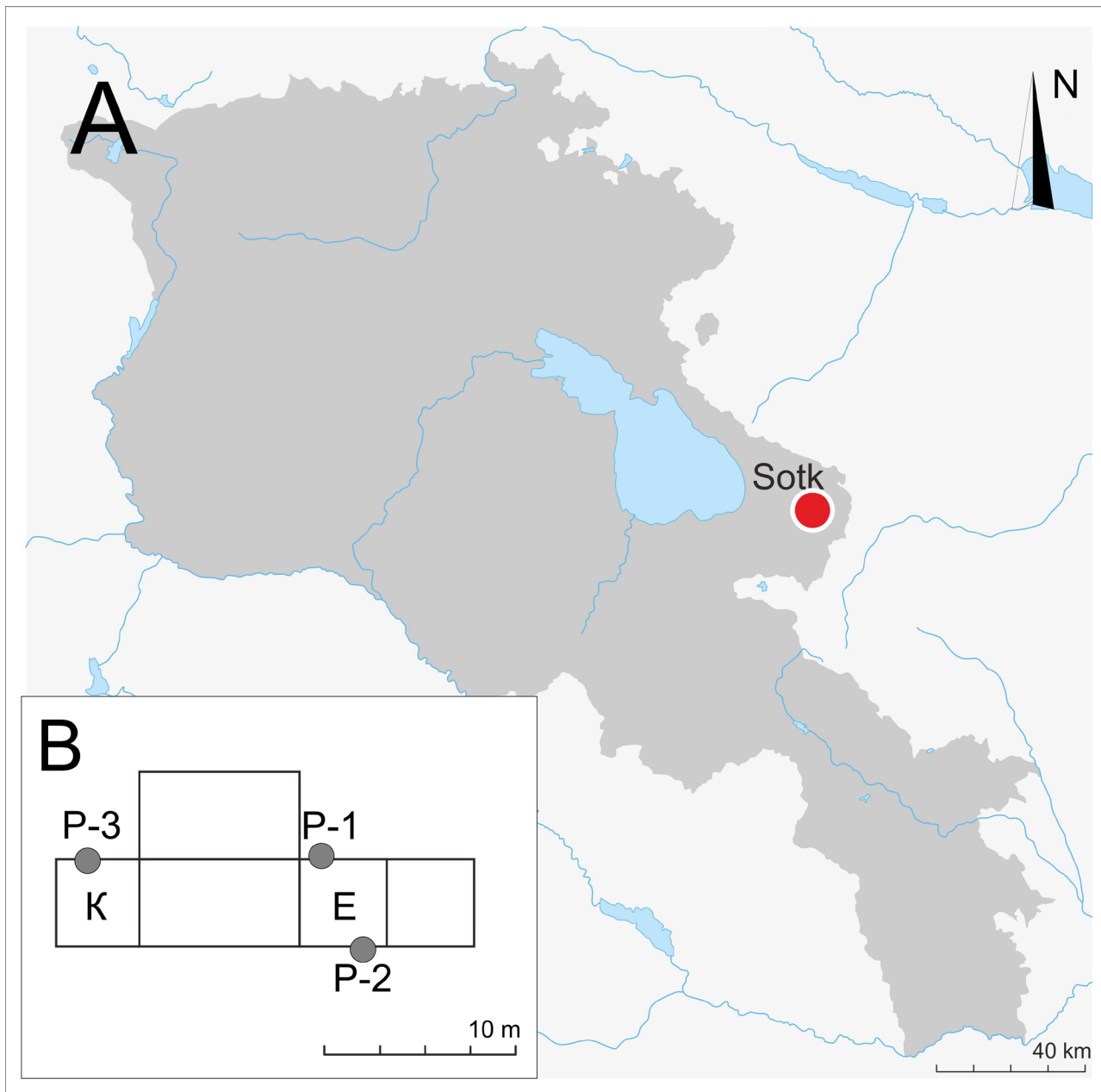

Рис. 1. Регион исследования.
А – Расположение поселения Сотк-2,
Б – схема расположения почвенных разрезов (P-1 – разрез, E – раскоп)

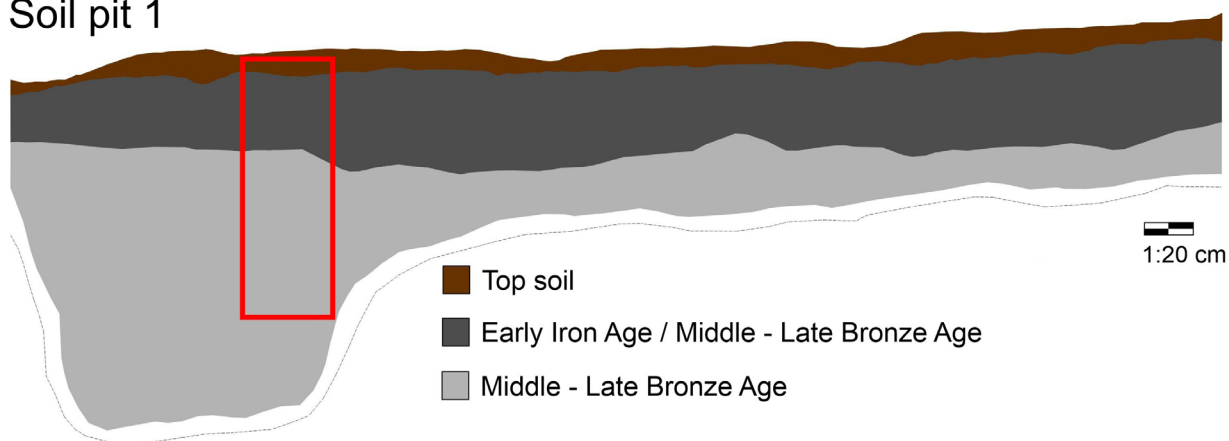
Fig. 1. Study area.
A – Location of the Sotk-2 site,
B – location of soil pits (P-1 – soil pit, E – trench)

A

Trench E
Northern profile
Soil pit 1

B

Trench K
Northern profile
Soil pit 3

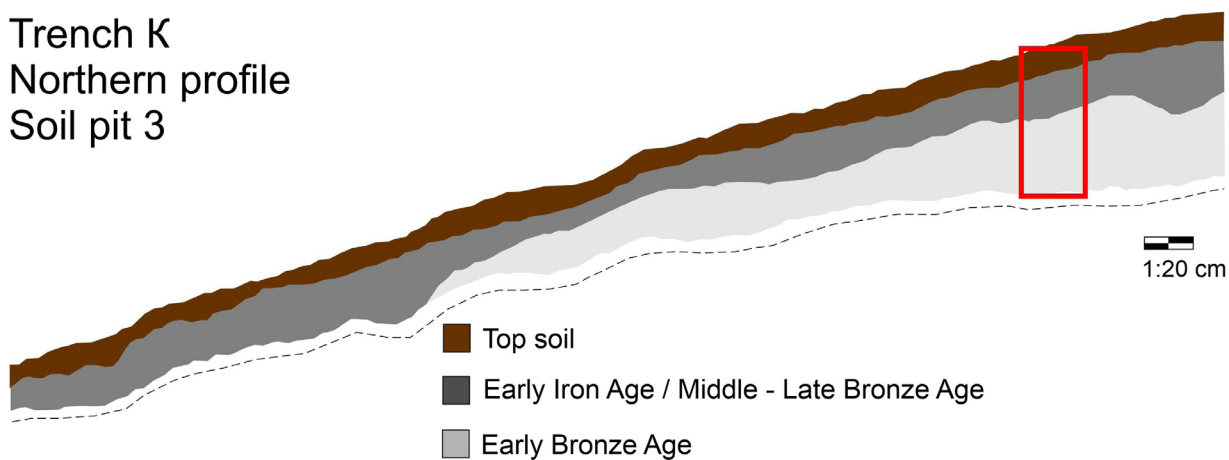

Рис. 2. Общий вид на раскоп Е поселения Сотк-2 (А) и схема профиля в местах заложения разреза 1 и 3 (Б)

Fig. 2. General view on Trench E of the Sotk-2 site (A) and profile diagram at the locations of Soil Pits 1 and 3 (B)

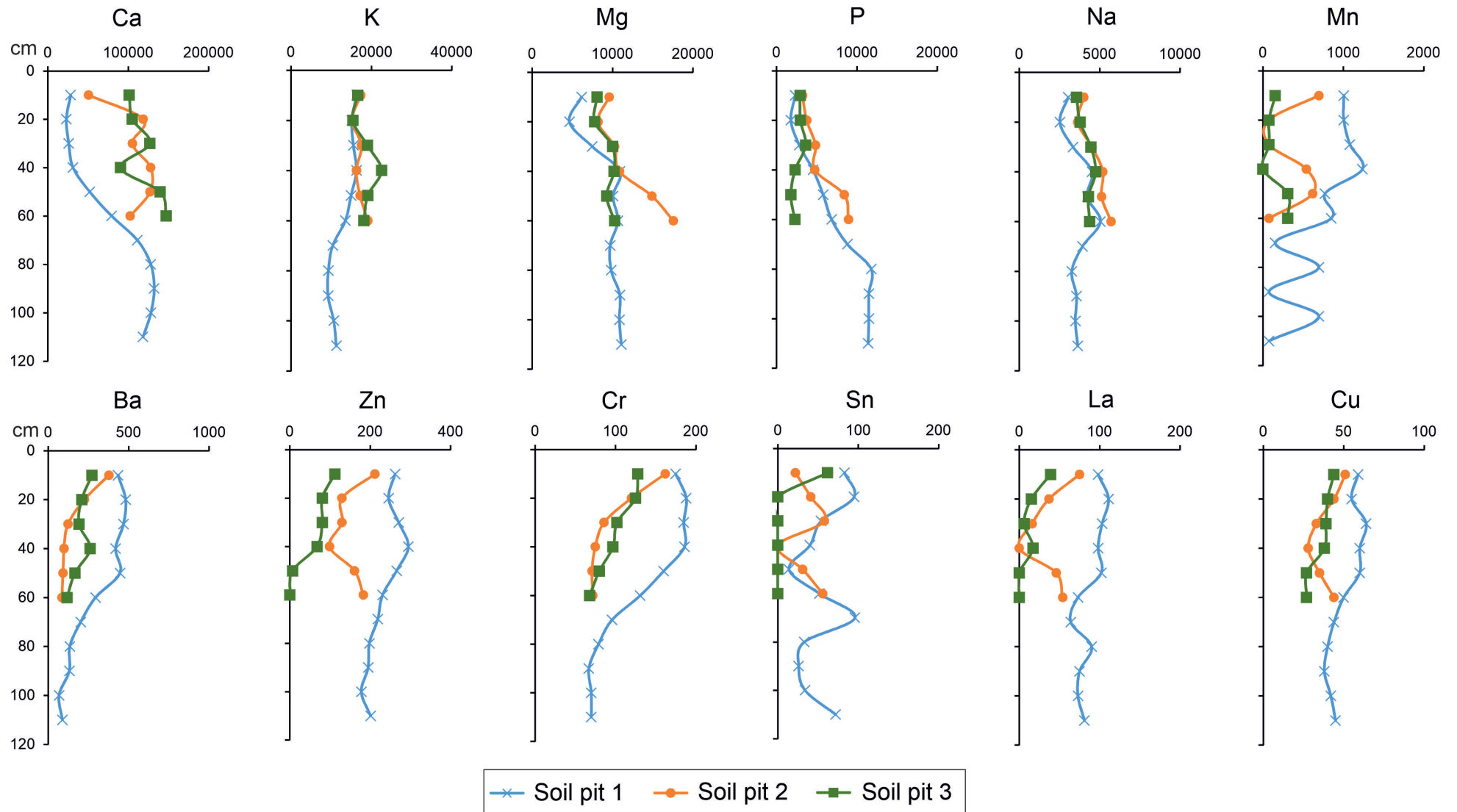

Рис. 3. Содержание некоторых химических элементов в культурных слоях поселения Сотк-2
 Fig. 3. The content of some chemical elements (mg g⁻¹ soil) in the occupation layers of the Sotk-2 site

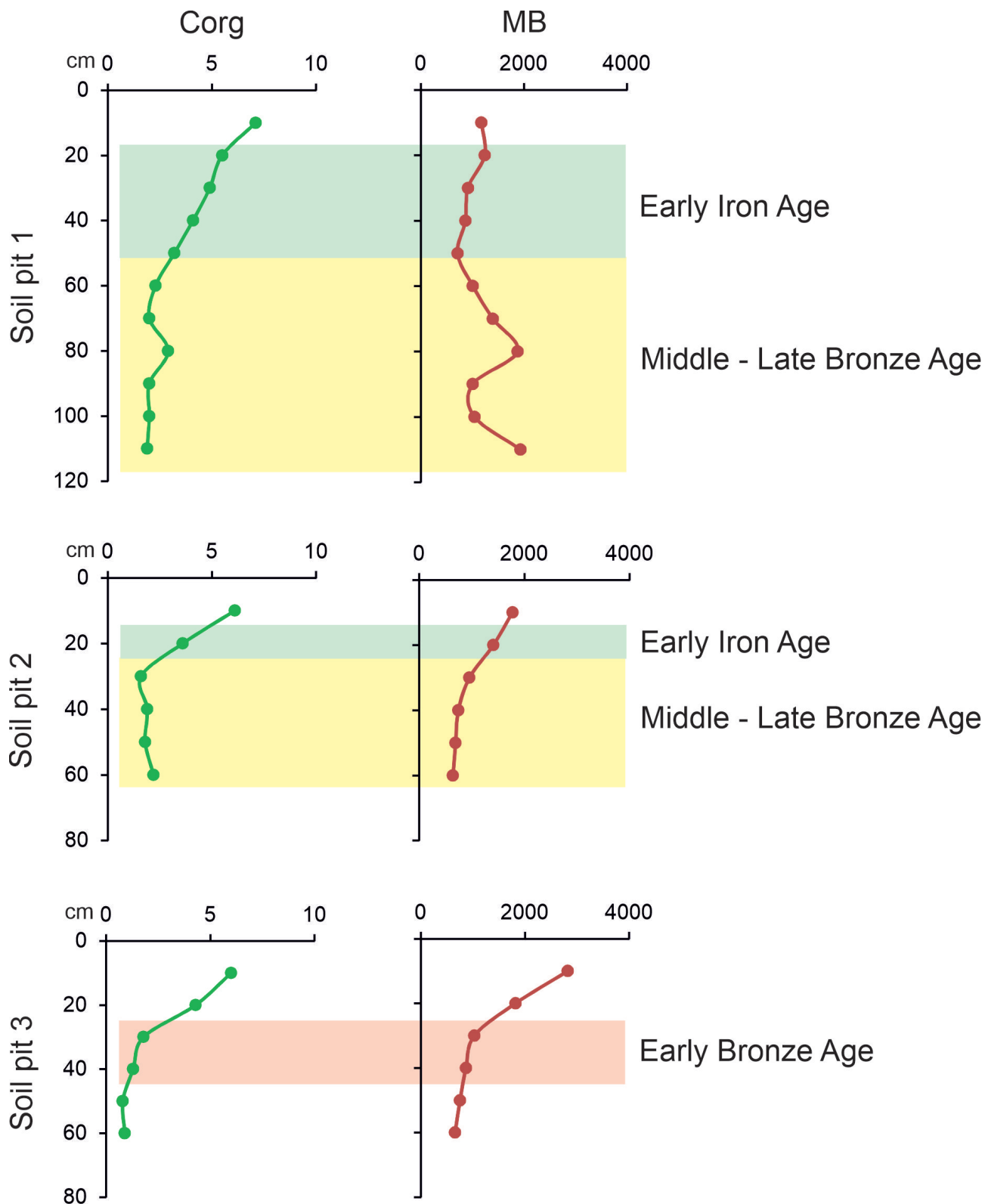

Рис. 4. Содержание органического углерода (Сорг, %) и микробная биомасса (МБ, мкг С/г почвы) в культурных слоях поселения Сотк-2

Fig. 4. The content of organic carbon (Corg, %) and microbial biomass (MB, µg g⁻¹ soil) in the cultural layers of the Sotk-2 site

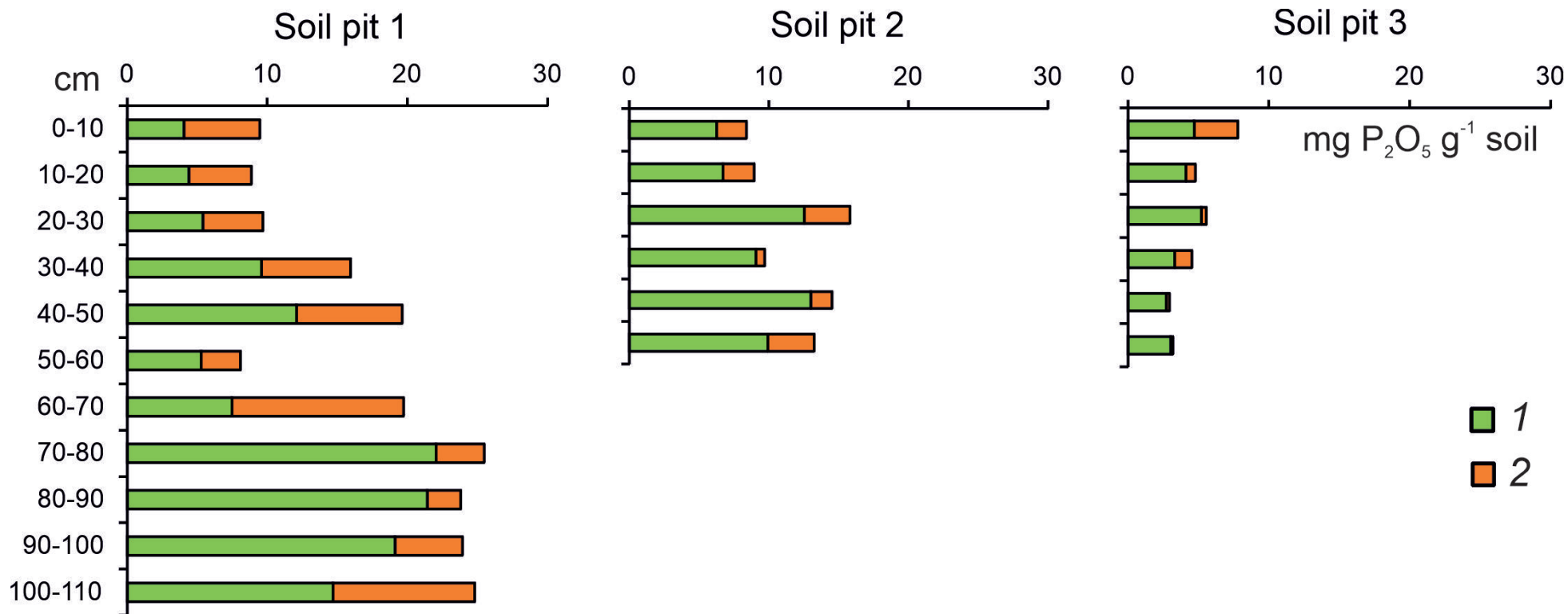

Рис. 5. Содержание фосфатов в толще культурных отложений поселения Сотк-2.
1 – минеральный фосфор; 2 – органический фосфор

Fig. 5 The content of phosphates in cultural layers of the Sotk-2 site.
1 – mineral phosphorus; 2 – organic phosphorus

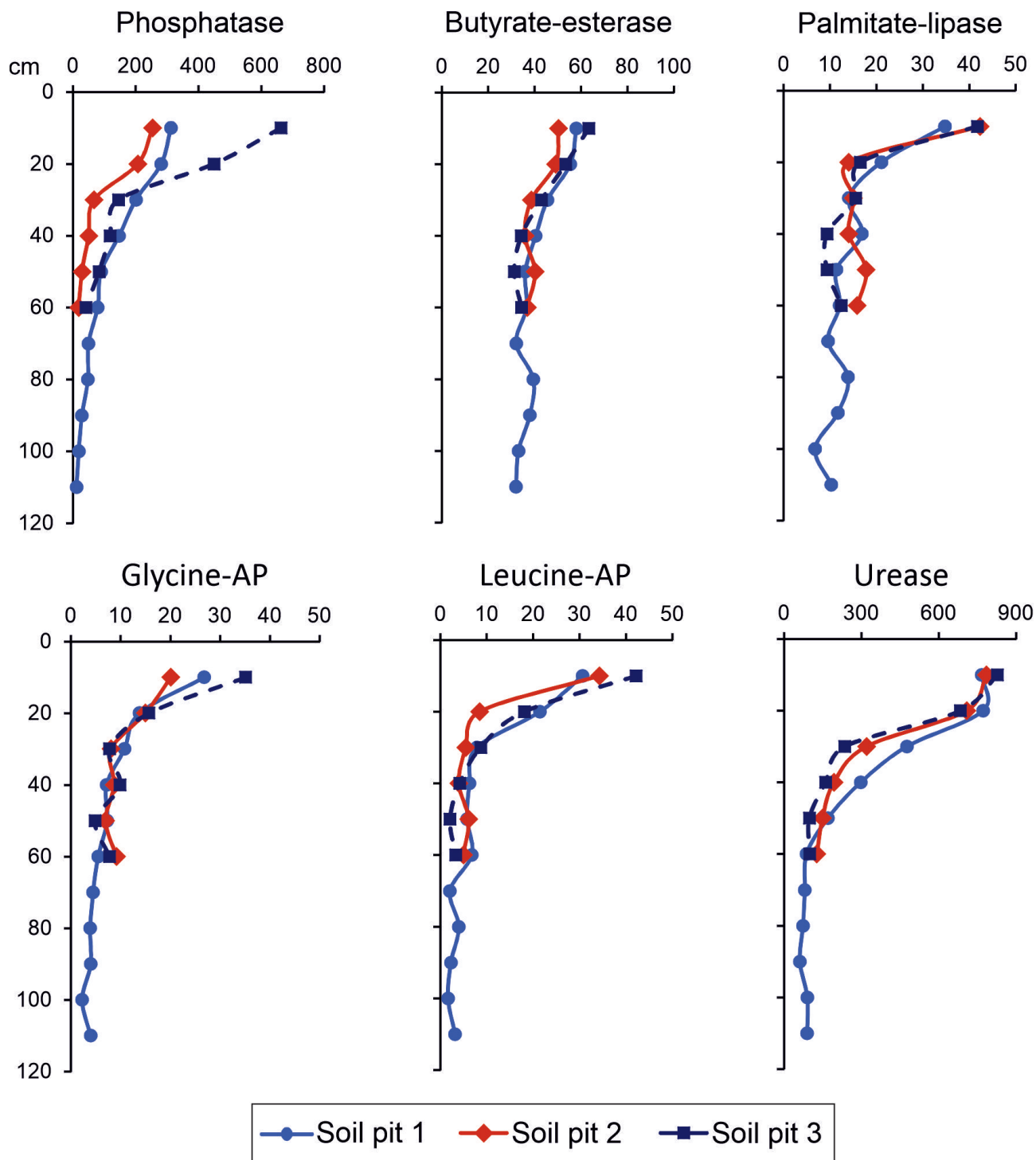

Рис. 6. Ферментативная активность в толще культурных отложений поселения Сотк-2 (фосфатаза, бутират-эстераза, пальмитат-липаза, глицин-аминопептидаза и лейцин-аминопептидаза – нмоль пНФ/г почвы в час, уреазы – мкг NH₄⁺/г почвы в час)

Fig. 6. Enzymatic activity in the cultural layers of the Sotk-2 site (phosphatase, butyrate-esterase, palmitate-lipase; glycine-aminopeptidase, leucine-aminopeptidase – nmol pNP g⁻¹ soil hour⁻¹, urease – µg NH₄⁺ g⁻¹ soil hour⁻¹)

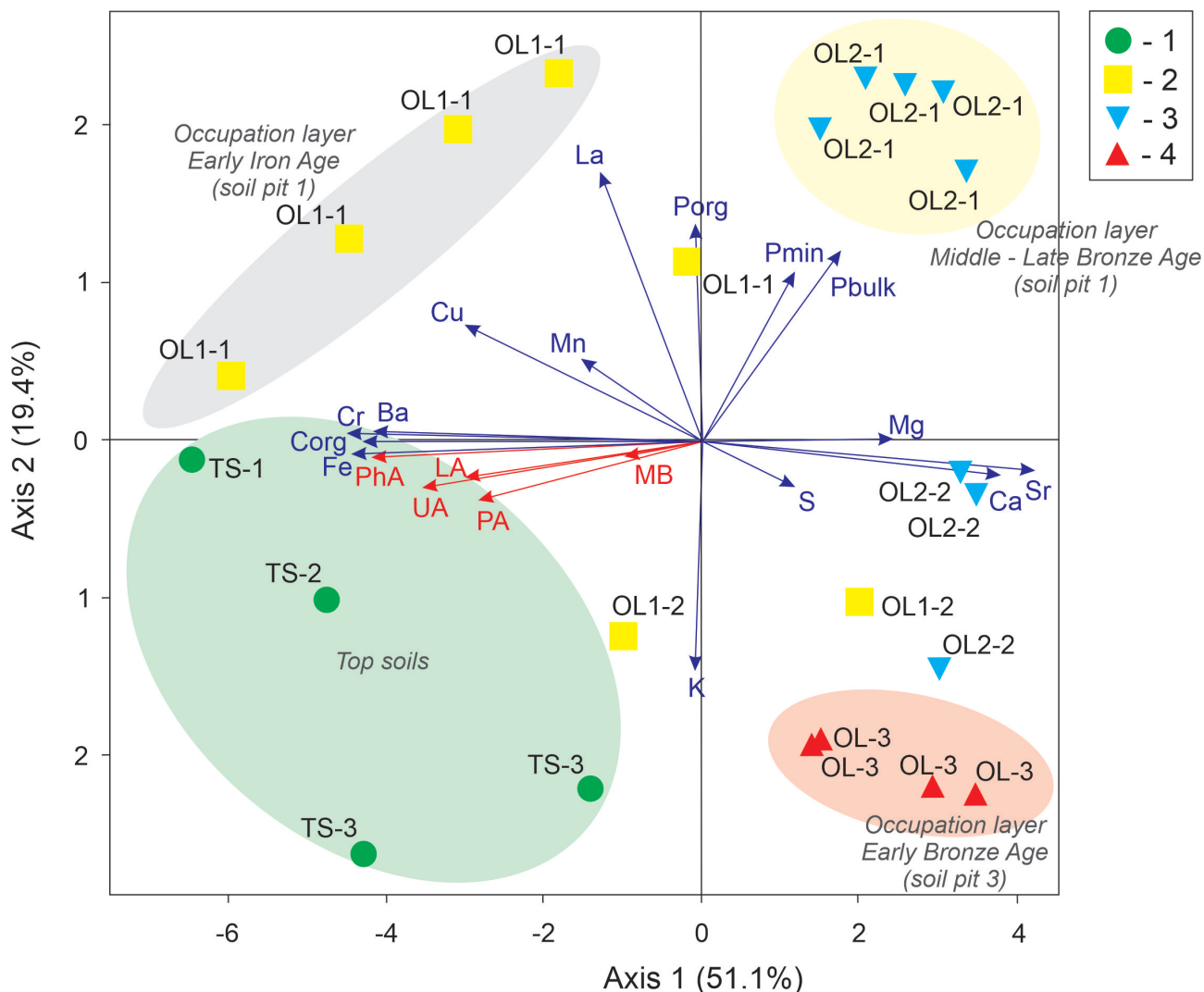

Рис. 7. Метод главных компонент для химических и микробиологических параметров.
 1 – верхние горизонты (TS), 2 – культурный слой раннего железного века (OL1),
 3 – культурный слой среднего – позднего бронзового века (OL2), 4 – культурный слой раннего бронзового века (OL3). Corg. – органический углерод, Pbulk – валовый фосфор; Pmin. – минеральный фосфор,
 Porg. – органический фосфор, MB – микробная биомасса, PhA – фосфатазная активность,
 UA – уреазная активность, LA – липазная активность, PA – протеазная активность

Fig. 7. Principal component analysis for chemical and microbiological parameters.
 1 – topsoil (TS), 2 – occupation layer of early Iron Age (OL1),
 3 – occupation layer of Middle – Late Bronze Age (OL2), 4 – occupation layer of early Bronze Age (OL3).
 Corg. – organic carbon; Pbulk – total phosphorus, Pmin. – mineral phosphorus,
 Porg. – organic phosphorus, MB – microbial biomass; PhA – phosphatase activity,
 UA – urease activity, LA – lipase activity, PA – protease activity

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Память почв: Почва как память биосферно-геосферно-антропосферных взаимодействий / Отв. ред. В.О. Таргульян, С.В. Горячкин. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 692 с.
2. Борисов А.В., Демкина Т.С., Каширская Н.Н., Хомутова Т.Э., Чернышева Е.В. Биологическая память почв об изменениях условий почвообразования и антропогенной деятельности в прошлом: микробная и ферментная составляющие // Почвоведение. 2021. № 7. С. 849–861. DOI: 10.31857/S0032180X21070029
3. Ivanova A., Marfenina O. Soil fungal communities as bioindicators of ancient human impacts in medieval settlements in different geographic regions of Russia and southwestern Kazakhstan // *Quaternary International*. 2015. V. 365. P. 212–222. DOI: 10.1016/j.quaint.2014.10.016.
4. Margesin R., Siles J., Cajthaml T., Öhlinger B., Kistler E. Microbiology Meets Archaeology. Soil Microbial Communities Reveal Different Human Activities at Archaic Monte Iato (Sixth Century BC) // *Microbial Ecology*. 2016. V. 73. P. 925–938.
5. Khomutova T.E., Borisov A.V. Estimation of microbial diversity in the desert steppe surface soil and buried palaeosol (IV mil. BC) using the TRFLP method // *Journal of arid environments*. V. 171. P. 104004. DOI: 10.1016/j.jaridenv.2019.104004
6. Бухарин О.В., Гинцбург А.Л., Романова Ю.М., Эль-Регистан Г.И. Механизмы выживания бактерий. М.: Медицина, 2005. 367 с.
7. Burns R.G., DeForest J.L., Marxsen J., Sinsabaugh R.L., Stromberger M.E., Wallenstein M.D., Weintraub M.N., Zoppini A. Soil enzymes in a changing environment: current knowledge and future directions // *Soil biochem*. 2013. V. 58. P. 216–234. DOI: 10.1016/j.soilbio.2012.11.009
8. Peters S., Borisov A., Reinhold S., Korobov D., Thiemeyer H. Microbial characteristics of soils depending on the human impact on archaeological sites in the Northern Caucasus // *Quaternary International*. V. 324. 2014. P. 162–171. DOI: 10.1016/j.quaint.2013.11.020
9. Chernysheva E., Korobov D., Borisov A. Thermophilic microorganisms in arable land around medieval archaeological sites in Northern Caucasus, Russia: novel evidence of past manuring practices // *Geoarchaeology*. 2017. V. 32. P. 494–501. DOI: 10.1002/gea.21613
10. Kashirskaya N., Kleshchenko A., Mimokhod R., Borisov A. Microbiological approach for identification of wool clothes in ancient burials // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2020. V. 31. P. 102296. DOI: 10.1016/j.jasrep.2020.102296
11. Чернышева Е.В., Борисов А.В., Малашев В.Ю. Микробиологический подход к реконструкции исходного присутствия жиров в сосудах из погребений аланской культуры // *Краткие сообщения Института археологии РАН*. 2021. Вып. 263. С. 105–116. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.263.105-116
12. Каширская Н.Н., Чернышева Е.В., Хомутова Т.Э., Душчанова К.С., Потапова А.В., Борисов А.В. Археологическая микробиология: теоретические основы, методы и результаты // *Российская археология*. 2021.
1. *Soil memory: soil as a memory of biosphere-geosphere-anthroposphere interactions* [*Память почв: Почва как память биосферно-геосферно-антропосферных взаимодействий*]. Targulyan VO, Goryachkin SV (eds.). Moscow: LKI Publ., 2008. (In Russ.)
2. Borisov AV, Demkina TS, Kashirskaya NN, Khomutova TE, Chernysheva EV. Changes in the past soil-forming conditions and human activity in soil biological memory: microbial and enzyme components. *Eurasian Soil Science*. 2021, 54(7): 1078–1088. DOI: 10.1134/S1064229321070024
3. Ivanova A, Marfenina O. Soil fungal communities as bioindicators of ancient human impacts in medieval settlements in different geographic regions of Russia and southwestern Kazakhstan. *Quaternary International*. 2015, 365: 212–222. DOI: 10.1016/j.quaint.2014.10.016
4. Margesin R, Siles J, Cajthaml T, Öhlinger B, Kistler E. Microbiology Meets Archaeology. Soil Microbial Communities Reveal Different Human Activities at Archaic Monte Iato (6th Century BC). *Microbial Ecology*. 2016, 73: 925–938. DOI: 10.1007/s00248-016-0904-8
5. Khomutova TE, Borisov AV. Estimation of microbial diversity in the desert steppe surface soil and buried palaeosol (IV mil. BC) using the TRFLP method. *Journal of arid environments*. 2019, 171: 104004. DOI: 10.1016/j.jaridenv.2019.104004
6. Bukharin OV, Gintsburg AL, Romanova YuM, El-Registan GI. *Survival mechanisms of bacteria* [*Mekhanizmy vyzhivaniya bakteriy*]. Moscow: Medicine, 2005.
7. Burns RG, DeForest JL, Marxsen J, Sinsabaugh RL, Stromberger ME, Wallenstein MD, Weintraub MN, Zoppini A. Soil enzymes in a changing environment: current knowledge and future directions. *Soil biochem*. 2013, 58: 216–234. DOI: 10.1016/j.soilbio.2012.11.009
8. Peters S, Borisov A, Reinhold S, Korobov D, Thiemeyer H. Microbial characteristics of soils depending on the human impact on archaeological sites in the Northern Caucasus. *Quaternary International*. 2014, 324: 162–171. DOI: 10.1016/j.quaint.2013.11.020
9. Chernysheva E, Korobov D, Borisov A. Thermophilic microorganisms in arable land around medieval archaeological sites in Northern Caucasus, Russia: novel evidence of past manuring practices. *Geoarchaeology*. 2017, 32: 494–501. DOI: 10.1002/gea.21613
10. Kashirskaya N, Kleshchenko A, Mimokhod R, Borisov A. Microbiological approach for identification of wool clothes in ancient burials. *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2020, 31: 102296. DOI: 10.1016/j.jasrep.2020.102296
11. Chernysheva EV, Borisov AV, Malashev VYu. Microbiological approach to the reconstruction of the initial presence of fats in vessels from the burials of the Alanian culture [*Mikrobiologicheskiy podkhod k rekonstruktsii iskhodnogo prisutstviya zhirov v sosudakh iz pogrebeniy alanskoy kul'tury*]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii RAN*. 2021, 263: 105–116. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.263.105-116
12. Kashirskaya NN, Chernysheva EV, Khomutova TE, Dushchanova KS, Potapova AV, Borisov AV. Archaeological microbiology: Theoretical foundations, methods

№ 2. С. 7–18. DOI: 10.31857/So86960630010975-1

13. Holliday V.T., Gartner W.G. Methods of soil P analysis in archaeology // *Journal of Archaeological Science*. 2007. V. 34. P. 301–333. DOI: 10.1016/j.jas.2006.05.004

14. Weihrauch C., Soder U., Stoddart S. The identification of archaeologically interesting depths from vertical soil phosphorus prospecting in geoarchaeology // *Geoderma*. 2022. V. 418. P. 115850 DOI: 10.1016/j.geoderma.2022.115850

15. Oonk S., Slomp C.P., Huisman D.J. Geochemistry as an aid in archaeological prospection and site interpretation: current issues and research directions // *Archaeological Prospection*. 2009. V. 16. P. 35–51. DOI: 10.1002/arp.344

16. Wilson C.A., Davidson D.A., Cresser M.S. An evaluation of the site specificity of soil elemental signatures for identifying and interpreting former functional areas // *Journal of Archaeological Science*. 2009. V. 36. P. 2327–2334. DOI: 10.1016/j.jas.2009.06.022

17. Smejda L., Hejzman M., Horak J., Shai I. Multi-element mapping of anthropogenically modified soils and sediments at the Bronze to Iron Ages site of Tel Burna in the southern Levant // *Quaternary International*. 2018. V. 483. P. 111–123. DOI: 10.1016/j.quaint.2017.11.005

18. Рябогина Н.Е., Борисов А.В., Иванов С.Н., Занина О.Г., Савицкий Н.М. Природные условия на юге Среднерусской возвышенности в Хазарское время (IX–X вв.) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2013. №3 (22). С. 182–194.

19. Bobokhyan A., Kunze R. Ushkiani-Project: Preliminary archaeological investigations in the Lake Sevan Region/Armenia // *Praehistorische Zeitschrift*. 2021. V. 96. № 2. P. 500–510. DOI: 10.1515/pz-2021-0012

20. Багдасарян А.Б. Климат Армянской ССР. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1958. 138 с.

21. Kunze R., Bobokhyan A., Pernicka E., Meliksetian K. Projekt Ushkiani. Untersuchungen der Kulturlandschaft um das prähistorische Goldrevier von Sotk // *Veröffentlichungen des Landesamtes für Denkmalpflege und Archäologie Sachsen Anhalt-Landesmuseum für Vorgeschichte*. 2013. V. 67. P. 49–88.

22. Hovsepian R. First Archaeobotanical Data from the Basin of Lake Sevan (Armenia) // *Veröffentlichungen des Landesamtes für Denkmalpflege und Archäologie Sachsen Anhalt-Landesmuseum für Vorgeschichte*. 2013. V. 67. P. 93–105.

23. Воробьева Л.А. Химический анализ почв. М.: МГУ, 1998. 272 с.

24. Агрохимические методы исследования почв / Отв. ред. А.В. Соколов. М.: Наука, 1975. 656 с.

25. Хомутова Т.Э., Демкин В.А. Оценка биомассы микробных сообществ почв сухих степей по содержанию в них фосфолипидов // *Почвоведение*. 2011. № 6. С. 748–754.

26. Kandeler E., Gerber H. Short-term assay of urease activity using colorimetric determination of ammonium // *Biol Fertil Soils*. 1988. V. 6. P. 68–72. DOI: 10.1007/BF00257924

27. Cowie A., Lonergan, V.E., Rabbi F.S.M., Fornasier F., Macdonald C., Harden S., Kawasaki A., Brajesh K., Singh B.K. The impact of carbon farming practices on soil carbon in northern New South Wales // *Soil Research*. 2013. V. 51. P. 707–718. DOI: 10.1071/SR13043

28. Margenot A.J., Nakayama Y., Parikh S.J.

and results. *Rossijskaja Arheologija*. 2021, 2: 7–18. DOI: 10.31857/So86960630010975-1

13. Holliday VT, Gartner WG. Methods of soil P analysis in archaeology. *Journal of Archaeological Science*. 2007, 34: 301–333. DOI: 10.1016/j.jas.2006.05.004

14. Weihrauch C, Soder U, Stoddart S. The identification of archaeologically interesting depths from vertical soil phosphorus prospecting in geoarchaeology. *Geoderma*. 2022, 418: 115850. DOI: 10.1016/j.geoderma.2022.115850

15. Oonk S, Slomp CP, Huisman DJ. Geochemistry as an aid in archaeological prospection and site interpretation: current issues and research directions. *Archaeological Prospection*. 2009, 16: 35–51. DOI: 10.1002/arp.344

16. Wilson CA, Davidson DA, Cresser MS. An evaluation of the site specificity of soil elemental signatures for identifying and interpreting former functional areas. *Journal of Archaeological Science*. 2009, 36: 2327–2334. DOI: 10.1016/j.jas.2009.06.022

17. Smejda L, Hejzman M, Horak J, Shai I. Multi-element mapping of anthropogenically modified soils and sediments at the Bronze to Iron Ages site of Tel Burna in the southern Levant. *Quaternary International*. 2018, 483: 111–123. DOI: 10.1016/j.quaint.2017.11.005

18. Ryabogina NE, Borisov AV, Ivanov SN, Zanina OG, Savitsky NM. Natural conditions in the south of the Central Russian Upland in the Khazar time (IX–X centuries) [*Prirodnyye usloviya na yuge Srednerusskoy vozvyshe-nosti v Khazarskoye vremya (IX–X vv.)*]. *Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography*. 2013, 3(22): 182–194.

19. Bobokhyan A, Kunze R. Ushkiani-Project: Preliminary archaeological investigations in the Lake Sevan Region/Armenia. *Praehistorische Zeitschrift*. 2021, 96(2): 500–510. DOI: 10.1515/pz-2021-0012

20. Bagdasaryan AB. *Climate of the Armenian SSR*. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the ArmSSR, 1958.

21. Kunze R, Bobokhyan A, Pernicka E, Meliksetian K. Projekt Ushkiani. Untersuchungen der Kulturlandschaft um das prähistorische Goldrevier von Sotk. *Veröffentlichungen des Landesamtes für Denkmalpflege und Archäologie Sachsen Anhalt-Landesmuseum für Vorgeschichte*. 2013, 67: 49–88. (in German).

22. Hovsepian R. First Archaeobotanical Data from the Basin of Lake Sevan (Armenia). *Veröffentlichungen des Landesamtes für Denkmalpflege und Archäologie Sachsen Anhalt-Landesmuseum für Vorgeschichte*. 2013, 67: 93–105.

23. Vorobieva LA. *Chemical analysis of soils [Khimicheskij analiz pochv]*. Moscow: MSU Publ., 1998.

24. *Agrochemical methods of soil research [Agrokhimicheskiye metody issledovaniya pochv]*. AV Sokolov (ed.). Moscow: Nauka, 1975.

25. Khomutova TE, Demkin VA. Assessment of the microbial biomass using the content of phospholipids in soils of the dry steppe. *Eurasian soil science*. 2011, 44:686–692. DOI: 10.1134/S1064229311060081

26. Kandeler E, Gerber H. Short-term assay of urease activity using colorimetric determination of ammonium. *Biol Fertil Soils*. 1988, 6: 68–72. DOI:10.1007/BF00257924

27. Cowie A, Lonergan VE, Rabbi FSM, Fornasier F, Macdonald C, Harden S, Kawasaki A, Brajesh K, Singh BK.

- Methodological recommendations for optimizing assays of enzyme activities in soil samples // *Soil Biol Biochem*. 2018. V. 125. P. 350–360. DOI: 10.1016/j.soilbio.2017.11.006
29. Gallelo G., Pastor A., Diez A., La Roca N., Bernabeu J. Anthropogenic units fingerprinted by REE in archaeological stratigraphy: Mas d'Is (Spain) case // *Journal of Archaeological Science*. 2013. V. 40. P. 799–809. DOI: 10.1016/j.jas.2012.10.005
30. Pastor A., Gallelo G., Cervera M.L., de la Guardia M. Mineral soil composition interfacing archaeology and chemistry // *Trends in Analytical Chemistry*. 2016. V. 78. P. 48–59. DOI: 10.1016/j.trac.2015.07.019
31. Salisbury R.B. Interpolating geochemical patterning of activity zones at Late Neolithic and Early Copper Age settlements in eastern Hungary // *Journal of Archaeological Science*. 2013. V. 40. P. 926–934. DOI: 10.1016/j.jas.2012.10.009
32. Homburg J.A., Sandor J.A. Anthropogenic effects on soil quality of ancient agriculture systems of the American Southwest // *Catena*. 2011. V. 85. P. 144–154. DOI: 10.1016/j.catena.2010.08.005
33. Chernysheva E., Korobov D., Khomutova T., Fornasier F., Borisov A. Soil microbiological properties in livestock corrals: An additional new line of evidence to identify livestock dung // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2021. V. 37. P. 103012. DOI: 10.1016/j.jasrep.2021.103012.
34. Schinner F., Kandeler E., Ohlinger R., Margesin R. *Methods in Soil Biology*. Springer-Verlag, Berlin Heidelberg, New York, 1996.
35. Каширская Н.Н., Плеханова Л.Н., Чернышева Е.В., Ельцов М.В., Удальцов С.Н., Борисов А.В. Пространственно-временные особенности фосфатазной активности естественных и антропогенно-преобразованных почв // *Почвоведение*. 2020. № 1. С. 89–101. DOI: 10.31857/S0032180X20010098
- The impact of carbon farming practices on soil carbon in northern New South Wales. *Soil Research*. 2013, 51: 707–718. DOI: 10.1071/SR13043
28. Margenot AJ, Nakayama Y, Parikh SJ. Methodological recommendations for optimizing assays of enzyme activities in soil samples. *Soil Biol Biochem*. 2018, 125: 350–360. DOI: 10.1016/j.soilbio.2017.11.006
29. Gallelo G, Pastor A, Diez A, La Roca N, Bernabeu J. Anthropogenic units fingerprinted by REE in archaeological stratigraphy: Mas d'Is (Spain) case. *Journal of Archaeological Science*. 2013, 40:799-809. DOI: 10.1016/j.jas.2012.10.005
30. Pastor A, Gallelo G, Cervera ML, de la Guardia M. Mineral soil composition interfacing archaeology and chemistry. *Trends in Analytical Chemistry*. 2016, 78: 48–59. DOI: 10.1016/j.trac.2015.07.019
31. Salisbury RB. Interpolating geochemical patterning of activity zones at Late Neolithic and Early Copper Age settlements in eastern Hungary. *Journal of Archaeological Science*. 2013, 40: 926–934. DOI: 10.1016/j.jas.2012.10.009
32. Homburg JA, Sandor JA. Anthropogenic effects on soil quality of ancient agriculture systems of the American Southwest. *Catena*. 2011, 85: 144–154. DOI: 10.1016/j.catena.2010.08.005
33. Chernysheva E, Korobov D., Khomutova T, Fornasier F, Borisov A. Soil microbiological properties in livestock corrals: An additional new line of evidence to identify livestock dung. *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2021, 37:103012. DOI: 10.1016/j.jasrep.2021.103012.
34. Schinner F, Kandeler E, Ohlinger R, Margesin R. *Methods in Soil Biology*. Springer-Verlag, Berlin Heidelberg, New York, 1996.
35. Kashirskaya NN, Plekhanova LN, Chernysheva EV, Eltsov MV, Udaltsov SN, Borisov AV. Temporal and spatial features of phosphatase activity in natural and human-transformed soils. *Eurasian Soil Science*. 2020, 53(1): 97–109. DOI: 10.1134/S1064229320010093

Поступила в редакцию 15.07.2022

Принята в печать 12.09.2022

Опубликована 25.12.2022

Received 15.07.2022

Accepted 12.09.2022

Published 25.12.2022

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1841014-1036>

Исследовательская статья

Леонид Сергеевич Ильюков
к.и.н., старший научный сотрудник,
Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
leonidilukov@gmail.com

Андрей Юрьевич Мельников
старший археолог,
ООО «ОКН-проект», Ростов-на-Дону, Россия
andrey_melnikov_v@mayl.ru

ПОГРЕБЕНИЯ С НОЖЕВИДНЫМИ ПЛАСТИНАМИ ИЗ ПОДОНЬЯ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Аннотация. В степях Восточной Европы обнаружена целая серия погребений в простых ямах, в которых умерших хоронили в положении на спине, с поджатыми ногами, коленями вверх. Вытянутые или полусогнутые руки лежали вдоль туловища, их кисти находились около бедер, иногда в районе паха. Там же находилась кремневая ножевидная пластина. Костяки были обильно окрашены охрой. Погребенный из Луковского I могильника в Моздокском районе Республики Северная Осетия-Алания, исследованного в 2017 г. археологической экспедицией ООО «ОКН-проект» (Ростов-на-Дону) дополняет эту серию захоронений, которые С.Н. Кореневский относит к доямному времени. Использование ножевидных пластин в погребальном обряде не ограничено рамками энеолитического времени. Они встречаются в погребениях эпохи средней бронзы. Поскольку для данной выборки характерно положение умерших в простых ямах, сомнительно включать в нее подбойные и катакомбные конструкции, в которых встречены архаичные элементы погребального обряда и инвентаря. Кремневый нож с кожаной рукоятью являлся не только «мясным ножом», но и инструментом для проведения хирургических операций. Им проводили операции по нанесению на поверхность кожи нарезов (татуировки), а также для выполнения ритуалов, связанных с фаллическими культами, сложившихся в патриархальном обществе, где возросла роль мужчин. Размещение кремневой пластины между бедер, в районе паха, между ладонями, позволило предположить о ее знаковом назначении. Кремневым лезвием совершали обрезание крайней плоти, совершая ею жертвоприношение в культовых целях.

Ключевые слова: эпоха энеолита-ранней бронзы; протоямная культура; прямоугольная яма; ножевидная пластина; кремневый нож – инструмент для хирургических операций.

Для цитирования: Ильюков Л.С., Мельников А.Ю. Погребение с кремневыми ножевидными пластинами из Подонья и Северного Кавказа // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 1014-1036. doi: 10.32653/CH1841014-1036

© Ильюков Л.С., Мельников А.Ю., 2022
© Сефербеков М.Р., перевод, 2022
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1841014-1036>

Research paper

Leonid S. Ilykov,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher
Southern Scientific Center of RAS, Rostov-on-Don, Russia
leonidilukov@gmail.com

Andrey Yu. Melnikov,
Senior Archeologist
LLC “OKN-Proekt”, Roston-on-Don, Russia
andrey_melnikov_v@mayl.ru

BURIALS WITH KNIFE-SHAPED BLADES FROM THE DON REGION AND THE NORTH CAUCASUS

Abstract. In the steppes of Eastern Europe, a whole series of burials were uncovered in simple pits, in which the deceased were buried on their backs, with their legs tucked up, knees up. Their outstretched or half-bent arms lay along the body, hands near the hips, sometimes in the groin area. A flint knife-shaped blade was also discovered there. The bones were richly dyed with ochre. The buried from the Lukovsky I burial ground in the Mozdok district of the Republic of North Ossetia-Alania, explored in 2017 by the archaeological expedition of LLC “OKN-Proekt” (Rostov-on-Don) complements this series of burials, which S.N. Korenevsky attributes to the proto-Yamna period. The use of knife-shaped blades in the funeral rite is not limited to the framework of the Eneolithic period. They are also found in the burials of the Middle Bronze Age. Since this sample group is characterized by the position of the deceased in simple grave pits, it is questionable to include in it undercut and catacomb structures, in which archaic elements of the funeral rite and grave goods are found. A flint knife with a leather handle was not only a “meat knife”, but also a tool for performing surgical operations. It was used to perform operations to apply cuts (tattoos) to the surface of the skin, as well as to perform rituals associated with phallic cults that emerged in a patriarchal society, where the role of men increased. The placement of a flint blade between the thighs, in the groin area, between the palms, suggests its symbolic meaning. A flint blade was used in performing circumcision of the foreskin, in cult sacrifice.

Keywords: Eneolithic-Early Bronze Age; proto-Yamna culture; rectangular pit; knife-shaped blade; flint blade – tool for surgical operations.

For citation: Ilykov L.S., Melnikov A.Yu. Burials with knife-shaped blades from the Don region and the North Caucasus. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2022. Vol. 18. N. 4. P. 1014-1036. doi: 10.32653/CH1841014-1036

© Ilykov L.S., Melnikov A.Yu., 2022
© Seferbekov M.R., translation, 2022
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2022

На заре бронзового века в восточно-европейских и в предкавказских степях были распространены памятники протоямной культуры [1].

В 2017 г. в Моздокском районе Республики Северная Осетия-Алания около ст. Луковской был исследован курганный могильник Луковской I, расположенный на левом берегу р. Терек (рис. 1; 2).

Курган 1 имел высоту – 0,7 м, диаметр – 30 м. В нем открыто три насыпи, насыпь 1 являлась древнейшей и состояла из серо-коричневого суглинка. Ее высота – 0,56 м. Под ней находилось основное погребение 12. Впускное погребение 9 прорезало первоначальную насыпь¹.

Погребение 9. Глубина – 2,16 м от Цо. Оно расположено в 3 м к юго-востоку от погребения 12. По верху яма имела овальную форму со скругленными углами, вытянутую по линии В–З. Ее размеры – 1,9×2,0 м. Со всех сторон она имела заплечики шириной 0,37–0,45 м. На них опиралось деревянное перекрытие. Глубина ямы ниже заплечиков – 0,63 м. На дне обнаружен скелет подростка 12–15 лет². Погребенный лежал на спине скорченно, коленями вверх, головой ориентирован на В. Руки были вытянуты вдоль туловища. По дну могилы отмечены розовые и коричневые пятна. Вдоль левого предплечья найдены 5 астрагалов овцы (рис. 3–5).

Погребение 12 открыто в юго-западном секторе на глубине 1,75 м от Цо. Подпрямоугольная яма длинной осью ориентирована по линии ВСВ–ЗЮЗ. Ее размеры – 2,2×1,4 м. Глубина – 0,55 м (1,7 м от Цо). В ее заполнении встречались древесные угли. На дне лежал скелет мужчины 25–35 лет. Умерший был положен на спину скорченно, коленями вверх, головой ориентирован на ВСВ. Кисти рук находились в районе паха. Череп со следами травм, две на лобной кости и две на теменной. Правая большеберцовая кость была сломана при жизни человека. На костях скелета туловища и под ними прослежены толстые линзы красной краски толщиной до 2 см (рис. 6; 7; 10).

В районе паха между кистей рук был зафиксирован проксимальный конец светло-серой кремневой пластины, лежавшей на ребре. По-видимому, этот конец являлся рукоятью и был обмотан кожаным ремнем. Ее длина – 7,4 см (рис. 8; 11).

На дне могилы прослежено пятно красной краски (8×20 см, толщиной до 2 см). Оно зафиксировано вдоль правой руки и обрывается у правого предплечья рядом с крупным «яйцом», скорлупа которого была сделана из слоя коры. Содержимое «яйца» состояло из желтой и красной прослоек. Его размеры – 12×9×8 см (рис. 9). Возможно, пятно красной краски и «яйцо с краской», расположенные вдоль руки погребенного, являлись символической антропоморфной фигуркой, которая ориентирована на ВСВ. Рядом с ней находились останки человека с травмированной головой.

Оба погребения в этом кургане, судя по погребальному обряду, близки между собой, но стратиграфически разновременные. Интересен яйцеобразный предмет с коричневой коркой, который содержал порошок краски. Аналогичный предмет в виде необожженного илистого комка, найденный в катакомбе в могильнике «Новый», содержал квадратный кузовок, на дне которого лежали три миниатюрные сырцовые антропоморфные статуэтки [2, с. 106, рис. 2, 5]. В одном из северокавказских погребений около алебастровых статуэток была обнаружена имитация половинки «скорлупы ореха» из керамики. На ее выпуклой поверхности имеется крестовидный узор в виде пары прочерченных линий, которые пересекают валик, покрытый ленточкой

1. Ильюков Л.С. Отчет о проведении спасательных археологических полевых работ (раскопок) на курганных могильниках «Луковский-I», «Луковский-II» и «Курган 5 у п/ст. Луковский» в Моздокском районе Республики Северная Осетия-Алания в 2017 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 56595. Т. 3. Рис. 20, 22.

2. Антропологическое определение выполнено к.б.н. Е.Ф. Батиевой.

с насечками, имитировавшими веревочку. На концах валика была проткнута пара отверстий для подвешивания скорлупки³. По мнению А.А. Клещенко, это была керамическая модель колыбели [3, с. 36]. У восточнославянских народов настоящее или глиняное яйцо вместе с покойником клали в гроб, поскольку оно являлось символом воскрешения [4, с. 170]. В Луковском погребении использовался футляр в виде «яйца», половинки которого были сделаны из коры. В нем находился порошок крашки. Ею был посыпан умерший для символического воскрешения в мире предков.

А.Л. Нечитайло и С.Н. Корневский отметили целый ряд погребений с ножевидными пластинами из ранних погребальных комплексов [1; 5]. Они отмечены в большом своде донских погребений, составленном А.В. Файфертом [6]. В этих работах имеются планы размещения комплексов на территории данного региона. Такие комплексы вошли в каталог новоданиловских памятников [7]. Отметим ряд комплексов в простых могильных ямах. Умерших хоронили в скорченном положении на спине, коленями вверх, головой ориентировали на В. В данных захоронениях часто использовали охру.

Веселая Роща II кург. 15 погр. 1. На груди погребенного находилась пектораль из клыка кабана. У левого локтя, поперек груди лежала пластина длиной 11 см [8, с. 173, 174].

Веселая Роща III кург. 24 погр. 3. Около темени погребенного обнаружены два фрагмента пластины длиной 10 см. Рядом с ней найдена пластина длиной 8 см, у левой ключицы – ретушированная пластина с острыми концами длиной 11 см [9, с. 136, 137, рис. 16, 3–6; 17, 1–3].

Комарово кург. 2 погр. 18. В правой кисти лежала ретушированная пластина с острыми концами длиной 13 см. У правого плеча – две короткие пластины с притупленными краями, длиной, соответственно, 5 и 8 см.

Комарово кург. 7 погр. 9. У левого плеча погребенного – пластина с острым концом длиной 17,2 см [1, с. 24, рис. 16, 1 – 3].

Галюгаевская кург. 1 погр. 4. Около таза найдена пластина с отломанным дистальным концом, дл. – 5 см [1, с. 22, рис. 13, 2,3].

Прогресс-2 кург. 1 погр. 37. У правого запястья обнаружена пластина, дистальным концом обращенная к правому бедру, по-видимому, ее рукоять находилась около кисти. Боковые грани и конец пластины покрыты ретушью, дл. – 12,2 см. Около этой же кисти найдена пластинка без ретуши длиной 6,7 см [10, с. 156, рис. 2].

Прогресс-2 кург. 4. В кургане открыто два погребения с ножевидными пластинами. Погр. 9 и 12 были одновременными, поскольку в этих погребениях найдены два фрагмента керамики от одного сосуда.

Погр. 9. У южной стенки найдена пластина без ретуши, длина – 14 см [10, с. 157, рис. 5].

Погр. 12. Около левого локтя лежала не ретушированная пластина длиной 13,6 см. Дистальным концом она упиралась в бок погребенного. Радиоуглеродная дата этого погребения – 4228-4066 ВС [10, с. 157, 158, рис. 6].

Константиновское плато кург. 6. В кургане открыто два погребения с ножевидными пластинами.

Погр. 26. В руке найдена пластина длиной 8 см, ее проксимальный конец имел кожаную рукоять, а дистальный был направлен к ногам [10, с. 160, рис. 8; 9].

Погр. 28. У правой кисти найдена пластина, у которой скошен дистальный острый конец, длина – 8 см [10, с. 160, 161, рис. 10; 11].

3. Благодарю за любезное сообщение В.А. Бабенко.

Верхний Акбаш курган погр. 11. У кисти правой руки лежала пластина длиной 8,5 см, ее проксимальный конец обломан [1, с. 21, 22, рис. 10, 1–5].

Новый Аршти (Бамутский могильник) кург. 6. Скелет на спине, скорчен, головой на ЮЗЗ. У правого плеча находилась пластина с острым концом, одна ее боковая грань ретуширована [11, с. 139, 140, рис. 49, 2; табл. XXI, II].

Кызбурун курган погр. 23. В левой кисти пластина с острым концом, длиной 10,8 см [1, с. 27, рис. 12, 1-3; 12, с. 106].

Суворовский кург. 1 погр. 4. В правой руке – пластина с острым концом длиной 19 см [13, с. 5, рис. 3, 1, 2].

Кастырский VIII кург. 13 погр. 2. На поясничных позвонках лежала пластина длиной 7 см, дистальный конец прямой, один край частично ретуширован [14, с. 22, рис. 4-9].

Кастырский VIII кург. 14 погр. 15. Под бедренными костями, в районе паха, обнаружена пластина длиной 10,9 см, ее обе грани и дистальный конец частично ретушированы [14, с. 22, рис. 5].

Красногоровка III кург. 5 погр. 8. Среди фаланг правой руки находилась пластина длиной 10 см, дистальный конец острый [5, с. 49, рис. 6, 1-3].

Красногоровка III кург. 5 погр. 17. Около правой кисти и под правой тазовой костью найдены два фрагмента пластины длиной 9 см [5, с. 49, 50 рис. 6, 4, 5; 6, с. 247, 248].

Мухин I кург. 3 погр. 6. На поясе находился пластинчатый нож, обе грани которого частично ретушированы. Дистальный конец прямой, длина ножа 14,8 см [15, рис. 7, 3, 4].

Золотые горки погр. 4 (1988 г.). На правой подвздошной кости найдена частично ретушированная пластина длиной 7 см. В заполнении ямы обнаружен обломок пластинки длиной 1,7 см [16, с. 98, рис. 1, 4; 2, 2].

Москва I кург. 1 погр. 6. На древнем горизонте зафиксированы кости овцы (конечности и таз) и 19 кремневых находок (4 нуклеуса с негативами от пластин длиной 5–6 см). Основное погр. 6 перекрывало безинвентарное погр. 7, в котором умерший имел аналогичную описанным позу. В погр. 6 обнаружена пластина длиной 18,7 см, с боков ее проксимальный конец подправлен ретушью. Пластина лежала вдоль правой кисти руки и была придавленная фалангой большого пальца, который находился на ее рукояти [17, с. 120, рис. 4, 4, 5; 24].

Кобяковское городище, некрополь (2004 г.) кург. 1. В кургане были открыты два погребения с одинаковым обрядом (погр. 5 и 7). В погр. 5 найден фрагмент пекторали [6, с. 132, 133, рис. 97]. Погр. 7 – на перекрытии, которое опиралось на заплечики, лежал череп быка. В районе таза – пластина с ретушированным концом. Следы ретуши есть на ее гранях в средней части предмета и на ее обушке, который являлся рукоятью; дл. – 22,4 см [6, с. 133, рис. 97].

Недвиговка кург. 29 погр. 1. Парное захоронение взрослых, ориентированных на ССЗ. Около предплечья одного из погребенных найдена пластина с обломанным концом длиной 7 см [18, с. 156, 157, рис. 3].

Богоявленовский I кург. 26 погр. 33. Разрушенное погребение. Пластина с ретушированными гранями, острый дистальный конец двусторонне ретуширован, что позволяет рассматривать пластину как «кинжал»; дл. – 14 см [6, рис. 136].

Лаповский I кург. 1 погр. 1. На поясе обнаружена дуговидная пластина длиной 14,6 см, грани которой частично ретушированы; в стороне от нее, в районе паха, найдена вторая пластина длиной 12,1 см без ретуши [6, с. 207, рис. 156].

Кулешовка 1 (1982 г.) кург. 1 погр. 34. У правого локтя – ретушированная пластина длиной 10,3 см, дистальный конец ретуширован со спинки и брюшка [19, рис. 19, 8, 9].

Тузлуки кург. 9 погр. 27. Умерший скорчен на правом боку, головой ориентирован на З. На грудной клетке найдена пластина с острым дистальным концом длиной 8,7 см [6, с. 344, рис. 145].

Ажинов II кург. 2 погр. 5. Могильная яма, расположенная над просевшей катакомбной камерой, была ошибочно описана как яма с нишей-подбоем [20, табл. II, 1, 3]. Погребенный лежал на спине, скорченно, головой ориентирован на СЗ. В заполнении ямы найдены два фрагмента пластины длиной 4,5 см [6, с. 385, рис. 286; 20, с. 15, табл. VI, 13, 14].

Саванский I кург. 4 погр. 22. Скелет взрослого человека, ориентированный головой на З. В заполнении ямы найдена пластина длиной 3,5 см, дистальный конец которой фрагментирован [6, с. 391, рис. 291].

Рябичев кург. 3 погр. 21. Скорченный костяк ориентирован на ЮЗ. В изголовье обнаружен кремневый конический нуклеус, с которого скалывали пластины длиной 2,5 см. У левого плеча найдены две пластины длиной 6,3 см и 6,5 см [21, с. 41, 42, рис. 12, 1-6].

Попов кург. 31/7 погр. 4. Скелет ребенка, ориентированный на С. Рядом – кремневые пластинки длиной 8 см. [22, с. 384–386, рис. 27].

Тоннельный-6 кург. 1 погр. 6. Под правой кистью погребенного находился проксимальный конец пластины, лежавшей на ребре, длина пластины 14,2 см. Края подправлены ретушью [1, с. 30, рис. 26; 27].

Перегрузное кург. 13 погр. 7. Около черепа лежал обломок пластинки с ретушированными краями, длина – 8 см. Вдоль правой кисти лежал кремневый кинжал с ретушированными краями и острым концом, длина кинжала 24,6 см. По-видимому, его рукоять касалась указательного пальца правой руки [1, с. 37, рис. 37, 1, 5-20].

Батуриная II кург. 3. В кургане открыты два погребения с ножевидными пластинами (погр. 14 и 30).

Погр. 14. В области паха находилась пластина со скошенной гранью одного из дистальных концов длиной 8 см [1, с. 38, 39, рис. 38, 1, 2; 23, рис. 1, 16].

Погр. 20. В области паха находилась пластина, у которой ретуширован один продольный край длиной 16 см [1, с. 38, 39, рис. 38, 3,4; 24, рис. 1, 31].

Отличительным признаком этой выборки является наличие в погребальном инвентаре кремневых ножевидных пластин, которые обычно использовали как мясной нож. Во время обряда инициации такими пластинами могли наносить нарезки на теле человека, чтобы в дальнейшем эти знаки позволили умершему «отыскать» своих предков в мире мертвых⁴.

С.Н. Корневский обратил внимание, что существовала связь между погребенными и ножевидными пластинами. По-видимому, она была обусловлена мифологическим мышлением древних людей. В его выборке в 28 случаях ножевидная пластина была вложена в правую кисть погребенного, или находилась у его бедра [1, с. 94]. В раннем бронзовом веке кремневая ножевидная пластина уступила место бронзовым ножам.

В данной выборке умерших с восточной ориентировкой хоронили в простых могильных ямах в скорченном положении на спине, ноги были согнуты, колени

4. Нож (праслав. «пожь» от «poziti» – «протыкать; пронзать») – это прежде всего колющий (исходя из этимологии слова), а также режущий инструмент. По-видимому, индоевропейское колюще-режущее орудие (h)nsi, «меч» первоначально являлось кремневым ножом или кинжалом [24, с. 436]. Древнеиндийское боевое оружие asi – «меч», «резать», латинское assis – «меч».

подняты вверх. Вытянутые или полусогнутые руки лежали вдоль туловища, их кисти помещали около бедер или в районе паха. Между кистями находилась ножевидная пластина. Только благодаря рукояти, ее лезвие сохраняло в могиле положение «на ребре», редко фиксируемое во время археологических раскопок (Луковский I, Тоннельный-6). Нередко нож находился в области паха (Батуриная I, Мухин I, Красногоровка III кург 5 погр.8, Кастырский VIII кург. 14; Кобяковское городище, некрополь; Константиновский I; Константиновское плато), в ногах (Танаис) или на поясничных позвонках (Кастырский VIII кург. 13). У одного погребенного ноги распались ромбом; в этом погребении инвентарь состоял из двух пластин: одна была не ретушированной и находилась в районе паха, а вторая, с ретушированными краями, оказалась в районе таза, но в стороне от области паха. Реже пластину оставляли около правой кисти (Перегрузное кург. 13, Тоннельный, Суворовская, Прогресс-2, Константиновское плато, кург. 6) или под ней (Москва I). Иногда ее помещали в левой кисти (Кызбурун), или оставляли рядом с ней (Веселая Роща II), или около левого локтя (Прогресс-2 кург. 4). Если в погребении нож находился между ладонями, то его острый конец был ориентирован на ступни погребенного. В могильнике «Новый» футляр с бронзовым ножом находился на поясе манекена. В редких случаях концы длинной пластины приострены, ее края ретушированы. Вероятно, такую пластину можно рассматривать как лезвие кинжала. Он был у левой ключицы (Веселая Роща III) или в правой кисти (Комарово кург. 2). В двух случаях треугольный конец пластины имел подтеску с обеих сторон, что позволяет рассматривать ее как кинжал (Кулешовка I, Богоявленовский I). Аналогично был оформлен конец мухинской обсидиановой пластины.

Во время погребального обряда иногда пластину ломали и оставляли в разных местах могильного пространства (Шляховский, Галюгаевская, Верхний Акбаш, Красногоровка III, кур. 5 погр. 17).

Ряд погребений с западной ориентировкой, по-видимому, датируются более поздним временем, чем ориентированные на восток умершие (Тузлуки кург. 9; Саганский I). В двух могилах короткие пластинки находились у локтя (Ажинов II), у левого (Рябичев) или правого плеча (Новый Аршти кург. 6). Детское погребение с северной ориентировкой из могильника у хут. Попов сопровождалось остродонным сосудом и пластинами с тремя сечениями.

В одном случае около «пакета» человеческих костей, обнаруженного в нише (?), оказались две длинные пластины, а около них еще 15 коротких пластинчатых сечений (Перегрузное кург.10 погр. 7). К раннему бронзовому веку относится захоронение, обнаруженное у хут. Верхне-Подпольный, где в прямоугольной яме находился скелет, скорченный на правом боку, ориентированный головой на З. В его изголовье стояла двуручная корчага с жемчужным орнаментом. На правом плече погребенного лежала слабо изогнутая костяная пластина с треугольным сечением. Вероятно, она была имитацией кремневой пластины [19, с. 107, 108, рис. 81, 2; 84, 1].

В одном погребении, под коленями умершего оказался диоритовый скипетр (Шляховский), в другом – костяной стержень с уплощенным навершием (Комарово кург. 2) или длинной берцовой костью дрофы (?) (Комарово кург. 7). Аналогичный костяной стержень длиной 17,3 см с таким же навершием был обнаружен у хут. Западники (кург. 1 погр. 11) [19, с. 60, 69, рис. 33, 8].

Редко в погребении находят нуклеусы. В Берданосовском погребении найдены 4 кремневых нуклеуса клиновидной и призматической формы для скалывания пластин длиной 12,0–10,5 см [25, с. 147–148, рис. 1]. Иногда на древнем горизонте находят

следы производства, среди которых представлены и клиновидные нуклеусы. Рядом с ними располагалась могила, инвентарь которой содержал ножевидную пластину [17, рис. 1. 8, 9; 4, 4, 5].

В Предкавказье наиболее длинные экземпляры превышают в длину более 15 см, на Нижнем Дону известны находки более 20 см, а в Варненском могильнике – более 40 см [1, с. 75, 85].

Интересна встречаемость топоров, наконечников стрел и пластин.

Кремневые клиновидные топоры найдены у левого локтя погребенного (Красногоровка III кург. 5 погр. 8), под тазом (Верхний Акбаш), на груди или у правого плеча (Комарово кург. 2 погр. 18; Кастырский VIII кург. 14 погр. 15). Отметим два погребения в кург. 3 Шляховского могильника. В одном из них (погр. 3) около скелета мужчины под «лепешкой» из охры, расположенной под костями согнутых ног, обнаружен диоритовый скипетр. Под ним лежал кремневый треугольный наконечник дротика, а рядом три кремневых пластинчатых скола и длинная сломанная ножевидная пластина. Проксимальный конец данной пластины найден в соседнем погр. 4, которое было совершено по аналогичному обряду. В этом погребении около правого колена лежал трапецевидный кремневый топор с отшлифованным лезвием. А в погр. 3 из этого кургана у правого плеча погребенного лежали два топора: кремневый и аргиллитовый.

Треугольные наконечники стрел зафиксированы в трех комплексах (Красногоровка III; Веселая Роща III; Перегрузное). В каждом из них ножевидная пластина оказалась сломанной. В погребении у Верхнего Акбаша проксимальный конец ножевидной пластины был обломан, тогда как в галюгаевском кургане отломанным оказался дистальный конец. В Золотых горках найден небольшой фрагмент кремневой пластины. Традиция ломать ножевидную пластину во время погребального ритуала сохраняется в эпоху ранней бронзы (Сагванский I кург. 4; Ажинов II кург. 2).

В эпоху меднокаменного века изменения в социальной жизни людей проявились и в погребальной практике. Появляются кенотафы. Иногда умершего заменяла погребальная кукла, которая сопровождала останки погибших людей. Особое место отводилось сценам ритуального повреждения некоторых вещей, в том числе кремневых ножей.

В могильнике «Новый» в кург. 132 обнаружен кенотаф (погр. 13), рядом с двумя могилами (погр. 23 и 25), в которых находились останки людей, погибших от стрел с кремневыми флажковидными наконечниками. В погр. 13 кукла, сделанная из органического материала, была украшена большим ожерельем из зубов оленя, а пояс перетянут лентой, расшитой вертикальными рядами пастового бисера. К ней крепился бронзовый нож, который напоминает двусторонне ретушированные кремневые ножи [26, с. 38, рис. 10, 9; 11, 2]. Около ожерелья была найдена прямоугольная пластинка из клыка животного (символ пекторали?) и костяная проколка, а около пояса – бронзовая дуговидная проколка. В этом погребении рядом с «антропоморфной фигурой» обнаружены кремневые наконечники: две половинки сломанного листовидного наконечника копья и два флажковидных наконечника стрел, один из которых не был завершен.

На Нижнем Дону В.Я. Кияшко впервые выделил группу энеолитических погребений, для которой были типичны скорченные положения на спине или левом боку и восточная ориентировка. Среди погребального инвентаря он отметил кремневые орудия на пластинах [27, с. 12]. Яценко В.С. отнес погребения с ножевидными пластинами в первую группу донских энеолитических погребений [19, с. 49].

Действительно ли в это время в степях Восточной Европы и в Предкавказье существовало несколько форм погребальных сооружений, от простой ямы до сложной конструкции в виде катакомбной могилы?

Наряду с простыми могильными ямами здесь были обнаружены ямы с подбоем (Айгурский кург. 2 погр. 17; Курсавский-3 кург. 1 погр. 15; Кардонинская, погр. 2; Перегрузное кург. 10 погр. 7; Шарахалсун-3 кург. 5 погр. 8), и более сложные конструкции в виде катакомб (Мухин II погр. 9; Джурджулешти погр. 1, 2, 3).

Айгурский-2 кург. 17 погр. 6. В подовальной яме стенки были прослежены на глубину 0,3–0,4 м. Дно разделено поперечной ступенькой на две половины. Высота ступеньки – 0,1 м. Являлась ли углубленная часть ямы подбоем? Под слоем суглинка, обильно насыщенным охрой, в ней был обнаружен скелет человека. Над скелетом «в верхних слоях заполнения» [1, с. 20] были камни. Вертикальные стенки «подбоя» не имели следов потолка, сам «колодец» пересекала широкая нора⁵. Умерший был похоронен на спине, в скорченном положении, коленями вверх, головой ориентирован на ЮВ. Кисти рук лежали на лобковых костях. За головой обнаружена костяная пектораль, рядом с ней – костяная булава, кремневая пластина длиной 10,7 см и полусферическая медная бляшка. По-видимому, в изголовье находилась кукла из органики высотой около 30 см, и за выступ, украшенный выпуклой медной бляшкой, крепился шнур, к концам которого была подвязана серповидная пектораль из расколотого клыка кабана. В стороне от пекторали – костяная шпилька и кремневая пластина [1, с. 19–21, рис. 7, 8]. Плоское овальное навершие шпильки с одной стороны имеет ребро, расположенное по ее оси. Оно напоминает огранку спинки ножевидной пластины [1, рис. 8, 2].

Курсавский-3 кург. 5 погр. 15. На дне овальной ямы погр. 15 лежали два скелета. Один из них, расположенный вдоль восточной стенки, был похоронен на спине скорченно, коленями вверх, головой ориентирован на ЮЮВ. Руки вытянуты вдоль туловища. Второй скелет находился вдоль западного края ямы [28, с. 141]. Покойник лежал на спине, головой ориентирован на Ю. Его левая рука вытянута вдоль туловища. Оба костяка обильно покрыты охрой. У восточного скелета около правого плеча находилась пластина длиной 12 см, у западного плеча на костях грудной клетки найдена вторая пластина длиной 9,5 см. Дата по двум скелетам: 4219–3973 ВС и 4307–3997 ВС [1, с. 26, 27, рис. 18, 19].

Предположение, что погр. 15 было совершено в «Н-видной катакомбе» (или «подбоем?»), у которой колодец был разрушен двумя погр. 1 и 14⁶, требует уточнения. Оба погребения находились на одной глубине, восточнее погр. 15. Погр. 1 было вырыто в материке, над сводом катакомбы (погр. 15). Затем в северо-западный угол колодца катакомбы 15 было впущено погр. 14, в котором под правым коленом обнаружена костяная трубочка и обломок стержня длиной 11 см. Череп погр. 14 перекрывал стопы погр. 1 [1, с. 26, 27, рис. 18, 19].

Кардонинская, погр. 2. В подовальной яме одна из длинных стен была слегка подтесана ко дну. В эту нишу едва помещалось туловище скорченного скелета, ориентированного головой на З. Около черепа найдены две пластины длиной 10 см и 7 см [1, с. 39, рис. 40].

5. Бабенко В.А. Отчет об охранных раскопках курганного могильника «Айгурский-2» и курганного могильника «Айгурский-1» у совхоза Советское Руно Ипатовского района Ставропольского края. 2000 // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 23452, 23453.

6. Колесниченко К.Б. Отчет о раскопках курганных могильников в Кочубеевском (Ивановский-5, Тоннельный- 8) и Андроповском (Курсавский-3, Кунаковский-3, Кунаковский-4, Николаевский-3) районах Ставропольского края в 2007 году // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 45528–45530.

Перегрузное кург. 10 погр. 7. Форма могильной ямы не прослежена. В одной из ее стен устроена ниша (?), в которой находился «пакет» из длинных костей взрослого человека. В погребении найдены две пластины, одна из которых сломана. Кроме того, там же найдены сечения пластин, из которых могло состоять составное лезвие [1, с. 36, 37, рис. 36].

Шарахалсун-3 кург. 5 погр. 8. «Погребальное сооружение реконструируется как подбой» [1, с. 31]. В подтреугольной нише, зафиксированной вдоль одной из длинных стен, не оказалось костей человека. Они обнаружены в основной части ямы. Против правого локтя лежала пластина с прямыми концами. Ее края ретушированы, длина пластины 6,4 см [1, с. 31, рис. 29, 3,4].

Константиновский I кург. 1 погр. 8. Предположение, что к камере, в которой находился скелет человека, с юга примыкала входная яма, дно которой было на 6–7 см ниже дна камеры, нуждается в пояснении. Стенки этих ям вертикальные. На чертеже контур северной ямы был обозначен пунктиром, как будто она являлась камерой. Было отмечено, что вдоль южной границы камеры, в заполнении обнаружены три небольших камня-известняка. Стенки обеих ям соприкасались, но их стратиграфическая последовательность не ясна.

В прямоугольной яме погребена женщина. Умершая была похоронена на спине скорченно, ее ноги лежали на правом боку, головой ориентирована на ЮВ. На черепе зафиксировано трепанационное отверстие. Кисти рук находились в районе паха. Между ладонями обнаружена пластина с косо отломанным дистальным концом длиной 7,6 см. В ногах – обсидиановый скребок и каменный пест. В головах – сосуд [10, с. 161, 162, рис. 13, 14].

Кроме «подбоев», в списке экстраординарных случаев оказались катакомбы [29]. В могильнике *Мухин II в кургане 5* обнаружены две катакомбы одного типа (погр. 9 и 30), у которых подквадратный колодец имеет ступенчатый вход в камеру трапециевидной формы, соединенной по одной оси с колодцем. Входное отверстие в камеру было перекрыто плитчатыми камнями. В погр. 9 похоронена женщина, а в погр. 30 – мужчина. Костяки окрашены красной краской. В женском погребении на поясе находилась лента из круглых бус, вырезанных из речных раковин, нанизанных на шнур, в области паха обнаружены две ножевидные пластины из кремня (дл. – 16 см) и обсидиана (дл. – 25 см). Кроме того, в изголовье найдена тонкая кремневая пластинка длиной 4 см. В мужском погребении кисть полусогнутой правой руки была положена на пах, а кисть левой руки, резко согнутой в локте, находилась у плеча. Мужской скелет лежал на решетчатой раме и был перекрыт плашками [30, с. 41, 42, 47, 48. рис. 28, 2, 29, 4–10, 35, 3, 4]. По-видимому, он находился в деревянном ящике, который являлся «символической повозкой».

Мухинскую обсидиановую пластину иногда называют крупным кинжалом (дл. – 24,5 см). Обсидиан близок к закавказским образцам (район оз. Ван), но отличается от них по коэффициенту светопреломления (определение сделано вулканологом В.В. Наседкиным).

Не всегда стенки могилы прослеживались от уровня их сооружения. Но иногда на смежных стенках, или по ее периметру, имеется один уступ. На него опиралось перекрытие могилы. Появление камерных погребальных конструкций предполагает более сложную конструкцию. Можно допустить, что идея катакомбы была конвергентной [31, с. 246]. В Восточной Европе катакомбная могильная яма являлась сложной конструкцией. Она возникла в результате развития погребальной обрядности у скотоводов, жизнь которых протекала с использованием колесного транспорта. Катакомба,

вероятно, была воплощением «символической повозки», необходимой для «путешествия» в иной мир, в который отправлялись души усопших.

В молдавском могильнике Джурджулешти были обнаружены катакомбы с вырубленными в полу камеры углублениями, в которых находились останки детей. В бассейне Нижнего Дона в мухинском кургане 5 в катакомбе коридорного типа (погр. 30) на дне камеры найден плоский квадратный ящик с останками скорченного человека и бронзовым шилом. Типологически сооружение похоже на соседнюю катакомбу 9 [30, рис. 35, 3]. Для Джурджулешти дата погр. 3 – 4459–4437 ВС [1, табл. 3, 1]. Для мухинских погребений абсолютных дат нет.

Р.Г. Магомедов считает, что нельзя исключать конвергентное происхождение катакомбной формы погребального сооружения в раннем бронзовом веке. «Одним из аргументов полицентризма в появлении катакомб считается их сооружение наподобие существовавшим жилищам, а также таким транспортным средствам кочевников, как кибитки-повозки» [31, с. 101]. Ранние катакомбы известны на Ближнем Востоке и в Восточном Средиземноморье. В степном мире жилищем являлись повозки, которые в погребальном мире трансформировались в погребальное сооружение катакомбного типа [32].

Одним из ярких памятников второй половины V тыс. до н.э. является могильник у г. Варна. Там обнаружены могилы с «масками» из не обожженной глины, снабженные деталями, выполненными из золота. В одной из престижных могил № 43 вдоль правого бедра найдены две кремневые пластины: широкая, ориентированная дистальным концом к колену, ее длина 40 см, и узкая длиной 20 см. Там же найдена третья пластина длиной 10 см, ее дистальный конец сломан. Между бедренными костями, около паха обнаружен золотой колпачок усечено-конической формы со сквозным отверстием. Его высота около 7 см. Очевидно, в этом погребении между бедер погребенного находился золотой футляр для фаллоса.

По мнению М. Гимбутас, в V тыс. до н. э. в Европе начался переход к патриархальному обществу. При доминировании мужского начала в родовом обществе проявляется особое отношение к детородному органу. Фаллический культ в образе быка-оплодотворителя получил широкое распространение у индоевропейских народов. Для сохранения сексуальной энергии прибегали к защите фаллоса. Чтобы уберечь его использовали различные приспособления в виде особых цилиндров или конусов. По-видимому, к ним относился золотой футляр для фаллоса, обнаруженный в Варнском могильнике. У народов южных морей такой футляр для пениса, сделанный из высушенного плода лагенария, или специального мешочка, украшенного лентами зигзага, назывался котека (*koteka*) или холим (*holim*). Его традиционно носили мужчины в Новой Гвинее.

В этот период развития родового общества складываются патриархальные отношения, при которых власть и общественные привилегии принадлежали мужчинами. При доминировании института мужской власти в некоторых обществах складывались особые ритуалы. Во время инициаций совершались жертвоприношения, одним из которых являлось ритуальное обрезание – удаление крайней плоти у мальчиков. Протяженность истории этих манипуляций составляет несколько тысячелетий. Документальные подтверждения обряда обрезания находят на рельефах гробниц Древнего царства в Египте (вторая пол. III тыс. до н.э.). Этот религиозный обряд присутствует в гробнице визиря Анхмахора в Саккаре. Для таких операций обязательно использовалось кремневое лезвие. В Священном Писании христиан касание каменным ножом бедер или паха было ритуальным жестом символического обрезания крайней плоти

[33]. Обрезание ее выполняли мужчины, в редких случаях женщины. Чтобы не допустить гибели сына «Сепфора, взяв каменный нож, обрезала крайнюю плоть сына своего и, бросив к ногам его, сказала: ты жених крови моей»⁷. Применение каменного орудия для обряда можно расценивать как признак глубокой древности этого священного действия. В престижном погребении из Джурджулешти в районе паха была обнаружена роговая пластина с острым концом, ориентированным к ступням, ее длина около 15 см. Она имитировала кремневую ножевидную пластину. По мнению Б. Говедарица, она являлась отполированным символическим фаллосом [34, рис. 12].

Традиция обрезания на Северном Кавказе, связанная с обрядом перехода, изменением статуса ребенка, зародилась до принятия ислама. Ее следы теряются в глубокой древности [35]. Вероятно, этот обряд инициации касался не только мужчин, но и женщин в эпоху энеолита и ранней бронзы.

Финансирование. Работа выполнена в рамках Госзадания № АААА – А20 – 120122990111 – 9.

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of the State Task no. ААААА20-120122990111–9.

7. Библия. Исход. 4. 24.

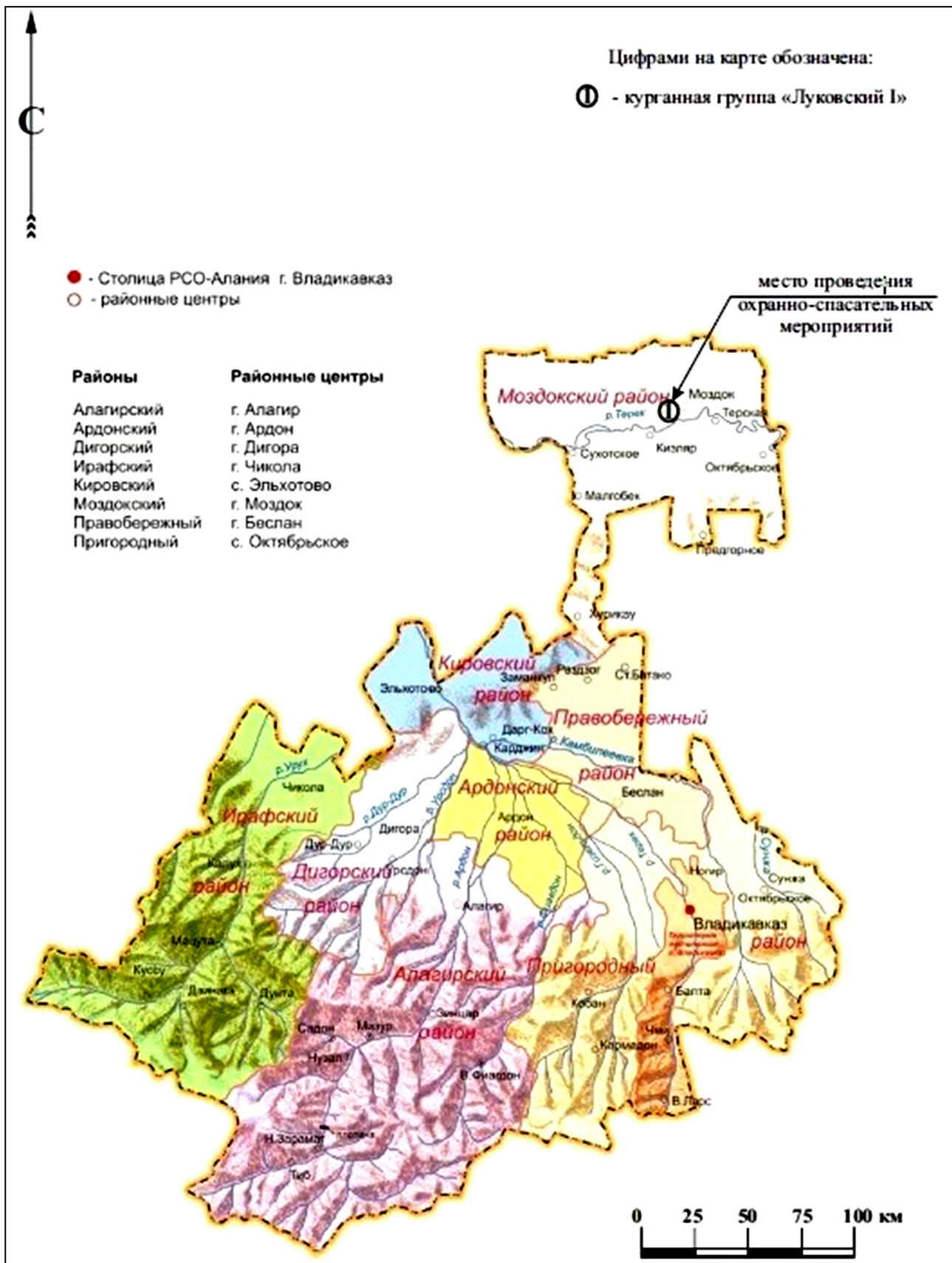

Рис. 1. Район исследований в Республике Северная Осетия – Алания

Fig. 1. Exploration area in the Republic of North Ossetia-Alania

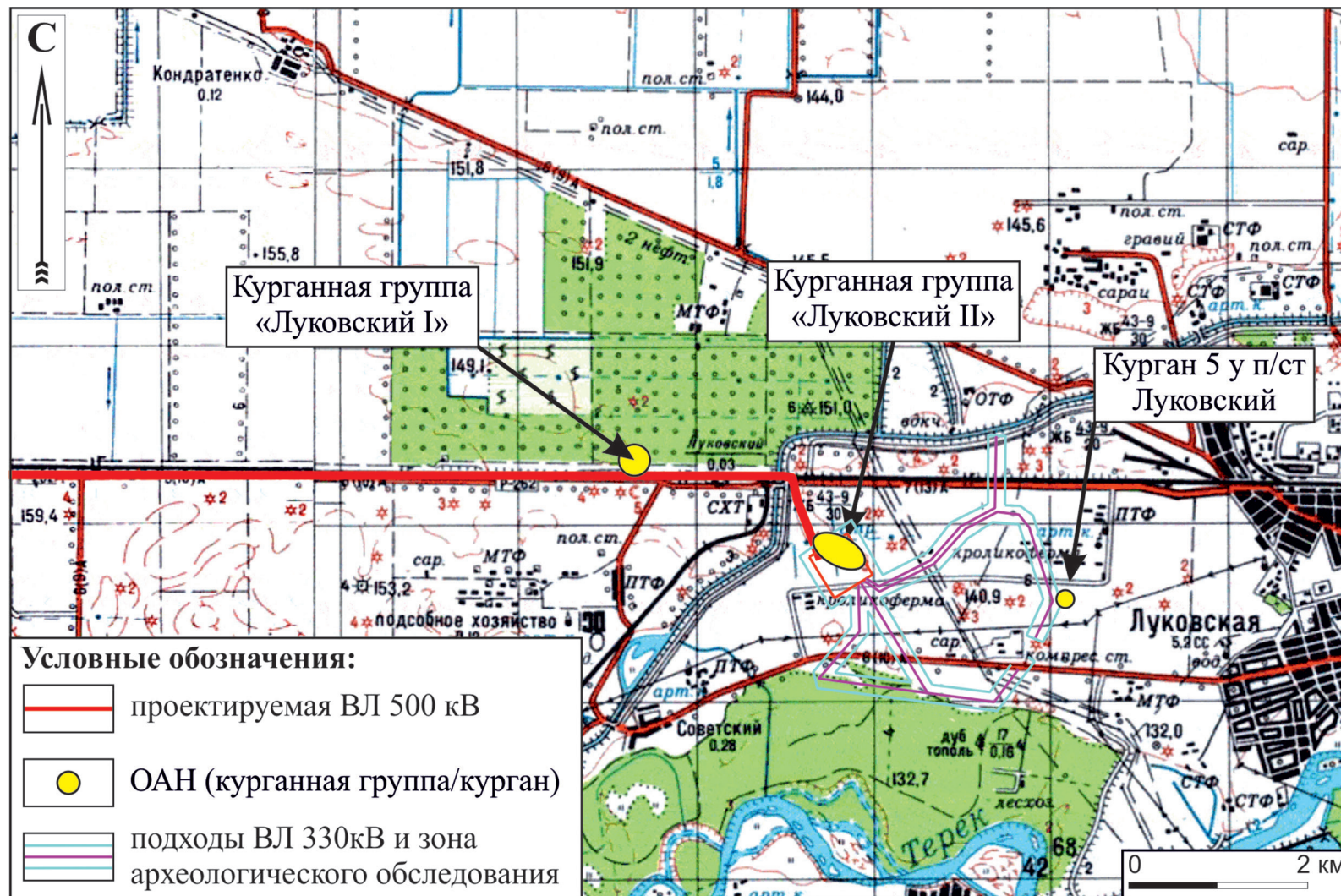

Рис. 2. Курганные группы у ст. Луковской

Fig. 2. Kurgan complex near Lukovskaya station

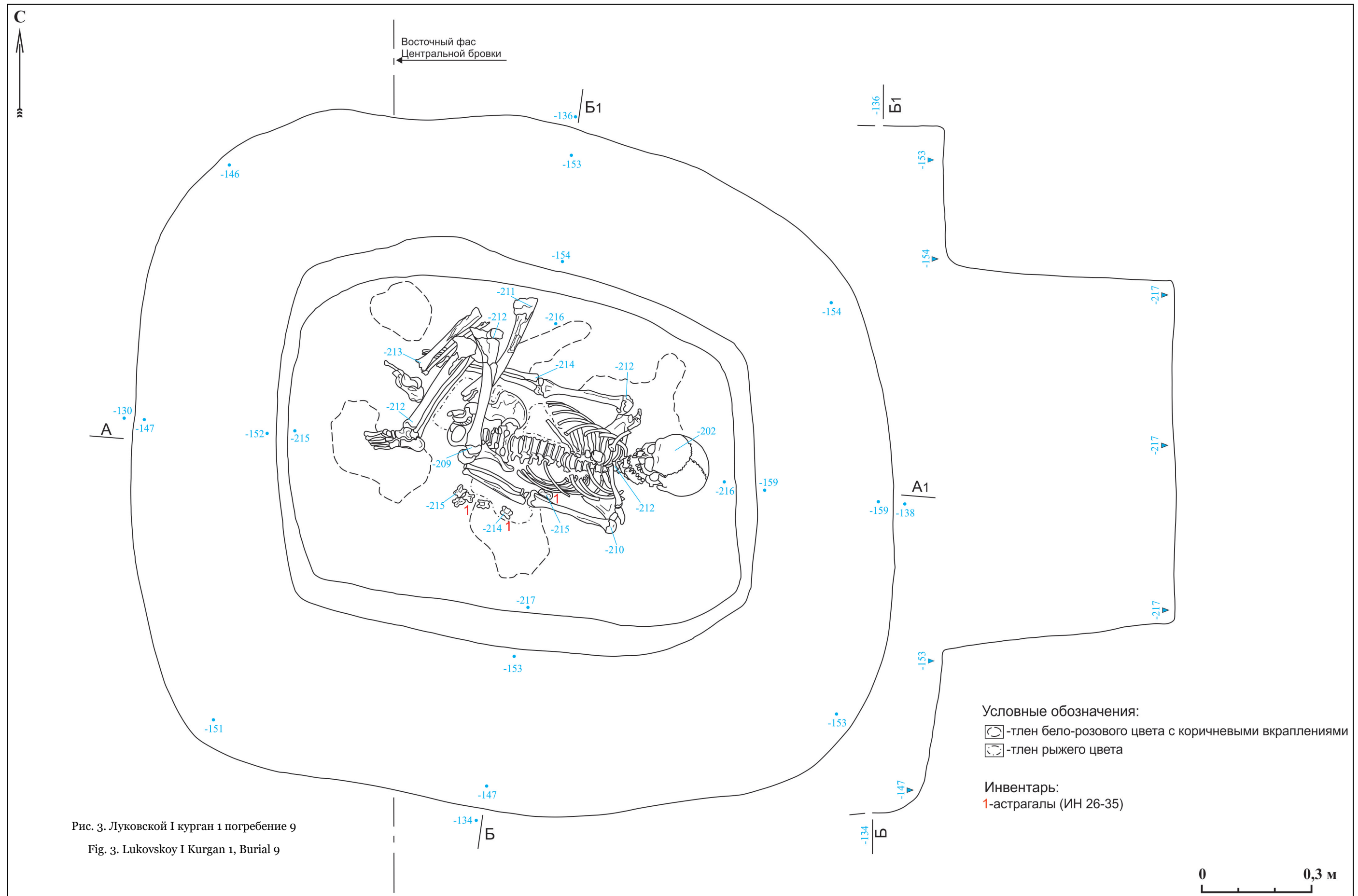

Рис. 3. Луковской I курган 1 погребение 9

Fig. 3. Lukovskoy I Kurgan 1, Burial 9

Рис. 4. Луковской I курган 1 погребение 9. Вид с Ю

Fig. 4. Lukovskoy I Kurgan 1, Burial 9. View from the south

Рис. 5. Луковской I курган 1 погребение 9. Вид с 3

Fig. 5. Lukovskoy I Kurgan 1, Burial 9. View from the west

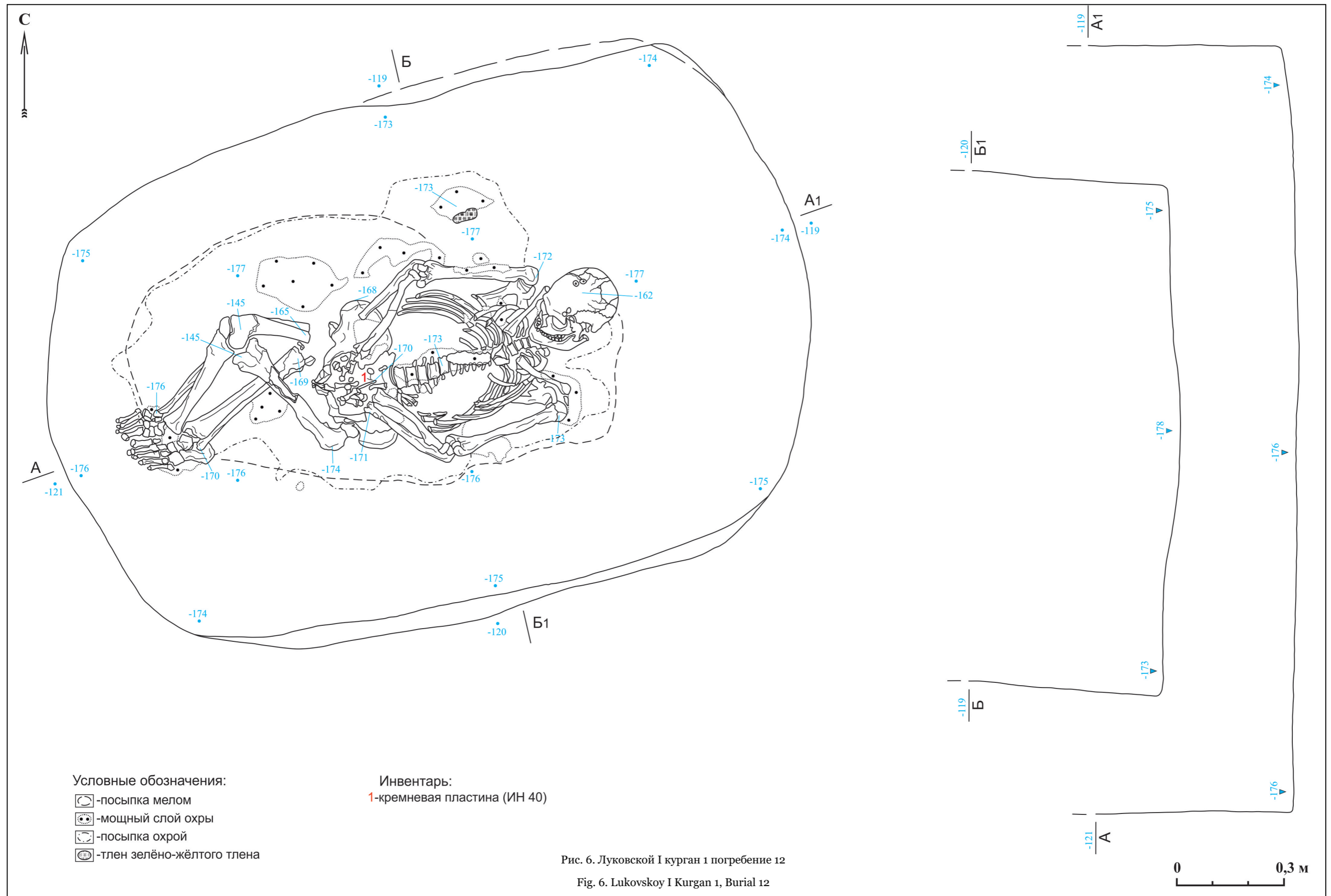

Рис. 7. Луковской I курган 1 погребение 12. Вид с Ю

Fig. 7. Lukovskoy I Kurgan 1, Burial 12. View

Рис. 8. Луковской I курган 1 погребение 12. Ножевидная пластина в области паха

Fig. 8. Lukovskoy I Kurgan 1, Burial 12. Knife-shaped blade in the groin area

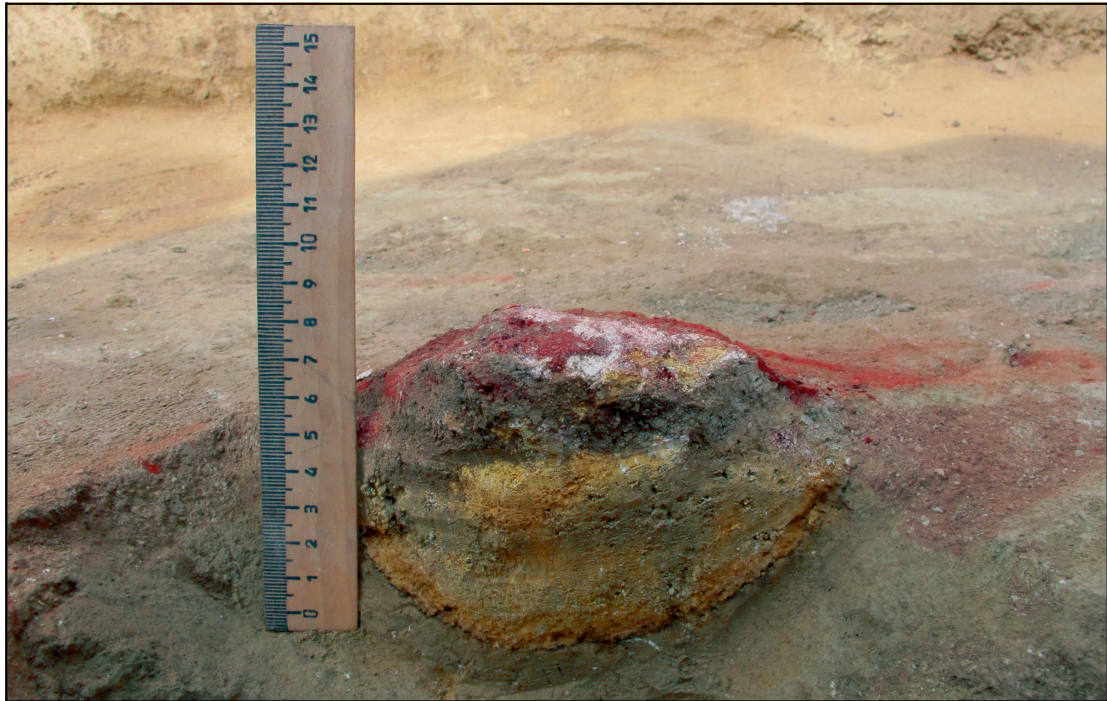

Рис. 9. Луковской I курган 1 погребение 12. Яйцевидный предмет

Fig. 9. Lukovskoy I Kurgan 1, Burial 12. Egg-shaped object

Рис. 10. Луковской I курган 1 погребение 12. Трепанация черепа

Fig. 10. Lukovskoy I Kurgan 1, Burial 12. Craniotomy

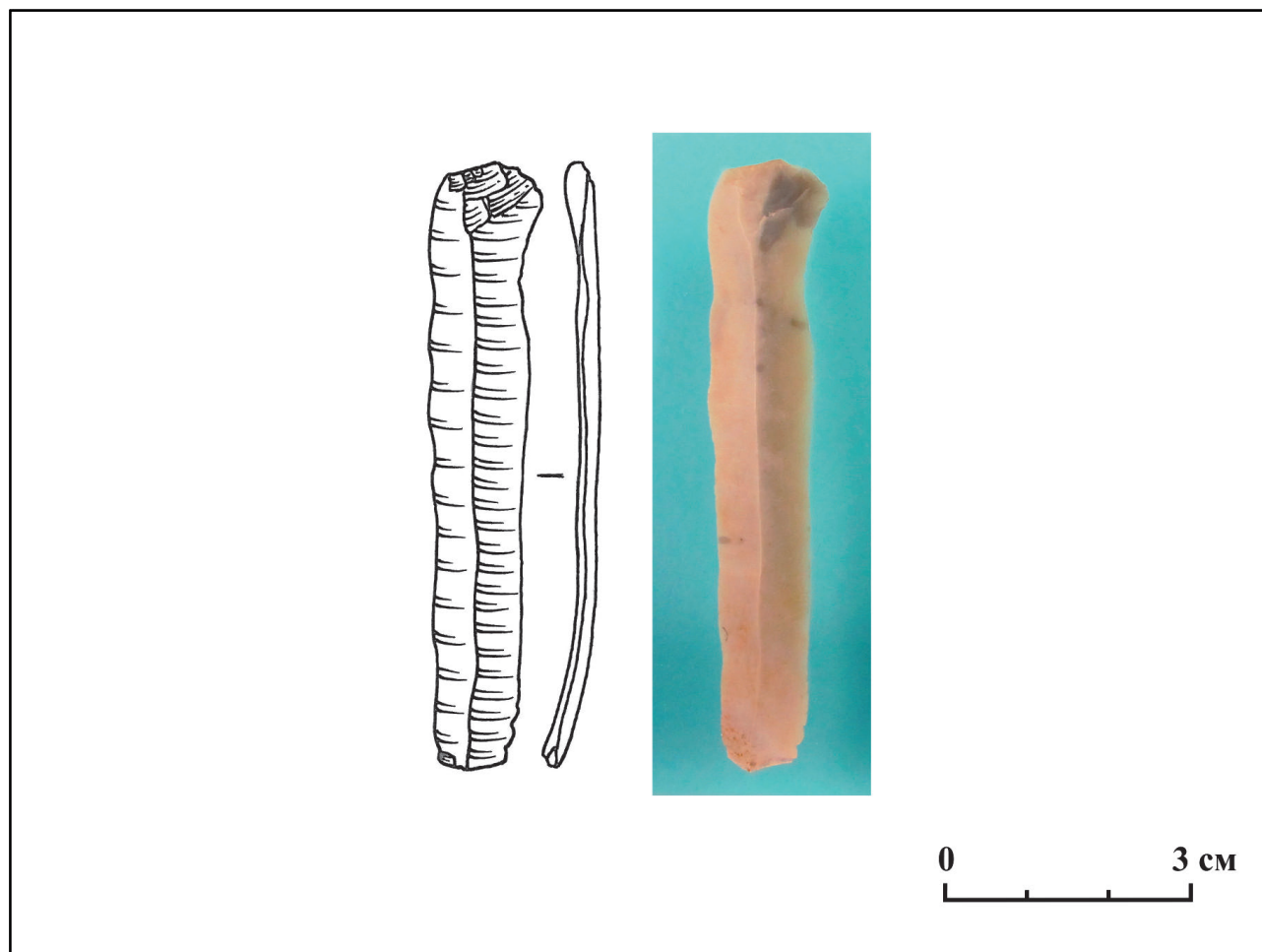

Рис. 11. Луковской I курган 1 погребение 12. Ножевидная пластина

Fig. 11. Lukovskoy I Kurgan 1, Burial 12. Knife-shaped blade

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корневский С.Н. Рождение кургана (погребальные памятники Предкавказья и Волго-Донского междуречья). М.: Тaus, 2012. 256 с.
2. Илюков Л.С. Сырцовые миниатюрные статуэтки эпохи средней бронзы на Нижнем Дону // *Labores Patriunt Honores «Проблемы археологии Подніпров'я»*. Дніпропетровськ, 2000. С. 103–112.
3. Клещенко А.А., Березин Я.Б., Бабенко В.А., Канторович А.Р., Маслов В.Е. Новые находки антропоморфных статуэток северокавказской культуры в Центральном Предкавказье // *КСИА*. Вып. 264. М.: ИА РАН. 2021. С. 30–47.
4. Жучкова А.В., Галай К.Н. Функциональное значение мифологического образа Кощея Бессмертного и его отражение в русских волшебных сказках // *Вестник славянских народов*. № 3 (37), 2021. С. 165–174.
5. Нечитайло А.Л. Нижнедонские энеолитические комплексы в системе европейской степной общности // *Матеріали та дослідження з археології Східної України*

REFERENCES

1. Korenevsky SN. *Birth of the Kurgan (funeral sites of Ciscaucasia and the Volga-Don interfluvium)*. Moscow: Taus, 2012. (In Russ.)
2. Ilyukov LS. Raw miniature figurines of the Middle Bronze Age on the Lower Don. *Labores Patriunt Honores «Problems of archeology of the Podniprovyia»*. Dnipropetrovsk, 2000: 103-112. (In Russ.)
3. Kleshchenko AA, Berezin YaB, Babenko VA, Kantorovich AR, Maslov VE. New finds of anthropomorphic figurines of the North Caucasian culture in the Central Ciscaucasia. *KSIA*. Moscow: IA RAN. 2021:30-47. (In Russ.)
4. Zhuchkova AV, Galai KN. The functional significance of the mythological image of Koshchei the Immortal and its reflection in Russian fairy tales. *Vestnik Slavyanskikh narodov*. 2021, 3(37): 165-174. (In Russ.)
5. Nechitailo AL. Lower Don Eneolithic Complexes in the System of the European Steppe Community. *Materials and documentation from the archeology of Skhidnoe Ukraine. Collection of Scientific Works*. No. 2. Lugansk:

/ Збірник наукових праць. № 2. Луганськ: Східноукраїнський національний ун-т імені В. Даля, 2006. С. 38–63.

6. Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья (свод археологических источников) (составитель А.В. Файферт). Ростов-на-Дону, 2014. – 500 с.

7. Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В. Среднеподоновская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона. Луганск: Шлях, 2001. – 152 с.

8. Романовская М.А. Об одном погребении ранней бронзы // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Межвузовский сборник научных трудов. Т. 263. Куйбышев, 1982. С. 173–175.

9. Державин В.Л. Погребения эпохи бронзы из курганов у хут. Веселая Роща (по материалам Ставропольской экспедиции 1980 г.) // Древности Ставрополья. М.: Наука, 1989. С. 194–125.

10. Корневский С.Н., Березина Н.Я., Березин Я.Б., Грески Ю. Новые погребения протоямной культуры на Ставрополье // Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века. Сборник к 90-летию Р.М. Мунчаева. М.: ИА РАН, 2019. С. 155–178.

11. Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 162 с.

12. Мизиев И.М. Два кургана у селений Кишпек и Кызбурун III // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. I. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 88–111.

13. Нечитайло А.Л. Суворовский курганный могильник. Киев: Наукова думка, 1979. – 86 с.

14. Житников В.Г., Илюков Л.С. Новые памятники эпохи раннего металла на правом берегу Нижнего Дона // Донская археология. 2002. № 1-2. С. 17–27.

15. Власкин М.В. Исследование курганного могильника Мухин I в 1995, 1998 // Аксайские древности. Ростов-на-Дону, 2002. С. 189–206.

16. Парусимов И.Н. Раскопки на территории заповедника «Золотые Горки» // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14. Азов: Азовский краеведческий музей, 1997. С. 95–98.

17. Потопов В.В. Курганы западного Маныча // Археологические записки. Вып. 5. Ростов-на-Дону: РРОО «Донское археологическое общество», 2007. С. 115–143.

18. Илюков Л.С. Древнейшее прошлое окрестностей Танаиса // Вестник Танаиса. Вып. 3. Недвиговка: ГБУК РО «Археологический музей-заповедник Танаис», 2012. С. 155–162.

19. Яценко В.С. Памятники энеолита и раннего бронзового века междуречья Дона, Маныча и Еи. Ростов-на-Дону: ООО «Альтаир», 2015. – 256 с.

20. Мошкова М.Г., Максименко В.Е. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. II. М.: Наука, 1974. С. 5–79.

21. Парусимов И.Н. Раскопки курганов могильника Рябичев // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. Т. IV. Ростов-на-Дону, 2009. С. 26–73.

22. Столяр А.Д. Раскопки курганов у хут. Попова в 1950–1951 гг. // МИА. № 62. Труды Волго-донской археологической экспедиции. Т. I. Москва–Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 348–425.

Dahl Shidnoukrainsky National University, 2006: 38–63. (In Russ.)

6. Faifert A.V. (comp.). *Burial mounds of the Early Bronze Age in the Lower Don region (a collection of archaeological sources)*. Rostov-on-Don, 2014. (In Russ.)

7. Telegin DYa, Nechitailo AL, Potekhina ID, Panchenko YuV. *Srednestog and Novodanilovskaya cultures of the Eneolithic of the Azov-Black Sea region*. Lugansk: Shlyakh, 2001. (In Russ.)

8. Romanovskaya MA. On one burial of the Early Bronze Age. In: *Volga-Ural steppe and forest-steppe in the early metal era. Interuniversity collection of scientific papers*. Vol. 263. Kuibyshev, 1982: 173–175. (In Russ.)

9. Derzhavin VL. Burials of the Bronze Age from barrows near the Khut. Veselaya Roscha (based on the materials of the Stavropol expedition of 1980). In: *Antiquities of Stavropol*. Moscow: Nauka, 1989: 194–125. (In Russ.)

10. Korenevsky SN, Berezina NYa, Berezin YaB, Greski Yu. New burials of the proto-Yamna culture in the Stavropol region. In: *Mountains of the Caucasus and the Mesopotamian steppe at the dawn of the Bronze Age. Collection for the 90th anniversary of R.M. Munchaev*. Moscow: IA RAN, 2019: 155–178. (In Russ.)

11. Munchaev RM. *The most ancient culture of the North-Eastern Caucasus*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961. (In Russ.)

12. Miziev IM. Two kurgans near the villages of Kishpek and Kyzburun III. In: *Archaeological research on new constructions in Kabardino-Balkaria. Vol. I. Nalchik: Elbrus, 1984: 88–111. (In Russ.)*

13. Nechitailo AL. *Suvorovsky burial mound*. Kyiv: Naukova Dumka, 1979. (In Russ.)

14. Zhitnikov VG, Ilyukov LS. New monuments of the early metal era on the right bank of the Lower Don. *Don'skaya Arheologia*. 2002, 1-2: 17–27. (In Russ.)

15. Vlaskin MV. Study of the Mukhin I burial mound in 1995, 1998. In: *Aksaiskie Drevnosti*. Rostov-on-Don, 2002: 189–206. (In Russ.)

16. Parusimov IN. Excavations on the territory of the Zoloty Gorki Nature Reserve. In: *Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don in 1994*. Issue 14. Azov: Azov Museum of Local Lore, 1997: 95–98. (In Russ.)

17. Potapov VV. Burial mounds of Western Manych. *Arheologicheskie zapiski*. 2007, 5: 115–143. (In Russ.)

18. Ilyukov LS. The most ancient past of the environs of Tanais. *Bulletin of Tanais*. Nedvigovka: GBUK RO "Archaeological Museum-Reserve Tanais". 2012, 3: 155–162. (In Russ.)

19. Yatsenko VS. *Sites of the Eneolithic and Early Bronze Age in the interflaves of the Don, Manych and Yeya*. Rostov-on-Don: Altair, 2015. (In Russ.)

20. Moshkova MG, Maksimenko VE. Field work of the Bagaev expedition in 1971. In: *Archaeological sites of the Lower Don*. Vol. II. Moscow: Nauka, 1974: 5–79. (In Russ.)

21. Parusimov IN. Excavations of the mounds of the Ryabichev burial ground. In: *Proceedings of the Archaeological Research Bureau*. Vol. IV. Rostov-on-Don, 2009: 26–73. (In Russ.)

22. Stolyar AD. Excavations of burial mounds near farmstead Popov in 1950–1951. *MIA. No. 62. Proceedings of the Volga-Don archaeological expedition*. Vol. I. Mos-

23. Шарафутдинова Э.С. Новые материалы по эпохе энеолита и бронзы в Степном Прикубанье // КСИА АН СССР. Вып.176. М.: Наука, 1983. С. 15–28.
24. Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. М.: РОССПЭН, 2006. – 572 с.
25. Семенов Г. Кремневые нуклеусы из Берданосовки // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 5. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1988. С. 147–150.
26. Илюков Л.С. К вопросу о кенотафах эпохи энеолита // Донские древности. Вып. 2. Азов: Азовский краеведческий музей, 1994. С. 37–47.
27. Кияшко В.Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы // Автореферат дис. ... канд. ист. наук. 1974. – 20 с.
28. Корневский С.Н., Калмыков А., А., Ляхов С.В. Погребения энеолита – ранней бронзы в Курсавском кургане на Ставрополье степной зоны Восточной Европы // Проблемы изучения культур раннего бронзового века. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т, 2009. С. 132–142.
29. Илюков Л.С. Известны ли катакомбные погребальные сооружения в степях Восточной Европы в эпоху энеолита? // Фундаментальные и прикладные науки сегодня. 23-26 июля 2013 г. Материалы Международной научно-практической конференции. Т. 1. М.: Academic, 2013. С. 25–30.
30. Беспалый Е.И., Беспалый Г.Е. Курганный могильник Мухин // Аксайские древности. Ростов-на-Дону, 2002. – С. 19–110.
31. Магомедов Р.Г. Материалы к изучению культур эпохи бронзы в Приморском Дагестане. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2000. – 120 с.
32. Илюков Л. С. Два типа катакомбных конструкций средней бронзы в Высочинском VIII могильнике // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 18. Саратов. 2020. С. 3–44.
33. Десницкий А. «Ты жених крови у меня» – как можно истолковывать исход 4: 24-26 / Альфа и Омега. №2 (40). Электронный ресурс <https://www.pravmir.ru/tyi-zhenih-krovi-u-menya-kak-mozhno-istolkovat-ishod-4-24-26>.
34. Говедарица Б. Где, когда и как зарождался медный век? // Российский археологический ежегодник, 6-6. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2012. С. 53–76.
35. Мусаева М.К., Савельева Л.Т. Обряд обрезания в традициях народов Кавказа // История, археология и этнография. Махачкала. Т. 18 № 2. 2022. С. 497–518.
- cow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958: 348-425. (In Russ.)
23. Sharafutdinova ES. New materials on the Eneolithic and Bronze Age in the Kuban Steppe. *KSIA AS USSR*. Issue 176. Moscow: Nauka, 1983: 15-28. (In Russ.)
24. Gimbutas M. *Civilization of the Great Goddess: The World of Ancient Europe*. Moscow: ROSSPEN, 2006. (In Russ.)
25. Semenov G. Flint cores from Berdanosovka. *Proceedings of the Rostov Regional Museum of Local Lore*. Rostov-on-Don: Rostov Book Publ. 1988, 5: 147–150. (In Russ.)
26. Ilyukov LS. On the issue of cenotaphs of the Eneolithic era. In: *Donskie Drevnosti. Issue 2. Azov: Azov Museum of Local Lore*, 1994: 37-47. (In Russ.)
27. Kiyashko VYa. Lower Don in the Eneolithic and Early Bronze Ages. Abstract of thesis, 1974. (In Russ.)
28. Korenevsky SN, Kalmykov AA, Lyakhov SV. Burials of the Eneolithic – Early Bronze Age in the Kursava kurgan in the Stavropol region of the steppe zone of Eastern Europe. In: *Problems of studying the cultures of the early Bronze Age*. Orenburg: Orenburg State Pedagog. Univ., 2009: 132-142. (In Russ.)
29. Ilyukov LS. Are catacomb burial structures known in the steppes of Eastern Europe in the Eneolithic? *Fundamental and applied sciences today. July 23-26, 2013. Proceedings of the International scientific and practical conference*. Vol. 1. Moscow: Academic, 2013: 25-30. (In Russ.)
30. Bepaly EI, Bepaly GE. Burial mound Mukhin [*Kurgannyi mogil'nik Mukhin*]. In: *Aksaiskie Drevnosti*. Rostov-on-Don, 2002: 19-110. (In Russ.)
31. Magomedov RG. *Materials for the study of cultures of the Bronze Age in Primorsky Dagestan*. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 2000. (In Russ.)
32. Ilyukov LS. Two types of catacomb constructions of the Middle Bronze Age in the Vysochinsk VIII burial ground. *Archaeological Heritage of the Saratov Region*. 2020, 18: 3–44. (In Russ.)
33. Desnitsky A. “You are the bridegroom of my blood” – the interpretation of Exodus 4: 24-26. *Alpha and Omega*, 2(40). Available at: <https://www.pravmir.ru/tyi-zhenih-krovi-u-menya-kak-mozhno-istolkovat-ishod-4-24-26>.
34. Govedaritsa B. Where, when and how did the Copper Age start? *Russian Archaeological Yearbook*, 6-6. St. Petersburg: State Hermitage Publ., 2012: 53-76. (In Russ.)
35. Musaeva MK, Solovyova LT. The rite of circumcision among the peoples of the Caucasus. *History, archeology and ethnography*. 2022, 18(2): 497–518.

Поступила в редакцию 23.08.2022

Принята в печать 20.10.2022

Опубликована 25.12.2022

Received 23.08.2022

Accepted 20.10.2022

Published 25.12.2022

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1841037-1060>

Исследовательская статья

Суханов Евгений Владимирович
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт археологии РАН, Москва, Россия
sukhanov_ev@mail.ru

ФОРМЫ ГЛИНЯНЫХ СОСУДОВ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ АЛАН ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ

Аннотация. Аланы – один из этнических компонентов салтово-маяцкой археологической культуры. Древности, связанные с этим населением, расположены в бассейне Среднего Дона. Статья посвящена изучению культурных особенностей аланских групп, оставивших погребальные памятники данного региона, на примере керамики. Объектом изучения являются формы глиняных сосудов. Исследование выполнено по методике, разработанной в рамках историко-культурного подхода к изучению древней керамики, предложенного А.А. Бобринским. В статье рассмотрен количественный состав несмешанных традиций создания форм глиняной посуды на памятниках, ассоциированных с аланским компонентом салтово-маяцкой культуры. Проанализированы три наиболее многочисленных категории посуды: кувшины, кружки и горшки. В статье показано, что общины, оставившие катакомбные могильники восточных районов донской лесостепи, были в культурном отношении более неоднородными, нежели коллективы из западной части. В материалах Маяцкого комплекса, Ютановского и Подгоровского могильников представлены уникальные и по своей сути смешанные наборы морфологических традиций. На основании данных изучения керамики и их сравнения с погребальными традициями выдвинуто предположение, что Ютановский, Подгоровский, Маяцкий могильники – это кладбища общин, включавших переселенцев из западной части донской лесостепи, традиции которых смешались на новых местах проживания. В качестве наиболее вероятной причины переселения некоторой части аланского населения в восточные районы лесостепного Подонья может рассматриваться строительство серии каменных и кирпичных крепостей на Тихой Сосне, а также необходимость контроля этого участка славяно-хазарского пограничья. В соответствии с концепцией, предложенной Г.Е. Афанасьевым, эти крепости были построены в 30-40-е гг. IX в. В статье высказывается предположение, что именно эти события могут объяснить приток аланского населения в восточные районы лесостепного Подонья и формирование на новых местах проживания этих людей более неоднородных в культурном отношении коллективов, чем у «соседей» из западных районов донской лесостепи.

Ключевые слова: аланы; салтово-маяцкая культура; керамика; формы сосудов.

Для цитирования: Суханов Е.В. Формы глиняных сосудов как объект изучения культурной истории алан лесостепного Подонья // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 1037-1060. doi: 10.32653/CH1841037-1060

© Суханов Е.В., 2022
© Сефербеков М.Р., перевод, 2022
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1841037-1060>

Research paper

Evgeny V. Sukhanov,
Cand. Sci. (History), Researcher
Institute of Archeology, RAS, Moscow, Russia
sukhanov_ev@mail.ru

CLAY VESSELS' SHAPES AS AN OBJECT OF STUDY OF THE CULTURAL HISTORY OF ALANS OF THE FOREST-STEPPE DON REGION

Abstract. Alans are one of the ethnic components of the Saltovo-Mayatsk archaeological culture. Antiquities associated with this group are found in the Middle Don basin. The article studies the cultural characteristics of the Alanian groups that left behind the burial sites of this region, on the example of pottery. The object of study are the shapes of clay vessels. The study was carried out according to the methodology developed within the framework of the historical-and-cultural approach to the study of ancient pottery, proposed by A.A. Bobrinsky. The article considers the quantitative composition of unmixed traditions of shaping forms of pottery on sites associated with the Alan component of the Saltovo-Mayatsk culture. The three most numerous categories of ware are analyzed: jugs, mugs and pots. The communities that left behind the catacomb burial grounds of the eastern regions of the Don forest-steppe were culturally more heterogeneous than the communities from the western part. The materials of the Mayatsky complex, Yutanovsky and Podgorovsky burial grounds present unique and inherently mixed sets of morphological traditions. Based on the data of the study of ceramics and their comparison with burial traditions, we consider the Yutanovsky, Podgorovsky, Mayatsky burial grounds as cemeteries of communities that included settlers from the western part of the Don forest-steppe, whose traditions mixed up in new places of residence. The most probable reason for the resettlement of a certain part of the Alanian population to the eastern regions of the forest-steppe Don region can be considered the construction of a series of stone and brick fortresses on the Tikhaya Sosna River, as well as the need to control this section of the Slavic-Khazar frontier. In accordance with the concept, proposed by G.E. Afansiyev, these fortifications were built in the 30-40s of the 9th century. The author suggests that it is these events that can explain the influx of the Alanian population into the eastern regions of the forest-steppe Don region and the formation of more culturally heterogeneous groups in the new places of residence of these people than among the “neighbors” from the western regions of the Don forest-steppe.

Keywords: Alans; Saltovo-Mayatsk culture; pottery; vessel shapes.

For citation: Sukhanov E.V. Clay vessels' shapes as an object of study of the cultural history of Alans of the forest-steppe Don region. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2022. Vol. 18. N. 4. P. 1037-1060. doi: 10.32653/CH1841037-1060

© Sukhanov E.V., 2022
© Seferbekov M.R., translation, 2022
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2022

Введение

Бассейн Среднего Дона в финале I тыс. н.э. представлял собой северо-западную периферию Хазарского каганата и пограничную зону со славянским миром. Около середины VIII в. в этом регионе появляются новые группы населения, оставившие древности салтово-маяцкой археологической культуры. Одной из таких групп были аланы, переселившиеся в лесостепную часть Донецко-Донского междуречья с территории Северного Кавказа.

Наиболее отчетливо аланский компонент салтово-маяцкой культуры прослеживается по погребальным памятникам. Речь идёт о некрополях, на которых людей хоронили в Т-образных катакомбах. Аналогии таким сооружениям хорошо известны в эпоху Раннего Средневековья на Северном Кавказе. Единство генетических и антропологических черт этих людей, сходство хозяйственного уклада и традиций питания свидетельствуют о правомерности отнесения населения, оставившего катакомбные некрополи донецко-донского междуречья, к единому консолидированному этническому объединению [1, с. 73].

На современном этапе изучения салтово-маяцких древностей актуальна задача выяснения *локальных* культурных особенностей разных коллективов алан, проживавших во второй половине VIII – начале X вв. в бассейне Среднего Дона. Такая информация позволит сделать возможной дальнейшую разработку как минимум двух исследовательских направлений. Во-первых, это выявление на Северном Кавказе исходных районов проживания коллективов, оставивших разные катакомбные могильники салтово-маяцкой культуры, *накануне переселения* в Подонье. Во-вторых, это изучение культурных процессов, происходивших в донской лесостепи *после переселения* алан, и их соотнесение с событиями военно-политической истории Хазарского каганата.

В данной статье излагается опыт выявления культурных особенностей коллективов донских алан, оставивших разные погребальные памятники, на основании анализа одной из наиболее массовых категорий археологических источников из катакомбных могильников салтово-маяцкой культуры – керамики.

Объект исследования, методика, источники

Объектом рассмотрения в этой статье являются формы глиняных сосудов. Это связано с тем, что целые сосуды из погребальных памятников находятся в музейных хранениях и нарушение их целостности для полноценного технологического анализа невозможно.

Исследование опирается на результаты, полученные ранее автором этой статьи с помощью методики анализа форм сосудов с позиций историко-культурного подхода к изучению древней керамики [2]. Её основы были заложены создателем этого подхода – А.А. Бобринским [3, 4]. Историко-культурный подход базируется на синтезе данных этнографии, научного эксперимента и, собственно, археологии.

Рассмотрим основные теоретические и методические положения, на которые опирается применяемая методика исследования.

1) С позиций историко-культурного подхода объектом изучения являются навыки труда гончаров. Форма сосуда рассматривается как результат действия определенных

навыков труда, использованных мастером для изготовления сосуда, и закрепленных в культурных традициях, которые передаются от поколения к поколению в рамках определенного человеческого коллектива.

2) Трудовые навыки изготовителей посуды отличаются по степени устойчивости. Это общая закономерность для всех сфер гончарства – не только придания сосудам формы, но и орнаментации и технологии изготовления [5, с. 243–244; 6, с. 96–97, 118]. В результате многолетних экспериментов А.А. Бобринским было установлено, что при попытке гончара сделать сосуд незнакомой, новой для него формы, в первую очередь он *изменяет общую пропорциональность* сосуда, сохраняя *очертания* формы привычного для него образца [7, с. 162–163].

Эксперименты последних лет, проведенные на базе Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства, а также результаты обработки этнографического материала свидетельствуют, что различия в устойчивости трудовых навыков имеются и на уровне очертаний форм. Эти данные показывают, что наиболее устойчивы – навыки создания нижних частей сосуда – тулова и плеча-предплечья, а наименее устойчивы – навыки создания верхних его частей – щеки или шеи. Эта тенденция достаточно универсальна. Она проявляется в разных категориях форм – горшковидных и кувшиновидных, у мастеров разной квалификации, с разным опытом лепки и разным уровнем технической оснащенности [8; 9].

Все эти данные учитываются как при систематизации форм сосудов из археологических памятников, так и при интерпретации данных анализа.

3) Применяемая методика отличается по цели и содержанию исследования от более распространенных методов изучения форм сосудов – например, от типологии и классификации. Такой целью является не разделение совокупности форм на несколько типов/вариантов/классов, а выявление массовых или ведущих для конкретного памятника традиций создания форм сосудов. Для этого сосуды изучаются на разных по степени детальности уровнях анализа: I) общая пропорциональность (далее – ОПП) всего сосуда, т.е. соотношение его высоты и максимального диаметра; II) естественные структуры (конструкции) сосудов; III) сформированность функциональных частей сосудов. Этот показатель оценивается по ОПП функциональной части (отношение высоты к полусумме диаметров оснований) и углу наклона боковой линии костяка.

Опираясь на перечисленные положения, автором этой статьи ранее была проведена реконструкция разных несмешанных традиций создания форм сосудов, распространенных на салтово-маяцких могильниках Среднего Подонья. Проанализированы самые многочисленные категории салтово-маяцкой посуды: кувшины, кружки и горшки – всего 645 сосудов из 12 памятников. Каждой из этих категорий посвящена отдельная статья, где подробно раскрываются все методические аспекты анализа [10–12].

В каждой категории посуды выявлено по две разные традиции (примеры – рис. 1). Важно подчеркнуть, что во всех изученных категориях существенными для различия разных традиций оказались параметры *тулова* и *плеча-предплечья*, т.е. тех частей, которые, как было отмечено выше, являются наиболее устойчивыми. Конкретные сочетания признаков, определяющие разные традиции, для каждой категории сосудов оказались разными (табл. 1).

Кувшины. В рамках первой традиции кувшинов (далее в тексте и таблицах – К-1) для форм с относительно более низким туловом характерны слабый угол наклона плеча-предплечья и более низкая ОПП всего сосуда; для кувшинов с более высоким туловом характерны бо́льший угол наклона плеча-предплечья и относительно более

высокая ОПП всего сосуда. Для второй традиции (К-2) характерны «противоположное» сочетание параметров ОПП тулова и угла наклона плеча-предплечья, а также отсутствие наиболее низких вариантов ОПП шеи.

Кружки. К первой традиции (Кр-1) относятся изделия с более низким туловом и более низким плечом-предплечьем, ко второй (Кр-2) – с относительно более высокими показателями ОПП этих функциональных частей.

Горшки. Для первой традиции (Г-1) характерны формы относительно более высоких пропорций, доминирование конструкций с предплечьем, относительно более высокие углы наклона тулова и относительно более высокая общая пропорциональность щеки-шеи. Для второй традиции (Г-2) набор признаков «зеркальный»: низкие пропорции всего сосуда, преобладание форм с плечом, более низкие углы наклона тулова и более низкая общая пропорциональность щеки-шеи.

Полученные данные используются в этой статье для сравнительного анализа памятников, связанных с аланским компонентом салтово-маяцкой культуры. В ней рассматриваются материалы Дмитриевского, Нижнелубянского¹, Старосалтовского, Рубежанского, Ютановского и Маяцкого могильников – всего 277 сосудов, которые соответствуют реконструированным ранее несмешанным традициям создания формы.²

Анализ

Рассмотрим ассортимент морфологических традиций, представленных в разных памятниках (табл. 2–8). В Дмитриевском могильнике (рис. 2, 1–9; табл. 2) среди кувшинов доминирует традиция К-1 – к ней относится 79,5% изделий, среди кружек – традиция Кр-1, к которой относится 90,2% сосудов, и среди горшков – Г-1 (все горшки). В Нижнелубянском могильнике ассортимент традиций очень похож (рис. 2, 10–18; табл. 3). Среди кувшинов 82,4% экземпляров относятся к К-1, среди кружек и горшков все относятся к Кр-1 и Г-1 соответственно. В Старосалтовском могильнике (рис. 3, 1–5; табл. 4) отмечено доминирование традиции К-2 для кувшинов – 77,8% сосудов, Кр-2 для кружек – 75% сосудов. Заключение по горшкам вряд ли допустимы – найден всего один экземпляр. Рубежанский могильник (рис. 3, 6–11; табл. 5) по ассортименту похож на Старосалтовский. Здесь доминирует традиция К-2 для кувшинов – 85,7% сосудов, Кр-2 для кружек – 75% сосудов. Горшки представлены одним экземпляром. В Ютановском могильнике³ (рис. 4, 1–6; табл. 6) 90% кувшинов относятся к традиции К-2, 100% кружек – к традиции Кр-1. Горшков нет. В Подгоровском могильнике (рис. 4, 14–21; табл. 7) 90% кувшинов относятся к традиции К-1, 66,7% кружек соответствуют традиции Кр-2. Горшки представлены двумя экземплярами, оба соответствуют традиции Г-2. В Маяцком комплексе (рис. 4, 7–13; табл. 8) все кувшины относятся к традиции К-2, все кружки – к Кр-1, все горшки – к Г-2.

1. Некоторые сосуды из Маяцкого комплекса и Нижнелубянского могильника изучались по рисункам В.А. Сарапулкина [25]. Номера могил, из которых они происходят, неизвестны. В таблицах к этой статье такие случаи отмечены знаком «?».

2. Здесь учитываются целые формы сосудов из поселенческих комплексов Маяцкого. В составе этого археологического комплекса нет некрополей, которые связывались бы исследователями с не аланскими, а какими-то другими группами населения. Именно на этом основании такие сосуды отнесены к кругу материалов, связанных с донскими аланами.

3. В иллюстрациях к данной статье используются неопубликованные оригиналы рисунков сосудов из Ютановского могильника, выполненные Г.Е. Афанасьевым, который передал мне эти материалы для дальнейшего использования в исследовательских целях. Рисунки в настоящее время хранятся в личном архиве автора. Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность Г.Е. Афанасьеву за предоставленную возможность работать с этим материалом.

На основании различий в доминирующих традициях все рассмотренные памятники образуют три группы (рис. 5):

1) Дмитриевский и Нижнелубянский могильники. Доминирование традиций *K-1*, *Kp-1* и *G-1*;

2) Старосалтовский и Рубежанский могильники. Доминирование традиций *K-2* и *Kp-2*. Горшки в целом не характерны.

Две эти группы обладают «противоположными» наборами морфологических традиций. Каждый из этих наборов повторяется на двух могильниках. Учитывая их повторяемость и устойчивость, мы предлагаем называть такие наборы форм несмешанными;

3) Ютановский, Подгоровский и Маяцкий могильники. По ассортименту морфологических традиций разных категорий сосудов в этих памятниках отмечены характерные черты, как первой, так и второй группы. Так, например, Ютановка и Маяцкое по кувшинам ближе ко второй группе, а по кружкам – к первой. Подгоровский могильник по кувшинам формально соответствует первой группе, но отличается от неё по горшкам.

Наборы традиций каждого памятника третьей группы в чём-то уникальны. Эти памятники проявляют сходство с могильниками первой и второй групп исключительно по доминирующим традициям в *какой-то конкретной категории* сосудов. Если же мы смотрим на *весь ассортимент* морфологических традиций, то каждый памятник третьей группы чем-то отличается друг от друга. По своей сути наборы традиций третьей группы являются смешанными.

Сравнение ассортимента морфологических традиций из разных памятников с помощью многомерной статистики – методом главных компонент – подтверждает предложенную группировку и ее интерпретацию. Анализ выполнен в компьютерной программе *Statistica*. Сравнение памятников проводилось на основании количественных данных, а именно по процентам сосудов, относящихся к разным морфологическим традициям. Результаты анализа представлены в виде графика с двумя осями и рассеянным облаком «точек», обозначающих изучаемые памятники (рис. 6). По степени близости таких точек можно судить о мере сходства памятников по доминирующим на них традициям создания форм сосудов: чем они ближе, тем более они схожи.

В левой части графика (рис. 6) расположены памятники первой группы, в правой части – памятники второй группы. В обоих случаях памятники одной группы расположены компактно по отношению друг к другу, как по первой, так и второй главным компонентам, т.е. по горизонтальной и вертикальной оси. Это свидетельствует о сильных различиях между группами и высокой степени сходства внутри групп. Ютановский, Подгоровский и Маяцкий могильники находятся между памятниками этих двух групп. Они самые разнообразные как по первой, так и второй главным компонентам. Это подчеркивает, что третья группа – самая неоднородная по наборам морфологических традиций, которые по своему содержанию являются смешанными.

Существует ли какая-то связь между особенностями ассортимента традиций создания форм сосудов на разных памятниках и их расположением в изучаемом регионе? Некоторые территориальные различия демонстрируют памятники с несмешанными и смешанными наборами традиций. Здесь нужно оговорить, что семи точек на карте, вполне вероятно, недостаточно для выявления каких-то закономерностей. Однако даже этот объём материала позволяет зафиксировать определенные тенденции.

Формально, рассмотренные памятники образуют два территориальных кластера, точка пересечения которых находится в Ютановском археологическом комплексе. Могильники с несмешанными наборами (т.е. первой и второй групп) составляют западный территориальный кластер (рис. 7 а, б, д). Он связан преимущественно с долиной Северского Донца, только Нижнелубянский могильник относится к долине Оскола. Могильники со смешанными наборами, т.е. третьей группы, формируют восточный кластер (рис. 7 в, е), который соответствует долинам рек Оскол и Тихая Сосна.

Таковы основные результаты изучения ассортимента традиций создания форм сосудов на памятниках, связанных с аланским компонентом салтово-маяцкой культуры.

Обсуждение

Полученные данные ставят к обсуждению несколько вопросов:

1) С чем связаны различия изученных памятников по доминирующим на них традициям создания форм сосудов?

2) Чем объясняется то обстоятельство, что на некоторых памятниках представлены устойчивые и повторяющиеся наборы морфологических традиций (группы 1 и 2), а на других – более разнообразные и неповторяющиеся (группа 3)?

3) Почему памятники с несмешанными наборами тяготеют к западным районам донской лесостепи, а памятники со смешанными – к восточным?

Полезными для поиска ответов на эти вопросы могут быть результаты изучения погребального обряда донских алан, полученные Г.Е. Афанасьевым. По материалам катакомбных салтовских могильников Среднего Подонья исследователь выделил три погребальные традиции, которые могут отражать три разные племенные группы донских алан: Верхнесалтовско-Ютановская, Дмитриевско-Нижнелубянская и Маяцкая [13, с. 91–93].

Ритуал захоронения в соответствии с Верхнесалтовско-Ютановской традицией отличается устройством более длинных и глубоких дромосов, более длинных, широких и высоких погребальных камер, положением всех умерших вытянуто на спине независимо от пола, относительно меньшим числом людей, похороненных в одной камере. Данную традицию характеризуют и некоторые особенности вещевого комплекса (отсутствие сосудов в дромосе, относительно меньшее число сосудов в камере, высокий процент захоронений с кинжалами и поясными наборами, наличие в могилах так называемых рогатых пряжек и др.).

Дмитриевско-Нижнелубянский ритуал характеризуется более короткими и мелкими дромосами, менее длинными, широкими и высокими камерами, половыми различиями расположения погребенных (мужчины лежат вытянуто на спине, женщины – на боку), относительно большим числом людей, похороненных в одной камере, присутствием сосудов в дромосах, относительно большим числом сосудов в камерах, высоким процентом комплексов с луками, стрелами, саблями, а также некоторыми другими чертами.

Маяцкая погребальная традиция характеризуется наименьшими размерами дромосов и камер, разнообразием форм входных ям усыпальниц, расположением упокоенных женщин, как на левом, так и на правом боку. По инвентарю и напутственной пище эта традиция неоднородна и сочетает признаки Верхнесалтовско-Ютановской и Дмитриевско-Нижнелубянской традиций.

Результаты сопоставления данных о морфологических и погребальных традициях донских алан отображены в табл. 9. На памятниках первой группы представлена одна погребальная традиция – Дмитриевско-Нижнелубянская. На памятниках второй группы также представлена одна, но другая погребальная традиция – Верхнесалтовско-Ютановская. На памятниках третьей группы представлены все три известные в регионе погребальные традиции, т.е. упомянутые выше, а также Маяцкая.

Таким образом, каждый *несмешанный* набор морфологических традиций устойчиво связан с *каким-то одним* определенным погребальным ритуалом. *Смешанные* наборы такой связи *не имеют*. В могильниках с такими наборами представлены разные погребальные традиции.

Полученные данные приводят к заключению, что причиной различий памятников по ассортименту морфологических традиций являются культурные особенности общин, оставивших рассматриваемые в этом исследовании могильники. Мы фиксируем две формы проявления таких особенностей.

Первая – это отличия коллективов, оставивших разные могильники, по конкретным культурным традициям, которые были в них распространены. Здесь имеется в виду связь определенного набора форм посуды с определенным погребальным ритуалом. Группы 1 и 2 показывают, что в некоторых коллективах донских алан такая связь была достаточно жесткой и устойчивой. Дмитриевско-нижнелубянские культурные традиции отличаются от салтовско-рубужанских и по погребальному ритуалу, и по керамике.

Вторая – это отличия общин по степени культурной однородности. Все памятники со смешанными наборами морфологических традиций оставлены коллективами, следовавшими *разным* погребальным ритуалам. Таким образом, группы населения, оставившие Ютановский, Подгоровский и Маяцкий могильники, на фоне всех других рассмотренных в этой статье были в культурном отношении самыми неоднородными.

В предыдущем разделе этой статьи отмечено, что памятники с несмешанными и смешанными наборами морфологических традиций имеют некоторые различия в расположении на территории донской лесостепи: первые тяготеют к западным её районам, а вторые – к восточным (рис. 7 д, е). На наш взгляд, эта деталь является достаточно важной для интерпретации полученных в этом исследовании данных. На правах гипотезы нам хотелось бы предложить одну из версий, которая могла бы объяснить как механизм появления памятников со смешанными наборами морфологических традиций, так и их соответствие восточным районам лесостепного Подонья.

Эта версия заключается в том, что общины, хоронившие своих покойных на Ютановском, Подгоровском и Маяцком могильниках, состояли из людей, которые раньше жили в западных районах донской лесостепи, но позднее переселились на восток, в долины Оскола и Тихой Сосны. Нужно подчеркнуть, что речь идет не о переселении всего аланского населения западных районов донской лесостепи на восток, а об уходе из мест своего проживания каких-то отдельных групп, в которых были носители *разных погребальных и гончарных традиций*. Присутствие в составе переселенцев носителей разных традиций – это ключевой фактор, который и мог привести к формированию в *новых местах пребывания* этих людей неоднородных в культурном отношении коллективов.

Судя по археологическому материалу, сохранение культурных особенностей переселяемых групп алан не имело необходимости для успешного решения задач в ходе этого переселения. В каждом катакомбном могильнике из восточных районов донской лесостепи мы видим уникальные сочетания погребальных ритуалов и наборов

форм керамики, отсутствующие в могильниках западных районов (рис. 5; табл. 9). Это наводит на мысль, что данное мероприятие было инициировано не самим населением, а хазарской властью, пытавшейся решить таким образом какие-то актуальные политические задачи.

Здесь нужно напомнить, что в восточной части лесостепного Подонья расположена группа каменных и кирпичных городищ салтово-маяцкой культуры (рис. 7, г). Об истоках этой архитектурной традиции, которая очень нехарактерна для изучаемого региона, а также о назначении этих крепостей и времени их возведения до сих пор ведется дискуссия [14–17]. В последние годы пристальное внимание этой теме уделял Г.Е. Афанасьев [18–21]. В соответствии с его концепцией, возведение на Тихой Сосне цепочки этих городищ отражает процесс обозначения государственных границ, который осуществляла хазарская власть в 30–40-е гг. IX в., т.е. спустя 8–9 десятилетий со времени появления алан в лесостепном Подонье [20, с. 351–352; 21, с. 106]. Эта кампания началась со строительства Саркела на Нижнем Дону под руководством византийских мастеров и продолжилась возведением линии крепостей на северной границе со славянами. Проведенные Г.Е. Афанасьевым расчеты показали, что трудозатраты на строительство каменных и кирпичных городищ были в 4–5 раз выше, чем трудозатраты на возведение более типичных для салтовской культуры земляных укреплений. По его мнению, это свидетельствует, что строительство таких городищ и обеспечение этого мероприятия всеми необходимыми ресурсами выполнялось по инициативе и под непосредственным контролем государственной власти [13, с. 143, 147–150].

Таким образом, строительство серии каменных и кирпичных городищ на Тихой Сосне и необходимость контроля этого участка славяно-хазарского пограничья могли быть вероятными причинами притока аланского населения в восточные районы лесостепного Подонья и формирования на новых местах проживания этих людей более неоднородных в культурном отношении коллективов.

Завершая данный раздел статьи, необходимо привести ещё один факт, подкрепляющий выдвинутую гипотезу. Все гончарные традиции разделяются на две сферы: внутреннюю и внешнюю. К внутренней принадлежат традиции, которые целиком относятся непосредственно к деятельности гончаров – это техника и технология изготовления сосудов. К сфере внешней культуры относятся гончарные традиции, доступные вниманию потребителей посуды – это формы и орнаментация сосудов [28, с. 29–30]. Данное разграничение имеет важное значение для интерпретации результатов изучения археологической керамики. Изменения традиций, относящихся к внутренней культуре, свидетельствуют в большей степени о каких-то переменах в составе изготовителей посуды, и, напротив, изменения в сфере внешней культуры в большей мере отражают изменения в составе потребителей.

Разнообразие состава традиций создания форм сосудов (т.е. традиций внешней культуры), зафиксированное в могильниках восточного кластера, свидетельствует о том, что данные памятники отражают усложнение культурного состава *среди потребителей* глиняной посуды. Другими словами, керамические материалы этих могильников отражают результаты более масштабного явления, чем переселение отдельных групп гончаров, следовавших разным морфологическим традициям.

Заключение

Завершая статью, перечислим основные выводы и предположения, которые могут быть сделаны на основании результатов проведённого исследования:

1) Катакомбные могильники восточных районов лесостепного Подонья оставлены более неоднородными в культурном отношении группами населения. В культуре этих людей смешаны разные гончарные и погребальные традиции, известные «в чистом виде» в западных районах донской лесостепи;

2) Вполне вероятно, что Ютановский, Подгоровский, Маяцкий могильники – это кладбища общин, включающих переселенцев из западной части донской лесостепи, традиции которых смешались на новых местах проживания;

3) Возможная причина притока нового населения в восточные районы – строительство серии каменных и кирпичных городищ на Тихой Сосне, имевшее место в соответствии с версией Г. Е. Афанасьева в 30–40-е гг. IX в., а также необходимость дальнейшего контроля этого участка славяно-хазарского пограничья.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» (№ НИОКТР 122011200264-9).

Acknowledgements. The article was carried out within the framework of the research of IA RAS «Interdisciplinary approach in the study of the formation and development of ancient and medieval anthropogenic ecosystems» (No. NIOKTR 122011200264-9).

Таблица 1. Признаки несмешанных традиций создания форм сосудов салтово-маяцкой культуры на Среднем Дону.

Традиции	Признаки (ступени качеств, либо состояния качеств) по Цетлин Ю.Б, 2018 [2]			
<i>Кувшины</i>				
	ОПП всего сосуда	ОПП шеи	Угол наклона плеча-предплечья	ОПП тулова
К-1, первый вариант	35-38	29-36	24-25	«низкая»
К-1, второй вариант	39-40	29-40	26-27	«средняя/низкая», редко «средняя»
К-2, первый вариант	36-39	36-38	26-27	«низкая»
К-2, второй вариант	38-41	27-35	24-25	«средняя/низкая»
<i>Кружки</i>				
Кружки	ОПП плеча-предплечья		ОПП тулова	
Кр-1	18-24		15-21	
Кр-2	25-29		23-29	
<i>Горшки</i>				
	ОПП всего сосуда	Конструкция	Угол наклона тулова	ОПП щеки-шеи
Г-1	37 и выше	Г+Щ+ПП+Т+ОТ, Г+Щ/Ш+ПП+Т+ОТ, Г+Ш+ПП+Т+ОТ, Г+Ш+П/ПП+Т+ОТ, Г+Щ/Ш+П/ПП+Т+ОТ	15 и выше	«очень низкая»
Г-2	до 36	Г+Щ+П+Т+ОТ, Г+Щ/Ш+П+Т+ОТ, Г+Ш+П+Т+ОТ, Г+Щ+П/ ПП+Т+ОТ	до 14	«очень-очень низкая»

Таблица 2. Сосуды несмешанных морфологических традиций из Дмитриевского могильника.

№ могилы/ тризны («тр.»)	К-1	К-2	Кр-1	Кр-2	Г-1	№ могилы/ тризны («тр.»)	К-1	К-2	Кр-1	Кр-2	Г-1	№ могилы/ тризны («тр.»)	К-1	К-2	Кр-1	Кр-2	Г-1
1	1	1		2		63	1				2	123	2				
2					1	64			1			125	1		1		
3			1			67		1				133					1
5	1					71	1		1			134	2		2		
6	1		1			72		1				135			1		
7			1		1	73	1					138		1			
10			2		2	74	1					140			1		
11	1					77			1			150	2				1

15			2			79	1					151	3				
17	1																
21	2		1			81	1					152	2				
22	2		1			82			1			154	1		1		
23	1		2			83		1				155		1			
26	2	1				86	2		1			165	1				
28			1			89		1		1		167			1		
30			2			92		1				168	1		1		
32			1			94	1					170	1		1		1
36		1				98			1			173	1		1	1	
38	3		3		1	101	1		1			177	1				
42					1	102			1			178	1				
44	1					103	1					179			1		
45	2					106	4					тр10					3
49	1					107		1	1			тр21					1
50	1					108	2					тр26			1		
52			1			109	1	1				тр3			1		
54		1	1			110	2					тр40					2
55	1					111	2					тр46			1		1
56	1					114					1	тр47					1
57		2				116			1			тр5					2
58			1			118	1		1			тр57			1		
59			1			119	1	1	2			тр58					1
61			1			120		1				тр61					2
62	2		1			121	2					тр7					1

В ячейках указано количество сосудов. К – кувшины, Кр – кружки, Г – горшки.

Таблица 3. Сосуды несмешанных морфологических традиций из Нижнелубянского могильника.

№ могилы/ кенотафа («кен.»)	К-1	К-2	Кр-1	Кр-2	Г-1
37	1				
39		1	1		
40	1		1		
42	1		1		
43			1		
44	3		7		
56			1		
кен50					1
?	8	2			7

Таблица 4. Сосуды несмешанных морфологических традиций из Старосалтовского могильника.

№ катакомбы	К-1	К-2	Кр-1	Кр-2	Г-1
1		1			
2		1			
4		1			
8					1
11		1			
12				1	
13	1				
14		1			
15				1	
16	1				
17			1		
18				1	
20		1			
22		1			

Таблица 5. Сосуды несмешанных морфологических традиций из Рубежанского могильника.

№ катакомбы	К-1	К-2	Кр-1	Кр-2	Г-2
3		1			
4	1				
8			1		
9		1			
10				1	
11				1	1
12				1	
13		1			
15		1			
16		1			
17		1			

Таблица 6. Сосуды несмешанных морфологических традиций из Ютановского могильника.

№ катакомбы	К-1	К-2	Кр-1
4		1	
5			1
6			1
7			1
8		1	
10		1	
11		1	
12			1
13			1
14		1	
19		1	
19		1	
20		1	
1Н			1
3Н		1	
3П	1		

Таблица 7. Сосуды несмешанных морфологических традиций из Подгоровского могильника.

№ могилы	К-1	К-2	Кр-1	Кр-2	Г-2
2	1				
5	3				
8				1	
10			1		
11	1				1
12	3				
13			1		
14	1				
пог.5					1
подб. пог. 2		1			

Таблица 8. Сосуды несмешанных морфологических традиций из Маяцкого комплекса.

№ комплекса	К-2	Кр-1	Г-2
?			11
кат. 35	1		
кат. 48	1		
кат. 58	1		
кат. 67	1		
кат. ямы 30		2	
тризна 1		2	
тризна 2		1	
тризна 3		1	
тризна 4		1	
тризна 5		1	
тризна 12		1	
яма 14		1	

Таблица 9. Сопоставление данных о гончарных и погребальных традициях.

Погребальные традиции/Группы по керамике	Группа 1	Группа 2	Группа 3
Дмитриевско-Нижнелубянская			
Верхнесалтовско-Ютановская			
Маяцкая			

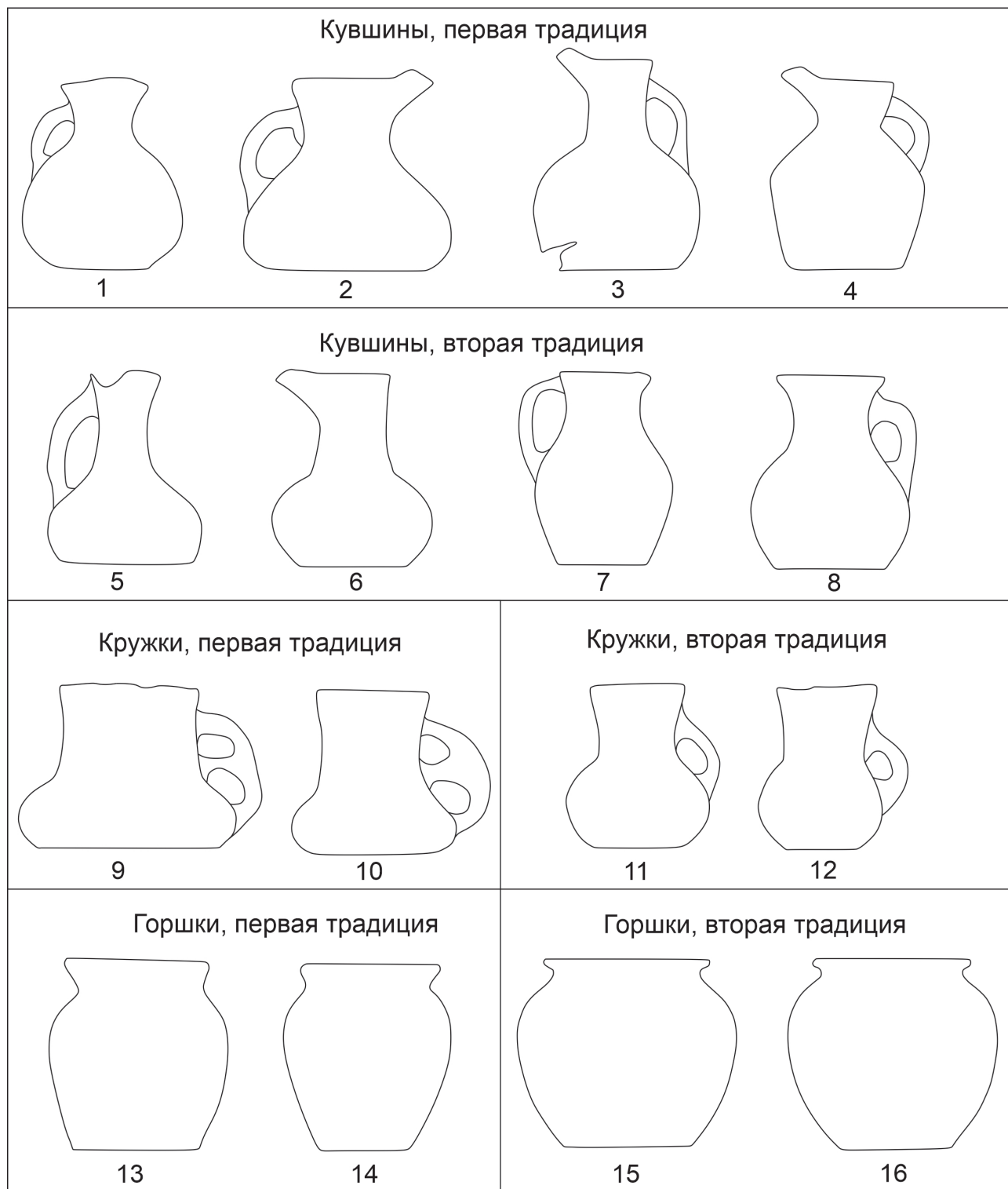

Рис. 1. Несмешанные традиции создания форм сосудов, выделенные по салтово-маяцким материалам бассейна Среднего Дона

Fig. 1. Unmixed traditions of modeling vessel shapes among the Saltovo-Mayatsk culture of the Middle Don basin

Рис. 2. Примеры форм сосудов, характерных для памятников группы 1. Без масштаба, приведены к одной высоте. 1-9 – Дмитриевский могильник: 1 – кат. 38, 2 – кат. 63, 3 – кат. 5, 4 – кат. 72, 5 – кат. 63, 6 – кат. 6, 7 – кат. 26, 8 – кат. 58, 9 – тризна 10; 10-18 – Нижнелубянский могильник: 10, 15-17 – кат. 44, 11 – кат. 42, 12 – кат. 40, 13, 18 – кат. 37, 14 – кенотаф 50

Fig. 2. Examples of vessels of group 1 sites. Without scale, identical height. 1-9 – Dmitrievsky burial ground: 1 – cat. 38, 2 – cat. 63, 3 – cat. 5, 4 – cat. 72, 5 – cat. 63, 6 – cat. 6, 7 – cat. 26, 8 – cat. 58, 9 – funeral feast 10; 10-18 – Nizhnelubyansky burial ground: 10, 15-17 – cat. 44, 11 – cat. 42, 12 – cat. 40, 13, 18 – cat. 37, 14 – cenotaph 50

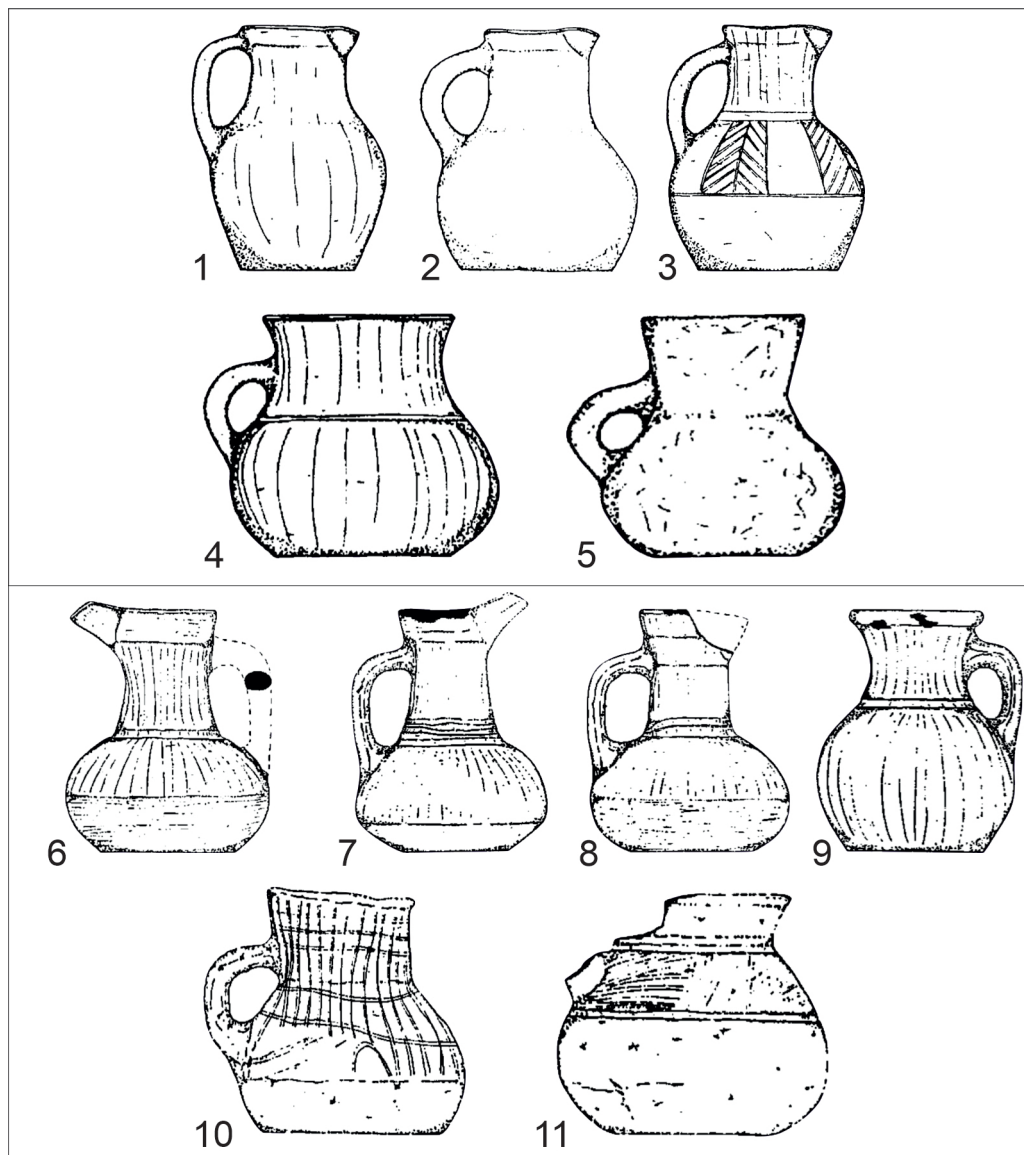

Рис. 3. Примеры форм сосудов, характерных для памятников группы 2. Без масштаба, приведены к одной высоте. 1-5 – Старосалтовский могильник. Рисунки В.С. Аксенова [22, рис. 8: 2, 3, 8, 15, 16]: 1 – кат. 20, 2 – кат. 22, 3 – кат. 4, 4 – кат. 12, 5 – кат. 18; 6-11 – Рубежанский могильник. Рисунки В.С. Аксенова [23, рис. 7: 1-3, 9; 8: 4, 5]: 6 – кат. 17, 7 – кат. 9, 8 – кат. 3, 9 – кат. 16, 10 – кат. 10, 11 – кат. 12

Fig. 3. Examples of vessels of group 2 sites. Without scale, identical height. 1-5 – Starosaltovsky burial ground. Drawings by V.S. Aksenov [22, fig. 8: 2, 3, 8, 15, 16]: 1 – cat. 20, 2 – cat. 22, 3 – cat. 4, 4 – cat. 12, 5 – cat. 18; 6-11 – Rubezhansky burial ground. Drawings by V.S. Aksenov [23, fig. 7: 1-3, 9; 8: 4, 5]: 6 – cat. 17, 7 – cat. 9, 8 – cat. 3, 9 – cat. 16, 10 – cat. 10, 11 – cat. 12

Рис. 4. Примеры форм сосудов, характерных для памятников группы 3. Без масштаба, приведены к одной высоте. 1-6 – Ютановский могильник: 1 – кат. 19, 2 – кат. 20, 3 – кат. 8, 4 – кат. 6, 5 – кат. 1Н, 6 – кат. 5. 5, 6 – рисунки Г.Е. Афанасьева; 7-13 – Маяцкий комплекс, по А.З. Винникову, С.А. Плетневой, Г.Е. Афанасьеву [15, рис. 18: А; 26: Б, В; 35: А, В; 24, рис. 5: 6, 7]: 7 – кат. ямы 18, 8, 9 – кат. 1, 10 – яма 29, 11 – тризна 3, 12 – тризна 5, 13 – постройка 24; 14-21 – Подгоровский могильник: 14-15 – кат. 12, 16, 21 – кат. 11, 17 – погр. 5, 18 – кат. 10, 19 – кат. 13, 20 – кат. 8. 18-20 – рисунки В.А. Сарапулкина [26, рис. 74: 15; 27, рис. 64: 9; 73: 20]

Fig. 4. Examples of vessels of group 3 sites. Without scale, identical height. 1-6 – Yutanovsky burial ground: 1 – cat. 19, 2 – cat. 20, 3 – cat. 8, 4 – cat. 6, 5 – cat. 1N, 6 – cat. 5. 5, 6 – drawings by G.E. Afanasyev; 7-13 – Mayatsky Complex, according to A.Z. Vinnikov, S.A. Pletneva, G.E. Afanasyev [15, fig. 18: A; 26: B, V; 35: A, B; 24, fig. 5: 6, 7]: 7 – cat. pits 18, 8, 9 – cat. 1, 10 – pit 29, 11 – trizna 3, 12 – trizna 5, 13 – building 24; 14-21 – Podgorovsky burial ground: 14-15 – cat. 12, 16, 21 – cat. 11, 17 – burial 5, 18 – cat. 10, 19 – cat. 13, 20 – cat. 8. 18-20 – drawings by V.A. Sarapulkin [26, fig. 74: 15; 27, fig. 64: 9; 73: 20]

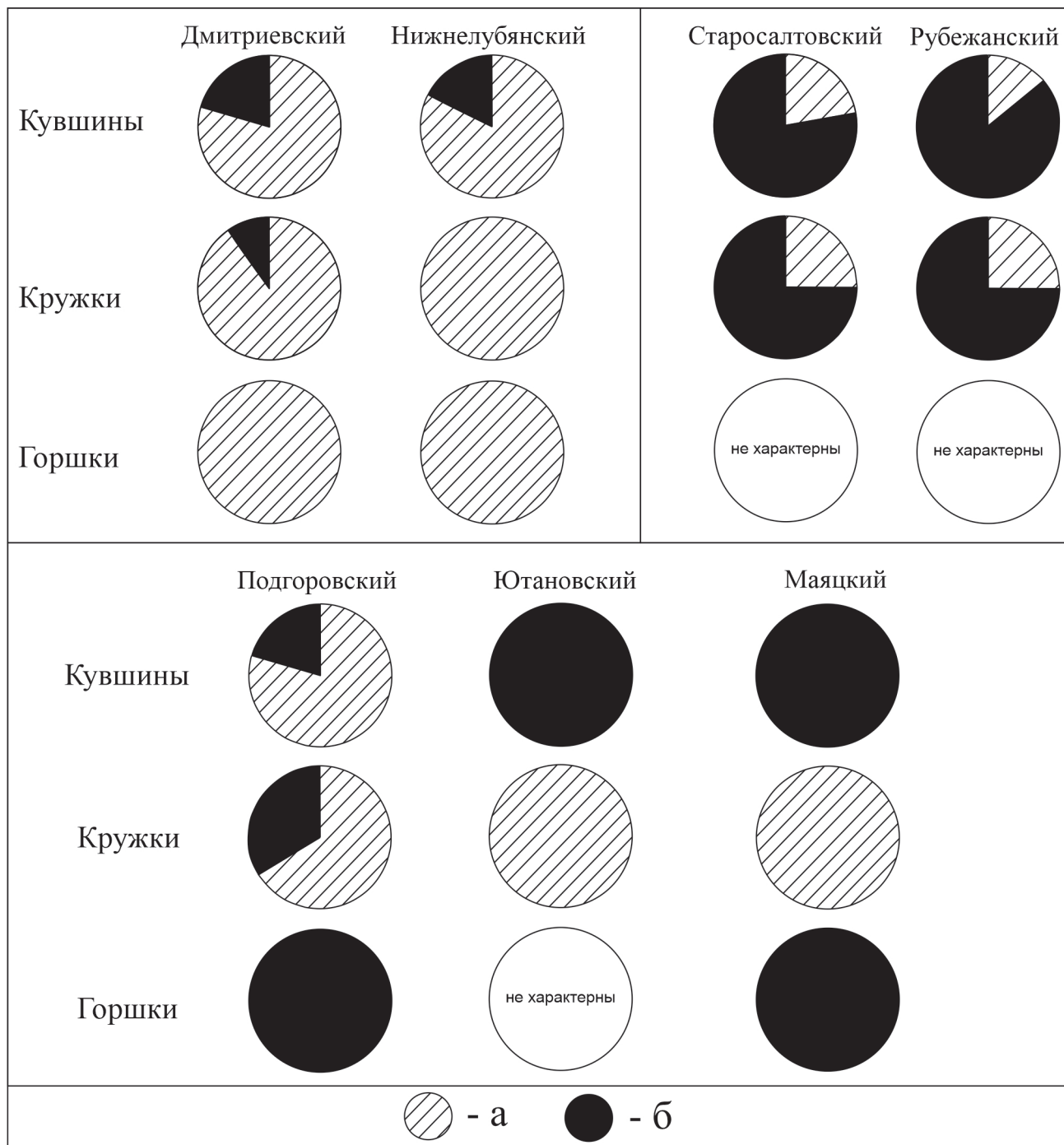

Рис. 5. Состав морфологических традиций в анализируемых памятниках:
 а – традиции К-1, Кр-1, Г-1, б – традиции К-2, Кр-2, Г-2

Fig. 5. The composition of morphological traditions in the analyzed sites:
 a – traditions K-1, Kr-1, G-1, b – traditions K-2, Kr-2, G-2

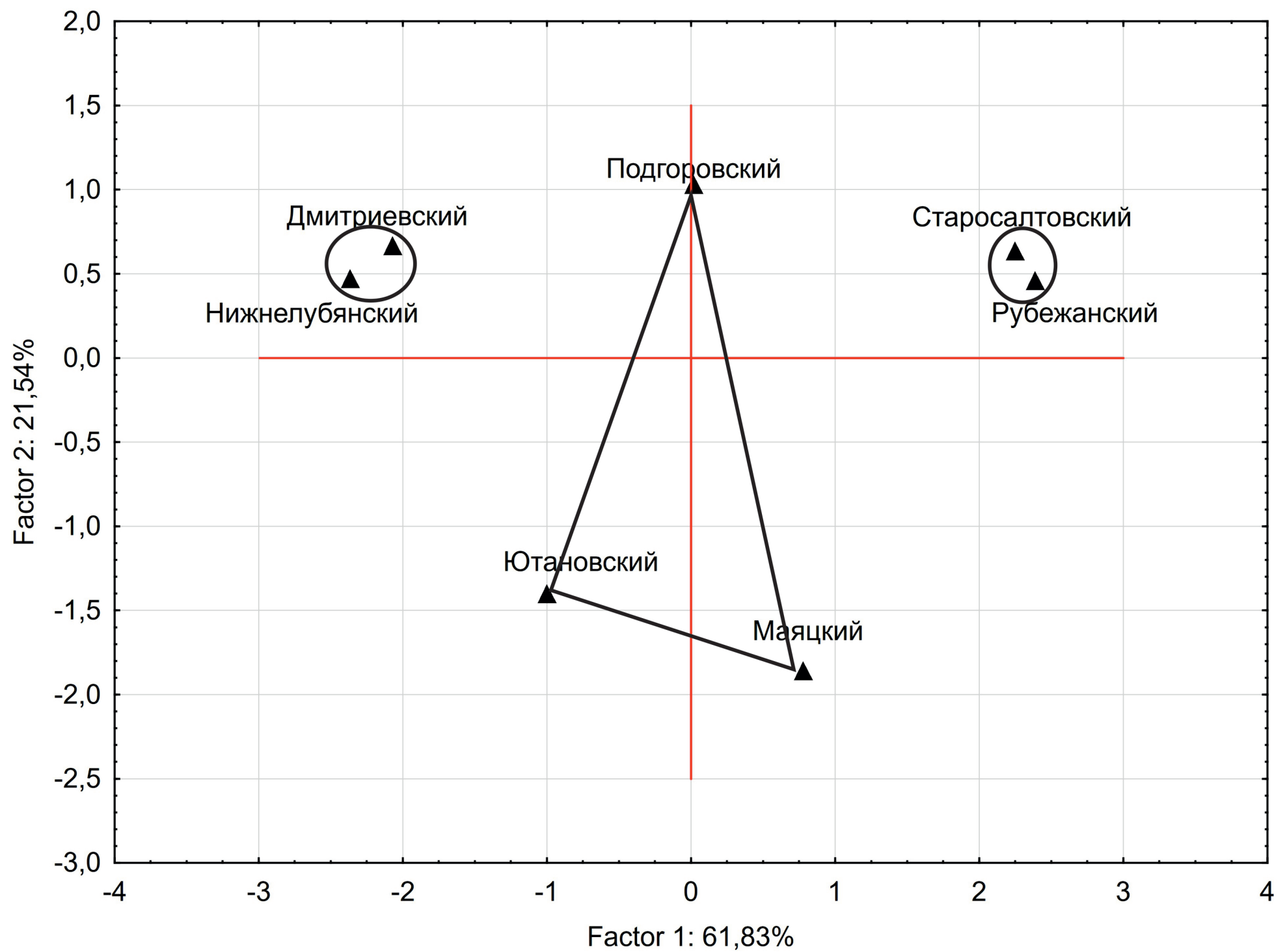

Рис. 6. Результаты сравнения ассортимента морфологических традиций методом главных компонент

Fig. 6. Results of morphological traditions comparison by the principal components analysis

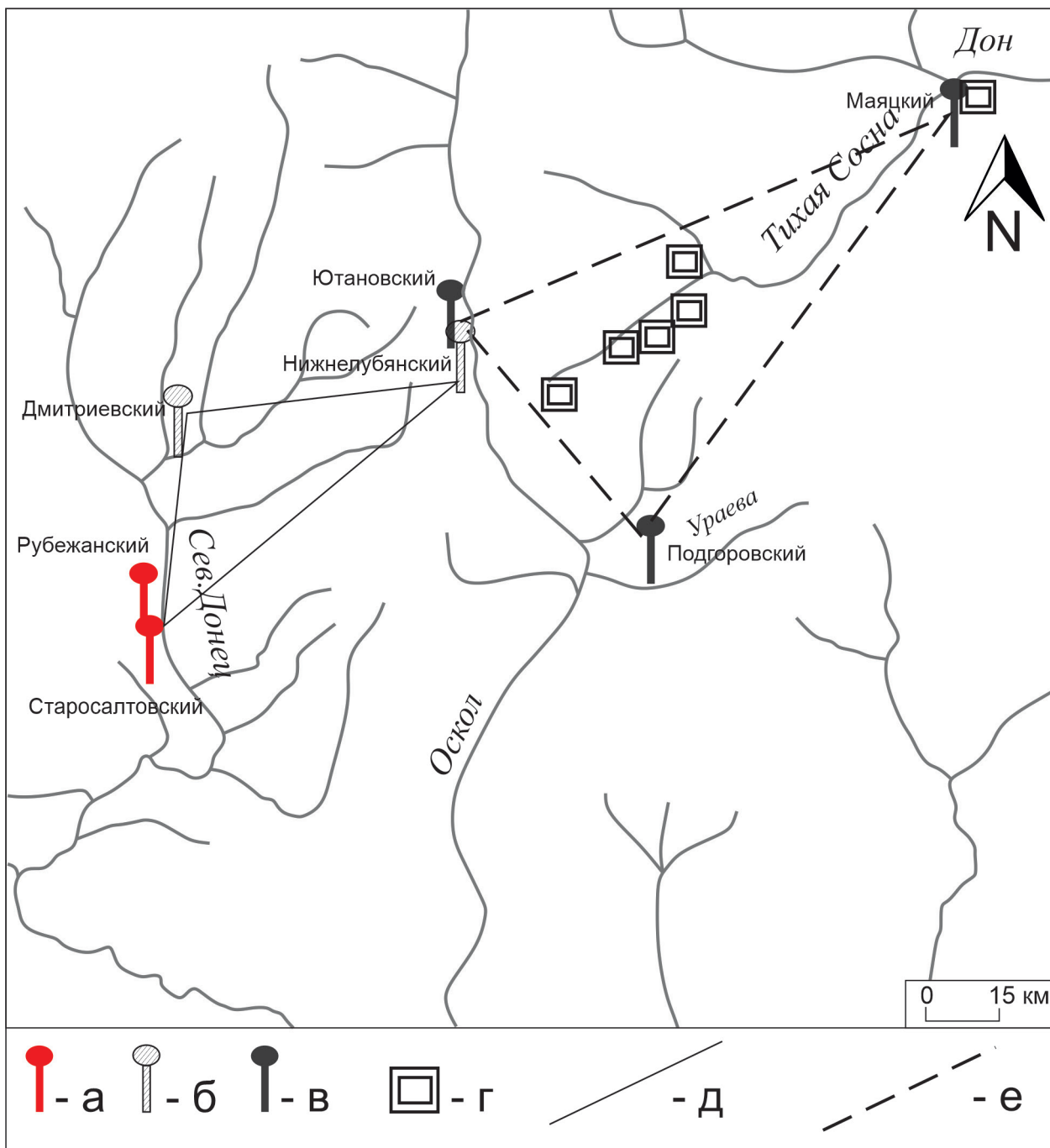

Рис. 7. Расположение исследуемых памятников: а – памятники группы 1, б – памятники группы 2, в – памятники группы 3, г – каменные и кирпичные крепости салтово-маяцкой культуры на р. Тихая Сосна, д – западный территориальный кластер, е – восточный территориальный кластер

Fig. 7. The location of the studied sites: a – group 1, b – group 2, v – group 3, g – stone and brick fortresses of the Saltovo-Mayatsk culture on the Tikhaya Sosna, d – western territorial cluster, e – eastern territorial cluster

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев Г.Е., Добровольская М.В., Коробов Д.С., Решетова И.К. Новые археологические, антропологические и генетические аспекты в изучении донских алан // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 64–79.
2. Цетлин Ю.Б. Об общем подходе и методике системного изучения форм глиняных сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / Отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2018. С. 124–179.
3. Бобринский А.А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия / Отв. ред. Г. И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский ГУ, 1986. С. 137–157.
4. Бобринский А.А. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики / Отв. ред. А. А. Бобринский. – Куйбышев: Куйбышевский ГУ, 1988. – С. 5–21.
5. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. – 272 с.
6. Волкова Е.В. Об относительной устойчивости орнаментальных традиций в гончарстве (по материалам эпохи бронзы) // КСИА. 2018. Вып. 251. С. 96–110.
7. Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. – 384 с.
8. Холошин П.Р. Опыт изучения величины случайных колебаний функциональных частей сосудов // Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к обобщению и интерпретации данных. Материалы V международной конференции молодых ученых / Отв. ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2019. С. 204–206.
9. Суханов Е.В. Об устойчивости функциональных частей глиняных сосудов (экспериментальное исследование) // Вестник «История керамики». Вып. 3 / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2021. С. 116–143.
10. Суханов Е.В. Культурные традиции создания форм кувшинов у донских алан // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16. № 3. С. 639–660.
11. Суханов Е.В. До дискусії що до етнічних маркерів у кераміці салтово-маяцької культури // Міхеєвські читання. Вип. 2 / Под ред. В.С. Аксенова, В. В. Колоды, В. В. Скирды. Харків: Майдан, 2021. С. 92–104.
12. Суханов Е.В. Формы кружек салтово-маяцкой культуры на Среднем Дону // История, археология и этнография Кавказа. 2021. № 17 (2). С. 455–479.
13. Афанасьев Г.Е. Донские аланы: социальные структуры алаано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука, 2003. – 184 с.
14. Плетнёва С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. – 200 с.
15. Винников А.З., Плетнёва С.А. На северных рубежах Хазарского каганата: Маяцкое поселение. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1998. – 216 с.
16. Свистун Г.Е. К вопросу о строительном материале и архитектуре салтовских лесостепных городищ

REFERENCES

1. Afanasyev GE., Dobrovolskaya MV, Korobov DS, Reshetova IK. New archaeological, anthropological and genetic aspects in the study of the Alans from the Don region. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2015; 237: 64-79 (In Russ).
2. Tsetlin YuB. On General Approach and Methods of Vessels' Shapes Systematic Study. In: Tsetlin Yu.B, editor. *Shapes of Clay Vessels As a Subject of Study. Historical-and-Cultural Approach*. Moscow: IA RAS Publ., 2018: 124-179 (In Russ).
3. Bobrinsky AA. On the methodology of studying the forms of pottery from archaeological excavations. In: Matveeva G. I., editor. *Cultures of Eastern Europe of the first millennium*. Kuibyshev: Kuibyshev University Publ., 1986: 137-157 (In Russ).
4. Bobrinsky AA. Functional parts in the composition of containers of pottery. In: Bobrinsky A. A., editor. *Problems of studying archaeological ceramics*. Kuibyshev: Kuibyshev University Publ., 1988: 5-21 (In Russ).
5. Bobrinsky AA. *Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study*. Moscow: Nauka Publ., 1978: 272 (In Russ).
6. Volkova EV. Relative Stability of Ornamental Pottery Traditions (Based on Bronze Age Materials). *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2018; 251: 96–110 (In Russ).
7. Tsetlin YuB. *Ancient Ceramics. Theory and Methods of Historical-and-Cultural Approach*. Moscow: IA RAS Publ., 2012: 384 (In Russ).
8. Kholoshin PR. Experience of studying the magnitude of random oscillations of functional parts of vessels. *New materials and methods of archaeological research: from criticism of the source to generalization and interpretation of data. Materials of the V International Conference of Young Scientists*. Moscow: IA RAS Publ., 2019: 204-206 (In Russ).
9. Sukhanov EV. On the stability of the functional parts of clay vessels (experimental study). In: Tsetlin Yu. B, editor. *«History of Ceramics» Bulletin*. Vol. 3; Moscow: IA RAS Publ., 2021: 116-143 (In Russ).
10. Sukhanov EV. Cultural traditions of jug shapes among Don Alans. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2020; 16 (3): 639-660 (In Russ).
11. Sukhanov EV. To the discussion on ethnic markers in ceramics of Saltovo-Mayatsk culture. In: Aksenov V. S., Koloda V. V., Skirda V. V., editors. *Mikheev readings*. Vol. 2; Kharkov: Majdan Publ., 2021: 92–104 (In Russ).
12. Sukhanov EV. Shapes of cups from the saltovo-mayaki culture of the Middle Don. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2021; 17 (2): 455-479 (In Russ).
13. Afanasyev GE. *Don Alans: social structures of the Alano-Asso-Burtas population of the Middle Don basin*. Moscow: Nauka Publ., 2003: 184 (In Russ).
14. Pletneva SA. *From nomads to cities. Saltovo-Mayatsk culture*. Moscow: Nauka Publ., 1967: 200 (In Russ).
15. Vinnikov AZ., Pletneva SA. *On the northern borders of the Khazar Khaganate: Mayatskoe settlement*. Voronezh: Voronezh State University Publ., 1998: 216 (In Russ).

бассейна Северского Донца // Харьковский археологический сборник. Вып. 2. Харьков: Мачулин, 2007. С. 40–58.

17. Флёрв В.С. Заметки о хазарских кирпичях, блоках и крепостях // Хазарский альманах. 2015. Том 13. С. 299–336.

18. Афанасьев Г.Е. О византийских линейных мерах в Маяцкой крепости // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк, 2010. С. 123–148.

19. Афанасьев Г.Е. О строительном материале и метрологии хазаро-аланских городищ бассейна Дона // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 29–49.

20. Афанасьев Г.Е. Алексеевское городище как памятник салтово-маяцкой культуры // КСИА. 2015. Вып. 239. С. 339–357.

21. Афанасьев Г.Е. О самоидентификации Хазарско-го каганата в IX веке (по данным системы обороны) // КСИА. 2015. Вып. 238. С. 98–114.

22. Аксенов В.С. Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita Antiqua*. 1999. № 2. С. 137–149.

23. Аксенов В.С. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // Донская археология. 2001. № 1-2. С. 62–78.

24. Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культурные комплексы Маяцкого селища. Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. Воронеж: ВГУ, 1991. – 192 с.

25. Сарapulкин В.А. Керамика и керамическое производство лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры: дис... канд. ист. наук. Воронеж, 2003. – 285 с.

26. Сарapulкин В.А. Отчёт о раскопках селища-1 у хутора Шпенгарёв в 2010 году // Архив кабинета археологии Белгородского госуниверситета. 35 л.

27. Сарapulкин В.А. Отчёт о раскопках селища-1 у хутора Шпенгарёв в 2009 году // Архив кабинета археологии Белгородского госуниверситета. 43 л.

28. Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. – 346 с.

16. Svistun GE. On the question of the building material and architecture of the Saltovo forest-steppe settlements of the Seversky Donets basin. *Kharkov Archaeological Collection*. Vol. 2; Kharkov: Machulin Publ., 2007: 40-58 (In Russ).

17. Flerov VS. Notes on Khazar bricks, blocks and fortresses. *The Khazar Almanac*. 2015; Vol. 13: 299-336 (In Russ).

18. Afanasyev GE. On Byzantine linear measures in the Mayatskaya fortress. In: Bessudnov A. N., editor. *Verkhnedonsky archaeological collection*. Vol. 5; Lipetsk, 2010: 123-148 (In Russ).

19. Afanasyev GE. On Building Materials and Metrology of Khazar-Alan Fortified Sites in the Don River Basin. *The Volga River Region Archaeology*. 2012; 2(2): 29-49 (In Russ).

20. Afanasyev GE. Alekseyevskoye hillfort as a Saltovo-Mayatskaya culture site. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2015; 239: 339-357 (In Russ).

21. Afanasyev GE. On the self-identification of the Khazar Khaganate in the 9th century (based on data of the defence system). *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2015; 238: 98-114 (In Russ).

22. Aksenov VS. Starosaltovsky catacomb burial ground. *Vita Antiqua*. 1999; 2: 137-149 (In Russ).

23. Aksenov VS. Rubezhansky catacomb burial ground of the Saltovo-Mayatsk culture on the Seversky Donets. *The Don Archaeology*. 2001; 1-2: 62-78 (In Russ).

24. Vinnikov AZ., Afanasyev GE. *Cult complexes of the Mayak settlement. Materials of the excavations of the Soviet-Bulgarian-Hungarian expedition*. Voronezh: Voronezh State University Publ., 1991: 192 (In Russ).

25. Sarapulkin VA. *Ceramics and ceramic production of the forest-steppe variant of the Saltovo-Mayatsk culture*. PhD Thesis. Voronezh, 2003: 285 (In Russ).

26. Sarapulkin VA. Report on the excavations of the settlement-1 at the Shpengarev in 2010. *Archive of the Archeology Cabinet of Belgorod State University*: 35 (In Russ).

27. Sarapulkin VA. Report on the excavations of the settlement-1 at the Shpengarev in 2009. *Archive of the Archeology Cabinet of Belgorod State University*: 43 (In Russ).

28. Tsetlin YB. *Ceramics. Concepts and Denitions of the Historical-and-Cultural Approach*. Moscow: IA RAS, 2017: 346 (In Russ).

Поступила в редакцию 02.07.2022

Принята в печать 09.08.2022

Опубликована 25.12.2022

Received 02.07.2022

Accepted 09.08.2022

Published 25.12.2022

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1841061-1086>

Исследовательская статья

Гмыря Людмила Борисовна
д.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
Lgmyrya@mail.ru

РУБАССКАЯ ФОРТИФИКАЦИЯ СЕРЕДИНЫ VI в.: ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИИ ЗАПАДНОГО ФАСАДА СТЕНЫ №2

Аннотация: Рубасская фортификация – это комплекс каменных военно-инженерных сооружений, открытый в 2014 г. в низовьях р. Рубас, в 20 км к ЮЗ от г. Дербента, вблизи сел. Коммуна Дербентского района Республики Дагестан. По функциональной направленности данный археологический объект относится к серии монументальных заградительных сооружений, возведенных в Каспийском проходе (Восточный Кавказ) Сасанидским Ираном при финансовом участии Византии в V–VI вв., препятствующих набегам кочевых племен в страны Закавказья и Ближнего Востока. Типологически и хронологически (VI в.) Рубасский оборонительный комплекс сопоставим с каменными крепостными сооружениями Дербента. Раскопками 2014, 2016–2018, 2020 гг. на компактном участке левого берега р. Рубас площадью 300 кв.м. было выявлено 6 обособленных военно-технических сооружений, соединенных между собой строительными связками. Центральное положение в данном комплексе занимает магистральная стена № 2, ориентированная в меридиальном направлении (СЗ–ЮВ). Она раскрыта на протяжении 28 м, находится в поперечном положении относительно русла р. Рубас, направленного с запада на восток. Все другие выявленные сооружения расположены в непосредственной близости от стены № 2, к западу и востоку от нее. Стена № 2 конструктивно отличается монументальностью. В данной статье детально охарактеризованы особенности конструкции западного фасада стены № 2 и обусловлена функциональная значимость каждого строительного участка, входящего в его состав. Проведен также сравнительный анализ инженерных решений обоих фасадов стены № 2 и определена функциональная направленность сложных конструктивных решений оборонительного характера. Методика исследований включает детальный анализ технологических приемов возведения западного фасада стены №2, обоснование наличия разнотипных по конструкции участков и установление обусловленной связи между характером кладки этого фасада и прочностью всей постройки.

Ключевые слова: Рубасская фортификация; Восточный Кавказ; магистральная стена № 2; структура западного фасада стены № 2; Сасанидский Иран.

Для цитирования: Гмыря Л.Б. Рубасская фортификация середины VI в.: особенности конструкции западного фасада стены №2 // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 1037-1060. doi: 10.32653/CH1841061-1086

© Гмыря Л.Б., 2022
© Сефербеков М.Р., перевод, 2022
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1841061-1086>

Research paper

Lyudmila B. Gmyrya,
Dr. Sci. (History), Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
Lgmyrya@mail.ru

THE RUBAS FORTIFICATION OF THE MID-SIXTH CENTURY: STRUCTURAL FEATURES OF THE WESTERN FACADE OF WALL 2

Abstract. The Rubas Fortification is a complex of stone military-engineering structures, uncovered in 2014 in the lower reaches of the Rubas River, 20 km south-west of Derbent, near the village of Kommuna, Derbent district of the Republic of Dagestan. According to its functional purpose, this archaeological site belongs to a series of monumental defensive structures erected in the Caspian Passage (Eastern Caucasus) by the Sassanid Iran with the financial aid of Byzantium in the 5–6th centuries, and preventing nomadic tribes from raids in the countries of Transcaucasia and the Middle East. Typologically and chronologically (6th century), the Rubas defensive complex is similar to the stone fortifications of Derbent. Excavations in 2014, 2016–2018, 2020 on a compact section of the left bank of the Rubas River with an area of 300 sq.m. revealed six separate military-engineering structures connected to each other by construction joints. The central position of this complex is occupied by the main Wall 2, oriented in the meridian direction (NW–SE). It has been uncovered for 28 m, is in a transverse position relative to the riverbed of the Rubas River, directed from west to east. All other revealed structures are located in the immediate vicinity of Wall 2, to the west and east of it. Structurally, Wall 2 is distinguished by its monumentality. The author describes in detail the design features of the western facade of Wall 2 and determines the functional significance of each section of the wall. A comparative analysis of engineering solutions of both facades of Wall 2 was conducted, the functional orientation of complex design solutions of a defensive nature was determined. The research methodology comprises a detailed analysis of the technological methods for the construction of the western facade of Wall 2, the reasoning behind the presence of sections of different construction types and the determination of a conditioned connection between the nature of the masonry of this facade and the strength of the entire structure.

Keywords: Rubas Fortification; Eastern Caucasus; Main Wall 2; structure of the western facade of Wall 2; Sasanian Iran.

For citation: Gmyrya L.B. The Rubas Fortification of the mid-sixth century: structural features of the western facade of Wall 2. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2022. Vol. 18. N. 4. P. 1037-1060. doi: 10.32653/CH1841061-1086

© Gmyrya L.B., 2022
© Seferbekov M.R., translation, 2022
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2022

Рубасский оборонительный комплекс сер. VI в. (Рубасская фортификация) был открыт случайно вблизи сел. Коммуна в прибрежной зоне р. Рубас (Дербентский р-он Республики Дагестан, РФ) в 2014 г. Часть объекта была разрушена местными жителями, использовавшими массивные каменные блоки в качестве строительного материала современных построек.

Но благодаря высокой гражданской ответственности ряда жителей сел Коммуна и Рубас, а также оперативному вмешательству Республиканской службы охраны памятников, дирекции и сотрудников Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН варварское разрушение уникального объекта культурного наследия было остановлено.

Разведочными исследованиями 2014 г. (грант РФФИ – Дагестан. 2012–2014 гг.) были выявлены небольшие участки четырех монументальных сооружений – магистральной стены №2; стены №3, встроенной в восточный фасад стены №2; сооружения арочной конструкции (укрепленный проход на территорию объекта) и пристроенной к нему стены №1.

Стационарные раскопки памятника были проведены в 2016–2018 гг. (грант РФФИ) и 2020 г. (грант главы Республика Дагестан. 2019 г.) Рубасской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН.

К настоящему времени исследовано 6 военно-инженерных сооружений: 1) магистральная стена № 2 (ориентирована СЗ–ЮВ); 2) стена № 3 округлой формы, встроенная в восточный фасад стены № 2 на южном участке (ориентировка З–СВ); 3) сооружение № 6 ступенчатой конструкции, пристроенное к восточному фасаду стены № 2 с севера (ориентировка по длинной стороне СЗ–ЮВ); 4) сооружение № 5 в виде платформы, расположенное к югу от стены № 3 (ориентировка по расположению удлиненных блоков СВВ–ЮЗЗ); 5) сооружение арочной конструкции (укрепленный въезд на объект), расположенное к западу от стены № 2 (ориентировка по длинной стороне ЮЗЗ–СВВ); 6) стена № 1, пристроенная с северной стороны к сооружению арочной конструкции (ориентировка СЗ–ЮВ) [рис. 1, 1–6; 2, 1–4, 6–7] [1, с. 912–937].

Площадь раскопа составляет свыше 300 кв. м при толщине грунтовых наслоений ок. 3,0 м [рис. 1; 2].

Исследованиями установлено функциональное назначение объекта археологии – комплекс военно-технических сооружений монументального характера. Определена датировка памятника по аналогиям с Дербентскими каменными укреплениями – середина VI в. Выявлена типологическая связь данного объекта со строительной деятельностью Сасанидского Ирана по возведению заградительных рубежей на территории Каспийского прохода. Отмечен высокий уровень строительных работ и уникальность инженерно-проектных разработок [1, с. 920].

Обоснована также оригинальность планировки сооружений и сложность конструктивных решений. Каждый военно-технический объект данного комплекса имеет индивидуальную планировку, конструкцию и набор технологических приемов сооружения. По данным исследований каждый объект несет определенную функциональную нагрузку в оборонительной системе комплекса, что обуславливало особенность его конструктивных решений.

Уникальность оборонительного комплекса на р. Рубас обусловлена двумя факторами – 1) наличием в его составе разнотипных по конструкции сооружений и 2) использованием разнообразных по функциональному назначению строительных связей, объединяющих разнотипные постройки в единый объект. Аналогов в данном регионе Рубасскому оборонительному комплексу нет.

Следует отметить, что раскопки данного оборонительного объекта сопряжены с большими сложностями, связанными с получением необходимой информации о хронологии памятника и его культурной принадлежности. Археологический объект был перекрыт отложениями селя (речной гравий и супесь мучной консистенции), образовавшегося в результате серии землетрясений силой 9 баллов [2, с. 91–103; 3, р. 91–103] [рис. 1, 7; 2, 5; 4, 5; 5, 5; 6, 3]. Толщина селя (галечный и супесный слой) в пределах раскопа составляет 2,5 м. На месте раскопок не сохранились предметы материальной культуры времени функционирования оборонительного объекта (керамика, предметы вооружения и быта). Встречаются обломки прокаленных кирпичей грубой выделки, причем как на нижнем уровне селевых отложений у основания сооружений, так и на верхнем и среднем уровнях отложений грунта. Анализ обстоятельств нахождения обломков кирпичей свидетельствует о привнесенном характере этих находок вместе с селевыми потоками. В конструкции каменных сооружений Рубасской фортификации включений кирпичей не обнаружено. Палеосейсмологами зафиксированы также деформации многих участков оборонительных сооружений данного объекта, образованных в результате неоднократных землетрясений [2, с. 95–96, рис. 6–10; 3, р. 95–96, рис. 6–10].

Основным источником получения необходимой информации о Рубасской фортификации являются выявленные сооружения, составляющие ее комплекс. Сохранность сооружений – относительно хорошая, несмотря на разрушения 2014 г., осуществленные местными жителями. Встречаются также перекопы собственников магистральных линий газопровода и нефтепровода (памятник находится в охранной зоне этих объектов), а также перекопы, связанные с подготовкой местными жителями прибрежной территории под сады и огороды.

Большинство сооружений Рубасской фортификации сохранилось на высоту 2–2,5 м благодаря природной консервации селевыми отложениями. Особенность выявленных раскопками сооружений состоит в том, что планировка и конструкция каждого из них индивидуальна, как и состав использованных строительных материалов [рис. 1, 1–6; 2, 1–4, 6–7].

Аналогии данному комплексу ни по его составу, ни по планировке и конструкции сооружений нам не известны.

Хорошая сохранность сооружений Рубасского фортификационного комплекса дает возможность проведения аналитических исследований конструкций каждого из них. Именно особенности конструкций сооружений дают возможность определить хронологию данного объекта, выявить обусловленность многообразия их форм и источники заимствования строительных приемов и архитектурных идей. Важно также установить комплекс причин, обуславливающих наличие многообразия конструктивных особенностей оборонительных сооружений. Предполагается, что это связано с необходимостью усиления прочности сооружений, исходя из характера внешних угроз противника и разрушительных воздействий природных явлений (землетрясений). Возможно, учитывались также штурмовые практики оборонительных сооружений кочевых племен. Не исключено также, что сложность конструкций оборонительных сооружений использовалась как защита главных направлений их штурма и слабо эффективных узлов в конструкциях сооружений.

Раскопки комплекса оборонительных сооружений на р. Рубас в Южном Дагестане пока не завершены. Несмотря на большой объем раскопочных работ, ни одно из открытых сооружений не раскрыто полностью [рис. 1; 2]. По итогам раскопок 2020 г. восточный фасад магистральной стены № 2 протяженностью в 17,5 м имеет продолжение

в северном направлении, ее западный фасад длиной 24 м – как к югу (в сторону русла р. Рубас), так и к северу. Стена № 3, встроенная в восточный фасад стены № 2, направлена к востоку. Оригинальное сооружение в форме многоярусной платформы (сооружение № 5) с наклоном поверхности имеет продолжение как к югу (в сторону русла р. Рубас), так и к востоку.

Эти обстоятельства пока не позволяют в полном объеме охарактеризовать конструкцию каждого сооружения, входящего в данный комплекс.

По итогам раскопок 2020 г. восточного фасада магистральной стены № 2 был впервые проведен детальный анализ его конструктивного устройства [1].

Монументальная стена № 2 занимает центральное положение в структуре Рубасского комплекса. Она ориентирована в меридиональном направлении. На период 2020 г. ее максимальная протяженность раскрыта на уровень 28 м (общая длина) [рис. 1, 1; 2, 1; 3, 1; 4, 1]. Как отмечалось, она имеет продолжение как в сторону р. Рубас (левый берег), так и в северном направлении [рис. 2, 1].

Ширина (толщина) стены № 2 имеет разные показатели. На южном участке, в месте нахождения встроенной в нее стены № 3, она составляет 2,7 м. У северного конца ширина стены № 2 увеличивается до 3,3 м [рис. 2, 1]. Возможно, разница в параметрах ширины (толщины) стены № 2 обусловлена сейсмическими причинами [2, р. 91–103]. Форма стены № 2 искажена, что особенно ярко фиксируется на линии западного фасада. В центральной части фасад имеет вогнутость, направленную к востоку, северный и южный концы фасада, напротив, имеют выпуклость, направленную к западу [рис. 2, 1; 3, 1; 4, 1].

В восточный фасад стены № 2 встроено 2 сооружения – стена № 3 и сооружение № 6 ступенчатой конструкции [рис. 1, 2, 4]. К востоку от южного участка стены № 2 находится сооружение № 5 (платформа), но его связь со стеной № 3 и стеной № 2 пока не установлена [рис. 1, 3; 2, 6]. Через западный фасад стена № 2 была связана с сооружением арочной конструкции. Между ними находился крытый массивными плитами проход № 2, ведущий на территорию комплекса [рис. 1, 5; 2, 2].

Восточный фасад стены № 2 ограничен с южной стороны встроенной в него стеной № 3, имеющей вогнутую форму [рис. 2, 4]. Южная часть восточного фасада стены № 2 не сохранилась. Она была разрушена местными жителями в процессе выемки каменных блоков из его конструкции. На месте разрушенного участка восточного фасада стены № 2 в 2014 г. находился котлован размером 9×7 м при глубине более 3-х м [рис. 2, 1; 4, 1]. Он был заполнен обломками камней разного размера. Суммарная протяженность восточного фасада стены № 2 с учетом протяженности северной пристройки (сооружение № 6) на период 2020 г. составляет 17,5 м (11,8 м + 5,7 м) [рис. 2, 1, 7].

Как отмечалось, анализ конструкции восточного фасада стены № 2 выявил в нем 5 строительных участков (участки А, Б, В, Г, Д). Участок В был сооружен постелистой кладкой ступенчатым способом. Участки Б и Г выполнены двумя технологиями – чередование кладки «opus quadratum» и постелистой ступенчатой конструкции. Участки А и Д сооружены постелистой кладкой с использованием широких ступеней [рис. 16; 17] [1, с. 916–919].

Включение в состав восточного фасада стены № 2 сооружения № 6 ступенчатой конструкции, придавшего определенную завершенность архитектуре восточного фасада, выявило наличие типологической идентичности 4-х участков фасада из 5-и имеющихся [рис. 16]. Причем типологически идентичные участки занимали симметричное положение относительно центрального протяженного участка, т.е. находились по обе стороны от него [рис. 17]. Это обстоятельство свидетельствует о том, что ступенчатая

пристройка (сооружение № 6) не обособленное сооружение, а является необходимой частью восточного фасада стены № 2. Анализ структуры восточного фасада стены № 2 и конструкции, включенных в его состав строительных объектов, показал, что их расположение обусловлено конкретными задачами оборонительного характера [1, с. 916–920].

Конструкции западного и восточного фасада стены № 2 разные.

Западный фасад стены № 2 не имеет пристроек. По данным раскопок 2018 г. его южный конец имеет продолжение к югу в сторону левого берега р. Рубас. Его северный конец обрывается в 4 м от северного борта раскопа 2018 г. Общая длина раскрытой части западного фасада на период 2018 г. составляет 23,8 м [рис. 2,1; 11; 12].

В структуре западного фасада стены № 2 визуальнo выделяются 3 участка с разным типом кладки: северный (постелистая кладка из удлиненных блоков средней толщины); центральный (чередование слоев с кладкой «opus quadratum» с однорядной постелистой кладкой); южный (постелистая кладка из утолщенных блоков) [рис. 12, А, Б, В].

Их обусловленность частично отмечалась в публикациях информационного характера, но аналитического разбора конструкции западного фасада стены № 2 не проводилось, т.к. планировались его дальнейшие раскопки для определения полной протяженности.

Сравнительного анализа конструктивных решений обоих фасадов стены № 2 также не проводилось. Необходимо было выявить конструктивные особенности западного фасада стены № 2 по единой методике, включающей детальную характеристику имеющейся базы данных по каждому строительному участку.

В данной статье рассмотрены особенности конструкции западного фасада стены № 2, проведен сравнительный анализ инженерных решений западного и восточного фасадов, а также показана функциональная значимость сложных конструктивных решений при разработке оборонительных задач данного комплекса. Данные исследования были проведены в рамках государственного задания ИИАЭ ДФИЦ РАН «Особенности конструкции Рубасской фортификации VI в. (Восточный Кавказ)», запланированного на период 2022–2024 гг.

Исследованиями было установлено, что конструктивные решения обоих фасадов стены № 2 были взаимосвязаны, дополняя и усиливая защитные возможности объекта в целом.

Как отмечалось, все выявленные сооружения Рубасской фортификации имеют индивидуальную конструкцию, особенности которой связаны с их функциональным назначением. Однако, хотя при сооружении стены № 2 была применена панцирная технология (2 стены из массивных блоков с внутренней забутовкой), но каждый фасад стены № 2 (восточный и западный) включал в себя участки с разной технологией сооружения.

Анализ структуры восточного фасада стены № 2 показал наличие 5-и своеобразных участков, различающихся типом кладки и конструкцией (участки А, Б, В, Г, Д) [рис. 17, А, Б, В, Г, Д] [1, с. 916–918].

Конструкция западного фасада стены № 2 также не была однородной [рис. 11]. В нем выделяются 3 обособленных участка, отличающиеся структурой и технологией сооружения (участки А', Б', В') [рис. 12, А', Б', В']. Места их стыковки оформлены различными строительными приемами. Конструктивные особенности этих объектов фиксируют функциональную направленность каждого из них. Объективность заключений по каждому из участков западного фасада стены № 2 предполагает полную характеристику имеющейся

базы данных (количество сохранившихся на участке блоков, их размеры, особенности расположения в кладке, система стыковки различных блоков между участками и др.).

Главное отличие западного фасада стены № 2 от ее восточного фасада состоит в отсутствии в нем ступенчатой конструкции. Западный фасад на всем протяжении имеет практически гладкую поверхность с хорошо пригнанными друг к другу каменными блоками и даже, видимо, обмазкой стыков каменных блоков скрепляющим раствором [рис. 5–10].

Участок А'

Участок А' исследован в 2016–2018 гг. Расположен на северной оконечности западного фасада стены № 2. Протяженность 9,0 м [рис. 6, 1; 12, А'; 13]. К этому участку фасада при-мыкает каменные (галечные) остатки селя максимальной толщиной 1,5 м [рис. 11; 12; 13]. Головной участок селя расположен на южной оконечности данного участка западного фасада [рис. 1, 7; 2, 5; 3, 6; 4, 5; 5, 5; 6, 3].

Конструкция участка А' выполнена постелистой кладкой блоков.

На северной оконечности участка А' свободными от наслоений селя были три верхних полных ряда кладки и нижний неполный ряд (блоки №№ 134, 136–140). Высота северной оконечности данного участка составила 0,94 м [рис. 13].

На южной оконечности участка А' находилось 10 рядов кладки (блоки №№ 14, 16, 63–64, 73, 77, 80, 83, 84–89) и 1 неполный ряд (блок без №) [рис. 13]. Высота южной оконечности участка А' составила 2,3 м.

Открытый уровень участка А' включал 62 блока: блоки №№ 1–14, 16, 51–89, 134–140. Первый (верхний) ряд состоял из 2-х блоков (блоки №№ 1–2), второй ряд – из 6-и блоков (№№ 134–135, 3–6), третий ряд – из 10 блоков (№№ 137, 136, 7–14), четвертый ряд – из 6 блоков (№№ 138, 51–54, 16), пятый ряд – из 12 блоков (№№ 140, 139, 55–64), шестой ряд – из 9 блоков (№№ 65–73), седьмой ряд – из 4 блоков (№№ 74–77, без №), восьмой ряд – из 3 блоков (№№ 78–80), девятый ряд – из 4 блоков (№№ 81–84), десятый ряд – из 2 блоков (№№ 85, 86), одиннадцатый ряд – из 2 блоков (№№ 87–88), двенадцатый ряд включал 1 блок (№ 89), тринадцатый ряд включал также 1 блок (фр-т без №) [рис. 13].

В состав кладки участка А' входило 7 крупных блоков (№№ 1, 4, 7, 16, 53–54, 138). Они находились в 1–4 рядах кладки. В первом ряду кладки крупный блок № 1 имел параметры 1,66×0,3 м. Во втором ряду – крупный блок № 4 – 1,7×0,3 м. В третьем ряду – крупный блок № 7 – 1,66×0,24 м. В четвертом ряду находилось 4 крупных блока – № 138 (1,66×0,2 м), № 53 (2,0×0,14 м), № 54 (2,2×0,2 м) и № 16 (2,16×0,2 м) [рис. 13].

Наиболее крупные блоки находились в 4-ом ряду кладки (№№ 53, 54, 16) длиной соответственно 2,0 м; 2,2 м; 2,16 м. Причем они были установлены рядом в последовательности: №№ 53, 54, 16. Данные блоки являются самыми крупными по длине на всем протяжении западного фасада стены № 2.

Блоки участка А' западного фасада стены № 2 в основном обработаны тщательно, установлены без уступов. Однако в кладке находилось несколько блоков, вероятно, вторичного использования. В 1-ом ряду на поверхности крупного блока № 1 длиной 1,6 м имелась архитектурная деталь, утраченная на северном конце. В 4-ом ряду установлен один из наиболее длинных блоков № 16. Его верхний уровень имел в южной

половине изъяны с остроконечными выступами. Для установки на него блока № 14 третьего ряда кладки неровности блока № 16 были сглажены слоем скрепляющего раствора. Также неровной была поверхность у блока № 53 длиной 2,0 м четвертого ряда кладки. Она также была сглажена скрепляющим раствором [рис. 13].

Участок Б'

Участок Б' исследован в 2016–2018, 2020 гг. Расположен в центральной части западного фасада стены № 2. Протяженность 5,7 м. Данный участок встроен в южную оконечность участка А' [рис. 6, 2; 7–8; 9, 1; 14].

Конструкция участка Б' выполнена двумя видами кладки – постелистой и кладкой «opus quadratum». Постелистая кладка выполняла роль прослоек и перекрытий между двумя рядами кладок «opus quadratum» [рис. 14].

На данном участке расчищено 7 полных рядов кладки, а на нижнем ряду открыты верхние уровни блоков.

Первый и второй ряды кладки составлены постелистым способом (блоки №№ 15, 17–20), третий ряд оформлен техникой «opus quadratum» (блоки №№ 21–28), четвертый ряд – постелистым способом (блоки №№ 30–35), пятый ряд – техникой «opus quadratum» (блоки №№ 90–93), шестой и седьмой ряды кладки – постелистым способом (блоки №№ 94–102) [рис. 14].

Высота северной оконечности участка Б' составила 2,5 м, южной оконечности – 2,04 м.

Открытый уровень участка Б' включал 32 блока: блоки №№ 15, 17–28, 30–35, 90–102. В первом ряду находился 1 блок (№ 15), установленный постелистым способом. Второй ряд состоял из 4-х блоков (№№ 17–20), также установленных постелистым способом. Третий ряд включал 8 блоков (№№ 21–28), установленных по системе «opus quadratum». Четвертый ряд включал 6 блоков (№№ 30–35), установленных постелистым способом. Пятый ряд включал 5 блоков, установленных по системе «opus quadratum» (№№ 90–94), дополненных двумя рядами блоков, установленных постелистым способом (№№ 102–105, 111–112). Шестой и седьмой ряды включали 8 блоков, установленных постелистым способом (№№ 94–102) [рис. 14].

В состав кладки участка Б', установленной по системе «opus quadratum», входило 6 ложковых блоков и 6 тычковых блоков. Ложковые блоки были установлены в вертикальном положении на длинное ребро (блоки №№ 21, 23, 25, 28, 91, 93). Тычковые блоки установлены боковой стороной наружу (блоки №№ 22, 24, 26, 90, 92, 102) [рис. 6–8; 9, 1; 14].

Параметры ложковых блоков были разными: блок № 21 (1,9×0,7 м), блок № 23 (1,9×0,62 м), блок № 91 (1,82×0,6 м), блок № 93 (1,0×0,6 м), блок № 25 (0,8×0,6 м), блок № 28 (0,66×0,34 м).

Высота тычковых блоков соответствовала в основном ширине ложковых блоков, около которых они устанавливались: блок № 22 (высота 0,68 м, толщина 0,3 м), блок № 24 (высота 0,62 м, толщина 0,18 м), блок № 90 (высота 0,6 м, толщина 0,2 м), блоки № 92 (высота 0,6 м, толщина 0,2 м). Исключение составляет тычковый блок № 26, установленный между ложковыми блоками № 25 и 28, которые имели в месте его установки разную ширину. Тычковый блок № 26 имел высоту равную ширине

ложкового блока № 28. Недостающий уровень высоты, который соответствовал ширине блока № 25, был нарачен установкой на верхний уровень блоков №№ 26 и 28 блока № 27 с параметрами: длина 0,7 м, толщина 0,1 м [рис. 14].

Стыковка участков А' и Б', имевших разные системы укладки каменных блоков (участок А' – постелистая кладка, участок Б' – чередование постелистой кладки и кладки «opus quadratum») осуществлялась двумя способами. Блок № 21, установленный длинной стороной на ребро, имел два выреза для стыковки с блоками участка А', установленных постелистой кладкой. На верхнем уровне блока № 21 имелся вырез длиной 0,5 м и высотой 0,12 м, в который был установлен блок № 64 пятого уровня кладки участка А'. На нижнем уровне блока № 21 имелся вырез глубиной 0,1 м и высотой 0,2 м, в который был установлен блок № 80 восьмого уровня кладки участка А'. При втором способе под уровень высоты боковой части блока, установленного на длинное ребро, осуществлялась подгонка высоты кладки из нескольких блоков, установленных постелистым способом. Так, тычковый блок № 90 был состыкован с кладкой, включающей три блока (№№ 84, 86, 88), по суммарной высоте соответствующей высоте тычкового блока № 90 [рис. 13–14]. В состав участка Б' входило 3 крупных ложковых блоков длиной соответственно 1,9 м (блоки №№ 21 и 23) и 1,82 м (блок № 91). Среди блоков, установленных постелистым способом, крупных блоков имелось 3 экз. – блок № 34 (длина 1,9 м), блок № 35 (длина 1,56 м), блок № 95 (длина 1,7 м), блок № 15 (длина 1,6 м) [рис. 14].

Блоки участка Б' обработаны тщательно, особенно крупные ложковые блоки. Именно на этом участке сохранились следы использования скрепляющего раствора в пространстве между двумя уровнями установки блоков по системе «opus quadratum». Практически скрепляющий раствор нанесен на поверхность блоков как штукатурный слой [7–9].

Участок В'

Участок В' исследован в период 2016–2018 и 2020 гг. Расположен в южной части западного фасада. Протяженность 9,1 м, исходя из местоположения каменного блока № 29, примыкающего с юга к каменному блоку № 35 участка Б' [рис. 11, 12, 15].

Участок В' имеет своеобразную конструкцию, несмотря на однообразие технологических приемов возведения. Данный объект построен постелистой кладкой из прямоугольной формы утолщенных блоков примерно одинакового размера. Кладка его верхнего уровня разобрана местными жителями в 2014 г. Он стыкуется с участком Б' оставшимися уровнями кладки [рис. 9–10, 11–12, 15].

Конструктивно участок В' состоит из двух частей – северной и южной, т.к. южный отрезок сдвинут к востоку по отношению к северному на 0,8 м [рис. 1, 1; 2, 1; 4, 1; 5, 1; 9; 15]. Данная конструкция обусловлена необходимостью устройства заградительных элементов в форме металлических решеток, для сбрасывания и подъема которых потребовалось соорудить желобов и обеспечение отступа участка западного фасада от генеральной линии на 0,8 м к востоку [рис. 4, 1, 3].

Северная часть участка В' включает 26 каменных блоков. Сохранилось 5 рядов кладки и верхний уровень нижнего ряда. Как отмечалось, все ряды кладки выполнены постелистым способом. Высота северной оконечности этой части участка составляет 1,54 м, южной оконечности – 1,1 м. Протяженность по верхнему уровню фасада

составляет 3,8 м. Этот участок стены № 2 получил наиболее значительные повреждения в 2014 г. Здесь был разобран верхний уровень кладки западного фасада общей высотой 0,5 м [рис. 15].

В состав северной части участка В¹ входят 26 экз. каменных блоков. Первый ряд включал блок № 29 размером 0,58×0,2 м. Второй ряд состоял из 4-х блоков (№№ 106, 36, 37, 38) размерами соответственно 0,64×0,26 м; 0,86×0,26 м; 0,9×0,24 м; 0,7×0,28 м. Третий ряд состоял из 5-и блоков (№№ 107, 108, 109, 110, 39) размерами соответственно 0,7×0,34 м; 0,7×0,32 м; 0,8×0,36 м; 0,88×0,36 м; 1,29×0,36 м. Четвертый ряд включал 6 блоков (№№ 112, 113, 114, 115, 116, 117) размерами соответственно 0,86×0,26 м; 0,7×0,24 м; 0,9×0,26 м; 0,72×0,26 м; 0,68×0,3 м; 0,86×0,3 м. Пятый ряд состоял из 5 блоков (№№ 123, 124, 125, 125А, 126) размерами соответственно 0,9×0,36 м; 1,56×0,5 м; 1,0×0,54 м; 0,61×0,34 м; 1,24×0,34 м. Шестой ряд состоял из 6 блоков (№№ 141, 142, 143, 144, 145, 146). Как отмечалось, были зачищены только верхние уровни этих блоков толщиной 0,06–0,1 м, их длина составила соответственно 0,8 м; 1,0 м; 1,1 м; 0,84 м; 1,0 м; 0,74 м [рис. 15].

Основное количество блоков северной части участка В¹ имело средние размеры длины (0,6–0,9 м). Блоков длиной 1,0 м и более имелось только 4 экз. Наиболее крупным был блок № 124 пятого ряда кладки, длина которого составляет 1,56 м. Также относительно крупными были еще 3 блока – блоки №№ 125 (1,0 м), 126 (1,24 м) пятого ряда кладки, а также блок № 39 (1,28 м) третьего ряда кладки [рис. 15].

Наиболее крупные блоки по длине и толщине, в том числе и блок № 124 длиной 1,56 м, находились в нижнем, пятом ряду кладки, т.е. в основании фасада.

На северном отрезке участка В¹ использовались специфические приемы совмещения каменных блоков и их подгонки. В блоке № 106 была вырезана верхняя часть длиной 0,26 м, глубиной 0,06 м. В совмещенном с ним блоке № 35 было вырезано в нижней части углубление той же длины, но глубиной 0,04 м. Для совмещения блока второго ряда № 38 с блоком третьего ряда № 110 на верхнем уровне последнего было вырезано углубление длиной 0,14 м при глубине 0,04 м. При совмещении блока второго ряда № 36 с блоком третьего ряда № 109 также на верхнем уровне блока № 109 было вырезано углубление длиной 0,54 м при глубине 0,04 м [рис. 15].

На внешней поверхности некоторых блоков северной части участка В¹ имелись углубления технического характера. В блоке № 116 (4 ряд кладки) было сделано углубление 4-х угольной формы размером 0,15×0,09 м при глубине 0,1 м, в котором фиксировался деревянный брус, выполнявший функцию запора двустворчатых ворот. Аналогичное углубление, несколько иной формы, находилось на этом же уровне на восточном фасаде базы-опоры № 1 сооружения арочной конструкции. Деревянный брус-запор сначала вставлялся скользящим движением в углубление блока № 116. От постоянного продвижения бруска к блоку № 116 сверху на блоке № 39 образовался глубокий изогнутый след. Подобный след имелся и на верхнем блоке восточного фасада базы-опоры № 1 [рис. 15].

Как отмечалось, на концевых участках блоков № 39, 117, 126 имелись углубления шириной 0,22 м, предназначенные для спуска и подъема металлических решеток, также использовавшихся для запора прохода, находившегося между восточным фасадом базы-опоры № 1 и западным фасадом стены № 2 [рис. 2, 1; 4, 1] [2, с. 477–478].

Под блоком № 126 находился каменный блок (плита – ?) № 146 (6-й уровень кладки), который выступал за пределы выше находившегося блока № 126 на 0,36 м. Этот блок (полная толщина пока не установлена) предназначался для фиксации запорной металлической решетки в опущенном положении [рис. 4, 1].

Южная часть участка В¹ открыта на протяжении 5,3 м. Она пристроена к северной части участка В¹. Ее вскрытый конец уходит под южный борт раскопа в сторону левого берега р. Рубас [рис. 1, 1; 2, 1; 15].

Южная часть участка В¹ включает 27 каменных блоков. Сохранилось 5 полных рядов кладки (2–5 ряды), верхний уровень нижнего ряда и обломок блока первого ряда. Кладка выполнена постелистым приемом. Высота южной части участка В¹ составляет 1,84 м. Протяженность этой части участка В¹ по нижнему уровню кладки составляет 5,3 м.

В состав южной части участка В¹ входит 27 экз. каменных блоков. Первый ряд включал фрагмент блока № 50 размером 0,44×0,26 м. Во втором ряду находилось 2 блока (№№ 48 и 49) размерами соответственно 0,66×0,24 м и 0,32×0,26 м. Третий ряд состоял из 3-х блоков (№№ 45, 46, 47) размерами соответственно 0,8×0,24 м; 0,8×0,24 м; 0,6×0,22 м. Четвертый ряд – из 5 блоков (№№ 40, 41, 42, 43, 44) размерами соответственно 0,54×0,38 м; 0,68×0,34 м; 0,66×0,36 м; 0,6×0,4 м; 0,7×0,36 м. Пятый ряд – из 4 блоков (№№ 118, 119, 120, 121) размерами соответственно 0,72×0,24 м; 1,28×0,26 м; 0,8×0,28 м; 0,8×0,32 м. Шестой ряд включал 5 блоков (№№ 127, 128, 129, 130, 131) размерами соответственно 0,66×0,34 м; 0,9×0,3 м; 0,74×0,28 м; 1,0×0,26 м; 0,6×0,32 м. Седьмой ряд – 7 блоков (№№ 147, 148, 149, 150, 151, 132, 133). Как отмечалось, были зачищены только верхние уровни этих блоков толщиной 0,12 м [рис. 11; 12; 15].

Основное количество блоков южной части участка В¹ имело средние размеры длины (0,6–0,8 м). Блоков длиной 1,0 м и более было 2 экз. (№№ 119 и 130). Наиболее крупным блоком (1,28 м) был блок № 119 пятого ряда кладки. Также относительно крупным блоком был блок № 130 шестого ряда кладки (1,0 м) [рис. 15].

Наиболее крупные блоки по длине находились в нижних рядах кладки (5, 6 ряды), т.е. в основании фасада. Наиболее крупные по толщине блоки находились в 4-ом ряду кладки (0,34–0,4 м) (№№ 40–44).

На южной части участка В¹ выявлена технологическая особенность кладки нижнего 7-го уровня, которая пока не имеет обоснования. Верхний уровень 7-и блоков нижнего ряда (блоки №№ 147–151, 132–133) находился выше верхнего уровня нижнего ряда северной части участка В¹ (блоки №№ 144, 145, 146) на 0,06 м. Для совмещения блоков шестого ряда (блоки №№ 128–133) южной части участка В¹ с блоками четвертого уровня (блоки №№ 125, 125А, 126, 127) северной части участка В¹ блок № 147 был с северной стороны подтесан на глубину 0,06 см на протяжении 0,34 м. Эта манипуляция потребовалась для установки в кладку блока № 127 толщиной 0,36 м и совмещения его с блоком № 128 толщиной 0,3 м. Все последующие блоки 6-го уровня кладки южной части участка В¹ (блоки №№ 129–131) имели аналогичную толщину (0,3 м). Манипуляция с подтеской блока № 147 обеспечила одинаковый уровень верхней части шестого ряда кладки [рис. 11; 12; 15].

На видимой части боковых граней некоторых блоков западного фасада участка В¹ (южная часть) имелись выемки прямоугольной формы для установки скоб скрепления (блоки №№ 50, 48, 49, 47, 131). Зафиксировано 6 углублений для установки скоб скрепления блоков [рис. 1; 2]. На поверхности обломка блока № 50 (1-й ряд кладки) паз находился на южной (целой) грани. На блоке № 48 (2-й ряд кладки), подстилавшем блок № 50, паз находился также на южной грани. На блоке № 49 (2-й ряд кладки), прилегавшем к боку № 48 с юга, имелось два паза – на северной и южной гранях. Паз, расположенный на северной грани, был совмещен с пазом блока № 48. На блоке № 47 (3-й ряд кладки), подстилавшем блок № 49 2-го ряда кладки, паз находился на южной грани. На блоке № 131 (6-й ряд кладки) паз

находился на южной грани. Все пазы были ориентированы длинной стороной по направлению С–Ю. Удалось установить параметры 3-х пазов – блок № 49, южный паз (размер 0,1×0,06 м, глубина 0,07 м), блок № 47, южный паз (размер 0,13×0,07 м, глубина 0,06 м), блок № 131, южный паз (размер 0,14×0,09 м, глубина 0,07 м). Данные о некоторых пазов установить не удалось, т.к. они были заполнены мелкими гальками и скрепляющим раствором (блок № 48, южный паз; блок № 49, северный паз).

Хотя по конструкции участки А¹ и В¹ западного фасада стены № 2 типологически близки – постелистая кладка блоков, но по существу они различаются. Кладка участка А¹ включает в основном блоки небольшой толщины (37 блоков имеют толщину 0,2–0,26 м). Максимальная толщина блоков данного участка составляет 0,3 м, но их представлено только 6 экз. Кладка участка В¹ включала 21 блок толщиной 0,3–0,38 м, 6 блоков – толщиной 0,4 м и 4 блока – толщиной 0,28 м [рис. 13; 15].

Отличие участков А¹ и В¹ состоит также и в том, что на участке А¹ большинство блоков имело удлиненную форму, в то время как на участке В¹ блоки были укороченной длины [рис. 11; 12; 13; 15].

Визуально в конструкции западного фасада стены № 2 просматривается определенная закономерность. Центральное положение занимает участок В¹, конструкция которого оформлена кладкой «opus quadratum» из массивных блоков повышенного размера с прослойкой из блоков, установленных по системе постелистой кладки в один ряд [рис. 11; 12].

Наличие трех разных участков в конструкции западного фасада стены № 2, несомненно, было обусловлено практической необходимостью.

Как представляется, внешний облик западного фасада магистральной стены № 2 (сглаженность без уступов внешней поверхности западного фасада и тщательность укладки каменных блоков) в первую очередь обуславливал определенную парадность данного сооружения. Вдоль него, вероятно, проходила въездная дорога, ведущая к двум проходам (проходы №№ 1–2) на территорию комплекса, образованных укрепленным сооружением арочной конструкции (проход № 1) и находящимся в пространстве между западным фасадом стены № 2 и сооружением арочной конструкции (проход № 2). Вероятно, это был главный и в силу этого парадный въезд на территорию оборонительного комплекса. Каждый проход был защищен воротами с запорами и опускающимися с высоты второго уровня сооружений металлическими решетками. Проходы имели перекрытия из 4-х массивных плит. Протяженность проходов составляла 2,8 м при ширине прохода № 1 в пространстве 2-х баз-опор равной 1,3 м и прохода № 2 в пространстве между западным фасадом стены № 2 и базой-опорой № 1 равной 1,6 м [рис. 1, 1, 5; 2, 1, 2].

Однако, несмотря на высокую эстетичность конструкции западного фасада стены № 2 и его парадность, наличие 3-х массивных участков с разнотипным оформлением, по всей видимости, не может быть случайным. Особую значимость имеет повышенная прочность центрального участка западного фасада стены № 2 (участок В¹), в структуре которого была использована комбинированная кладка 2-х типов – «opus quadratum» и однорядная постелистая. Причем в конструкции этого участка западного фасада были использованы массивные блоки длиной 2,06 м (№ 23), 1,9 м (№ 21, № 34), 1,7 м (№ 95) [рис. 11, 12, 14].

Вероятно, функциональная направленность разнотипных участков западного фасада стены № 2 была напрямую связана с конструкцией восточного фасада стены № 2, на котором выделяется 5 обособленных участков (А, Б, В, Г, Д) [рис. 16, 17].

Важно установить взаимосвязь конструктивных участков западного и восточного фасадов магистральной стены № 2 для выяснения функциональной направленности этого сооружения в общей системе оборонительного комплекса на р. Рубас.

Проведение сравнительного анализа конструктивных участков восточного и западного фасадов магистральной стены № 2 осложнено рядом обстоятельств. Протяженность вскрытой части восточного и западного фасадов стены № 2 на период исследований 2020 г. разная. Длина восточного фасада стены № 2 по данным 2020 г. составляет 17,5 м. Длина западного фасада этого периода – 23,8 м [рис. 11; 12; 16; 17].

Как отмечалось, южный участок восточного фасада стены № 2 утрачен в результате разрушений 2014 г. местными жителями. На месте его нахождения располагался котлован глубиной 3,5 м [рис. 1, 1; 2, 1].

Остатки южной части восточного фасада сохранились в месте пересечения стены № 3, встроенной в восточный фасад стены № 2. Протяженностью восточного фасада стены № 2 фиксируется в пределах блока № 3 (южный конец) и блока № 151 (северный конец) [рис. 16].

Протяженность западного фасада стены № 2 фиксируется в пределах блока № 134 (северный конец) и блока № 133 (южный конец) [рис. 11–12].

Проведение сравнительного анализа конструкций западного и восточного фасадов стены № 2 возможно в пределах участков А¹–Б¹ западного фасада [рис. 12] и участков Б–В восточного фасада [рис. 17]. Данные участки возведены по однотипным строительным технологиям. Восточный фасад: участок В – постелистая кладка (7,1 м); участок Б – чередование кладки «opus quadratum» и постелистой (2,1 м). Западный фасад: участок А¹ – постелистая кладка (9,0 м); участок Б¹ – чередование кладки «opus quadratum» и постелистой (5,7 м).

На восточном фасаде сохранность участка с постелистой кладкой (участок В) полная, т.к. он находится в центральной части фасада, с юга и севера ограничен участками иной технологии укладки блоков [рис. 17].

На западном фасаде сохранился неповрежденным южный конец участка с постелистой кладкой (участок А¹), северный конец обрывается у северного борта раскопа [рис. 12].

Визуально южные концы участков с постелистой кладкой западного и восточного фасадов находятся симметрично один относительно другого (блок № 14 западного фасада и блок № 20 восточного фасада) [рис. 18, 1–2]. Этот факт подтверждается линией разлома конструкции стены № 2, образованной в результате землетрясения силой 9 баллов [2, с. 95; рис. 3]. Блоки № 14 и 15 западного фасада стены № 2 сдвинулись относительно друг друга под углом [рис. 2, 1]. Пространство между блоками №№ 19–20 восточного фасада также раздвинулось [рис. 2, 1].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что участки А¹ западного фасада стены № 2 и В восточного фасада были возведены синхронно однотипной технологией (постелистая кладка). Причем, длина участков с постелистой кладкой в западном и восточном фасадах стены № 2 примерно одинаковая (восточный фасад 7,1 м, западный – 9,0 м). Небольшая разница могла образоваться в результате существенного прогиба западного фасада стены № 2 в месте сейсмического удара (блоки №№ 15–14) [рис. 18, 1–2]. Структура участков с постелистой кладкой восточного и западного фасадов несколько различается. Блоки западного фасада участка А¹ установлены без выступов, блоки восточного фасада участка В установлены ступенчато с тенденцией уменьшения их ширины от южного конца к северному.

Участки восточного и западного фасадов, включающие кладку «opus quadratum», не потревожены, их сохранность полная. Участок Б¹ западного фасада протяженностью 5,7 м находится в центральной части. Его северный конец был пристроен к участку А¹, его южный конец соединялся с участком В¹. По верхнему уровню западного фасада участок с включением кладки «opus quadratum» находился в пределах блоков №№ 15–28 [рис. 12].

Участок Б восточного фасада протяженностью 2,1 м находился между участками А и В. Его северный конец соединялся с участком В, его южный конец был пристроен к участку А. По верхнему уровню восточного фасада участок Б с включением кладки «opus quadratum» находился в пределах блоков №№ 18–19 [рис. 17].

Разница в протяженности обоих участков, включающих кладку «opus quadratum», составляет 3,6 м. Участок восточного фасада значительно меньше по протяженности. Общим в их конструкции является наличие прослоек из блоков постелистой кладки на верхнем и нижнем уровнях блоков, установленных по системе «opus quadratum». Отличие состоит в том, что на западном фасаде установлены 2 ряда кладки «opus quadratum» с прослойкой и перекрытием из блоков, уложенных в один ряд постелистой кладкой, а на восточном – 1 ряд кладки «opus quadratum», перекрытой сверху тремя рядами постелистой кладки и подстилавшейся четырьмя рядами постелистой кладки.

Возможно, что в состав участка с кладкой «opus quadratum» восточного фасада стены № 2 входил и участок А, состоящий из блоков, установленных постелистой кладкой, но ступенчатым способом. В этом случае протяженность участков Б¹ (5,7 м) и А–Б (4,7 м) становится примерно одинаковой.

Данный участок (А–Б) восточного фасада стены № 2 был отягчен встроенной в него стеной № 3. Материалы раскопок 2020 г. выявили полукруглую планировку ее северного фасада, который западным концом был встроен в восточный фасад стены № 2 на участках А–Б [рис. 2, 4]. Возможно, данное обстоятельство и обусловило конструкцию участков А–Б. Разрушения, проведенные местными жителями на данном участке в 2014 г., пока не позволяют четко реконструировать структуру сооружений, находившихся на этом участке стены № 2.

Обращает на себя внимание тот факт, что конструкция участка Б¹ западного фасада стены № 2 была более мощной, чем конструкция участков А–Б восточного фасада. Возможно, это было связано с тем, что в функцию западного фасада стены № 2 на участке Б¹ входило укрепление не только участков А–Б восточного фасада, но и встроенной в него стены № 3. Отсюда и включение в участок Б¹ сверх крупных блоков как в кладку «opus quadratum», так и в прослойки между рядами.

Анализ структуры западного фасада стены № 2 Рубасской фортификации и конструкции, включенных в его состав строительных объектов показывает, что их расположение в системе западного фасада стены № 2 обусловлено конкретными задачами оборонительного характера. Конструкция обоих фасадов стены № 2 не только дополняла устойчивость каждого из фасадов к штурмовым атакам противника, но и усиливала ее мощь в целом. Как отмечалось, инженерные решения по возведению магистральной стены № 2 носят оригинальный характер, в практике других регионов (Кавказском, Крымском, Закавказском) не отмеченные [7, с. 39–46; 8, с. 267–287; 9, с. 441–465; 10, с. 357–390; 11, с. 227–246; 12, с. 170–200].

Выводы

1. Анализ конструкции стены № 2 (западный и восточный фасады) показывает, что, несмотря на массивность данного строительного объекта, ему придавалось определенное изящество. Каменные блоки внешнего западного фасада были хорошо отесаны и аккуратно установлены в кладку. На некоторых участках западного фасада стены № 2 кладка подвергалась сглаживанию посредством использования известкового скрепляющего раствора.

2. Каждый участок западного фасада стены № 2 сооружался из однотипных блоков. Участок А¹ – из узких удлиненных блоков; участок Б¹ – из сверх массивных блоков с ошлифованной поверхностью для кладки «opus quadratum»; участок В¹ – из утолщенных блоков укороченной длины.

3. На западном фасаде стены № 2 не применялась ступенчатая кладка, широко использованная на восточном фасаде стены № 2.

4. Основная задача в сооружении западного фасада стены № 2 состояла в усилении мощности сооружения и его устойчивости к штурмовым технологиям противника. Для этого использовалась панцирная конструкция стены № 2, ее повышенная толщина (3,5 м) за счет массивных блоков фасадов и объемной забутовки из обломочного материала, галечных камней разного размера и утрамбованного грунта.

5. Наличие небольшого по протяженности участка Б¹ западного фасада стены № 2, в конструкции которого использованы 4 экз. крупных блоков, установленных по системе «opus quadratum», указывает на дефицит подобного строительного материала на Восточном Кавказе. Как отмечалось, в данном фасаде использовался также вторичный стройматериал из разрушенных сооружений Прикаспийского региона.

6. Функциональная направленность монументальной стены № 2 Рубасской фортификации пока четко не просматривается. Несомненно, в структуре оборонительного комплекса на реке Рубас стена № 2 является главным архитектурным и военно-техническим объектом. Стена № 2 соединена конструктивными связками с несколькими сооружениями – стеной № 3, сооружением ступенчатой конструкции № 6 и сооружением арочной конструкции, в которое встроена стена № 1.

Благодарность:

1. В статье представлены материалы раскопок, полученных при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Дагестан (грант 2012–2014 г. «Ландшафты Западного Прикаспия в культурогенезе этнических сообществ эпохи Великого переселения народов»), РФФИ (грант 2016–2018 гг. «Международная система стратегической обороны на Восточном Кавказе в эпоху Великого переселения народов»), Главы Республики Дагестан В.А. Васильева (грант 2019 г. «Новое монументальное оборонительное сооружение на р. Рубас в Южном Дагестане (VI в.): изучение и проблемы интерпретации»).

2. Иллюстративный материал подготовлен при содействии Ю.А. Магомедова.

3. Аэрофотосъемка 2020 г. Рубасского оборонительного комплекса осуществлена Б.Х. Гаджиевым.

4. Чертежная документация объектов Рубасской фортификации выполнена А.М. Абдулаевым и З.З. Кузеевой.

5. Полный профиль восточного фасада стены № 2 выполнен Л.Б. Гмыря и Ю.А. Магомедовым.

Рис. 1. Рубасский оборонительный комплекс сер. VI в. 1 – стена № 2; 2 – стена № 3; 3 – сооружение № 5 (платформа); 4 – сооружение № 6 (пристройка); 5 – сооружение арочной конструкции; 6 – стена № 1; 7 – отложения селя. Вид с востока. Аэрофотосъемка беспилотным летательным аппаратом 2020 г.

Fig. 1. The Rubas Fortification of the 6th c. 1 – Wall 2; 2 – Wall 3; 3 – Structure 5 (Platform); 4 – Structure 6 (Extension); 5 – Arched Structure; 6 – Wall 1; 7 – mudflow deposits. View from the east. Drone photography, 2020

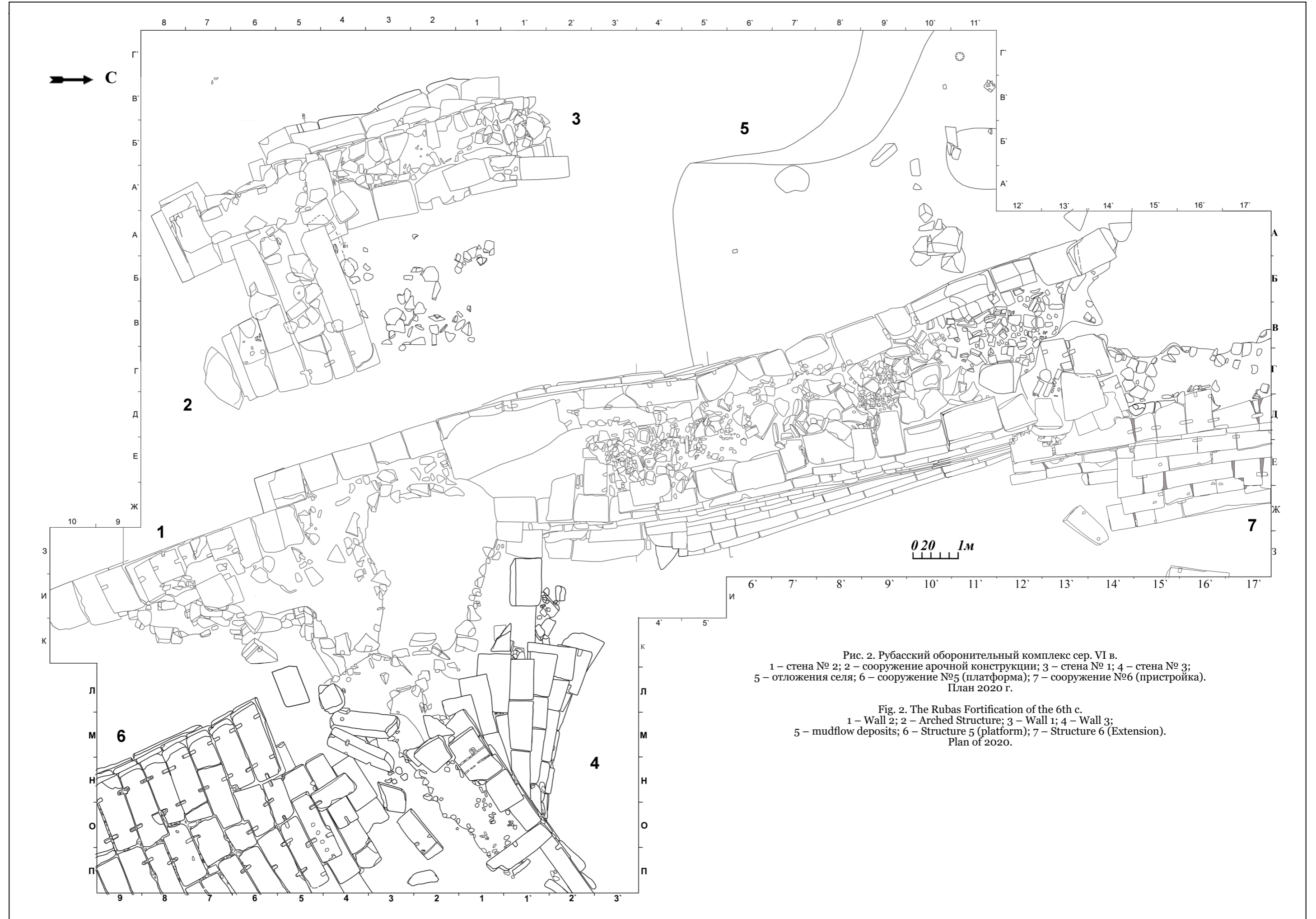

Рис. 2. Рубасский оборонительный комплекс сер. VI в.
 1 – стена № 2; 2 – сооружение арочной конструкции; 3 – стена № 1; 4 – стена № 3;
 5 – отложения селя; 6 – сооружение №5 (платформа); 7 – сооружение №6 (пристройка).
 План 2020 г.

Fig. 2. The Rubas Fortification of the 6th c.
 1 – Wall 2; 2 – Arched Structure; 3 – Wall 1; 4 – Wall 3;
 5 – mudflow deposits; 6 – Structure 5 (platform); 7 – Structure 6 (Extension).
 Plan of 2020.

Рис. 3. Рубасский оборонительный комплекс сер. VI в. 1 - стена № 2; 2 - стена № 3; 3 - сооружение № 5 (платформа); 4 - сооружение арочной конструкции; 5 - стена № 1; 6 - отложения селя. Вид с севера. Фото 2020 г.

Fig. 3. The Rubas Fortification of the 6th c. 1 – Wall 2; 2 – Wall 3; 3 – Structure 5 (Platform); 4 – Arched Structure; 5 – Wall 1; 6 – mudflow deposits. View from the north. Photo of 2020

Рис. 4. Рубасский оборонительный комплекс сер. VI в. 1 – стена № 2; 2 – стена № 3; 3 – сооружение арочной конструкции; 4 – стена № 1; 5 – отложения селя. Вид с юга. Фото 2020 г.

Fig. 4. The Rubas Fortification of the 6th c. 1 – Wall 2; 2 – Wall 3; 3 – Arched Structure; 4 – Wall 1; 5 – mudflow deposits. View from the south. Photo of 2020

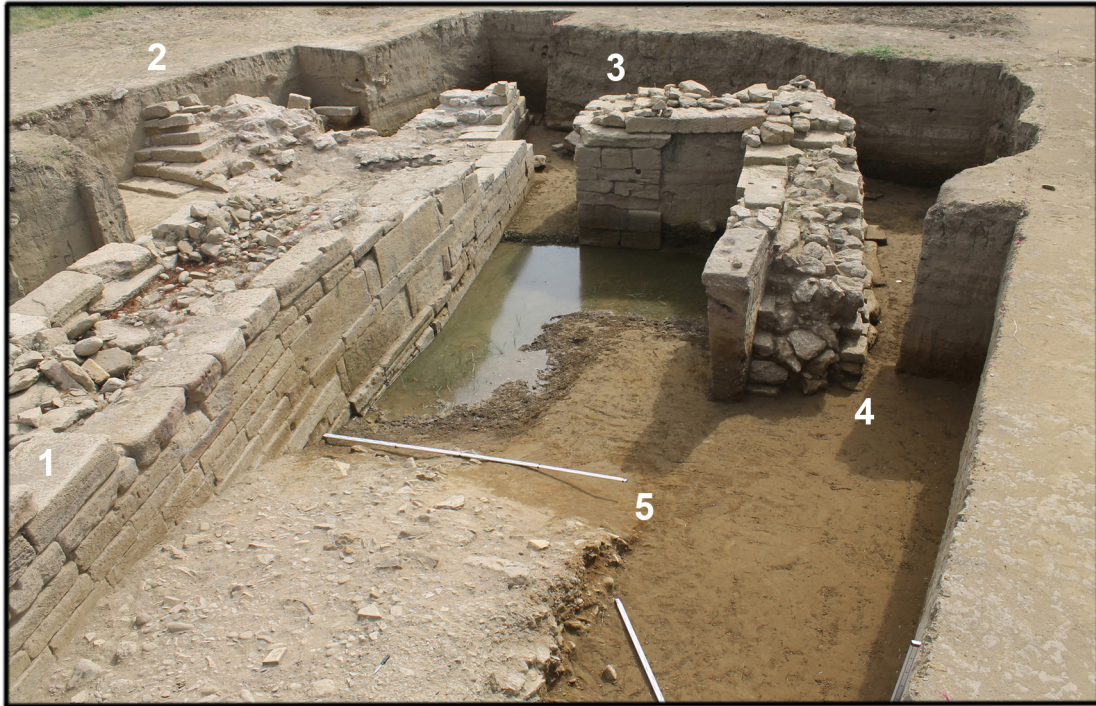

Рис. 5. Рубасский оборонительный комплекс сер. VI в. 1 – стена №2, западный фасад; 2 – стена №3; 3 – сооружение арочной конструкции; 4 – стена №1; 5 – отложения селя. Вид с севера. Фото 2018 г.

Fig. 5. The Rubas Fortification of the 6th c. 1 – Wall 2, western facade; 2 – Wall 3; 3 – Arched Structure; 4 – Wall 1; 5 – mudflow deposits. View from the north. Photo of 2018

Рис. 6. Рубасский оборонительный комплекс сер. VI в. 1 – стена №2, западный фасад, северный участок; 2 – стена №2, западный фасад, центральный участок; 3 – отложения селя. Вид с юга. Фото 2017 г.

Fig. 6. The Rubas Fortification of the 6th c. 1 – Wall 2, western facade, northern section; 2 – Wall 2, western facade, central section; 3 – mudflow deposits. View from the south. Photo of 2017

Рис. 7. Рубаский оборонительный комплекс сер. VI в. Стена №2. Западный фасад. Центральный участок. Вид с запада. Фото 2017 г.

Fig. 7. The Rubas Fortification of the 6th c. Wall 2. Western facade. Central section. View from the west. Photo 2017

Рис. 8. Рубаский оборонительный комплекс сер. VI в. Стена №2. Западный фасад. Центральный участок. Вид с запада. Фото 2017 г.

Fig. 8. The Rubas Fortification of the 6th c. Wall 2. Western facade. Central section. View from the west. Photo 2017

Рис. 9. Рубасский оборонительный комплекс сер. VI в. 1 – стена №2, западный фасад, центральный участок; 2 – стена №2, западный фасад, южный участок. Вид с северо-запада. Фото 2017 г.

Fig. 9. The Rubas Fortification of the 6th c. 1 – Wall 2, western facade, central section; 2 – Wall 2, western facade, southern section. View from the northwest. Photo of 2017

Рис. 10. Рубасский оборонительный комплекс сер. VI в. Стена №2. Западный фасад. Южный участок. Вид с запада. Фото 2017 г.

Fig. 10. The Rubas Fortification of the 6th c. Wall 2. Western facade. Southern section. View from the west. Photo 2017

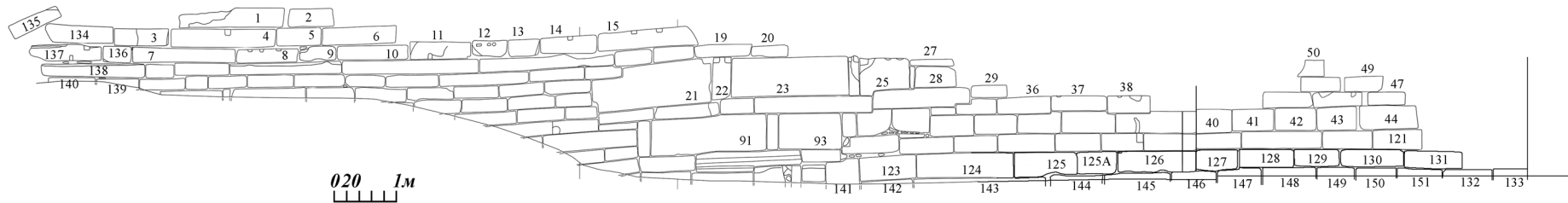

Рис. 11. Рубасский оборонительный комплекс сер. VI.
Стена №2. Западный фасад. 2020 г.

Fig. 11. The Rubas Fortification of the 6th c.
Wall 2. Western facade. 2020

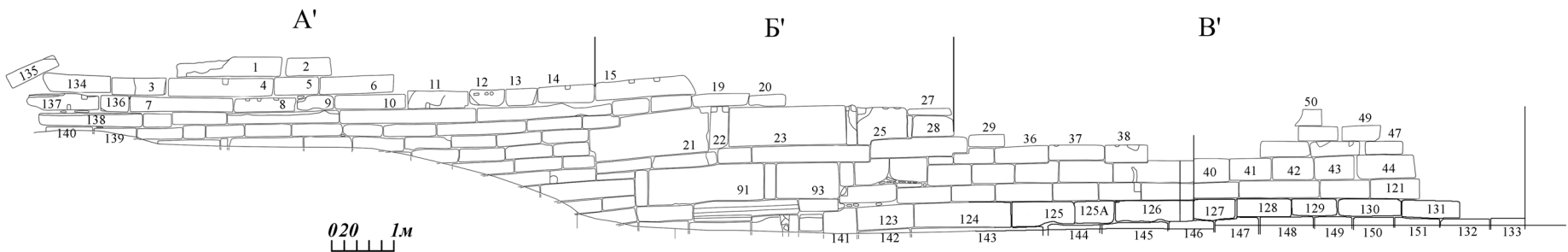

Рис. 12. Рубасский оборонительный комплекс сер. VI.
Стена №2. Западный фасад. А', Б', В' – архитектурные участки. 2020 г. Публикуется впервые

Fig. 12. The Rubas Fortification of the 6th c.
Wall 2. Western facade. A', B', C' – architectural sections. 2020. Published for the first time

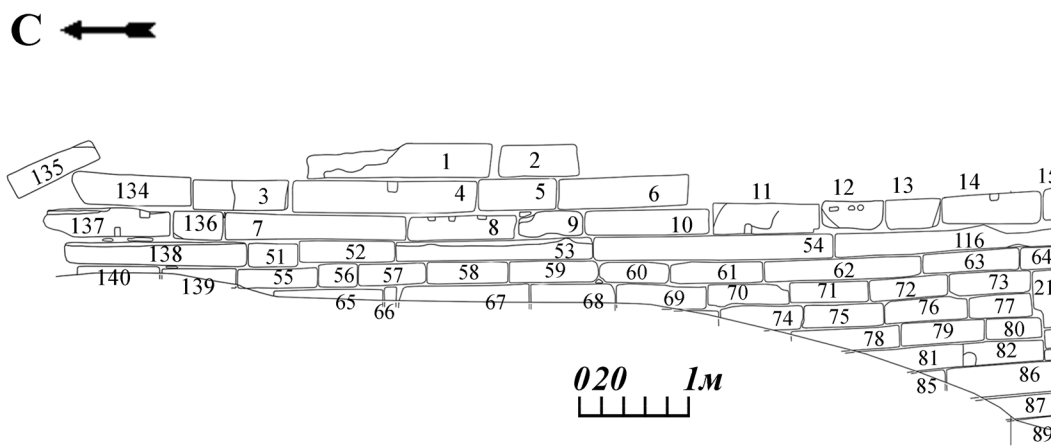

Рис. 13. Рубасский оборонительный комплекс сер. VI. Стена №2. Западный фасад. Северный участок

Fig. 13. The Rubas Fortification of the 6th c. Wall 2. Western facade. Northern section

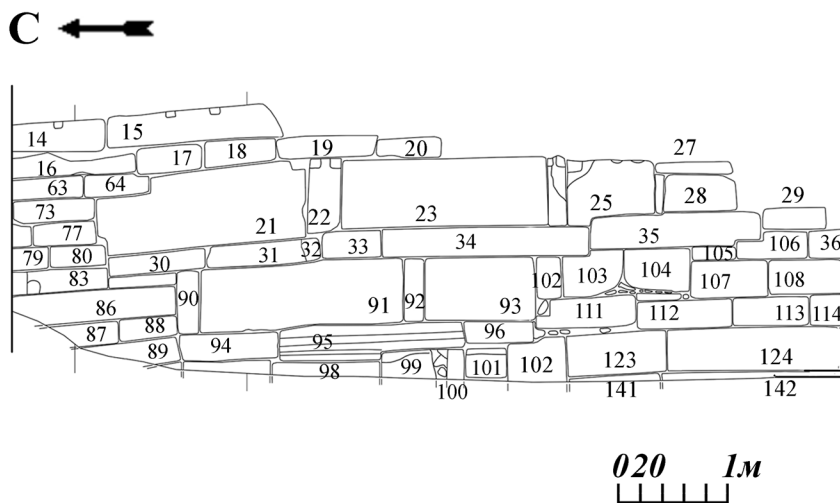

Рис. 14. Рубасский оборонительный комплекс сер. VI. Стена №2. Западный фасад. Центральный участок

Fig. 14. The Rubas Fortification of the 6th c. Wall 2. Western facade. Central section

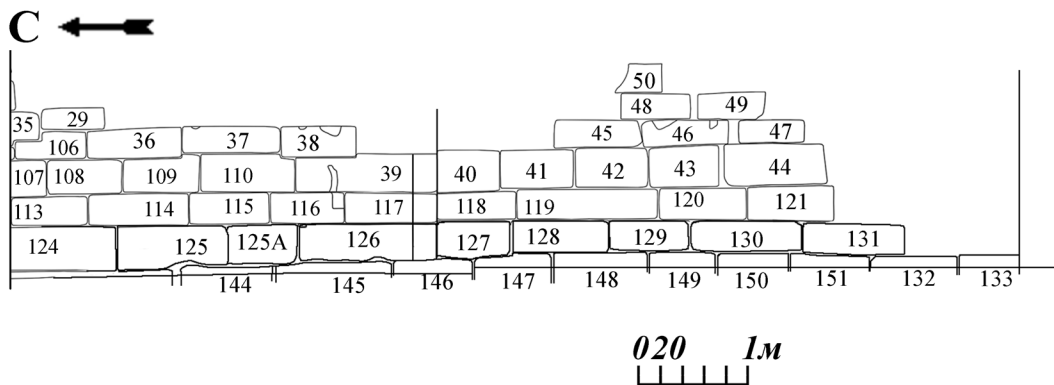

Рис. 15. Рубасский оборонительный комплекс сер. VI. Стена №2. Западный фасад. Южный участок

Fig. 15. The Rubas Fortification of the 6th c. Wall 2. Western facade. Southern section

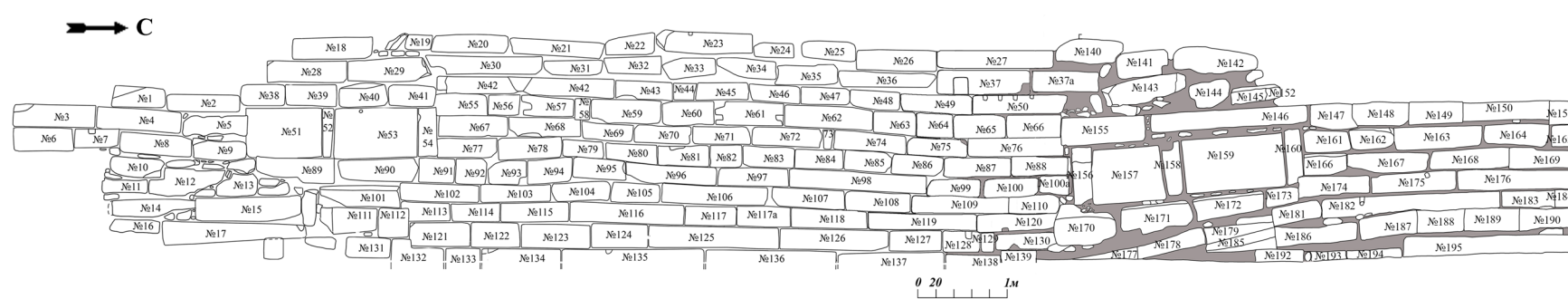

Рис. 16. Рубасский оборонительный комплекс сер. VI в.
Стена №2. Восточный фасад

Fig. 16. The Rubas Fortification of the 6th c.
Wall 2. Eastern facade

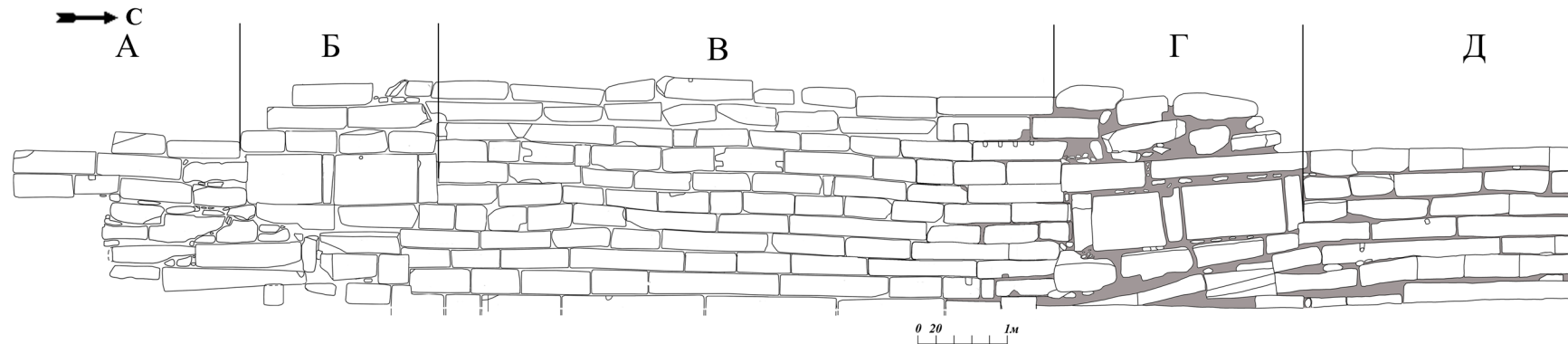

Рис. 17. Рубасский оборонительный комплекс сер. VI в.
Стена №2. Восточный фасад. А, Б, В, Г, Д – архитектурные участки

Fig. 17. The Rubas Fortification of the 6th c.
Wall 2. Eastern facade. A, B, C, D, E – architectural sections

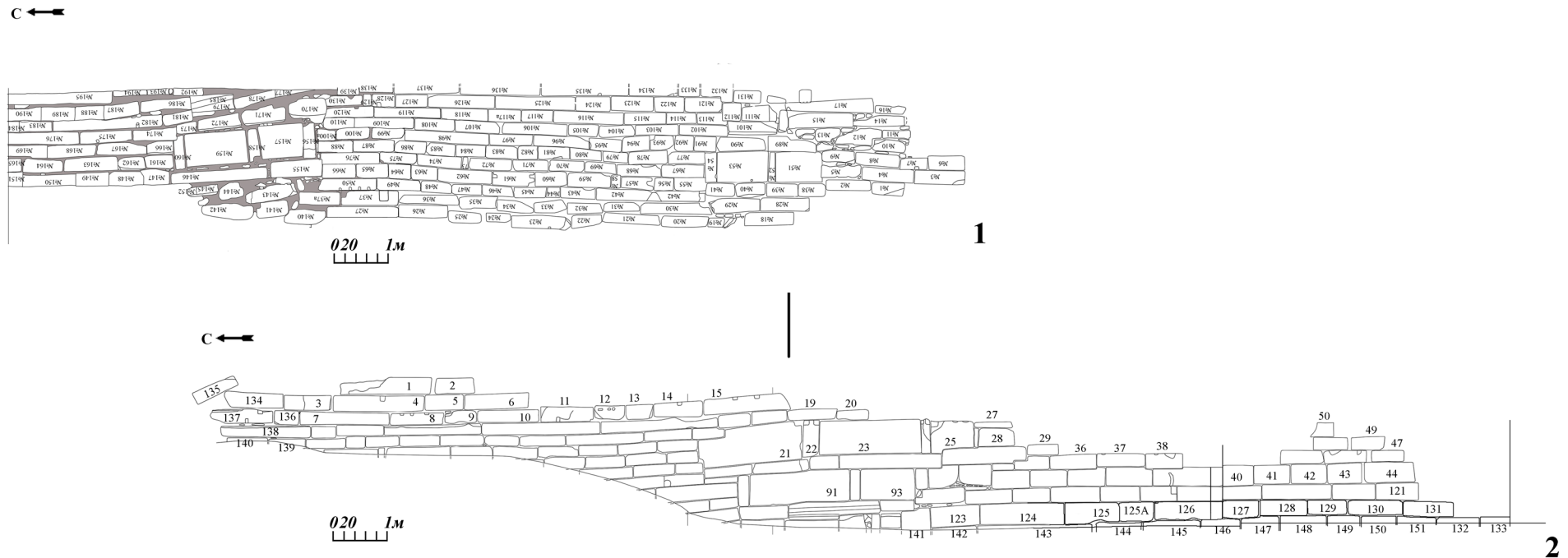

Рис. 18. Рубасский оборонительный комплекс сер. VI в. Стена №2. Совмещенные фасады. 1 – восточный фасад; 2 – западный фасад

Fig. 18. The Rubas Fortification of the 6th c. Wall 2. Combined facades. 1 – eastern facade; 2 – western facade

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Гмыря Л.Б. Рубасская фортификация середины VI в.: особенности конструкции восточного фасада стены № 2 // История, археология и этнография Кавказа. Т. 17. № 4. 2021. С. 912–937.
2. Гмыря Л.Б., Корженков А.М., Овсюченко А.Н., Ларьков А.С., Рогожин Е.А. Вероятные палеосейсмические деформации на Рубасском археологическом памятнике середины VI в., Южный Дагестан. // Геофизические процессы и биосфера. 2019. Т. 18. № 3. С. 91–103.
3. Gmyrya L.B., Korzhenkov A.M., Ovsyuchenko A.N., Larkov A.S., Rogozhin E.A. Probable Paleoseismic Deformations at the Rubas Archaeological Site Mid-6 th CenturyAD, South Dagestan // Izvestiya, Atmospheric and Oceanic Physics, 2019. Vol. 55. № 10. Pp. 1547–1558. Pleiades Publishing.Ltd. 2019. Russian, 2019, published in Geofizicheskie Protsessy I Biosfera, 2019. Vol. 18. № 3. Pp. 91–103.
4. Пахомов Е.А. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 9–10. С. 39–46.
5. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.; Л., 1959. - 319 с.
6. Алиев А.А., Алиев И.Н., Гаджиев М.С., Гейтнер М.Г., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г. Новые исследования Гильгильчайской оборонительной стены // Проблемы истории, филологии и культуры. 2004. № 14. С. 441–465.
7. Gadžiev M.S., Kudrjucev A.A. Steinmetzzeichen aus dem 6. Jahrhundert in Derbent // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Hrsg. Vom Deutschen Archäologischen Institut Eurasien-Abteilung, Au Benstelle. Teheran. Bd. 33. Berlin: Reimer, 2001. Pp. 912–937.
8. Вус О.В. Ранневизантийский Limes в Северном Причерноморье: организация и структура инженерной обороны // Византийский временник. М., 2013. Т. 72(97). С. 227–246.
9. Овчаров Д. Болгары и румыны на Нижнем Дунае в Раннем Средневековье (по археологическим данным): пер. с болг. // История на българите: изкривявания и фалшификации. София, 2002. С. 170–200.

1. Gmyrya LB. The Rubas Fortification of the mid-sixth century: features of the structure of the eastern facade of Wall 2. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2021, 17(4): 912–937.
2. Gmyrya LB, Korzhenkov AM, Ovsyuchenko AN, Larkov AS, Rogozhin EA. Probable paleoseismic deformations at the Rubas archaeological site of the middle of the 6th century, Southern Dagestan. *Geophysical processes and biosphere*. 2019, 18(3): 91–103.
3. Gmyrya LB, Korzhenkov AM, Ovsyuchenko AN, Larkov AS, Rogozhin EA. Probable Paleoseismic Deformations at the Rubas Archaeological Site Mid-6th Century AD, South Dagestan. *Izvestiya, Atmospheric and Oceanic Physics*. Pleiades Publishing Ltd. 2019, 55(10): 1547–1558.
4. Pakhomov EA. The largest sites of the Sasanian construction in Transcaucasia. *Problems of the history of material culture*. 1933, 9–10: 39–46.
5. Trever KV. *Essays on the history and culture of Caucasian Albania. 4th century BC – 7th century AD*. Moscow; Leningrad, 1959.
6. Aliev AA, Aliev IN, Gadzhiev MS, Geitner MG, Kohl FL, Magomedov RG. New studies of the Gilgilchay defensive wall. *Problems of history, philology and culture*. 2004, 14: 441–465.
7. Gadzhiev MS, Kudrjucev AA. Steinmetzzeichen aus dem 6. Jahrhundert in Derbent. *Archaeologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Hrsg. Vom Deutschen Archäologischen Institut Eurasien-Abteilung, Au Benstelle*. Tehran. bd. 33. Berlin: Reimer, 2001, pp. 912–937.
8. Vus OV. Early Byzantine Limes in the Northern Black Sea Region: organization and structure of engineering defense. *Vizantiyskiy Vremennik*. Moscow, 2013, 72(97): 227–246.
9. Ovcharov D. Bulgarians and Romanians on the Lower Danube in the Early Middle Ages (according to archaeological data): transl. from Bulgarian. *History in Bulgarian: distortions and falsifications*. Sofia, 2002, pp. 170–200.

Поступила в редакцию 10.08.2022

Принята в печать 07.11.2022

Опубликована 25.12.2022

Received 10.07.2022

Accepted 07.11.2022

Published 25.12.2022

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1841087-1100>

Исследовательская статья

Алим Касимович Махсутов
Студент отделения истории факультета письменности
Стамбульский университет, Турция
nogaybirluk@gmail.com

АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ФОТОИСТОЧНИКОВ, ОШИБОЧНО ОТНОСИМЫХ К НОГАЙЦАМ

Аннотация: В настоящее время, вместе с бурным распространением информационных технологий, широкому кругу лиц стали доступны и многие архивные документы, такие как оцифрованные старинные фотографии и видео представителей народов мира, в общем, и Кавказа, в частности. Упомянутые материалы оказывают колоссальное влияние на образы и представления о материальной культуре этих народов. Несмотря на очевидные преимущества широких возможностей для распространения научных данных, к сожалению, не всегда эти архивные и исторические материалы используются корректно. Так, в сети Интернет и печатных изданиях достаточно распространено ошибочное использование фотографий, на которых изображены представители и элементы материальной культуры одного народа в качестве лиц и атрибутов других народов. Данное исследование представляет собой анализ четырех исторических архивных фотоснимков из разных источников, попавших в научную и научно-популярную литературу, а также в энциклопедии, статьи, сайты крупных государственных и независимых СМИ, в материалы, повествующие о ногайском народе. Целью представленного исследования является предотвращение ошибочного использования в материалах о ногайцах фотографий, не относящихся к ним. Для этого автор предпринимает попытку проверить правомерность отнесения исследуемых фотоматериалов к ногайцам посредством привлечения широкой доказательной базы в виде архивных данных, музейных экспонатов, трудов искусствоведов и историков, а также сравнительного анализа доступного материала. В ходе исследования автору удалось прийти к достаточно аргументированному выводу, что на представленных в исследовании фотографиях изображены не представители ногайского народа, а представители балкарцев, калмыков, казаков и казахов. В заключении своей работы исследователь призывает авторов материалов о ногайцах использовать фотоматериалы, в правомерности отнесения которых к этому народу нет сомнений.

Ключевые слова: ногайцы; фотография; фотоисточник; балкарцы; калмыки; казахи; источниковедение; анализ; искусствоведение.

Для цитирования: Махсутов А.К. Анализ некоторых фотоисточников, ошибочно относимых к ногайцам // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 1037-1060. doi: 10.32653/CH1841087-1100

© Махсутов А.К., 2022
© Сефербеков М.Р., перевод, 2022
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022

ETHNOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1841087-1100>

Research paper

Alim K. Makhsutov,
Student of Dep. Of History, Faculty of Letters
Istanbul University, Turkey
nogaybirlik@gmail.com

ANALYSIS OF SOME PHOTO SOURCES, MISTAKENLY ATTRIBUTED TO NOGAIS

Abstract. With the rapid spread of information technologies today, many archival materials, such as digitized old photographs and videos of representatives of the peoples of the world, in general, and the Caucasus, in particular, have become available to general public. The mentioned materials have a tremendous impact on the image and perception of the material culture of these peoples. Despite the obvious advantages of ample opportunities for the spread of scientific data, these archival and historical materials, unfortunately, are not always used correctly. For instance, on the Internet and in print media, the erroneous use of photographs depicting representatives and elements of the material culture of one people as figures and attributes of other peoples is quite common. Our study analyses four archival photographs from various sources that have appeared in scientific and popular science literature, as well as in encyclopedias, articles, websites of major state and independent media, in materials telling about the Nogai people. We aim to prevent the erroneous use of photographs that have no bearing to Nogais. To achieve this, the author attempts to verify the legitimacy of attributing the studied photographic materials to the Nogais by attracting a broad evidence base in the form of archival data, museum exhibits, works of art historians and historians, as well as a comparative analysis of available material. In the course of the study, the author has come to a sufficiently substantiated conclusion that the photographs presented in the study depict not representatives of the Nogai people, but representatives of the Balkars, Kalmyks, Cossacks and Kazakhs. The researcher of the present work urges the authors of publications about the Nogais to use photographic materials, the relevancy of which is undoubtful.

Keywords: Nogais; photography; photo source; Balkars; Kalmyks; Kazakhs; source studies; analysis; art criticism.

For citation: Makhsutov A.K. Analysis of some photo sources, mistakenly attributed to Nogais. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2022. Vol. 18. N. 4. P. 1037-1060. doi: 10.32653/CH1841087-1100

© Makhsutov A.K., 2022
© Seferbekov M.R., translation, 2022
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2022

История и материальная культура ногойского народа является важной частью наследия России и всего тюркского мира. Необходимость их изучения с привлечением самого широкого спектра источников бесспорна. А в век цифровых технологий, визуальная часть источников в виде архивных фотографий и видеоматериалов, стала ещё более актуальной.

Роли фотографии, как ценного этнографического источника посвящены публикации З.З. Кузеевой, где она подчеркивает, что фотография по сути дела стала новым явлением в научных изысканиях. «В России интерес к изучению фотографии как к самостоятельному источнику возник в последние десятилетия, в связи с развитием в отечественной науке визуальной антропологии» [1, с. 182].

Доктор исторических наук Озлем Байкар из Университета Анкары (Турция) дала прекрасное определение фотографии, как историческому источнику: «Событие, о котором нужно писать много абзацев, может быть раскрыто всего одной фотографией... Выводы, сделанные в результате количественного и качественного анализа фотографии, раскрывают историю. Чтение фотографии, интерпретация информации о людях, одежде, поведении, природе, городе, месте, культуре в исторической науке — это способ понять и рассказать правду» [2, с. 97].

Среди трудов с привлечением исторической фотографии в качестве источника можно выделить работы Шевельчинской С.Л., Каноковой Ф.Ю., Магомедова А.Дж., Басировой К.К.

Однако, не всегда фотография является надёжным и правдивым источником. Не редки случаи ошибочной атрибуции и причисления фотографий к тому или иному народу, о чём пишет и З.З. Кузеева: «Несмотря на указанные положительные моменты применения фотоисточников в визуальной информации, существуют фотографии, которые могут внести искажения в общий характер исследования. Например, в описании некоторых фотографий могут быть неточности, фиксирующиеся на документах» [1, с. 184].

Происходит это, по мнению Е.М. Главацкой, в том числе потому, что фотографии не придавалось серьёзного значения в противоположность письменным источникам: «Между тем даже классические историки периодически испытывают острую потребность в визуализации вербальных реконструкций исторических процессов и феноменов. И вот тогда, в своем стремлении подобрать картинку к написанному тексту, историк, трепетно относящийся к письменному источнику, осознанно или нет, легко производит с визуальным документом такое, что никогда себе не позволил бы совершить в отношении письменного. Попытки вульгарного иллюстрирования истории неизбежно приводят к тому, что визуальные документы вырываются из контекста времени, пространства и культуры, их не подвергают критическому анализу, не оформляют ссылки на место хранения, неаккуратно цитируют, допуская хронологические и географические нелепости» [3, с. 217–218].

Порой подобные неточности приводят к неправильным выводам в отношении материальной культуры народа, что влечёт за собой множество последствий, к примеру, неверная реконструкция комплекса национального костюма, помехи в изучении антропологического облика народа и т.д.

Данная работа представляет собой исследование именно таких случаев в виде анализа четырех фотографий, связанных с неточностями их атрибуции. Автор предпринимает попытку проверить правомочность отнесения исследуемых фотоснимков к

Рис. 1. Фотография Ф. Ордена «Мужчина и три женщины в национальных костюмах. Ногайцы. Дагестан (Дагестанская обл.). 1890-е (?)» // Экспонаты коллекции онлайн, Кунсткамера. Музейный номер: МАЭ № 1403-74

Fig. 1. Photo by F. Orden with the caption “A man and three women in national costumes. Nogais. Dagestan (Dagestan region), 1890s (?)” // Exhibits, Online Collections, Kunstkamera. Museum number: MAE No. 1403-74

ногайцам посредством привлечения широкой доказательной базы, в виде архивных данных, музейных экспонатов, трудов искусствоведов и историков, а также сравнительного анализа доступного материала.

Первая исследуемая фотография (рис. 1) хранится в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН под названием «Ордэн Ф. Мужчина и три женщины в национальных костюмах. Ногайцы. Дагестан (Дагестанская обл.). 1890-е (?)» [4]. Оригинал данного изображения взят из второго тома собрания фотографий Ф. Ордэ «Кавказ и Средняя Азия», где оно опубликовано под №1852 [5, с. 152]. Оно широко распространилось на страницах интернет-ресурсов и в научных материалах именно с подписью «Ногайцы» и даже попало в монографию Р.Х. Керейтова «Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры» [6, с. 212].

Однако на карачаево-балкарских ресурсах и в трудах балкарских авторов фотография подписывается иначе. В монографии балкарского исследователя Х.Л. Османова «Балкария сквозь века» мы видим этот же снимок, но с подписью «Князь Урусбиев Исмаил Мырзакулович с матерью и сёстрами. Фотография второй половины XIX века» [7, с. 32].

Автором была предпринята попытка проверить подлинность того или иного описания. Так как во втором случае описание несло в себе больше конкретики, мы обратились к фотографиям балкарской княжеской семьи Урусбиевых за указанный период и обнаружили запечатлёнными на них тех же людей, что и на исследуемом автором снимке. Так, в фондах «Российского этнографического музея» находится фото с подписью «Фотоотпечаток: Портрет княгини Урусбиевой» [8], на котором без труда узнается пожилая женщина с рассматриваемого автором снимка в той же одежде и в той же фотостудии. В немецкой электронной онлайн-библиотеке Zeno.org, известной надежностью своих материалов, также была опубликована фотография девушки с подписью «Российский фотограф: Принцесса из рода Урусбиевых в районе Терской долины» [9], на которой легко узнаваема одна из девушек с исследуемого фотоисточника. Более того, как и пожилая женщина, данная девушка находится в той же фотостудии и в том же наряде, что и на групповом семейном снимке.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что все эти фотографии, по всей видимости, были сделаны в один день, в одной и той же студии и на них изображены одни и те же люди. Всё вышеизложенное позволяет с уверенностью заявить об ошибочности отождествления изображенных на рассматриваемом снимке людей с ногайцами. Следовательно, подпись «Ногайцы», сделанная на негативе снимка Н. Ордэ является неверной, а подпись к фотографии, сделанная в монографии Х.Л. Османова, напротив, является достоверной.

На втором рассматриваемом в данном исследовании снимке (рис. 2) изображена юрта, по двум сторонам которой стоят двое мужчин, а у порога юрты сидит пожилая женщина, в ногах у которой находятся двое детей. Данный снимок также широко распространился в сети с подписью «Ногайцы» и даже был помещен на страницу о ногайцах в Атласе народов России на сайте Федерального агентства по делам национальностей Российской Федерации [10].

Следует отметить, что в отличие от первого случая, это изображение изначально не было подписано, как имеющее отношение к ногайцам, и стало отождествляться с ними по неизвестным автору причинам. Автором было установлено, что фотография была сделана в 1894 г. нижегородским фотографом Максимом Петровичем Дмитриевым недалеко от г. Жигули современной Самарской области.

Рис. 2. Фотография с подписью «Ногайцы» // Атлас народов России. Официальный интернет-ресурс Федерального агентства по делам национальностей

Fig. 2. Photo with the caption “Nogais” // Atlas of the peoples of Russia. The official Internet resource of the Federal Agency for Nationalities

Фотография в разных источниках подписана по-разному. К примеру, в архиве аудиовизуальной информации Нижегородской области данная фотография подписана как «Общий вид Киргизской кибитки» [11], где под киргизами имеются в виду киргиз-кайсаки (совр. казахи). Но открыв том №7 журнала «Живописная Россия» за 1899 г., мы видим уже другую подпись: «Внешний вид Калмыцкой кибитки» [12, с. 157]. Эта подпись кажется автору более близкой к истине. Если обратить внимание на элементы одежды людей на фото, невозможно не отметить, что особенности эти именно калмыцкие, а не казахские, и тем более не ногайские. К ним относятся обилие сборок на конструктивных деталях верхнего камзола, узкие соборенные рукава у мужчин [13, с. 63], чехлы для кос из ткани чёрного цвета, спускаемые на грудь у женщины [13, с. 70]. Вышеперечисленное позволяет автору сделать уверенный вывод, что на представленной фотографии изображены не ногайцы, а калмыки¹.

На третьем рассматриваемом в данном исследовании снимке (рис. 3) изображены сидящий мужчина в войлочном колпаке, с орденами на груди и шашкой в руках, а также стоящий по правую руку от него мужчина славянской внешности, в кафтане и с наганом за поясом. Часто представленную фотографию подписывают, как «Пристав и ногайский мурза» или просто «Ногайцы». Вероятно, подобная атрибуция данного фото связана с тем, что в вышеупомянутом собрании фотографий Ф. Орда «Кавказ и

1. Автор благодарен Ларисе Федоровне Поповой, заведующей отделом этнографии Кавказа, Средней Азии и Казахстана Российского этнографического музея, за ценные сведения по теме исследования.

Рис. 3. Фотография с подписью «Ногайцы» // Народы России.
Медиапроект Гильдии межэтнической журналистики «Национальный акцент»

Fig. 3. Photo with the caption “Nogais” // Peoples of Russia.
Media project of the Guild of Interethnic Journalism “National Accent”

Средняя Азия» в коллаже под №1868 тот же мужчина в колпаке, что и на исследуемом снимке, подписан, как «Ногаец» [5, с. 159]. Рассматриваемая фотография, как и предыдущие, нередко оказывается на страницах книг и интернет-ресурсов, посвященных ногайскому народу. Так, к примеру, данное фото оказалось в заголовке статьи о ногайцах в разделе «Народы» на сайте Гильдии межэтнической журналистики «Национальный акцент» [14].

При попытке идентифицировать национальную принадлежность запечатленных на фотоснимке лиц, также как и в предыдущем случае, были найдены противоречивые данные. На сайте университета «Williams College» указано, что владельцем фотографии является Кирилл Фитцлайон (Кирилл Львович Зиновьев), а опубликована она была в 1983 г. в его книге «Before the Revolution» с описанием «Kalmuck Chieftan and Bodyguard» («Калмыцкий вождь и телохранитель») [15].

Однако в атрибутах костюма сидящего мужчины легко угадываются именно казахские элементы. Пожалуй, самым ярким из них является традиционный для казахского мужского костюмного комплекса войлочный головной убор с полями – колпак (тюрк. kalpak – высокая шапка) [16, с. 209–212].

Вопрос об окончательной атрибуции фотокарточки был решен, когда музейно-выставочный центр РОСФОТО и Российский этнографический музей провели совместную выставку «Светопись Дмитрия Ермакова». На ней были выставлены работы этого известного тифлисского фотографа, которые он сделал в конце XIX – начале XX в. Среди выставленных работ была и исследуемая автором фотография со следующей подписью: «Казахский старшина, находящийся на российской службе с казаком. Закаспийская область. 1870-1890-е. Российский Этнографический музей» [17]. Данный факт позволяет сделать однозначный вывод о том, что на представленном изображении запечатлен не ногаец и не калмык, а казахский старшина, что полностью соответствует и костюмному комплексу этого человека.

Четвёртая и последняя фотография (рис. 4), которую автор исследует в данной работе, является самым распространённым и спорным изображением, приписываемым к ногайцам на различных ресурсах. Это фотоснимок, на котором изображены две девушки, на одной из которых высокий головной убор с зооморфным орнаментом. Оригинальная фотография хранится в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН [18]. В описании экспоната указано: «Никитин Д.А. Две молодые ногайки. Ногайцы, вторая половина XIX в.», авторство снимка приписывается Д.А. Никитину, географическая локализация места создания указывается, как Кавказ и Прикавказье. На самой фотографии от руки написано «Ногайки. Nogaierinnen». Часть этого снимка, а именно изображение девушки с высоким головным убором, размещено в монографии С.Ш. Гаджиевой «Материальная культура ногайцев в XIX–XX вв.» [19, с. 146]. Более того, данный снимок выставлен в заголовке статьи «Ногайцы» на сайте «Большой российской энциклопедии» [20].

Сомнения в верности отождествления данного фото с ногайцами в научном сообществе существуют уже не первый год. Так, о маловероятности принадлежности запечатленных на снимке девушек к ногайцам писала З.З. Кузеева: «Скорее всего, на фотографии изображены не ногайские женщины в традиционных костюмах, как указано в подписи к фото, а, возможно, казашки. Об этом свидетельствует одежда девочки халатообразного покроя, изготовленная из бухарской ткани адрас, которая была широко распространена у народов Средней Азии и Казахстана, и ее прическа, состоящая из мелких косичек, не характерная для ногайских девушек. К тому же головной убор невесты на фотографии практически тождествен убору казахской невесты» [21, с. 144].

Рис. 4. Фотография Никитина Д.А. с подписью «Две молодые ногайки. Ногайцы, вторая половина XIX в» // Экспонаты коллекции онлайн. Кунсткамера. Музейный номер: МАЭ № 121-51

Fig. 4. Photo by D.A. Nikitin with the caption “Two young Nogai women. Nogais, second half of the 19th century” // Exhibits, Online Collections. Kunstkamera. Museum number: MAE No. 121-51

Исследуя архивные фотоснимки различных народов Кавказа, Поволжья и Средней Азии, с выводами З.З. Кузеевой невозможно не согласиться. Особенно в этом плане внимание автора привлек ряд фотографий казашек, сделанных Н.В. Нехорошевым в Сыр-Дарьинской области примерно в тот же временной отрезок, что и рассматриваемый автором снимок. Данные фотографии были опубликованы в «Туркестанском альбоме» в 1872 г. На фотографиях Н.В. Нехорошева запечатлены казахские девушки в рубахах и халатах из упомянутой ткани адрас, с прическами в виде множества косичек, а также практически идентичный свадебный наряд с головным убором «саукеле» [22]. Абсолютно такую же картину мы видим на фотографии из собрания Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН с подписью «Ермолин Н.А. Девушки в традиционных костюмах: невесты (слева), обычном (справа). Киргизы. Начало XX века» [23]. На самой фотографии имеется подпись «Казачки», то есть на ней изображены казахские девушки. Более того, кроме костюмов девушек на рассматриваемом снимке внимание привлекают и украшения, принадлежность которых к казахам не вызывает сомнений. Так, на груди у невесты казахская традиционная подвеска «алқа», аналог которой хранится в запасниках МАЭ. Экспонат с описанием «Украшение нагрудное женское. Казахи. Казахстан (?), конец XIX – начало XX вв.» и аннотацией «Нагрудное украшение «алқа» (казах.). Характерно для западной и юго-западной казахской традиции» из собрания «Особая кладовая» [24] представляет собой практически полную копию украшения, которое мы видим на снимке.

При изучении экспонатов и архивных фотокарточек автором были обнаружены другие фотографии предположительно девочки, стоящей на исследуемом снимке справа. Упомянутая фотография хранится в запасниках Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, относится к коллекции Мелкова А.Л. и атрибутирована следующей подписью: «Девочки в традиционных костюмах. Казахи. Узбекистан, Навоийская область, Тамдынский р-он, пос. Тамдыбулак (Каракалпакская АССР). 1929» [25]. Данный снимок, по мнению автора, является веским доказательством того, что на исследуемой фотографии изображены казашки, так как на нём сходны не только материальные атрибуты костюма и причёски, но и, предположительно, сама личность одной из девочек.

Необходимо также обратить внимание и на антропологические особенности запечатлённых на фотографии девочек. Уплощённость их лиц, слабое выступание и форма носа, ярко выраженные монголоидные черты при отсутствии сочетания характерных для ногайцев европеоидных примесей подтверждают принадлежность изображённых девочек к казахам [26, с. 64–65].

Кроме этнической принадлежности девушек на рассматриваемом снимке сомнению стоит подвергнуть и принадлежность авторства данной фотографии Никитину Д.А. Так как другой фотоснимок этих же двух девочек, очевидно сделанный в той же студии одним и тем же фотографом, находится в неоднократно упомянутом втором томе собрания фотографий Ф. Ордэ «Кавказ и Средняя Азия» под №1880. На нём запечатлены уже знакомые читателю девочки (рис. 5). Однако подпись, выполненная самим фотографом Ф. Ордэ, здесь другая: «Ставропольские калмычки» [5, с. 172].

То, что подпись данного автора противоречит описанию, сделанному Д.А. Никитиным, дополнительно подтверждает сомнения в правомочности отнесения фотографии к ногайцам. Также и тот факт, что даже в рамках этой работы мы уже неоднократно сталкивались с ошибочной атрибуцией фотографий со стороны Ф. Ордэ, демонстрирует слабую достоверность сделанных им подписей. Однако, это не отменяет сам факт вероятности авторства Ф. Ордэ относительно этого снимка.

Из монографии В.А. Прищеповой «Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX — начала XX века в собраниях Кунсткамеры», читатель имеет возможность узнать многое о деятельности Ф. Ордэ, являвшегося одним из самых известных фотографов своего времени. Но в данном случае нас интересует феномен указания авторства к фотографиям непосредственно на негативах.

Рис. 5. Фотография Ф. Ордэ с подписью «Ставропольские калмычки» // Кавказ и Средняя Азия : [т. 1-4] [альбом фотографий]. Т. 2. С. 38

Fig. 5. Photograph by F. Orde with the caption "Stavropol Kalmyk women" // Caucasus and Central Asia: [vol. 1-4] [photo album]. Т. 2. Р. 38

Валерия Александровна пишет: «Обозначение авторства встречается на стеклянных негативах коллекций МАЭ конца XIX – начала XX в.: «Ф. ОрдэN», «де-Лазари» или «собственность Барщевского». Это было необходимо в те годы. Мастер защищал исключительное право собственности от конкуренции со стороны других фотографов, подписывая свою работу, как и автор любого другого произведения. Как оказалось, это помогло в работе с фотоколлекциями музея. Так удалось определить, что среди снимков более поздних лет, которые поступали в музей от других собирателей, хранятся изображения, выполненные Н. Ордэ» [27, с. 63–64]. Далее она перечисляет несколько фактов установления авторства фотоснимков Ф. Ордэ в коллекциях других людей. В той же монографии она заключает: «В процессе изучения четырехтомного альбома Н. Ордэ из собраний РНБ (имеется в виду упомянутый альбом «Кавказ и Средняя Азия. – прим. А.К.) обнаружилось, что целый ряд старых фотографий, поступивших в МАЭ от разных собирателей, на самом деле имеют одного автора – Н. Ордэ» [27, с. 61–62].

Исходя из всего вышеперечисленного, считаем возможным сделать вывод, что в отношении данного снимка авторство Д.А. Никитина не подтверждено, а также уверенно заключить, что на нём изображены не ногайки, а казашки.

Заключение

Представленный анализ фотографий демонстрирует, что проблема установления достоверности аннотаций и подписей к фотографиям, относимых к ногайцам, пока не рассматривалась достаточно широко, целый ряд вопросов относительно рассмотренных снимков, а также тех фотоисточников, которые не были здесь упомянуты, всё ещё ищут своего исследователя. Однако, привлечённые в данной статье источники и их анализ позволяют сделать однозначный вывод, что эти четыре изображения отнесены к ногайцам ошибочно.

В противоположность этому есть множество работ, достоверность принадлежности фотографий к ногайцам в которых не может подвергаться сомнению. Среди таких можно выделить экспедиционные фотографии под авторством В.И. Трофимова, Е.М. Шиллинга, снимки Д.И. Ермакова, собрания Ф.И. Капельгородского и др.

В заключении, автор подчеркивает необходимость прекращения использования рассмотренных в данной статье фотографий в качестве источников и визуальных примеров в изучении материальной культуры ногайцев, иллюстрирования ими энциклопедических статей, научно-популярных и тем более научных работ о ногайцах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузеева З.З. Фотография как этнографический источник в изучении традиционного костюма ногайцев // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков — к грядущему. Черкесск: КЧИГИ; Карачаевск: КЧГУ. 2019. С. 181–185.
2. Baykal, Ö. “Görsel Tarih Çalışmalarında Fotoğraf Okuma Yöntemi”. *Journal of Anglo-Turkish Relations* 3 (2022): 97–125.
3. Главацкая Е. М. Фотодокументы как исторический источник: опыт атрибуции, критического анализа и научного цитирования / Е. М. Главацкая // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2012. № 1 (99). С. 217–225.
4. Ордэн Ф. Мужчина и три женщины в национальных костюмах. Ногайцы. Дагестан (Дагестанская обл.). 1890-е (?) // Коллекция онлайн. Кунсткамера. Музейный номер: МАЭ № 1403-74. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/66433>
5. Ф. Ордэ. Кавказ и Средняя Азия : [т. 1-4] [альбом фотографий]. Т. 2, № 136-270.
6. Керейтов Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры / Науч. ред. Ю. Ю. Клычников; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований. Ставрополь: Сервисшкола, 2009. – 464 с.
7. Османов Хыйса. Балкария сквозь века: Монография; Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. им. В.И. Абаева. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009. 259 с.
8. Фотоотпечаток: Портрет княгини Урусбиевой // Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. Музейный номер: РЭМ 8854-23. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=32505725>
9. «Russischer Photograph: Prinzessin des Urusbiew-Stammes in der Gegend des Terek-Tals» // Onlinebibliothek Zeno.org. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <http://www.zeno.org/nid/20001896962>
10. «Ногайцы», Атлас народов России [Internet]. — Официальный интернет-ресурс Федерального агентства по делам национальностей. [дата обращения: 17.11.2021]. Доступ по ссылке: <https://fadn.gov.ru/atlas-narodov-rossii>
11. «Общий вид Киргизской кибитки. Жигули» // Архив аудиовизуальной информации Нижегородской области. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://runivers.ru/gallery/photogallery/photo/30754/original/>
12. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под общ. ред. П. П. Семенова. - СПб.: [Тип.] М. О. Вольф, 1881-1901. Т. 7 : Центральная Черноземная и Донско-Каспийская степная области. Ч. 2 : Донско-Каспийская степная область. - СПб. ; М., 1899. - 304, III с. : ил.
13. Бакаева Э.П. Одежда в культуре калмыков: традиции и символика. Элиста: ГУ Издательский дом «Герел», 2008. – 189 с.
14. Ногайцы, Народы России // Медиапроект Гильдии межэтнической журналистики «дата обращения: 17.11.2021]. Доступно по ссылке: <https://nazaccent.ru/nations/nogai/>
15. «Kalmuck Chieftan and Bodyguard» [Internet]. — History 140T – Fin-de-Siècle Russia, Williams College.

REFERENCES

1. Kuzeeva ZZ. Photography as an ethnographic source in the study of the traditional Nogai costume. In: *Nogais: XXI century. Story. Language. Culture. From origins to the future. Proceedings of the 3-d International Scientific and Practical conference*. Cherkessk: KCHIGI; Karachaeusk: KCHGU, 2019: 181–185. (In Russ.)
2. Baykal Ö. Photograph reading method in visual history studies. *Journal of Anglo-Turkish Relations*. 2022, 3: 97-125.
3. Glavatskaya EM. Photographic Documents as a Historic Source: on Attribution, Critical Analysis and Citation [*Fotodokumenty kak istoricheskii istochnik: opyt atributsii, kriticheskogo analiza i nauchnogo tsitirovaniya*]. *News of the Ural Federal University. Series 2, Humanities*. 2012, 1(99): 217-225. (In Russ.)
4. Orden F. A man and three women in national costumes. Nogais. Dagestan (Dagestan oblast). 1890s' (?) [Web resource]. Exhibits, Online Collections, Kunstkamera. Museum number: MAE No. 1403-74. Available from: <https://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/66433>
5. Orde F. The Caucasus and Central Asia [*Kavkaz i Srednyaya Aziya*]: [Vol. 1-4] [photo album]. Vol. 2, p. 136–270.
6. Kereytov R.H. Nogais. Peculiarities of ethnic history and everyday culture [*Nogaytsy. Osobennosti etnicheskoy istorii i bytovoy kul'tury*]. Klychnikov Yu. Yu. (ed.). Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Studies. Stavropol: Servisskhol, 2009. (In Russ.)
7. Osmanov Hyjsa. *Balkaria Through the Ages: Monograph [Balkariya skvoz' veka: Monografiya]*. Vladikavkaz: North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research, 2009. (In Russ.)
8. Photo print: Portrait of Princess Urusbiev [Web resource]. State Catalog of the Museum Collection of the Russian Federation. Museum number: REM 8854-23. Available from: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=32505725>
9. «Russischer Photograph: Prinzessin des Urusbiew-Stammes in der Gegend des Terek-Tals» [Web resource]. Onlinebibliothek Zeno.org. Available from: <http://www.zeno.org/nid/20001896962>
10. “Nogais”, Atlas of the peoples of Russia [Web resource]. The official Web resource of the Federal Agency for Nationalities. Available from: <https://fadn.gov.ru/atlas-narodov-rossii/nogaytsy>
11. “General view of the Kirghiz kibitka. Zhiguli” [Web resource]. Internet portal of the Autonomous non-profit organization for the creation, support and development of the historical and cultural electronic encyclopedia and library “Runivers”. Available from: <https://runivers.ru/gallery/photogallery/photo/30754/original/>
12. Semenova PP. (ed.). Picturesque Russia: Our Fatherland in its land, historical, tribal, economic and everyday meaning. Saint-Petersburg: M. O. Wolf Publ., 1881-1901. Vol. 7: Central Chernozem and Don-Caspian steppe regions. Saint-Petersburg; Moscow, 1899. (In Russ.)
13. Bakaeva EP. *Costume in the Kalmyk culture: tradition and symbolism [Odezhda v kul'ture kalmykov: traditsii i simbolika]*. Elista: Gerel Publ., 2008. (In Russ.)
14. Nogais, Peoples of Russia [Web resource]. Media project of the Guild of Interethnic Journalism “National Accent”. Available from: <https://nazaccent.ru/nations/nogai/>

Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://sites.williams.edu/hist140/sample-page/>

16. Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Головные уборы казахов (опыт локальной классификации) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989. С. 204–227.

17. Выставка «Светопись Дмитрия Ермакова. Работы тифлисского фотографа конца XIX – начала XX века из коллекций РОСФОТО и Российского этнографического музея». Санкт-Петербург, 17.04.2019–19.05.2019 // Сайт Государственного музейно-выставочного центра РОСФОТО. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://rosphoto.org/events/dmitry-ermakov-2019/>

18. Никитин Д.А. Две молодые ногайки. Ногайцы, вторая половина XIX в. // Экспонаты коллекции онлайн. Кунсткамера. Музейный номер: МАЭ № 121–51. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/66170>

19. Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1976. – 228 с.

20. «Ногайцы». Автор: М. Дж. Каракетов [Internet]. – Сайт «Большая российская энциклопедия» (БРЭ) – БИГЕНС.ру. [дата обращения: 17.11.2021]. Доступ по ссылке: <https://bigenc.ru/ethnology/text/2800635>

21. Кузеева З.З. Традиционный костюм ногайских женщин Северного Кавказа XIX – начала XX в. // Вопросы истории. № 1. 2019. С. 138–149.

22. Туркестанский альбом: по распоряжению туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана 1-го : части 1–4, т. 1–6 / составители : А. Л. Кун [и др.]. Санкт-Петербург : [б. и.], 1871 - 1872. Т. 3 : Часть этнографическая / составил А. Л. Кун. - 1872.

23. Ермолин Н.А. Девушки в традиционных костюмах: невесты (слева), обычном (справа). Киргизы. Начало XX века // Экспонаты коллекции онлайн. Кунсткамера. Музейный номер: МАЭ № 590–33. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/73627>

24. Украшение нагрудное женское. Казахи. Казахстан (?), конец XIX – начало XX вв. // Экспонаты коллекции онлайн. Кунсткамера. Музейный номер: МАЭ № 6622–1. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/297704>

25. Мелков А.Л. Девочки в традиционных костюмах. Казахи. Узбекистан, Навоийская область, Тамдынский р-он, пос. Тамдыбулак (Каракалпакская АССР). 1929 // Экспонаты коллекции онлайн. Кунсткамера. Музейный номер: МАЭ И 1380–28. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/102500>

26. Кол.авт. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IV. Антропология ногайцев. М.: «Памятники исторической мысли», 2003. 244 с.

27. Прищепова В.А. «Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX – начала XX века в собраниях Кунсткамеры». СПб., 2011. 452 с.

15. «Kalmuck Chieftan and Bodyguard» [Web resource]. History 140T. Fin-de-Siècle Russia, Williams College. Available from: <https://sites.williams.edu/hist140/sample-page/>

16. Zakharova IV, Khodzhaeva RD. Headdress of the Kazakhs (an experience of local classification). In: *Traditional clothing of the peoples of Central Asia and Kazakhstan*. Moscow, 1989: 204–227. (In Russ.)

17. Exhibition “Dmitry Ermakov’s Photography. Works by a Tiflis photographer of the late 19th – early 20th century from the collections of ROSPHOTO and the Russian Ethnographic Museum. St. Petersburg, 17.04.2019–19.05.2019. [Web resource]. Website of the State Museum and Exhibition Center ROSPHOTO. Available from: <https://rosphoto.org/events/dmitry-ermakov-2019/>

18. Nikitin DA. Two Nogai girls. Nogais, second half of the 19th century [Web resource]. *Exhibits, Online Collections, Kunstkamera*. Museum number: MAE No. 121–51. Available from: <https://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/66170>

19. Gadzhieva SSh. *The material culture of the Nogais in the 19th – early 20th centuries*. Moscow: Nauka, 1976. (In Russ.)

20. “Nogais”. Author: M. Dzh. Karaketov [Web resource]. “The Great Russian Encyclopedia” (GRE) – BIGENC.ru. Available from: <https://bigenc.ru/ethnology/text/2800635>

21. Kuzeeva ZZ. Traditional costume of Nogai women of the North Caucasus in the 19th – early 20th centuries. *Voprosy istorii*. 2019, 1: 138–149.

22. Turkestan album: by order of the Turkestan Governor-General, Adjutant General K. P. von Kaufmann 1st: parts 1–4, vol. 1–6. A. L. Kun et al (comp.). Saint-Petersburg, 1871–1872. Vol. 3: Ethnographic part. (In Russ.)

23. Ermolin NA. Girls in traditional costumes: brides one (left), ordinary one (right). Kirghiz. Early 20th century [Internet]. – Exhibits, Online Collections, Kunstkamera. Museum number: MAE No. 590–33. [updated 2021 Nov 17]. Available from: <https://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/73627>

24. Women’s pectoral adornment. Kazakhs. Kazakhstan (?), late 19th – early 20th centuries. [Web resource]. *Exhibits, Online Collections, Kunstkamera*. Museum number: MAE No. 6622–1. Available from: <https://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/297704>

25. Melkov AL. Girls in traditional costumes. Kazakhs. Uzbekistan, Navoi region, Tamdy district, village of Tamdybulak (Karakalpak ASSR). 1929 [Web resource]. *Exhibits, Online Collections, Kunstkamera*. Museum number: MAE No. 1380–28. Available from: <https://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/102500>

26. A team of authors. *Materials for the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus. Issue. IV. Anthropology of the Nogais*. Moscow: Pamyatniki Istoricheskoy Mysli. 2003. (In Russ.)

27. Prishchepova AV. Illustrative collections on the peoples of Central Asia in the second half of the 19th – early 20th centuries in the collections of the Kunstkamera. Saint-Petersburg, 2011. (In Russ.)

Поступила в редакцию 10.08.2022

Принята в печать 07.11.2022

Опубликована 25.12.2022

Received 10.07.2022

Accepted 07.11.2022

Published 25.12.2022

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1841101-1112>

Исследовательская статья

Рамазанова Зоя Буттаевна,
д.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
zoia.ram@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ АГРОЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА (НА ПРИМЕРЕ ЛАКЦЕВ)

Аннотация. Статья посвящена некоторым вопросам агроэтнографии Нагорного Дагестана в XIX – начале XX в. на примере лакцев, ныне проживающих на территории Лакского и Кулинского районов. Основное внимание автора уделено вопросам, связанным с системой земледелия, эволюции агроэтнографии, их диалектической связи с социальным и культурным развитием. Поставлена задача исследовать некоторые вопросы агроэтнографии лакцев на фоне и в связи со сложившимися хозяйственно-культурными типами, характерными Лакии исследуемого периода, в частности земледельческий тип в территориальных пределах нынешнего Лакского и Кулинского районов. В своем исследовании автор применяет методологию Османова М.О., когда учитывается, что выбор той или иной системы определяется наличием угодий, земледельческих орудий, разных способов подготовки и обработки земли, позволяющих достичь максимального урожая. При этом обращается внимание, что система землепользования предполагает также комплекс мероприятий, направленных на сохранение ресурса угодий для использования их в будущем. Главным «фоновым» фактором, в значительной степени обуславливающим как земледелие, так и компоненты земледельческой культуры, являются природно-географические условия, экология. Материал для написания данной статьи собран автором в ходе экспедиционных поездок в соответствующие районы, архивные материалы по сельскохозяйственной переписи Дагестана за 1917 г., а также визуальные наблюдения автора. Исследование показало, что применение различных систем землепользования, позволило сохранить в Дагестане многие традиционные сорта важнейших хлебных злаков (пшеницы, ячменя, ржи), разводившихся их отдаленными предками.

Ключевые слова: агроэтнография; Дагестан; лакцы; система земледелия; террасы.

Для цитирования: Рамазанова З.Б. К проблеме агроэтнографии народов Дагестана (на примере лакцев) // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 1037-1060. doi: 10.32653/CH1841101-1112

© Рамазанова З.Б., 2022

© Сефербеков М.Р., перевод, 2022

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1841101-1112>

Research paper

Zoya B. Ramazanova,
D.Sc. (History), Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
zoya.ram@mail.ru

SOME PROBLEMS OF AGRO-ETHNOGRAPHY OF THE PEOPLES OF DAGESTAN (ON THE CASE OF THE LAKS)

Annotation. The article is devoted to some issues of the agroethnography of Nagorno-Dagestan in the 19th – early 20th centuries. on the example of the Laks, now living in the territory of the Laksy and Kulinsky districts. The main attention of the author is paid to issues related to the system of agriculture, the evolution of agroethnography, their dialectical connection with social and cultural development. The task was set to investigate some issues of agroethnography of the Laks against the background and in connection with the established economic and cultural types characteristic of Lakia of the period under study, in particular, the agricultural type within the territorial limits of the current Laksy and Kulinsky districts. In his research, the author applies the methodology of M.O. Osmanov, when it is taken into account that the choice of a particular system is determined by the availability of land, agricultural tools, various methods of preparing and cultivating the land that can achieve maximum yield. At the same time, attention is drawn to the fact that the land use system also involves a set of measures aimed at preserving the resource of lands for their use in the future. The main “background” factor, which largely determines both agriculture and the components of agricultural culture, are natural and geographical conditions, ecology. The material for writing this article was collected by the author during expedition trips to the relevant regions, archival materials on the agricultural census of Dagestan for 1917, as well as visual observations of the author. The study showed that the use of various land use systems made it possible to preserve in Dagestan many traditional varieties of the most important cereals (wheat, barley, rye), bred by their distant ancestors.

Keywords: agroethnography; Dagestan; laks; farming system; terraces.

For citation: Ramazanova Z.B. Some problem of agroethnography of the peoples of Dagestan (on the example of the laks). History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2022. Vol. 18. N. 4. P. 1037-1060. doi: 10.32653/CH1841101-1112

© Ramazanova Z.B., 2022
© Seferbekov M.R., translation, 2022
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2022

Изучение агроэтнографии – одна из актуальных исследовательских задач этнографической науки. Задачи агроэтнографии не исчерпываются изучением земледельческой культуры, а теснейшим образом связаны и с важнейшими сторонами быта и культуры земледельцев, с рядом традиционных обычаев и обрядов, изучение которых имеют еще и практической значение. Без достаточно широкого и глубокого изучения агрокультуры невозможно представить более или менее отчетливое представление о народе, об особенностях внутриэтнических и межэтнических отношений.

Изучение агрокультуры предполагает рассмотрение хозяйственного развития, эволюции агроэтнографии в их диалектической связи с социальным и культурным развитием. При этом мы ставим задачу исследовать некоторые вопросы агроэтнографии лакцев на фоне и в связи со сложившимися хозяйственно-культурными типами, характерными для Лакии изучаемого периода. Речь пойдет о земледелии, вернее, о земледельческом цикле в территориальных пределах нынешних Лакского и Кулинского районов, основных районов формирования и развития лакского этноса. Рассматриваемый период в истории лакцев, как и всех дагестанцев, особенно интересен и важен во многих аспектах (окончательное присоединение Дагестана к России, ликвидация ханства и образование Кази-Кумухского округа в составе Дагестанской области, все большее проникновение в хозяйство элементов капиталистических отношений и т. д.).

Природные условия (климат, почва, рельеф) всегда были системоформирующими факторами для сельского хозяйства в целом. Согласно полевым¹ и литературным данным, в Нагорном Дагестане использовались основные системы земледелия: паровая, перелог и плодосменная [1, с. 47]. Горная Лакия расположена в двух зонах – горной и высокогорной, с которыми связано разнообразие и специфика почвенных климатических условий.

Каждая из этих зон обладает различными климатическими и почвенными условиями, требовавшими определенных культур и даже сортов культурных растений, навыков и приемов земледелия.

Все эти факторы в значительной мере определяют применяемые системы земледелия, культивирования определенных сельскохозяйственных растений, сроки посева, орудия обработки почвы, способы сева, жатвы, молотбы и веяния.

Разумеется, наиболее значимым фоном при распределении сортового разнообразия являются особенности климата, элемент природной географической среды, где проявляются действия земледельца.

Характерная черта земледелия лакцев – отсутствие орошаемого земледелия. Земледелие здесь было террасное, к тому же здесь можно было встретить террасы всех видов, характерные для Нагорного Дагестана [2, с. 109, 136; 3, с. 177–193]. Мы не ставим своей целью дать собственную классификацию террасного земледелия, а принимаем классификацию М.-З.О. Османова и М.А. Агларова, разработанную на даргинском и аварском материале [4; 3, с. 177–193; 5].

Первый вид террас – это небольшое поле, расположенное на относительно ровном месте на вершине горы, на некоторых травянистых склонах, где террасы почти не имели каменных стенок, их заменяли естественные откосы, поскольку не было особой необходимости в этом. Этот вид террас – откосный.

Второй вид – это укрепленные узкие террасы крутых и каменистых склонов, с искусственным созданием почвенного слоя.

1. Полевой материал автора. РФ ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 330. Л. 25.

Третий вид – пойменный или приречный. Подобные террасы образуются следующим образом: в русле реки, благодаря паводковым водам, образуются невысокие террасы из наносного ила, песка и проч. Постепенно они зарастали травой, кустарником и, таким образом, создавались условия для почвообразования. Подобную террасу со временем использовали под насаждения, оградив ее крепкими валами от проникновения паводковых вод [4].

Однако основной базой горного земледелия являются естественные террасы, послужившие прообразом искусственного террасирования. Несмотря на расширение пашен путем террасирования, в Лакии было мало удобной для возделывания земель из-за сильно взрезанного горного рельефа.

Основной, т.е. господствующей системой земледелия в Лакии была паровая с элементами плодосменной, точнее, паровая система с трехпольным севооборотом. Пашотное поле делилось на три части, а если было несколько участков, то через каждые два года на третий один из участков оставался под так называемый «черный пар» [6, с. 147]. Пар и возделываемые зерновые культуры при трехпольном севообороте чередовались следующим образом:

	I поле	II поле	III поле
1 год	пар	озимые	яровые
2 год	озимые	яровые	пар
3 год	яровые	пар	озимые

Для подъема плодородия почвы земля подвергалась многократному вспахиванию в разное время года (весной, летом). Академик Н.И. Вавилов отмечал, что летнее перепашивание с высушиванием, даже, прокаливанием почвы на солнце, служит одним из средств повышения плодородия почвы в засушливых местах [2, с. 180].

Паровая система применялась, в основном, зажиточными крестьянами, а владельцы небольших угодий использовали плотный плодосмен без пара, т.к. сеяли только яровые. Как отмечает М.О. Османов: «в союзе обществ Кули (сел. Кули, Вихли, Вачи и др.), где удобрением служили главным образом выбросы из туалетов с золой и помет овец, пригнанных на постой (основная часть навоза уходила на кизяк, и поэтому ощущался дефицит удобрений). В чередующихся культурах для улучшения почвы также использовали бобы, причем и здесь преобладали яровые, но по причине зимних холодов (морозы были очень сильные, а озимь часто оставалась без снежного покрова)» [7, с. 289].

Удобряться поля, как отмечалось выше, или поздней осенью, или ранней весной. В основном вносили удобрение поздней осенью и давали ему перепреть зимой в кучах, а весной перед вспашкой разбрасывали. Возили навоз на санях-волокушах в насаженных на них плетеных корзинах, а иногда – и в заплечных корзинах [6, с. 147]. На поле навоз складывали конусообразной кучей и посыпали тонким слоем земли, чтобы он лучше перепрел. Делалось это оттого, что в навоз, находившийся в хлеву, скот своими ногами втапывал выпадавшие из кормушки зерна, стебли, траву и другие отходы кормов. Если таким неперегнившим навозом удобряли поля, то всходы сорняков забивали рост сельскохозяйственных культур. Перегнивший навоз считался лучшим удобрением, он способствовал более скорому восстановлению плодородия почвы². В зависимости от плодородия почвы и расстояния от селения поля удобряли либо

2. . Полевой материал автора // РФ ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 331. Л. 9.

ежегодно (каменистые), либо, если они были более-менее плодородные, через год или два (с учетом севооборота). В первую очередь удобрялись участки, предназначенные весной под посев, по «обыкновению выбирали такие из них, которые были унавоживаемы только года два тому назад и засеивались сразу оба года» [8, с. 12; 9, с. 73]. Удобрения вносили еще и перед пахотой полей, отводимых для посевов скороспелого ячменя – «хьва». В качестве удобрения применяли и золу. Ежедневно в течение зимы и весны золу подбрасывали к навозу. Смесь золы с навозом составляла «комбинированное удобрение» [6, с. 147].

При выносе удобрения в поле лакцы, как и другие народы Дагестана, созывали *помочи*, «пара бичаву» или «хьу оьргъа даву» – на один день. Количество приглашенных на *помочь* зависело от зажиточности хозяина.

При большом количестве скота удобрений скапливалось много, и на *помочь* приходило до 15–20 человек, а в средняцкие хозяйства – до 4–6 человек (в основном родственники и близкие соседи). Эти хозяйства собирались в порядке взаимопомощи – «*марша*» (т.е. сегодня ты помогаешь мне, а завтра – я тебе).

В Лакии во время севооборота довольно строго учитывалось расположение угодий по отношению к солнцу. На участках теневой стороны всегда сеяли ячмень, как наиболее холодостойкую культуру, остальные возделывались по возможности на солнечной стороне (пшеница, лен, бобовые и т.д.).

Весной перед пахотой земледельцы проверяли влажность почвы – *аьраву*³, т.е. кидали комков земли, если он рассыпался, упав вниз, это было знаком, что пора начинать пахоту. При пахоте основным орудием было пахотное орудие – *хьарас*, в который запрягали при помощи ярма пару волов. Сам процесс пахоты называется – *гьайчаву*, а человек, который пашет – *гьвйтIала*. Перед пахотой «железо для плуга бывало приготовлено заранее, ремни и веревочки лежали в «махнику», т.е. в сумке из невыделанной кожи с ремнем, для надевания через плечо: в эту сумку кладут разные мелочи, необходимые для пахаря» [8, с. 31]. Пахотное орудие заранее «выносили на площадь, чтобы измерить его высоту (видимо, высота стойки) на специальном камне, на котором была сделана зарубка для ее определения [8, с. 31]. Это свидетельствует о приспособленности определенного подвида пахотного орудия к данному рельефу и о сложившихся этнических традициях, легших в основу изготовления данного пахотного орудия. Пахарь одной рукой держался за рукоятку пахотного орудия, а в другой держал хлыст, которым погонял волов. Для более глубокой вспашки пахарь слегка приподнимал пятую и тем самым делал упор на сошник. Пахота и связанный с ней посев совершались в основном тремя способами.

1-й способ. Земледелец первоначально разбрасывал на нераспаханную землю зерно, а затем вспахивал ее. В процессе пахоты верхний слой прикрывал зерна. Данный способ высева зерна более всего практиковался на землях, расположенных на крутых склонах гор. Наоборот, на участках земли, расположенных на пологом склоне или у подножья гор, а также на ровной площади, данный способ высева зерна не практиковался. Это, видимо, объясняется тем обстоятельством, что при посеве данным способом на пологих и ровных участках семена попадали в землю слишком глубоко и не могли дать хороших всходов. Поэтому при данном способе семена высеивали гуще, чем при других способах высева. После высева разбрасывали удобрения.

2-й способ. Производили первую весеннюю вспашку – *хьу духъян*⁴, а потом уже разбрасывали удобрение так, чтобы при пропахивании после сева оно смешалось

3. Полевой материал автора. РФ ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 330. Л. 37.

4. Полевой материал автора // РФ ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 332. Л. 20.

с землей на уровне высеваемых семян. Затем поля очищали от сорняков и т.д., а уже после на вспаханном и очищенном от сорняков участке производили сев и высеянные семена запахивали пахотным орудием.

3-й способ. В целях равномерного высева зерна всю пашню делили на равные участки. Для этого пахарь проводил бороздку по нижнему краю поля *марца* до боковой межи. Затем по ней он проводил бороздку на расстоянии 2,5–3 м, потом он поворачивал пахотное орудие параллельно *марца* и проводил борозду до пересечения с первой боковой межей, в результате чего весь участок оказывался разделенным на определенное количество четырехугольников. После этого крестьянин насыпал в мерку зерно и сначала засеивал один четырехугольник, разбрасывая зерно, сначала в одну сторону, потом в другую и т.д.⁵

Рачительный хозяин старался производить вспашку 6–7 раз⁶, затем удобрял, разбрасывал удобрение так, чтобы при пропахивании после сева оно смешалось с землей на уровне высеваемых семян и всходы получили больше азота.

При посеве разных культур придерживались определенной последовательности: сначала шла яровая пшеница *интту лачла*, за ней – горох, потом – голозерный ячмень *у* и т.д. В последнюю очередь сажали картофель, как наиболее теплолюбивую культуру.

Основным культурами, возделываемыми в Нагорном Дагестане, в частности в Лакции, в исследуемый период были пшеница яровая – *интту лачла*, пшеница озимая – *ссуттил лачла*, ячмень – *хъва*, голозерный ячмень – *у*, овес – *нехъа*, рожь – *сус*, вика – *сцирк*, просо – *ши*, полба, в очень ограниченном количестве кукуруза – *шагьнал лачла*, которая культивировалась «больше для украшения, чем для пользования им». Из бобовых растений культивировались: фасоль – *шагьнал хюру*, горох – *хюру*, чечевица – *гьулу* и все это в очень ограниченном количестве. Из масличных культур засеивали только лен – *турт*, в ограниченном количестве коноплю – *ницлай хъува* [6, с. 148].

Земледельческая культура лакцев имела свои устоявшиеся традиции и навыки. Как и везде в горах, лакцы большое внимание уделяли, как уже отмечалось выше, расположению пахотных полей. Постараемся дать краткую характеристику культурных растений. Начнем с высокогорной зоны района, так как сорта важнейших хлебных злаков (ячменя, пшеницы, ржи и др.) у горцев Северного Кавказа возникли, по определению Н.И. Вавилова, именно в горах, где земледелие стояло до 70–80-х годов XIX в. на более высоком уровне развития [9, с. 77]. Как свидетельствует наш полевой, архивный и литературный материал, в горах одним из наиболее распространенных злаков был ячмень, имевший несколько разновидностей и множество сортов. В Дагестане имелось до 30 форм ячменя, т.е. «свыше 60% общего числа форм в СССР» [10, с. 167]. Ячмень Дагестана славился высоким качеством зерна, продуктивностью и морозоустойчивостью, который «не имел конкурентов в мировом ассортименте» [11, с. 597]. Н.И. Вавилов, рассматривая распространение этой культуры в мировом масштабе, писал: «В горных странах ячмень идет наиболее высоко, поднимаясь до пределов вечных снегов, где невозможна ни культура яровой ржи, ни культура яровой пшеницы» [11, с. 597]. По мнению Н.И. Вавилова, ячмень хорошо переносит низкие температуры и «не боится заморозков даже в том случае, если понижение температуры происходит после появления всходов» [12, с. 241].

5. Полевой материал автора // РФ ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 331. Л. 36.

6. Полевой материал автора // РФ ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 331. Л. 42.

Ячмень сеяли в высокогорной зоне (свыше 2000 м над у.м.), здесь имеются в виду местные морозоустойчивые сорта двурядного ячменя, дающего высокий урожай только при низких температурах, т.е. в данном случае он был одним из главных продуктов. Разумеется, это лишний раз говорит о главном факторе (фоне) в культивировании того или иного вида, каковыми были природно-географические условия, что четко проявляется при сравнении горной и высокогорной зоны.

Рассмотрим степень возделывания ячменя в каждой зоне в отдельности. О преобладании этого вида культуры в горной зоне свидетельствуют наши архивные данные, судя по которым, в селении Хосрех Казикумухского округа (нынешний Кулинский район), посев ячменя составлял 6,9% (табл. 1) ярового поля, в то время как посев озимой пшеницы составлял 3,9% всего зимнего поля этого же селения⁷. В соседнем селении Кули (тоже входит в нынешний Кулинский район) посев ячменя составляет 28,1% (табл. 1). Следует отметить, что здесь климат более умеренный, чем в селении Хосрех, и поля отличались большим ассортиментом культур. А в селениях горной зоны – Кумухе и Кубе – ячмень был распространен в Кумухе (нынешний Лакский район) на 41,5% (табл. 1) ярового поля, а в селении Куба (того же района) на 17,6% (табл. 1) ярового поля.

Как уже отмечалось выше, в Лакии сеяли еще голозерный ячмень – *у*, который шел, в основном, на изготовление толокна: которое было основой многих национальных блюд и напитков.

Вторым после ячменя хлебным злаком в Лакии была пшеница. По мнению Н.И. Вавилова, некоторые виды пшеницы, обнаруженные в горах, «отличаются поразительной стойкостью к болезням» [11, с. 595]. Пшеница, особенно озимая пшеница – *ссуттил лачла*, была преобладающим хлебным злаком в горной зоне. Посевы озимой пшеницы в высокогорной зоне составляли незначительный процент, например, в селении Хосрех 4,0% (табл. 1), а яровая пшеница вообще не значится в сельскохозяйственной переписи 1917 г.: в селении Кули 70,6% озимого поля составляет озимая пшеница, а яровой ячмень – 18,1% ярового поля (табл. 1). В селении Кумух озимая пшеница составляла 98,4% озимого поля, а яровая пшеница – 31,9% ярового поля (табл. 1); в селении Куба – озимая пшеница составляла 98,5% (табл. 1) озимого поля.

В целом, приведенный материал свидетельствует, что пшеница была одним из главных традиционных хлебных злаков горцев, имевшим наибольшее распространение в горной зоне региона. Судя по статистическим данным из четырех селений выделенных зон, пшеница занимала первое место среди хлебных злаков в селениях Куба и Кумух (нынешний Лакский район), а в Кули и Хосрехе (нынешний Кулинский район) преобладала полба. Овес – *нехъа* возделывался по всему региону Лакии, в том числе и в высокогорье. Однако он был малоурожайным и, в основном, шел на корм лошадям⁸. Количество посевов культуры видимо было настолько незначительным, что даже не числилось в официальных документах. К числу распространенных в высокогорной зоне у лакцев зерновых культур относится и рожь – *сус*. По статистическим данным, озимая рожь составляла: в селении Хосрех 100% озимого поля, в Кули – 2,6% озимого поля (табл. 1).

Одной из немногих распространенных культур у лакцев горной зоны была полба. По статистическим данным она составляла в селении Кумух 2,3% ярового поля; зато в селениях высокогорной зоны степень ее распространенности была выше, например,

7. Центральный государственный архив Республики Дагестан (здесь и далее ЦГА РД). Ф. 59. Оп. 1. Д. 111.

8. Полевой материал автора // РФ ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 331. Л. 44.

в селении Кули она составляла 70,6% ярового поля, а в селении Хосрех 92,3% всего ярового поля (табл. 1).

Не получил широкого распространения посев кукурузы – *шагънал лачла*. Посевная площадь ее составляла 26,06% ярового поля в селении Куба (табл. 1). Разумеется, кукуруза на Кавказе – культура более поздняя по сравнению с другими зерновыми культурами. Ее появление на Кавказе впервые отмечено в XVI в. в Грузии [13, с. 371], откуда она проникла, возможно, и в районы Северного Кавказа, в частности и в Дагестан. Видимо, не очень высокая степень ее распространения в горах Дагестана объясняется его климатическими и почвенными условиями.

В Лакии в ограниченном количестве сеяли лен – *турт*, семена которого в поджаренном виде шли на изготовление кашицы с топленным маслом. Здесь, как и во всем нагорном Дагестане, выработались своеобразные низкорослые скороспелые масличные льны-кудряши [14, с. 127].

Кроме полеводства у лакцев в незначительной степени было развито огородничество. Из огородных культур наиболее распространенными были лук, чеснок, морковь⁹. Значительным событием было появление картофеля среди огородных культур. Видимо, повсеместное распространение эта культура получила в конце XIX в.

Из сказанного следует, что «входя в основную область видообразования пшеницы, ячменя, ржи и льна, Кавказ благодаря разнообразным условиям, горному характеру, древней культуре, в особенности в Закавказье и Дагестане, выработал чрезвычайное разнообразие экотипов, представляющих собой разительные контрасты при сопоставлении их в одних и тех же случаях. При этом нередко целые ботанические виды соответствуют определенному экотипу. Многие из эндемичных кавказских видов пшеницы, ржи, диких и культурных плодовых не вышли за пределы начальной родины» [14, с. 121].

Таким образом, народы Дагестана сохранили много традиционных сортов важнейших хлебных злаков (пшеницы, ячменя, ржи), разводившихся их отдаленными предками.

9. Полевой материал автора // РФ ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 331. Л. 41.

Таблица 1. Удельный вес посевных культур (среднегорье и высокогорье)^{10*}

Селения	Количество хозяйств	Общая площадь в сабах<?>* яровая пшеница			Культуры									
					озимая пшеница		яровой ячмень		озимый ячмень		голозерный ячмень			
		озим.	яров.	пар	всего площади	% к площади яр. посевов	всего площади	% к площади озим. посевов	всего площади	% к площади яр. посевов	всего площади	% к площади озим. посевов	всего площади	% к площади яр. посевов
Кумух	575	1250	1322	298	423	31,92%	1218	97,4%	549	41,5	6	0,4	219	16,5
Куба	239	322,5	671,5	22	–	–	317,5	98,5	117,5	17,4	–	–	309	46
Кули	576	273	2022,5	1322	24	1,2	193	70,6	569	23,1	–	–	–	–
Хосрех	421	50	1848,5	1426,5	–	–	2	4,0	128	6,9	–	–	–	–

Таблица 2. Удельный вес посевных культур (среднегорье и высокогорье)

Культуры										Прочие яровые		Прочие озимые	
полба		горох		чечевица		картофель		кукуруза		всего площадь	% к площади яровых посевов	всего площадь	% к площади озим. посевов
всего площадь	% к площади яровых посевов	всего площадь	% к площади яровых посевов	всего площадь	% к площади яровых посевов	всего площадь	% к площади яровых посевов	всего площадь	% к площади яровых посевов				
31	2,3	61	4,6	4	0,3	15	1,13	–	–	20	1,5	26	2,08
–	–	–	–	2	0,3	3	0,4	173	25,7	67	9,97	5	1,55
1429,5	70,6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	80	29,3
1705,5	22,3	–	–	–	–	–	–	–	–	15	0,8	48	96

10. * Таблицы составлены по: Сельскохозяйственная перепись Дагестанской области 1917 г. // ЦГА РД. Ф. 59. Оп. 1. Д. 111, 113, 114, 115, 116.

Обеспеченность земель

Селения	Число хозяйств	Без земли		Имеющие землю до 5 саб		До 10 саб		До 15 саб		До 20 саб		Свыше 20 саб	
		не имеют пашни	не имеют сенокоса	пашня	сенокос	пашня	сенокос	пашня	сенокос	пашня	сенокос	пашня	сенокос
Кумух	575	328	388	77	18	101	62	40	18	25	46	30	68
Куба	239	–	56	163	146	50	22	8	–	3	2	1	–
Кули	576	108	177	199	94	178	154	32	37	28	46	21	60
Хосрех	421	33	70	139	186	154	112	42	22	35	14	13	15

Таблица 3. Чересполосица и небольшие размеры участков

Селение	Число хозяйств	Дробность земельных участков												
		1 кусок		2 куска		3 куска		4 куска		5 кусков		свыше 5 кусков		
	всего	имеющих землю	пашня	сенокос	пашня	сенокос	пашня	сенокос	пашня	сенокос	пашня	сенокос	пашня	сенокос
Кумух	575	304	71	145	74	56	48	17	35	13	20	3	26	5
Куба	239	226	18	27	26	30	45	32	32	23	24	15	81	44
Кули	576	473	68	114	78	99	107	88	60	41	41	8	112	20
Хосрех	421	389	30	117	77	121	86	66	50	17	49	12	96	16

Таблица 4. Степень занятости земли под посевы с применением севооборотов (из-за малоземелья)

Селения	Хозяйства с землей до 5 саб	Из них занято под			Число хозяйств имеющих землю до 10 саб	Из них занято под			Число хозяйств имеющих землю до 15 саб
		озимые	яровые	пар		озимые	яровые	пар	
Кумух	77	100	124	29	101	312	343	61	42
Куба	163	136,5	325,5	3	51	127	212	5	8
Кули	199	17	395,5	178	178	67	796	529	32

Хосрех	139	–	329,5	153,5	154	3	661	546	42				
Из них занято под			Число хозяйств имеющих землю до 20 саб	Из них занято под			Число хозяйств имеющих землю до 20 саб	Из них занято под			Всего занято под		
озимые	яровые	пар		озимые	яровые	пар		озимые	яровые	пар	озимые	яровые	пар
264	182	53	23	203	198	41	30	371	475	114	1250	1322	298
37	49	10	3	16	4	–	1	6	11	4	312,5	671,5	22
51	247	156	28	55	278	299	21	93	333	259	273	2022,5	1322
7	296	268	35	19	338	290	13	22	224	189	51	1848,5	1426,5

Таблица 5. Распространенность культур

Селения	Число хозяйств	Озимая пшеница		Яровая пшеница		Озимый ячмень		Яровой ячмень+ голозерный ячмень		Озимая рожь	
		число сеющих хоз.	кол. саб	число сеющих хоз.	кол. саб	число сеющих хоз.	кол. саб	число сеющих хоз.	кол. саб	число сеющих хоз.	кол. саб
Кумух	575	168	856	62	457	1	6	127	801	–	–
Куба	239	144	314,5	25	53	–	–	192	421,5	2	2
Кули	576	55	241	7	24	–	–	210	609	22	54
Хосрех	421	1	2	–	–	–	–	41	134	16	51

Полба		Овес		Кукуруза		Просо		Горох		Чечевица		Картофель	
число сеющих хоз.	кол. саб	число сеющих хоз.	кол. саб	число сеющих хоз.	кол. саб	число сеющих хоз.	кол. саб	число сеющих хоз.	кол. саб	число сеющих хоз.	кол. саб	число сеющих хоз.	кол. саб
4	31	–	–	–	–	–	–	15	6	2	4	3	7
–	–	8	8	129	176	1	1	–	–	2	2	3	3
410	1479,5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
388	1906,5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булатова А.Г. Лакцы (XIX – нач. XX вв.): историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971. – 196 с.
2. Вавилов Н.И., Букиннич Д.Д. Земледельческий Афганистан / Избранные труды академика Вавилова Н.И. Т. I. М.; Л., 1959. – 484.
3. Агларов М.А. Техника сооружения террасных полей и вопрос об эволюции форм собственности на земле у аварцев до XX в. // Уч. зап. ИИЯЛ. Т. XII. Махачкала, 1963. С. 177–193.
4. Гаджиева С.Ш., Османов М.-З.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. – 300 с.
5. Османов М.О. О системе земледелия (понятие, сущность, компонентное содержание) // История, археология и этнография Кавказа. 2005. Т. 1. №3. С. 79–101. doi: 10.32653/СН1379-101
6. Рамазанова З.Б. Этноэкологические аспекты хозяйственной деятельности народов нагорного Дагестана (XIX - начало XX в.) // История, археология и этнография Кавказа. 2016. Т. 12. №3. С. 146–152. doi: 10.32653/СН123146-152
7. Османов М.О. Традиционные типы и системы земледелия Дагестана XIX – начало XX века. Махачкала, 2006.
8. Омаров А. Как живут лаки // Сборник сведений о кавказских горцах. Т. 3. Тифлис, 1870.
9. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1961. – 247 с.
10. Ковалевский Г.В. Культурно-историческая и биологическая роль горных районов // Природа. 1931. № 2. С. 167.
11. Вавилов Н.И. Горное земледелие Северного Кавказа // Известия АН СССР (серия биологическая). 1957. № 5. С. 590–600.
12. Вавилов Н.И. Избранные труды. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1965. Т. 2. – 425.
13. Декапрелевич Л.Л. Из истории культуры кукурузы СССР // Материалы по истории хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 4. М., 1960. С. 365–413.
14. Вавилов Н.И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа, 1936. № 2. С. 80.

REFERENCES

1. Bulatova AG. Laks (19th – early 20th centuries): historical and ethnographic essays. Makhachkala, 1971. (In Russ.)
2. Vavilov NI, Bukinich DD. Agricultural Afghanistan. In: Selected Works of Academician Vavilov N.I. Vol. I. Moscow; Leningrad, 1959. (In Russ.)
3. Aglarov MA. Technique for constructing terraced fields and the question of the evolution of forms of property on land among the Avars until the 20th century. *Proceedings of Institute of History, Language and Literature*. Vol. XII. Makhachkala, 1963: 177–193. (In Russ.)
4. Gadzhieva SSh, Osmanov M-ZO, Pashaeva AG. *Material culture of the Dargins*. Makhachkala, 1967. (In Russ.)
5. Osmanov MO. On the system of agriculture (concept, essence, component content) [O sisteme zemledeliya (ponyatie, sushchnost', komponentnoe sodержanie)]. *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2005, 3(3): 79–101. (In Russ.)
6. Ramazanova ZB. Ethno-ecological aspects of the economic activity of the peoples of Nagorny Dagestan (XIX - early XX centuries). *Bulletin of the Institute of Archeology and Ethnography*. 2016, 3: 147. (In Russ.)
7. Osmanov MO. *Traditional types and systems of agriculture in Dagestan XIX – early XX century*. Makhachkala, 2006. (In Russ.)
8. Omarov A. How Laks live. *Collection of information about the Caucasian highlanders*. Vol. 3. Tiflis, 1870. (In Russ.)
9. Kaloev BA. Agriculture of the peoples of the North Caucasus. Moscow: Nauka, 1961. (In Russ.)
10. Kovalevsky GV. Cultural-historical and biological role of mountain regions. *Priroda*. 1931, 2: 167. (In Russ.)
11. Vavilov NI. Mountain farming of the North Caucasus. *Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR (biological series)*. 1957, 5: 590–600. (In Russ.)
12. Vavilov NI. *Selected works*. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1965. Vol. 2. (In Russ.)
13. Dekapreleevich LL. From the history of corn culture of the USSR. *Materials on the history of economy and peasantry of the USSR*. Digest 4. Moscow, 1960: 365–413. (In Russ.)
14. Vavilov NI. World experience in the agricultural development of highlands. *Priroda*. 1936, 2: 80.

Поступила в редакцию 10.03.2022

Принята в печать 10.11.2022

Опубликована 25.12.2022

Received 10.03.2022

Accepted 10.11.2022

Published 25.12.2022

DOI: <https://doi.org/10.32653/СН1841113-1125>

Исследовательская статья

Макка Султан-Гиреевна Албогачиева
д.и.н, ведущий научный сотрудник Отдела этнографии Кавказа
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
Санкт-Петербург.
albmasc@mail.ru

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ Ф.И. ГОРЕПЕКИНА

Аннотация. В статье приводятся малоизвестные детали из жизни исследователя письменности, фольклора и этнографии ингушского и чеченского народа – Фомы Ивановича Горепекина. С опорой на письменные источники, документы архивных фондов и материалы семейного архива Горепекиных мы решили прояснить некоторые детали его биографии: происхождение, точные даты жизни и смерти, сведения о награждениях и «разоблачениях» и т.д. Автором уже была проведена работа по сбору материала и публикации статей, а также подготовлено факсимильное издание его трудов в 2006 г. Однако других исследований, касающихся научной деятельности Ф.И. Горепекина, в отечественной историографии не предпринималось, чем и обусловлена актуальность данной публикации. Вновь открывшиеся факты дают возможность развеять некоторые мифы, связанные с его жизненным путем и научными интересами. Часть материалов, вошедших в эту статью, впервые вводится в научный оборот и проливает свет на малоизвестные страницы жизни исследователя. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с его научными изысканиями и негативными оценками академика Н.Я. Марра и его коллег. В указанный период была сильна теория Н.Я. Марра, и на его фоне работы малоизвестного кавказоведа из Владикавказа вызывали только досаду и раздражение. Трудам Ф.И. Горепекина не придавалось должного внимания сотрудниками Яфетического института, которым в качестве экспертов автор пересылал их для оценки. Анализ материалов позволяет сделать вывод о том, чем были обоснованы их претензии и с чем была связана негативная оценка его трудов. Ввод в научный оборот новых данных о Ф.И. Горепекине позволяет увидеть, как политика и власть могли рушить судьбы исследователей, не считаясь с их реальным вкладом в науку. Биография Фомы Ивановича позволяет дать взвешенную характеристику того периода через судьбу ученого.

В работе над статьей использован метод биографического исследования.

Ключевые слова: Ф.И. Горепекин; Н.Я. Марр; история; этнография; краеведение; Кавказ; ингуши; чеченцы.

Для цитирования: Албогачиева М.С.-Г. Малоизвестные страницы жизни Ф.И. Горепекина // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 1037-1060. doi: 10.32653/СН1841113-1125

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1841113-1125>

Research paper

Makka S.-G. Albogachieva,
Dr. Sci. (History), Leading Researcher
Dep. of Ethnography of the Caucasus,
Museum of Anthropology and Ethnography, RAS, St. Petersburg, Russia
albmac@mail.ru

LITTLE-KNOWN PAGES OF THE BIOGRAPHY OF F.I. GOREPEKIN

Abstract. The article provides little-known details from the life of the researcher of writing systems, folklore and ethnography of the Ingush people – Foma Ivanovich Gorepekin. Based on the available sources, documents of archival fonds and materials of the Gorepekin family archive, the author attempts to clarify some gaps in his biography: origin, exact dates of life and death, information about awards and “exposures”, etc. The author has already carried out work on collecting material and publishing articles, as well as a published a facsimile of his works in 2006. However, there have been no other studies of F.I. Gorepekin’s scientific work in Russian historiography, which explains the relevance of our study. The newly discovered facts provide an opportunity to dispel some myths related to his life path and his academic interests. Some of the materials included in this article are first introduced into scientific circulation and shed light on many little-known pages of the researcher’s life. We pay special attention to issues related to his scientific research and negative assessments by academician N.Ya. Marr and his colleagues. During this period, the theory of N. Ya. Marr was strong, and in this context, the work of a little-known Caucasian scholar from Vladikavkaz caused only annoyance and irritation. The works of F.I. Gorepekin were not given due attention by the staff of the Japhetic Institute, to whom they were sent for expert assessment. Analysis of the material allows us to conclude about the reasons for their claims and negative assessment of his works. The introduction of original details about F.I. Gorepekin allows us to see how politics and power could ruin the fates of researchers, regardless of their real contribution to science. The biography of Foma Ivanovich provides a balanced characterization of that period through the fate of one individual.

During the study, the method of biographical research was applied.

Keywords: F.I. Gorepekin; N.Ya. Marr; history; ethnography; archaeology; local history; Caucasus; Ingush; Chechens.

For citation: Albogachieva M.S.-G. Little-known pages of the biography of F.I. Gorepekin. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2022. Vol. 18. N. 4. P. 1037-1060. doi: 10.32653/CH1841113-1125

Ф.И. Горепекин 1926 г. Эссентуки. Фото В.М. Чугуевского

F.I. Gorepekin. 1926, Essentuki. Photo by V.M. Chuguevsky

Фома Иванович Горепекин (07.07.1868 – 04.01.1943) – из числа этнографов, труды которых были незаслуженно забыты. Согласно автобиографии, написанной в 1929 г., он родился в станице Эссентукской 7 июля 1874 г. в семье станичного учителя Горепекина Ивана Петровича и дворянки Мигузовой Натальи Алексеевны.

В материалах Санкт-Петербургского филиала архива Академии наук имеется его биография, из которой следует, что в 1891 г. Фома Иванович закончил Владикавказское 4-классное городское Николаевское училище, но, так как высших учебных заведений в Терской области не было, в 1893 г. поступает в Тифлисский учительский институт. Из-за отсутствия средств был вынужден вернуться домой. С открытием Владикавказского лесного училища в 1894 г. он в числе первых был зачислен и через два с половиной года; когда ему уже было 22 года, окончил его и работал на различных должностях по лесному хозяйству [1, с. 126]. Сразу после окончания учебы Ф.И. Горепекин начал активную общественную и научную жизнь.

В конце XIX в. общий уровень образования жителей многонационального Владикавказа был очень низким. Местное общество выступило с инициативой открыть

воскресную школу «грамотности» для всех желающих. Она открылась в 1896 г. В ней обучались и взрослые, и дети. Одним из учителей школы стал Ф.И. Горепекин¹. Несколько позднее во Владикавказе при его личном участии была образована общественная библиотека. Он был и одним из инициаторов создания Терского областного музея и лично участвовал в сборе пожертвований на постройку здания. В последующие 18 лет Фома Иванович действительный и почетный член Терского статистического комитета — единственного учреждения в области, который вел научно-исследовательскую деятельность в крае. По поручению Областного статистического комитета Ф.И. Горепекин составил план Владикавказа и карту расположения горных курганов и древностей Терской области. Он состоял членом горного клуба во Владикавказе, по инициативе которого Горепекиным был создан путеводитель «По горам Терской области»².

Однако самую значительную часть своей жизни Ф.И. Горепекин посвятил изучению ингушского и чеченского народов. На основании собранных материалов он написал множество работ по языкознанию, религии, фольклору, общей культуре народов Кавказа, археологии, географии, истории (одиннадцать рукописных томов).

Его огромный вклад в изучение ингушского народа еще при жизни получил высокое признание среди исследователей-кавказоведов. К его работам обращались Башир Керимович Далгат — кавказовед, этнограф, внесший огромный вклад в изучение ингушского народа, его дочь У. Далгат — фольклорист, кавказовед; Жантиева Диляра Гиреевна — литературовед, переводчик, доктор филологических наук; Николай Феофанович Яковлев — советский лингвист-кавказовед, специалист по теоретической и прикладной лингвистике; Анатолий Несторович Генко — российский и советский языковед, кавказовед, историк, этнограф; Николай Михайлович Дрягин — лингвист, кавказовед, и др.

Признание было и со стороны власти. В августе 1918 г. его рукописные труды «были переданы для обозрения и доклада на Съезде депутатов от всех Северо-Кавказских горских народов, комиссару и председателю Терской республики Ю. Пашковскому и комиссару народного просвещения Якову Маркусу. Заслушав представленные документы, депутаты в числе 60 человек удостоили Горепекина Ф.И. почетным званием «Нахаа-сидар», т.е. «просветитель ингушей». После заседания в городе начались волнения, которые продолжались в течение 13 дней, и рукописные документы, переходя из рук в руки, были найдены автором лишь в 1920 г. [1, с. 127–128].

В 1922 г. за первый алфавит, букварь и энциклопедический словарь (пять тысяч слов) власти Горской республики выдали Ф.И. Горепекину премию в размере 1500 рублей золотом и приняли букварь к изданию. С переходом на латинизацию издание этого букваря было отложено.

К сожалению, при жизни Фомы Ивановича были опубликованы только несколько его работ: путеводитель «По горам Терской области» (1910) — уникальное издание, предназначенное как для туристов, интересовавшихся кавказским краем, так и для ученых: он считал, что составленные им туристические маршруты привлекут внимание антропологов и археологов, так как в нем даны подробные комментарии по топонимике, археологии, древностям края; статья «Мага-Ерда» (языческий бог-покровитель у ингушей).³ В статье подробно рассматривается сам культ божества Ма-

1. ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 27. Л. 34.

2. ПФА РАНФ. Ф. 142. Оп. 2. Д. 27. Л. 36.

3. Горепекин Ф.И. «Мага-ерда» (языческий бог-покровитель у ингушей) // Терские ведомости. 1909. № 81, 82, 84, 86.

га-Ерда и все ритуалы, связанные с ним. Детально расписано празднование, которое проходило два раза в году – в период зимнего и летнего солнцестояния – в горном ингушском селении Салги. Сведения, приведенные в статье Ф.И. Горепекина, проливают свет на древние языческие верования ингушей, которые после окончательного принятия ислама полностью были изжиты. Материал, которым мы располагаем благодаря Ф.И. Горепекину, дает нам знания о жизни ингушского народа в недалеком прошлом. Ценность данной работы – в подробном обзоре всех этапов праздника и его значения для ингушского общества рассматриваемого периода. В этом контексте хочется подчеркнуть, что многие материалы по ингушскому языку, истории и этнографии народа достаточно хорошо освещены в трудах Ф.И. Горепекина. Его труды вызывали заслуженный интерес коллег и единомышленников. Некоторые его рукописи хранились в архиве Краевого горского научно-исследовательского института в Ростове-на-Дону, но во время Великой Отечественной войны почти весь архив погиб [2, с. 131]. В связи с этим, указанные материалы оказались утраченными. Но об их существовании свидетельствуют материалы статьи Д.Г. Жантиевой «О героическом эпосе горцев Северного Кавказа» [3, с. 118], которая была написана в рамках исследований, связанных с периодом ее обучения (1927–1931) в аспирантуре Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института им. С.М. Кирова. В своей статье Д.Г. Жантиева ссылается на одну из его работ – *Горепекин. Ингуши Т.VI. кн.2. рукопись*. Сделав анализ работ Ф.И. Горепекина, она посчитала их серьезным научным источником и использовала в своих исследованиях.

Позже на работы Ф.И. Горепекина в своих публикациях также во многом опирался Н.Ф. Яковлев, что подтверждают материалы, хранящиеся в фонде Н.Я. Марра в Санкт-Петербургском филиале архива Академии наук⁴. Кавказовед и лингвист Дрягин Николай Михайлович в статье «Анализ нескольких карачаевских сказаний о борьбе нартов с еммечь в свете яфетической теории», опубликованной в 1930 г. в шестом выпуске Яфетического сборника, пишет «*Богатые материалы, собранные скромным, неутомимым краеведом Ф.И. Горепекиным, к сожалению, не опубликованы, и были представлены в Яфетический институт в 1925 г. в виде рукописи. У автора настоящей статьи имеется личное разрешение собирателя ссылаться на собранные им материалы*» [4, с. 24].

Выявленные нами и опубликованные в 2006 г. архивные материалы позволяют судить о ценности сохранившихся благодаря Горепекину сведений о языке и письменности, о фольклоре ингушского народа и его истории. В их основе – анализ работ его предшественников. Отмечены слабые и сильные, с его точки зрения, стороны исследуемого аспекта, будь то язык, история, этнография, фольклорные материалы. Полевой материал позволяет дать взвешенную оценку его работам. Здесь же отметим, что фольклорные материалы, касающиеся Нартского эпоса, являются наиболее цитируемыми и до настоящего времени. Напомним, что Горепекиным была составлена первая ингушская азбука.

В начале 1930-х гг. в жизни ученого наступили трудные времена. Фома Иванович был вынужден уехать из Владикавказа в Ессентуки. Марина Евгеньевна Бурина (Чугуевская), правнучка Фомы Ивановича, сообщила, что из рассказов отца она помнит, что Горепекин стал испытывать притеснения со стороны властей, как в научной, так и в частной жизни, вследствие чего Фома Иванович с семьей спешно уехал из Влади-

4. ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 574.

Кавказа в Ессентуки. Но, даже вернувшись на родину, он продолжал скрывать свое местонахождение, боясь за близких, так как многие родственники были отнесены к категории неблагонадежных, часть расстреляна, часть сослана⁵.

После переезда жизнь Фомы Ивановича изменилась. Политика новой власти и меняющиеся идеологические установки очень сильно повлияли не только на здоровье ученого, но и на его творческий потенциал. Он не стал писать новые работы и жил в семье младшей дочери Татьяны. Человеку с его интеллектуальным потенциалом и жизненной энергией было трудно ощущать свою ненужность для общества. Его труды были преданы забвению. В конце жизни он писал в Академию наук и центральные правительственные органы СССР письма с надеждой, что ему окажут полное содействие в издании работ. Его просьбы не были услышаны, в последние годы жизни он ослеп. Не имея пенсии, Горепекин был очень подавлен, его очень огорчало и угнетало осознание того, что всю свою сознательную жизнь он работал и обеспечивал и себя, и семью, а в преклонном возрасте остался без собственных средств к существованию. Фома Иванович умер 4 января 1943 г. и похоронен в г. Ессентуки.

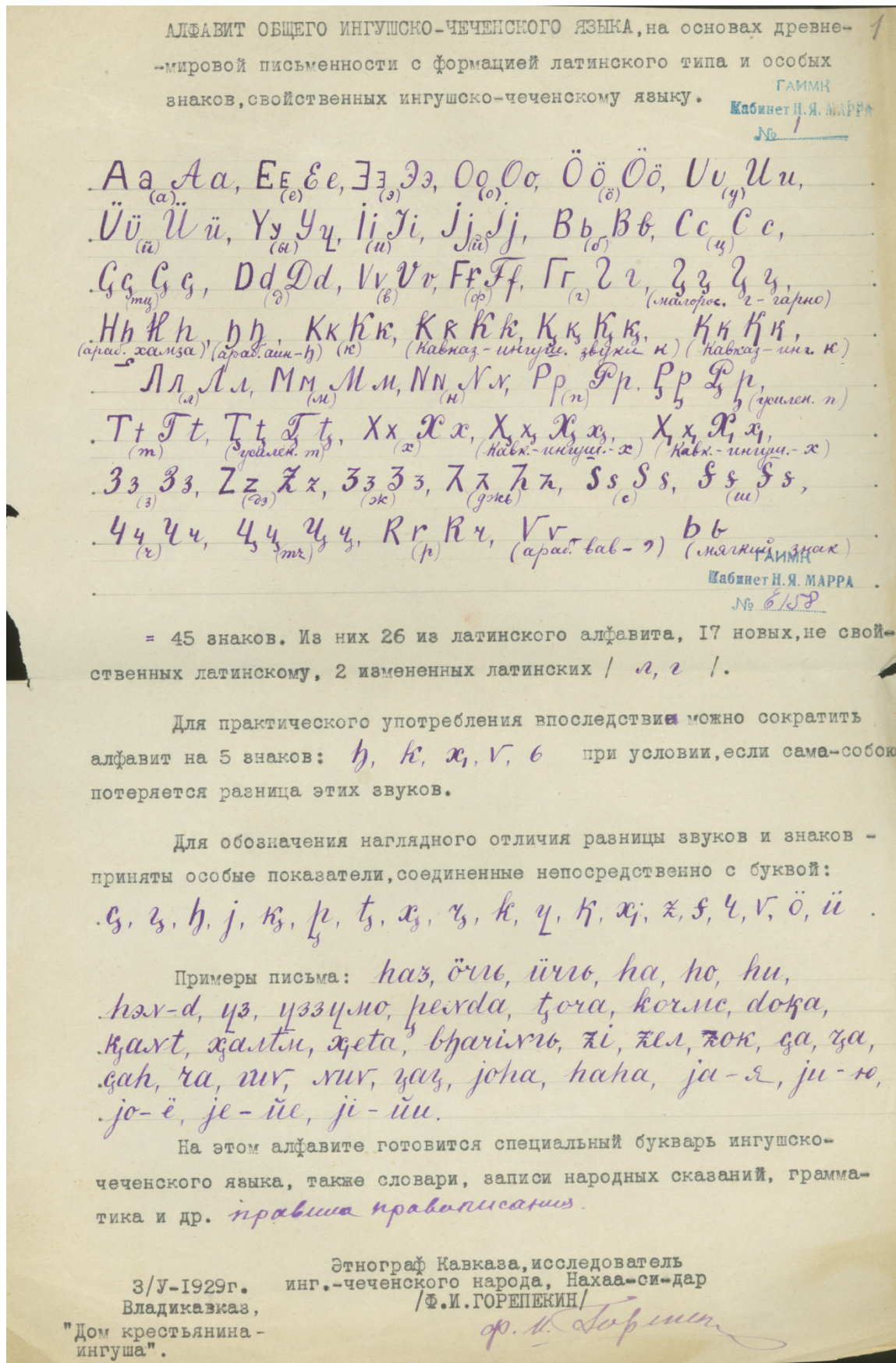
Жизнь и творческий путь ученого в силу разных причин до сих пор остаются не до конца изученными и исследованными. Новые факты из жизни Фомы Ивановича стали известны в 2020 г. Прочитав статью в «Этнографическом обозрении», праправнучка Фомы Ивановича Дарина Александровна Бурина связалась с автором статьи. С этого времени начинается новый виток в истории изучения биографии Ф.И. Горепекина. Дарина сообщила, что в Санкт-Петербурге живет ее мама, правнучка Горепекина, Марина Евгеньевна Бурина. Ее отец был сыном дочери Фомы Ивановича Татьяны. Фома Иванович был женат на Поляковой Софье Григорьевне – девушке из состоятельной дворянской семьи. У них родилось семеро детей, трое из которых умерли в детском возрасте, осталось четверо: Валентина, Владимир, Лидия, Татьяна. Именно благодаря внучке Татьяны Марине нам открылись новые факты из жизни ученого.

Мы впервые публикуем его фотографию и несколько документов из семейного архива Горепекиных. Нам также стало известно, что Фома Иванович в автобиографии в 1929 г. скрыл информацию о точной дате рождения (07.07.1868), своем происхождении и образовании. Имеющиеся материалы семейного архива свидетельствуют о том, что Ф.И. Горепекин происходит из казачьего сословия. Дед Фомы Ивановича Петр был войсковым старшиной, а его брат Михаил — атаманом станицы Ессентукской, влиятельным человеком [5, с. 625]. Ему принадлежал дом в центре станицы, в котором в настоящее время находится администрация города Ессентуки⁶. Мать и жена Фомы Ивановича принадлежали к дворянскому сословию и были весьма образованными женщинами. В рассматриваемый период было небезопасно писать о происхождении своей семьи, тем более, от политических репрессий уже погибли близкие родственники. Понимая степень угрозы, нависшей над семьей, он скрыл и некоторые факты своей жизни.

Со слов его потомков, Ф.И. Горепекин учился в университете в Тарту, на факультете естествознания. В 1893–1918 гг. университет назывался Юрьевским, преподавание велось на русском языке [6, с. 858]. К сожалению, мы не располагаем документами, подтверждающими эту информацию, но данные архива свидетельствуют о том, что после окончания Лесного училища во Владикавказе все последующие 23 года он

5. Расстреляны, раскулачены, высланы в ссылку. Электронный ресурс: <http://combcossack.opk.me/viewtopic.php?id=787> (дата обращения 23.03.2022).

6. Администрация города Ессентуки. Электронный ресурс: yandex.ru/maps/org/administratsiya_goroda_yessentuki_otdel_priyema_grazhdan/24458989732/?ll=42.858119%2C44.046988&z=15 (дата обращения 12.03.2022)

Ингушский алфавит, составленный Ф.И. Горепекиным // ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 574. Л. 1

Ingush alphabet compiled by F.I. Gorepekin // PFA RAS. F.800. Inv. 6. File 574. L. 1

проработал на различных должностях по лесной службе в Терской области, начав с помощника лесничего и дослужившись до ревизора лесов Горской республики. Архивные данные, которые мы имеем, и его письма в Академию наук подтверждают то, что он многие годы был членом-корреспондентом Тифлисского и Юрьевского ботанических садов. Учитывая удаленность Владикавказа от Тарту, можно предположить, что если бы он не был известен в кругах ботаников Тарту, то его и не смогли бы пригласить на указанную должность. В тот исторический период шло тесное взаимодействие между Тифлиским и Юрьевским ботаническими садами. Кавказская флора занимала важное место в исследованиях ученых.

В биографии Ф.И. Горепекина еще остается много «белых» пятен, но часть вопросов удалось снять, благодаря копиям документов, переданных нам М.Е. Буриной. Среди фотографий и бумаг есть удостоверение, что в 1928 г. Ф.И. Горепекин являлся ученым сотрудником общества краеведения при Чеченском отделе народного образования.

Удостоверение Ф.И. Горепекина о службе
в Чеченском отделе образования // Личный архив Горепекиных

Certificate from the Gorepekina's personal archive

Как известно, на том историческом этапе шло становление и укрепление советской власти в регионах. Активизировалась деятельность северокавказских краевых научно-исследовательских учреждений по этнографическому изучению горцев края [7, с. 12]. В национальных окраинах страны существовала острая нехватка квалифицированных научных кадров. В связи с этим туда приглашались специалисты, имевшие

опыт работы. В числе их был и Фома Иванович⁷.

Другой документ от 16 июня 1927 г. свидетельствует о том, что он был приглашен на работу в Северо-Кавказский Краевой Горский Научно-исследовательский институт в Ростове-на-Дону:

«Правление просит Вас сотрудничать в исследованиях Института, которые Институт предполагает периодически выпускать в ближайшем будущем отдельными книжками. Печатные статьи изданий Института оплачиваются из расчета 100 рублей за печатный лист оригинальных работ. В случае согласия Вашего с нашими предложениями, а также согласия других научных работников, которых Вы можете указать, Правление просит Вас и упомянутых выше работников выполнить прилагаемую при сем в 2-х экземплярах анкету и прислать ее в Институт.

С товарищеским приветом заместитель директора Научно-Исследовательского Института – В.Н. Вершковский и др.»⁸

Создание такого учебного заведения было продиктовано нуждами нового времени. После укрепления советской власти перед государством стала задача по организации научно-образовательной и культурной работы. Для этого были нужны специалисты, способные решать вопросы культурного строительства. Возникла острая необходимость в профессионалах для подготовки молодых кадров научных работников. Полное организационное оформление Северо-Кавказский краевой горский научно-исследовательский институт краеведения получил в марте-апреле 1927 г. с местом нахождения в Ростове-на-Дону. Институт был организован с целью изучения естественно-экономического положения, этнографии, истории, языка, литературы и национальных культур народов Северного Кавказа. Занимался он и подготовкой научных работников, организацией краеведческого дела на местах и разрешал ряд других научно-исследовательских задач⁹. К сожалению, мы не имеем сведений, касающихся работы Ф.И. Горепекина или сотрудничества с институтом. Можем только предположить, что он работал в указанном учреждении.

Вместе с тем нам известно, что уже в 1929 г. он находился в острой материальной нужде и был слаб здоровьем. Это заставило его писать письма в различные учреждения Академии наук СССР с просьбой назначить ему пенсию. Он отправил письма с одинаковым текстом в несколько учреждений страны – в Музей антропологии и этнографии академику Е.Ф. Карскому (ПФА РАН) и Государственную Академию истории материальной культуры (ГАИМК). Известно, что с работами Ф.И. Горепекина были знакомы и в других академических структурах. Так, в опубликованных Трудах Института лингвистических исследований РАН есть упоминание о работах Ф.И. Горепекина: «Протокол №3 заседания Совета Института от 21 марта 1925 г. «Н.Я. Марр передал рукописные материалы Ф.И. Горепекина по северо-кавказским и кельтским параллелям и по ингушскому языку. Отзыв по этим работам был дан ингушеведом А.Н. Генко» [8, с. 125]. К сожалению, мы не располагаем текстом отзыва и поэтому не можем судить, о чем шла речь в этом документе. Вместе с тем думается, что разносторонние знания А.Н. Генко об ингушах позволили ему дать объективную оценку трудам Ф.И. Горепекина.

Письма, адресованные в Музей антропологии и этнографии, были обнаружены и

7. ПФА. Ф. 142. Оп. 2. Д. 27. Л. 64.

8. Личный архив Горепекиных.

9. Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–30.

введены в научный оборот [9], а письма в ГАИМК не были известны. Поиск материалов продолжается, и в этом нам помогают наши коллеги. Так, самой последней была находка научного сотрудника Института истории материальной культуры РАН Ольги Владимировны Григорьевой. В фондах архива она обнаружила список работ и биографические сведения о жизни Ф.И. Горепекина и письмо выдающегося археолога, этнографа и музееведа Александра Александровича Миллера, касающееся трудов Ф.И. Горепекина. А.А.Миллер с 1918 г. был членом Археологической Комиссии, а с 13 августа 1919 г. – членом РАИМК (ГАИМК), где занимал различные руководящие должности. Он возглавлял постоянно действовавшее подразделение ГАИМК – Северо-Кавказскую экспедицию, которая стала «ведущей школой полевой и кабинетной работы в отечественной археологии 1920-х – начала 1930-х годов» [10, с. 8–9]. Видимо, именно этим и был обусловлен выбор Фомы Ивановича, решившего написать письмо в именно ГАИМК, считая, что его сотрудники в состоянии дать объективную оценку его трудам. Но произошло обратное. А.А. Миллер писал:

«Возвращая просмотренный мною трудовой список т[оварища] Горепекина, я нахожу желательным непосредственное ознакомление кого-либо из компетентных лиц с его рукописями, которые в трудовом списке поименованы преимущественно лишь по заглавиям. Мне лично сделать это в текущем году не представится возможным, т.к. во Владикавказе летом я быть не предполагаю.

Общее впечатление, какое производит трудовой список — можно считать определенно отрицательным, по крайней мере в части широких обобщений и научных гипотез, не говоря уже о ряде совершенно абсурдных утверждений. Однако весьма возможно, что в части фактического материала рукописи в некоторой их части и могут представить интерес.

Тем не менее, учитывая, что Горепекин долгое время работал в крае как исследователь и в настоящее время, по-видимому, находится в крайней нужде, очень было бы желательным по ознакомлению с рукописями возбудить ходатайство об обеспечении этого краеведа пожизненной пенсией.

А. Миллер 10 июля 1930 г.»¹⁰.

Пенсия, со слов его потомков, не была назначена, и он с супругой так и продолжал жить в семье дочери Татьяны.

В своем письме в 1929 г. он, в частности, писал: *«Я, как автор оглашаемых трудов, выражаю надежду, что центральные правительственные органы СССР окажут полное содействие к осуществлению издания представленных работ, также найдется всесторонняя поддержка развития интереса у научных работников СССР к продолжению всесторонних этнографических и археологических работ на Кавказе, равно также, чтобы я лично, до конца своей жизни, при обеспечении правительства, перестал быть голодным и нашел бы возможность жить и работать дальше на пользу науке, на культурное благо ингушского народа, т.е. того народа, кому были отданы мои лучшие силы, мысли, здоровье и радости жизни и кого я, с момента оглашения сего, выдвигаю в глазах всего мира из ничтожества и бесславия на сцену мировой известности и славы, как осколка общих предков народов белой расы».*

*Этнограф, археолог, краевед Кавказа,
исследователь ингушско-чеченского*

10. НА ИИМК РАН, РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 115. Л. 52.

*народа, просветитель этого народа
«Нахаа сидар» Ф.И. Горепекин»¹¹.*

Цитируемое письмо из МАЭ препроводили директору Яфетического института академику Н.Я. Марру, который наложил на рукопись следующую резолюцию:

«Ф.И. Горепекин не имеет и не может иметь ничего общего ни с Н.Я. Марром, ни с руководимым им Яфетическим институтом... Потому-то, надо думать, и неправильно, по недоразумению нам пересланная записка в МАЭ, ныне возвращается. Директор Яфетического института академик Н.Я. Марр.» [9, с. 8].

Миллер, как и Марр, дал весьма критическую оценку трудам Ф.И. Горепекина. Можно предположить, что это было связано и с тем, что в тот период академик Марр имел очень большую поддержку со стороны не только научной элиты страны. Некоторые его теории признавались как государственно важные и укладывались в канву общей политики. И.В. Сталин на XVI съезде ВКП(б) выступил с речью, в которой содержались и некоторые положения теории Н.Я. Марра, что сыграло решающую роль в канонизации его учения. Теория Н.Я. Марра занимала видное положение в советской лингвистике, несмотря на критику зарубежных ученых, считавших ее несостоятельной. Многие советские ученые из-за идеологических установок и страха за свое будущее вынуждены были соглашаться с существующим положением дел. Но были и те, кто считал теорию несостоятельной. К числу последних относится и Ф.И. Горепекин. В своем письме в Академию наук в 1929 г. он дал отрицательную оценку трудам Н.Я. Марра: «Вопрос об яфетидах отпал еще в 1918 г., когда выявилась сумма его результатов исследований на Кавказе, а вследствие этого и необходимости в теории академика Марра» [9, с. 18].

Естественно, Марр не мог согласиться с доводами провинциального ученого, который его критиковал. В то время Марр был одной из самых влиятельных фигур в советской науке, вице-президентом АН СССР, директором двух крупных академических институтов, членом ВЦИК и ВЦСПС, обладателем многих других должностей [11, с. 498]. Нам представляется, что именно критика Ф.И. Горепекина в адрес Н.Я. Марра в последующем и стала причиной гонения и необъективности в оценке его трудов. Он был несправедливо забыт.

Здесь же заметим, что видный советский лингвист Е.Д. Поливанов выступил с критическим докладом в отношении теории Марра, после которого он был арестован и расстрелян. Подобная участь постигла и других противников Н.Я. Марра — Г.К. Данилова, В.Б. Аптекаря, С.Н. Быковского и др.¹²

Безусловно, не все идеи Ф.И. Горепекина имели твердую доказательную базу. Между тем в то время это было достаточно распространенным явлением. Свидетельством тому является и сама теория Марра. Крупнейший специалист по истории отечественного языкознания Владимир Михайлович Алпатов пишет: «"Новое учение о языке" было научным мифом, потому что родилось из научных штудий конкретного ученого, который начал трактовать свои отдельные наблюдения расширительно и некритически; оно претендовало на полную замену прежней парадигмы («индоевропейской лингвистики»)» [12, с. 26].

Теория Н.Я. Марра не выдерживает конструктивной критики, так как не подкре-

11. ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 27. Л. 17 об.

12. В.М. Алпатов. Марр, марризм, сталинизм. Электронный ресурс: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/alp93sp.htm>. (дата обращения 12.03.2021)

плена конкретными данными. Многие ученые-лингвисты считают, что яфетическая теория Н.Я. Марра и созданный им Яфетический институт затормозили развитие советской лингвистики. Вместе с тем Н.Я. Марр долгое время был признанным ученым.

Однако вернемся к Горепекину. Материалы, которые удалось найти в различных источниках, не являются полноценной частью его профессиональной биографии. Неизвестна судьба его работ, которые в 1918 г. были представлены депутатам съезда и которым была дана высокая оценка. Об их существовании можно судить только по перечню, которым мы располагаем. Среди архивных документов, выявленных нами, есть материалы о том, что Представитель Лондонской Королевской Академии, сэр Ричмонд, занимавшийся изучением языков арийского корня на Кавказе, был знаком с трудами Горепекина. Он писал: «Его попытки обращения за помощью к правящей власти в крае не нашли сочувствия, автор все же продолжал работать не покладая рук, и работа его носит академический характер. Эти обстоятельства побуждают автора пересылать свои труды в Лондонскую Королевскую Академию, а не печатать их на родине. Труды автора занимают до 6-ти тысяч писанных страниц и отчасти потребуют специального ингушского печатного шрифта»¹³. Поиск в зарубежных архивах ведется, однако до настоящего времени пересланные материалы не обнаружены.

Ф.И. Горепекин был пытливым исследователем и хорошим знатоком быта народов Кавказа. Безусловно, его идеи были не всегда поняты и поддержаны его современниками, но в них много полезного и интересного даже для современных исследователей.

В заключении отметим, что изучая и анализируя жизнь ученого, мы видим, как он был предан своей профессии и любил край и народы, в окружении которых он провел многие годы своего творческого пути. Введенные Ф.И. Горепекиным в научный оборот материалы об ингушах и сегодня занимают значимое место в ингушеведении.

Он писал свои труды в очень тяжелый исторический период, когда политические репрессии решали судьбу многих исследований и ученых. Читая работу «Репрессированные этнографы», понимаешь, насколько трудно было заниматься научными изысканиями в то непростое время. Возможно, труды Ф.И. Горепекина были бы более востребованными и растиражированными, если бы он был сторонником академика Н.Я. Марра, который на том историческом этапе был признанным ученым, а все, кто прямо или косвенно критиковал его позицию, были подвергнуты остракизму или физическому уничтожению.

Ввод в научный оборот новых данных о Ф.И. Горепекине позволяет увидеть, как политика и власть могли рушить судьбы исследователей, не считаясь с их реальным вкладом в науку. Биография Фомы Ивановича позволяет дать взвешенную характеристику того периода через судьбу личности.

13. ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 154. Л. 6–60б.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Албогачиева М.С.-Г. Печальник ингушского народа: Фома Иванович Горепекин (1874–?) // Этнографическое обозрение. 2004. № 3. С. 126–130.
2. Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972. 469 с.
3. Жантиева Д.Г. О героическом эпосе горцев Северо-Кавказа // Записки Северо-Кавказского краевого Горского НИИ (Ростов н/Д.). 1929. Т. 2. С. 333–335.
4. Дрягин Н.М. Анализ нескольких карачаевских сказаний о борьбе нартов с еммеч в свете яфетической теории // Яфетический сборник. 1930. В. 6. С.18–34
5. Кавказские Минеральные Воды в описаниях, очерках, исследованиях за 200 лет. Антология: В 3 т. / Под ред. проф. В.А. Шаповалова, проф. К.Э. Штайн. Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2011. Т. 2. 730 с.
6. Чурилов Л.П. Дерптский (Юрьевский, Тартуский) университет в истории Отечественной науки: международная сокровищница знаний // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2016. Т. 11. № 2. С. 855–889.
7. Эльбиздукаева Т.У. Культура Чечни: XX век. Грозный: Изд-во АН ЧР, 2012. 410 с.
8. Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. IX. Ч. 1. Материалы к истории ИЛИ РАН (1921–1934) / Составитель А.Н. Анфертьева. СПб.: Наука, 2013. 438 с.
9. Труды Фомы Ивановича Горепекина / Составитель. М.С.-Г. Албогачиева. СПб.: Ладога, 2006. 173 с.
10. Решетов А.М. Александр Александрович Миллер – выдающийся археолог, этнограф и музеолог // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 8–16.
11. Миханкова В. А. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности, 3 изд., М. – Л., 1949. с. 498
12. Алпатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. 2004. 288 с.

1. Albogachieva MS-G. Foma Ivanovich Gorepekin: the sympathizer of the Ingush people. *Etnograficeskoe Obozrenie*. 2004, 3: 126-130. (In Russ.)
2. Dalgat UB. *The heroic epic of the Chechens and Ingush*. Moscow, 1972. (In Russ.)
3. Zhantieva DG. On the heroic epic of the highlanders of the North Caucasus. In: *Zapiski Severo-Kavkazskogo kraevogo Gorskogo NII* (Rostov-na-Donu). 1929, 2: 333-335. (In Russ.)
4. Driagin NM. Analysis of several Karachay legends about the struggle of the Narts with the emmech in the light of the Japhetic theory. *Yafeticheskii sbornik*. 1930, 6: 18-34. (In Russ.)
5. Caucasian Mineralnye Vody in descriptions, essays and studies for 200 years. Vol. 2. *Anthology*: in 3 vol. Prof. V.A. Shapovalova, Prof. K.E. Shtain (eds.). Stavropol: Stavropol State University Press. 2011, Vol. 2. (In Russ.)
6. Churilov LP. Derptsky (Yuryevsky, Tartu) University in the History of National Science: International Treasury of Knowledge. *Zdorovyie - osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniia*. 2016, 11(2): 855–889. (In Russ.)
7. Elbuzdukaeva TU. *Culture of Chechnya: 20th century*. Grozny: AN ChR Publ., 2012. (In Russ.)
8. *Acta linguistica petropolitana*. Proceedings of the Institute of Linguistics of RAS. N.N. Kazanskiy (ed.). Vol. IX. Part 1. Materials to the history of ILI RAN (1921-1934). A.N. Anferteva (comp.). Saint-Petersburg: Nauka, 2013. (In Russ.)
9. *Works of Foma Ivanovich Gorepekin* M.S.-G. Albogachieva (comp.). St. Peterburg: Ladoga, 2006. (In Russ.)
10. Reshetov AM. Alexander Alexandrovich Miller – an outstanding archaeologist, ethnographer and museologist. In: *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy*. Nalchik; Omsk: OmGPU Press, 2001: 8-16. (In Russ.)
11. Mikhankova VA. *Nikolai Yakovlevich Marr. Essay on his life and scientific activity*. 3rd issue. Moscow; Leningrad, 1949. (In Russ.)
12. Alpatov VM. *History of a myth. Marr and Marxism*. 2004. (In Russ.)

Поступила в редакцию 21.07.2022

Принята в печать 26.10.2022

Опубликована 25.12.2022

Received 21.07.2022

Accepted 26.10.2022

Published 25.12.2022

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1841126-1140>

Исследовательская статья

Михаил Алексеевич Волхонский

к.и.н., доцент кафедры международных отношений и внешней политики России

Московский государственный институт международных отношений (МГИМО МИД России),

Москва, Россия

VolhonskyMA@yandex.ru

Ахмет Аминович Ярлыкапов

к.и.н., ведущий научный сотрудник

Центр евразийских исследований ИМИ

Московский государственный институт международных отношений (МГИМО МИД России),

Москва, Россия

itbal@mail.ru

ОБРАЗ ГАРЕГИНА НЖДЕ В АРМЯНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ: СИМВОЛИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЯ В г. АРМАВИР И г. КРАСНОДАР)

Аннотация. Данная статья посвящена анализу символических аспектов возникшего в г. Армавир между городскими властями и руководством армавирского отделения «Союза армян России» затяжного по времени конфликта (с 2012 по 2019 гг.) в связи с установкой возле армянского храма памятной доски в честь Гарегина Нжде, политического деятеля Первой Республики Армении, а также армянской диаспоры в 1920-е – 1940-е гг. Анализ конфликта с точки зрения концепции «символической политики» позволил выявить некоторые особенности политики памяти, проводимой армянской диаспорой в России. Конфликт был вызван разным восприятием образа Гарегина Нжде в российской и армянской культурной памяти. Для коллективной памяти российских армян Нжде в первую очередь является национальным героем, боровшимся в 1918–1921 гг. за создание независимого государства Армении. Для российской коллективной памяти Нжде является только политиком, сотрудничавшим в годы Второй мировой войны с руководством нацистской Германии. Как показало исследование, в ходе конфликта армянские и русские активисты применяли разного рода стратегии политики памяти («символическое стирание», «символический камуфляж» и «переформатирование» ранее созданного мемориального пространства). Проведенное исследование также позволило выявить некоторые структурные особенности коллективной, культурной, функциональной памяти российских армян. В частности, исследование показало, что коллективная память российских армян имеет характер амальгамы, сочетающей в себе не комплементарные друг другу элементы российской и армянской коллективной, культурной памяти.

Ключевые слова: Кавказ; Краснодарский край; Армавир; символическая политика; коллективная память; Гарегин Нжде; армянская диаспора

Для цитирования: Волхонский М.А., Ярлыкапов А.А. Образ Гарегина Нжде в армянской и российской коллективной памяти: символический конфликт в городском пространстве (на материалах исследования в г. Армавир и г. Краснодар) // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 1126-1140. doi: 10.32653/CH1841126-1140

© Волхонский М.А., Ярлыкапов А.А., 2022

© Сефербеков М.Р., перевод, 2022

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1841126-1140>

Research paper

Mikhail A. Volkhonsky,
Cand. Sci. (History), Assist. Prof. at Dep. of International Relations and Foreign Policy of Russia
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia
VolhonskyMA@yandex.ru

Akhmet A. Yarlykapov,
Cand. Sci. (History), Leading Researcher
Center for Euro-Asian Research of IMI
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia
itbal@mail.ru

THE IMAGE OF GAREGIN NZHDEH IN ARMENIAN AND RUSSIAN COLLECTIVE MEMORY: SYMBOLIC CONFLICT IN URBAN SPACE (BASED ON RESEARCH IN ARMAVIR AND KRASNODAR)

Abstract. The article analyzes the symbolic aspects of the conflict that occurred in Armavir between the city authorities and the leadership of Armavir branch of the Union of Armenians of Russia (from 2012 to 2019) regarding the installation of a memorial plaque near the Armenian church in honor of the political figure Garegin Nzhdeh. The analysis of the conflict from the perspective of the concept of “symbolic politics” allowed us to identify some specifics of the policy of commemoration carried out by the Armenian diaspora in Russia. The conflict was caused by the different perception of Garegin Nzhdeh’s image in the Russian and Armenian cultural memory. For the collective memory of the Russian Armenians Nzhdeh is primarily a national hero, who fought for the independence of Armenia. In the Russian collective memory Nzhdeh is only a politician, who collaborated with the Nazi Germany during the Second World War. As the study shows, during the conflict Armenian and Russian activists used different kinds of memory policy strategies (“symbolic erasure”, “symbolic camouflage” and “reformatting” of the previously created memorial space). The study also reveals some structural peculiarities of the collective, cultural and functional memory of Russian Armenians. In particular, the study demonstrates that the collective memory of Russian Armenians has the character of an amalgam, which combines divergent elements of Russian and Armenian collective, cultural memory.

Keywords: Caucasus; Krasnodar Krai; Armavir; symbolic politics; collective memory; Garegin Nzhdeh; Armenian Diaspora.

For citation: Volkhonsky M.A., Yarlykapov A.A. The image of Garegin Nzhdeh in Armenian and Russian collective memory: symbolic conflict in urban space (based on research in Armavir and Krasnodar). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2022. Vol. 18. N. 4. P. 1126-1140. doi: 10.32653/CH1841126-1140

© Volkhonsky M.A., Yarlykapov A.A., 2022
© Seferbekov M.R., translation, 2022
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2022

Введение

13 ноября 2019 г. депутат городского законодательного собрания г. Армавир Краснодарского края Алексей Виноградов публично закрасил черной краской установленную в 2012 г. на территории храма Верапохумн Сурб Аствацацин (Успения Пресвятой Богородицы) Армянской Апостольской церкви мемориальную доску, посвященную Гарегину Нжде. Действия депутата стали апогеем развернувшейся с 2016 г. в публичном политическом пространстве Азербайджана, Армении и России дискуссий о том, можно ли рассматривать факты установки памятников Гарегину Нжде как свидетельство проведения официальным Ереваном, а также представителями армянской диаспоры в России, символической политики, направленной на героизацию нацистских преступников. Закраска памятной доски вызвала гневную реакцию со стороны армянской диаспоры и посольства Армении в России¹. В самой Армении 2 декабря 2019 г. активист армянской националистической партии «Цегакрон» Шаген Арутюнян облил в отместку красной краской памятник А.С. Грибоедову в Ереване. «Я окрасил в красный цвет памятник послу Российской империи, писателю Грибоедову в ответ на раскраску доски Нжде», – прокомментировал он свои действия в фейсбуке².

На первый взгляд, данный конфликт являлся типичным городским локальным конфликтом, подразумевающим последовательные публичные взаимодействия между городскими властями, активистами, застройщиками или другими заинтересованными лицами, целью которых является оспаривание планируемых или осуществленных физических или символических изменений в городском пространстве [1, с. 153]. Однако данный конфликт вызвал громкий общественный резонанс и получил широкое освещение в федеральных средствах массовой информации. В СМИ конфликт был представлен как один из эпизодов, развернувшихся в последние два десятилетия на постсоветском пространстве, войн исторической памяти.

Все это побудило авторов статьи внимательно проанализировать данный конфликт с точки зрения концепта «символическая политика». Данная статья посвящена анализу символических аспектов возникшего в г. Армавир между городскими властями, активистами русского населения и руководством армавирского отделения «Союза армян России» затяжного по времени конфликта (с 2012 по 2019 гг.) в связи с установкой памятной доски в честь армянского политического деятеля Гарегина Нжде.

Методология исследования

В исследовании использован концептуальный и понятийный аппарат, разработанный в работах О.Ю. Малиновой и др. российских и зарубежных исследователей, которые понимают под «символической политикой» «деятельность, связанную с производством определенных способов интерпретации реальности и борьбой за их доминирование» [2, с. 10].

При таком теоретическом понимании в границах поля символической политики можно увидеть множество игроков, изобретающих, продвигающих и защищающих многообразные интерпретации разных аспектов социальной реальности. Продвигаемые ими интерпретации могут с разной степенью интенсивности или конкурировать,

1. На Кубани депутат закрасил доску гитлеровскому пособнику Гарегину Нжде. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке: <https://regnum.ru/news/2777874.html?ysclid=l7ehfjvti9o266588o>

2. В Ереване национал-активист осквернил памятник Грибоедову из-за Нжде. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке: <https://eadaily.com/ru/news/2019/12/02/v-erevane-nacional-aktivist-oskvernil-pamyatnik-griboedovu-iz-za-nzhde>

или сопрягаться друг с другом. При этом игроки могут использовать разнообразный арсенал ресурсов и способов воздействия на социальную реальность. Это могут быть как классические вербально оформленные «идеи» (принципы, концепции, программы и т.д.), так и невербальные, образные, материальные, деятельностные способы означивания смыслов, – символические образы, графические и художественные изображения, объемные материальные объекты или же набор действий, имеющих преимущественное символическое значение и осуществляемых индивидом, социальной группой или даже государством [3, с. 30–35].

Чаще всего объектом символической политики становится прошлое, которое служит «строительным материалом» для конструирования разных интерпретаций социальной реальности (например, социальных идентичностей). В последнее десятилетие появилось множество исследований, посвященных различным теоретическим вопросам изучения практик использования прошлого в политических целях [4; 5; 6]. Несмотря на сохраняющееся разнообразие в понятийном аппарате, который используют исследователи, занимающиеся этими вопросами, все же можно говорить о сформировавшемся определенном консенсусе относительно таких основных понятий, как: «коллективная память», «культурная память», «политика памяти», «миф» и др.

Общепринятым для исследователей, изучающих «символическую политику», стало понимание того, что, проводя политику памяти, игроки работают с социальными представлениями о прошлом, но не в виде «истории» (систематической научной реконструкцией прошлого), а с так называемой «коллективной памятью», т.е. с социально разделяемым культурным знанием о прошлом, главными отличительными чертами которого является неполнота и избирательность [3, с. 30–35]. Основной функцией этой памяти в современном обществе является создание путем конструирования прошлого фундамента для коллективных идентичностей, социальных и политических субъектов. Сама память представляет собой набор исторических событий, фигур и символов, как правило объединенных в рамках определенного «мифа».

Отметим, что в современной политической публицистике широко распространено понимание «мифа» как сознательного искажения реальности, инструмента манипулирования сознанием людей. Однако с точки зрения современных общественных наук «миф» определяется как особого рода повествование или сообщение, содержащее совокупность представлений об окружающей действительности, ценностей и норм, обосновывающих приемлемые и неприемлемые модели поведения для членов определенной общности [7, с. 80]. Так, по определению Алейды Ассман, «мифы отделяют исторический опыт от конкретных условий его формирования, преобразуя его во вневременные повествования, которые передаются от поколения к поколению» [8, с. 38].

Таким образом, главной целью «политики памяти» является формирование и утверждение в коллективной памяти социума тех или иных представлений о совместном прошлом. Конструирование, а главное поддержание в актуализированном состоянии коллективной, культурной памяти достигается с помощью создания специальной культурной материальной инфраструктуры (статьи, книги, фильмы, графические и художественные образы, различного рода материальные памятники), проведения образовательной политики, а также принятия особых законодательных актов [3, с. 30–35; 4, с. 19].

Несмотря на обилие работ, посвященных теоретическим вопросам политики памяти, исследований реальных случаев её проведения, в частности, в городском пространстве до сих пор немного [9; 10; 11; 12; 13]. Тем не менее, уже полученный опыт

подобных исследований позволяет сделать вывод, что их проведение предполагает получение ответов на следующие вопросы: 1. Кто выступает в роли мнемотических игроков? 2. Что из прошлого и каким образом реконструируется? 3. Какова мотивация и какие цели преследуют игроки, предлагая свои реконструкции прошлого? 4. Какие ресурсы используют игроки; 5. Какую культурную инфраструктуру выстраивают игроки вокруг реконструируемого ими фрагмента прошлого; 6. Каким образом реагирует на политику памяти социальная среда, в том числе другие игроки? 7. Где проходят смысловые разломы между разными реконструкциями одного и того же фрагмента общего прошлого? 8. Каким образом разрешаются возникшие конфликты?

Основные выводы данной работы сделаны на основе анализа, во-первых, публикаций в СМИ, а во-вторых, материалов, полученных по итогам проведенных 10 глубинных интервью с активистами армянской общины и русского населения г. Армавира и г. Краснодара, непосредственно участвовавших или наблюдавших данный конфликт.

Образ Гарегина Нжде в армянской коллективной памяти

Ключевым мнемотическим игроком в конфликте выступила армянская община г. Армавира, которая является частью армянской диаспоры в России. Сам по себе факт возведения памятных знаков представителями армянской общины не удивителен, поскольку армянская диаспора вообще отличается большой активностью в сфере политики памяти на территории России, что проявляется в издании книг, выпуске фильмов, проведении коммеморативных мероприятий, установке разнообразных памятников. Понятно, что конфликт вызвала не сама по себе установка памятного знака, а его смысловое, символическое содержание. Поэтому ключевым для данного исследования является ответ на два следующих вопроса: Чем так важен Гарегин Нжде для коллективной, культурной памяти армянского народа? Почему в рамках российской культурной памяти его образ имеет негативную коннотацию?

Гарегин Нжде (Тер-Арутюнян) (1886–1955) родился в 1886 г. в селе Кзнут Нахичеванского уезда Эриванской губернии (в семье священника). Первоначальное образование получил в русской школе Нахичевани, а затем в Тифлисской гимназии. В 1902 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета, однако через два года бросил учебу, чтобы с головой погрузиться в армянское национально-освободительное движение. В 1906 г. он переехал в Болгарию, где окончил Софийское офицерское училище. С этого времени появляется его революционное имя или псевдоним «Нжде» (что означает «скиталец» или «эмигрант»). В 1907 г. Нжде вступил в ряды партии Армянский Революционный Союз – Дашнакцутюн (АРД) и принял активное участие в Иранской революции. Вернувшись в Россию (вероятно, для закупки оружия и боеприпасов в Закавказье), в 1908 г. был арестован, осужден и приговорен к заключению, после чего три года провел в разных тюрьмах. В 1912 г. участвовал в Первой Балканской войне, приобретя военный опыт и общественную известность. Во время Первой мировой войны Нжде воевал на Кавказском фронте в составе армянских добровольческих частей русской армии и был награжден несколькими орденами. После развала фронта в 1918 г. он стал одним из лидеров обороны Закавказья от наступающих турецких войск. В период существования Первой Армянской республики Нжде возглавлял силы самообороны в Сюнике, где участвовал последовательно в боях про-

тив азербайджанских, турецких войск, а затем против частей 11-й Красной армии. В середине 1921 г. он вынужден был уйти в Иран с остатками своего отряда, после чего эмигрировал в Болгарию [14, с. 3–10; 15, с. 238–239].

Переехав в США, он в 1933 г. создал ультранационалистическое движение «Цегакронутюн» (в перевод с армянского языка – «этновера» или «религия рода»). Филиалы организации были открыты во многих странах – Болгарии, Германии, Румынии, Греции, Франции. Во второй половине 1930-х гг. Нжде установил связи с руководством нацистской Германии, как он позднее объяснял, с целью убедить нацистов в арийском происхождении армян, чтобы предотвратить намечавшиеся против них репрессии [16, с. 120–121]. Он также надеялся привлечь нацистов к борьбе против Турции. В 1942 г. он вошел в состав созданного по инициативе нацистского министерства Восточных земель Армянского национального совета, а также стал заместителем редактора его печатного органа «Азат Айастан» («Свободная Армения»). Вместе с генералом Дро (Драстамат Канаян) он участвовал в агитации среди советских военнопленных армян, с целью набора добровольцев в Армянский легион. Кроме того, он оказался причастен к подготовке диверсантов из числа армян на территории Болгарии с целью их заброски в тыл Красной армии [17; 18, с. 32–33, 43–45, 51, 156–157; 16, с. 120–121]. В 1944 г. он был арестован сотрудниками СМЕРШ, а в 1948 г. после следствия и суда приговорен за контрреволюционную деятельность к 25 годам заключения. В 1955 г. скончался во Владимирской тюрьме.

На основе этой краткой биографии можно сделать вывод, что Гарегин Нжде действительно являлся неординарной личностью. Миф о нём в армянской коллективной, культурной памяти, судя по всему, довольно сложен и требует отдельного исследования. Однако уже сейчас можно выделить два главных образа Нжде, которые, слившись в один цельный, стали основой мифа о нём, как об одном из главных современных национальных героев Армении.

Первый – образ негибаемого, бескомпромиссного, глубоко нравственного борца с врагами независимой Армении сложился в период его политической деятельности в Закавказье в 1917–1921 гг. Контуры этого образа задал сам Нжде в автобиографии, написанной в 1944 г. в Болгарии: «Я всегда появлялся в моменты опасности, – писал он, – В мирное время я не стремился к должностям, поскольку не испытывал влечения к ним. ... Я следовал обету Мамиконянов, был человеком глубокой веры и нравственности, поэтому мне часто приходилось испивать из чаши горечи. В моем храме веры и поклонения Бог и Родина всегда были на первом месте» [15, с. 239].

Второй, образ философа и главного идеолога армянского национализма, сложился в 1922–1933 гг. в период деятельности Нжде в эмиграции. В своих работах в этот период он сформулировал своего рода философию или даже квазирелигию армянского национализма. Учение о «цегакронутюн» базировалось на идее поклонения «армянскому роду» – трудно определимой квинтэссенции армянского национального характера или менталитета. Культ «армянского рода» включал в себя: 1. Культ Родины – поклонение той земле, на которой естественно возник армянский род; 2. Культ крови – в чистоте крови, будущее армянского рода; 3. Культ языка – необходимо сохранять армянский язык; 4. Культ предков – надо поддерживать связь между поколениями для сохранения существующих ценностей и святынь рода; 5. Культ силы – поскольку мир уступает дорогу сильным; 6. Культ вождя – вождь предопределяет судьбу нации, которому она обязана своими взлетами и падениями [19, с. 138–140].

Несомненно, учение Нжде имело много общего с активно распространявшимися в то время в Европе крайними националистическими, фашистскими учениями.

Характерно, что сам Нжде это в полной мере осознавал. Приведем цитату из его сочинения: «“Чтобы жил класс, личность должна умереть”, – возвещает большевизм. “Умри, класс, чтобы жил народ”, – говорит гитлеризм. “Пусть умрут оба – и класс и личность, чтобы жила раса”, – говорит фашизм. Видите, это Германия, закаленная философией Вечности Гегеля, Фихте, Ницше, силится поднять на ноги свой Род. А армянин?» [16, с. 95]. Тем не менее, можно согласиться с тем, что, несмотря на провозглашение турок разрушителями и главными врагами армянского народа, в учении Нжде главной оставалась идея не агрессии и экспансии, а самозащиты и сохранения армянского народа [19, с. 138 – 140].

Формирование традиции почитания Гарегина Нжде

Учение Нжде, несмотря на включенные в него неоязыческие элементы, а также явную связь с европейскими фашистскими идеологическими течениями, было принято большей частью элиты армянской диаспоры. Образ воина-философа, пожертвовавшего свою жизнь ради блага армянского народа, прочно вошёл в пантеон армянских национальных героев. На это, прежде всего, указывают факты начавшегося во второй половине XX в. почитания Гарегина Нжде. Так в сентябре 1963 г. в бостонском клубе «Айреник» состоялось открытие его бюста, созданного в Бейруте скульптором Завеном Хтшяном. А в 1968 г. в Бейруте издательство «Амазгаин» выпустило посвященное Нжде объемное исследование [14, с. 21–22].

Начиная со второй половины 1980-х гг. культ Гарегина Нжде стал формироваться в самой Армении. В 1983 г. его останки были тайно переправлены из Владимира в Ереван. С 1990 г. учение Гарегина Нжде стало официальной идеологией Республиканской партии Армении, которая с 1999 г. постоянно участвовала в формировании правительств республики. В марте 1992 г. Нжде был оправдан прокуратурой Республики Армения. В этом же году в его честь переименовали в Ереване станцию метро и площадь. На следующий год в Армении были изданы его работа «Размышления», написанная им в годы заключения [14, с. 21–22]. В 2001 г. по инициативе премьер-министра Андраника Маргаряна на государственном уровне было торжественно отмечено 115-летие Гарегина Нжде. Специально к юбилею издали двухтомник его произведений. Заключительным актом создания культа Нжде в Армении можно считать установку ему 28 мая 2016 г. в Ереване в сквере на улице Республики памятника, на постаменте которого были высечены слова «Бог, Нация, Родина».

С учетом сложившегося в Армении благодаря деятельности Республиканской партии культа Гарегина Нжде можно было бы предположить, что появление памятной доски в Армавире также связано с деятельностью этой партии среди армянской диаспоры в России. Однако реальность оказалась сложнее. На вопросы о возможном участии в установке памятной доски официального Еревана местные армянские активисты однозначно ответили отрицательно³. В какой-то степени это подтверждалось более чем скромным видом самой памятной доски.

В итоге выяснилось, что главным инициатором установки в 2012 г. памятных досок Гарегину Нжде и Андранику Озаняну оказалась молодежная организация

3. ПМА. Интервью № 3 (20.10.2021, г. Краснодар), № 7 (22.10.2021, г. Краснодар)

армавирского отделения «Союза армян России»⁴. Отметим, что армянские активисты старшего поколения во время интервью неоднократно подчеркивали, что очень сложно заинтересовать и привлечь к общественной работе молодежь. Но фигура Гарегина Нжде, воина-философа, создавшего философско-политическое учение, должна была импонировать определенной части современной армянской молодежи. Фигура боевого генерала Андраника (Озаняна) также оказалась привлекательной для молодых активистов, выступивших с идеей установки памятных досок возле армянского храма. Отвергнуть инициативу молодежного крыла для руководства армавирского отделения «Союза армян России» очевидно оказалось невозможным.

Важно отметить, что доска Гарегину Нжде и Андранику Озаняну была установлена на территории армянского храма. Интересно, что один из наших армянских респондентов негативно высказался о самом факте установки памятных досок возле храма: «Не надо было эти доски ставить на территории храма. Вот какое отношение Нжде или Баграмян, Бабаджанян имеют к церкви?»⁵. Последнее замечание заставило задаться вопросом, почему именно на территории храма установили памятные доски?

Анализ полемики, развернувшейся в СМИ сразу после акции депутата Алексея Виноградова, показал, что армянская община г. Армавира считает территорию вокруг храма обладающей своего рода экстерриториальностью⁶. Другими словами, армянские активисты посчитали, что сооружение памятника возле храма является сугубо внутренним делом их общины. В то же время, по словам одного из армянских активистов, община просила разрешение у городской администрации, но не получила ответа, что было истолковано как согласие⁷. Можно предположить, что воспринятая армянскими активистами мысль, что огороженная территория вокруг храма не является частью общегородского символического пространства, укрепила их в намерении отстаивать свое право установки на ней памятников своим героям без особого на то разрешения.

Образы Гарегина Нжде в российской и армянской культурной памяти

Как правило, конфликты в сфере символической политики, в данном случае политики памяти, инициируются в тот момент, когда обнаруживается столкновение двух отрицающих друг друга вариантов коллективной, культурной памяти об одном и том же историческом событии или личности. Конфликт начинается, когда одна из сторон видит и понимает, что отрицаемая ею интерпретация исторического события или личности смогла получить символическое овеществленное подтверждение (публикация книги, выпуск фильмов, передач, установка памятника и многое др.).

Особенностью конфликта вокруг памятной доски Нжде в Армавире являлось то, что здесь речь шла о столкновении двух разных видов коллективной, культурной памяти. Используя понятия, введенные в научный оборот Алейдой Ассман, можно

4. Молодежный комитет армянской общины. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке: // <http://sararmavir.ru/content/molodeg-org.php>

5. ПМА. Интервью № 6 (22.10.2021, г. Краснодар).

6. Наира Багдасарян, В Армавире демонтировали памятную табличку Гарегину Нжде. Интернет-ресурс. Доступно по ссылке: <https://oar.ru/novosti/vse-novosti/diaspora/v-armavire-demontirovali-pamyatnuyu-tablichku-garegina-nzhde>

7. ПМА. Интервью № 3 (20.10.2021, г. Краснодар).

сказать, что память о Гарегине Нжде в российском обществе относится к накопительной памяти, которая, как правило, содержит «ставшие непригодными, неупотребимыми и чуждыми» воспоминания о прошлом [8, с. 34]. Об этом говорит тот факт, что в современной России знание о нём весьма фрагментарно и обрывисто. На русском языке можно насчитать всего несколько работ и изданий, где бы освещалась жизнь и деятельность Нжде.

Его фигура не важна для российской культурной, функциональной памяти, в которой содержатся только актуализированные, значимые для поддержания государственной, национальной идентичности, исторические события и фигуры. Более того, память о нём не актуализирована ни в положительном, ни в отрицательном плане. Характерно, что до 2016 г. (когда в Ереване был установлен ему памятник) фигура Нжде даже ясно не просматривалась в зоне широко известных антигероев российской культурной памяти из числа коллаборационистов и пособников нацистов периода Великой Отечественной войны.

Не имея какого-либо значения для российской коллективной, культурной памяти, образ Гарегина Нжде игнорируется. Поэтому вполне понятен характер реакции российского общества на появление памятной доски, которая свелась только к требованию, чтобы Нжде снова ушёл в небытие культурной, накопительной памяти. Понятно также почему с одной стороны, российская общественность никак не отреагировала на призывы армянской стороны более тщательно изучить обстоятельства деятельности Нжде, а с другой, после демонтажа доски не стала активно продолжать конфликт.

Напротив, для армянской стороны образ Гарегина Нжде относится к типу функциональной, актуализированной культурной памяти, из которой нельзя без нанесения тяжкого психологического, морального ущерба коллективной идентичности выбросить ни одного события, ни одного героя. При этом для армянского общества важны только два положительных образа Гарегина Нжде – воина и философа, защищавшего интересы армянского народа и государства.

Что касается факта его сотрудничества с нацистами, то он для армянской культурной памяти не актуален, не имеет особого значения. Тем не менее, этот третий негативный образ Нжде все же содержится в армянской культурной памяти. При этом складывающийся во многом под влиянием российской культурной памяти амбивалентный образ Нжде подталкивает, по крайней мере, российских армян попробовать найти приемлемые с точки зрения логики и этики объяснения факта его сотрудничества с нацистами, чтобы снять возникшее противоречие (национальный герой и пособник нацистов одновременно).

В ходе интервью армянские активисты неоднократно артикулировали такие объяснения. «Хочу сказать, что мы не понимаем почему Нжде вызывает такую реакцию. – отметил один из активистов, – Он не был против русского народа, он боролся с советской властью. Он имел русские награды. Сражался за Россию в Первой мировой войне. ... Посмотрите, в царской России Гарегин Нжде это герой, в СССР это враг. Но Союз развалили. А какое отношение имеет современная Россия к Нжде? Что плохого он сделал для нее?»⁸. Таким образом, активист акцентирует внимание на том, что Нжде был врагом для советской власти, а не для России, а, следовательно, современное российское общество не может предъявлять ему какие-либо обвинения.

Что касается отношений Нжде с нацистами, то здесь, по мнению активистов, он заключил своего рода «делку с дьяволом» ради спасения армянского народа. В этом

8. ПМА. Интервью № 3 (20.10.2021. г. Краснодар)

случае Нжде уже воспринимается как своего рода жертва обстоятельств. Один из активистов прямо заявил: «Нжде действовал в конкретной ситуации. Он пытался донести до Гитлера мысль о том, что не надо нападать на Армению. Он пытался помочь армянским красноармейцам, попавшим в немецкий плен»⁹. Другой респондент в г. Краснодаре во время интервью заявил: «А что он такого сделал Нжде? Он же там написал одному из этих, фашистских руководителей, что армяне не семиты, что не надо их уничтожать. А потом пытался спасти пленных армян. Разве это преступление!? Его же не расстреляли! Даже в Армению привозили посмотреть, какая она стала»¹⁰.

Однако вышеприведенные объяснения противоречивости образа Нжде могли быть приняты только в рамках армянской культурной памяти, но не российской. Важно отметить, что конфликт в Армавире совпал по времени с пиком нарастающего с 2005 г. обострения отношений России с рядом государств Восточной Европы по вопросу сохранения памяти о ключевой роли Советского Союза и советских солдат в освобождении Европы от нацизма [20, с. 115–124]. В условиях взбудораженности российского общества фактами сноса памятников советским воинам в Польше, чествования ветеранов частей СС в прибалтийских государствах, установка памятной доски Гарегину Нжде не могла пройти незамеченной.

Один из активистов русского населения в Армавире отметил: «Сама доска появилась где-то в мае 2012 года. Сначала только две таблички – Нжде и Андраника, через некоторое время появились еще две, посвященные маршалам Баграмяну и Бабаджаняну. Доски установили по бокам хачкара. Этот хачкар установили раньше, в 2001 г., в связи с 1700-летием принятия Арменией христианства. Доска с Нжде, конечно, удивила всех. Начались обращения. Писали в администрацию, обращались в отделение «Союза армян России», но все безрезультатно. Как-то все это долго и вяло тянулось несколько лет»¹¹.

Особенности коллективной памяти российских армян

В ходе исследования перипетий символического конфликта в Армавире особое внимание обратил на себя факт установки армянскими активистами рядом с досками Нжде и Андраника еще нескольких досок, посвященных советским военачальникам¹². На первый взгляд это может выглядеть странным и противоречивым. Но такое смешение во многом объясняется тем, что коллективная, культурная память российских армян имеет характер амальгамы, поскольку содержит в себе как элементы армянской, так и российской культурной памяти, которые по смыслу не всегда бывают комплементарны друг другу.

Общим, самым главным для всех армян в мире является воспоминание о Геноциде 1915 г. В то же время непосредственно для населения Республики Армения, как показывают исследования последнего времени, стержневой парадигмой армянской истории является борьба армян за независимость. Исследуя современный армянский исторический нарратив, А. Искандарян пришел к следующему выводу:

9. ПМА. Интервью № 3 (20.10.2021. г. Краснодар)

10. ПМА. Интервью № 6 (22.10.2021, г. Краснодар)

11. ПМА. Интервью № 4 (21.10.2021. г. Армавир)

12. Там же.

«Вся армянская история, от глубокой древности до новейших времен, интерпретируется в ключе непрекращающейся борьбы армянского народа и/или государства за независимость. ... В массовом восприятии истории выделяется несколько узловых точек, которые воспринимаются как важнейшие. ... Скажем, чрезвычайно важным для армянского исторического нарратива становится, вообще говоря, очень нетипичный для армянской истории период правления Тиграна Великого в I веке до Р.Х. Точно так же и сюжет о Первой Республике 1918–1920 гг. выделяется как первый опыт независимого государства в XX в. и, соответственно, как узловой момент армянской истории» [21, с. 233–234].

С учетом вышесказанного, понятно, почему образ Гарегина Нжде, одного из главных героев Первой Армянской республики, имеет такое большое значение для армянской коллективной, культурной памяти. Проведенное относительно недавно краснодарскими социологами исследование показало, что Гарегина Нжде готовы были назвать «олицетворением армянского народа» в Армении 25%, а среди армянской диаспоры Краснодарского края 12% респондентов [22, с. 203–204].

Но у российских армян в их коллективной, культурной памяти такое же важное место занимает воспоминание о Великой Отечественной войне. Так на вопрос, как соприкасаются историческая память российских армян с общероссийской, один из активистов ответил: «Конечно главная точка соприкосновения, то, что нас объединяет со всеми народами России это Великая Отечественная война. Особенно здесь в Краснодарском крае. Мы помним солдат армянской 89-й стрелковой дивизии. Очень много армян здесь погибло, много пропало без вести, не найдено до сих пор. Мы ищем, восстанавливаем имена и судьбы»¹³.

Коллективная, культурная память российских армян опирается на три воспоминания, играющих роль несущих конструкций, – воспоминания о Геноциде 1915 г., Первой Армянской республике и Великой Отечественной войне. Два из этих центральных воспоминаний, имеющих статус главных мифов (о Геноциде и Первой Армянской республике), связывают российских армян в рамках общей армянской культурной памяти с населением Армении и другими армянскими диаспорами мира, а воспоминание о Великой Отечественной войне связывает их с российским обществом.

Поэтому для российских армян нет никакого противоречия в том, чтобы расположить рядом бюсты или памятные доски, посвященные, например, героям Первой Армянской республики и героям-армянам Великой Отечественной войны. В одном из интервью один из армянских активистов на вопрос, какие исторические личности являются ключевыми для российских армян, ответил: «Разные, разнообразные личности и герои. Подбор противоречив, конечно! Здесь и те, кто сражался в Великой Отечественной войне, наши генералы Баграмян, Бабаджанян. А есть герои, которые создали и сохранили нашу республику после Первой Мировой войны, кто защитил ее от турок в 1920 г., так сказать герои национально-освободительной борьбы. Как те, так и другие нам дороги и являются нашими героями»¹⁴.

Стратегии политики памяти армянских активистов

Однако в случае с памятной доской Нжде в г. Армавир, установка в скором времени рядом с ней таких же памятных досок советским маршалам, несомненно, являлась

13. ПМА. Интервью № 3 (20.10.2021. г. Краснодар)

14. ПМА. Интервью № 3 (20.10.2021. г. Краснодар)

реализацией армянскими активистами стратегии «символического камуфляжа». В ситуации, когда уже весной 2013 г. представители русского населения города стали требовать убрать памятную доску Гарегину Нжде, армянские активисты попытались символически закамouflировать (прикрыть) неудобный для российской культурной памяти образ Нжде образами советских военачальников.

Примером такого же «символического камуфляжа» является, например, установка в г. Краснодаре, возле здания «Национально-культурной автономии армян Кубани», в 2020 г. трех бюстов – генералу Андранику (А.Т. Озаняну), фельдмаршалу И.Ф. Паскевичу и А.С. Грибоедову. На вопрос, не придется ли демонтировать мемориал из-за бюста генерала Андраника, как это было в Адлере в 2015 г., один из армянских активистов полушутливо ответил: «Нет, здесь ведь рядом с Андраником поставили Паскевича и Грибоедова. Тогда их тоже придётся сносить»¹⁵.

Тем не менее, примененная армянскими активистами стратегия не помогла разрешить тянувшийся уже несколько лет конфликт. Более того, в 2019 г. в условиях очередной мобилизации российской коллективной памяти о Великой Отечественной войне в канун 75-летия победы, конфликт обострился. Благодаря усилиям российских, а также особенно азербайджанских СМИ, образ Гарегина Нжде стал все более и более четко просматриваться в секторе антигероев – коллаборационистов и пособников нацистов в российской культурной памяти о войне. Поэтому закономерным итогом развития конфликта стала символическая акция по закраске памятной доски (своего рода, стирание образа Гарегина Нжде в символическом пространстве города), предпринятая депутатом Алексеем Виноградовым, которая, в свою очередь, подтолкнула городскую администрацию предъявить в ноябре 2019 г. армавирскому отделению «Союза армян России» требование, демонтировать памятную доску.

Очевидно, что для армянской общины г. Армавира крайне важно было выйти из конфликта, не потеряв лица. Прямое выполнение требования городской администрации по сносу памятной доски означало бы символическую капитуляцию, что было неприемлемо. Поэтому армянские активисты применили стратегию полного переформатирования мемориального пространства, где ранее были установлены памятные доски. По словам одного из активистов русского населения, это было неожиданно: «Армяне оградили доски и хачкар глухим забором, знаете, из гофрированного железа. Так это стояло несколько месяцев. Затем, когда сняли, то увидели, что доски убрали, а вместо них поставили еще два хачкара»¹⁶.

Со своей стороны, один из армянских активистов так описал эту ситуацию: «Вот когда доску закрасили, уже новое руководство нашего отделения приняло решение убрать все доски и поставить два хачкара. Один героям Великой Отечественной войны, а другой героям национально-освободительной борьбы. Чтобы там не было кого-то конкретное, чтобы всем поставить!»¹⁷. Таким образом, армянские активисты решили, с одной стороны, сохранить прежнее историческое событийное посвящение памятников, а с другой, отказаться от принципа персонального посвящения памятников в мемориальном пространстве вокруг храма, чтобы избежать новых конфликтов.

В отношении же непосредственно фигуры Гарегина Нжде в среде армянской диаспоры Краснодарского края, вероятно было принято негласное решение о необходимости воздержаться от тиражирования его образа в краевом публичном символическом пространстве. Один из армянских активистов в г. Краснодар, т

15. ПМА. Интервью № 6 (22.10. 2021. г. Краснодар)

16. ПМА. Интервью № 4 (21.10.2021. г. Армавир)

17. ПМА. Интервью № 3 (20.10.2021. г. Краснодар)

ак прокомментировал итоги конфликта в г. Армавир: «Нжде наш национальный герой. У нас в здании национально-культурной автономии висит его фотография на одном из этажей вместе с другими нашими героями. В других публичных местах мы не выставляем изображения с ним»¹⁸.

Заключение

Анализ конфликта, развернувшегося вокруг установки в 2012 г., а затем демонтажа в 2019 г. памятной доски, посвященной Гарегину Нжде в г. Армавир, позволил выявить некоторые особенности политики памяти, проводимой армянской диаспорой в России. Анализ причин конфликта показал, что он был вызван разным восприятием образа Гарегина Нжде в рамках с одной стороны российской культурной памяти, а с другой армянской. В ходе конфликта стороны применили разного рода стратегии символической политики памяти. Выход из конфликтной ситуации для русских активистов был найден в стратегии вытеснения образа Нжде из символического, мемориального пространства города, что проявилось в требовании демонтировать памятную доску. Армянские активисты г. Армавира попытались решить конфликт сначала за счет реализации стратегии «символического камуфляжа», а затем отказа от персонального посвящения установленных памятников, с сохранением прежнего исторического событийного посвящения. Проведенное исследование также позволило выделить некоторые структурные особенности коллективной, культурной памяти российских армян.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00494 на тему «Символическая политика постсоветских государств (Азербайджан, Армения, Грузия) на территории России: исторические нарративы, символы, коммеморации».

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the RFBR within the framework of the scientific project 20-011-00494 on the subject “Symbolic policy of post-Soviet states (Azerbaijan, Armenia, Georgia) on the territory of Russia: historical narratives, symbols, memorials”.

18. ПМА. Интервью № 7 (22.10.2021. г. Краснодар)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Семенов А., Минаева Э. Города расходящихся улиц: развитие городских конфликтов в России 2010-х гг. // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, № 2. С. 189–204.
2. Малинова О.Ю. Символическая политика: Контуры проблемного поля // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О.Ю. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012. С. 5–16.
3. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики / Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. Тр. / Отв. Ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. М.-СПб.: Нестор-История, 2018. С. 27–53.
4. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в 21 веке / Под ред. А. Миллера, М.: Липман, 2002. С. 7–32.
5. Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент конструирования постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 4 (69). С. 106–123
6. Ефремова В.Н. О некоторых теоретических особенностях исследования символической политики // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. полит. науки; Ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред., и др. М., 2015. Вып. 3: Политические функции мифов. С. 50–65.
7. Евгеньева Т.В. Место мифологических образов в восприятии политических явлений и процессов // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. полит. науки; Ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред., и др. М., 2015. Вып. 3: Политические функции мифов. С. 79–91.
8. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
9. Миллер А.И. Политические символы и историческая политика // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О.Ю. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012. С. 164–174.
10. Сергеев С.А., Сергеева З.Х. Поиски «гения места» Казани как региональный, ценностный и культурный конфликт // PolitBook. 2012. № 3. С. 60–72.
11. Чубукова Д.Г. Памятники российского Крыма: символическое закрепление полуострова в составе России // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языковедение. Культурология». 2019. № 4. С. 95–116.
12. Прасолов Д.Н. Монументы и ритуалы в коммеморативных практиках в Кабардино-Балкарии // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сборник статей / под ред. В.В. Лапина и А.И. Миллера. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. С. 65–80.
13. Урушадзе А.Т. А.П. Ермолов в мемориальном пространстве Юга России: конфликты исторических
1. Semenov A, Minaeva E. The cities of forking streets: trajectories of urban conflicts in Russia in the 2010s. *Journal of Social Policy Research*. 2021, 19(2): 189-204. (In Russ.)
2. Malinova OYu. Symbolic politics: Contours of the problem field. In: Malinova O.Yu. (ed.). *Symbolic politics: Collection of scientific papers. Issue 1: Constructing ideas about the past as a power resource*. Moscow, 2012: 5-16. (In Russ.)
3. Malinova OYu. Memory policy as a Symbolic policy area. In: Miller A.I., Efremenko D.V. (eds.). *Methodological issues of studying the politics of memory: collection of scientific papers*. Moscow, Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018: 27-53. (In Russ.)
4. Miller AI. Historical politics in Eastern Europe at the beginning of the XXI century. In: Miller A., Lipman M. (eds.). *Historical politics in the 21st century*. Moscow, 2002: 7-32. (In Russ.)
5. Achkasov VA. "The politics of memory" as a tool for constructing post-socialist nations. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2013, 4(69): 106-123. (In Russ.)
6. Efremova VN. On some theoretical features of the study of symbolic politics. In: Malinova O.Yu. (ed.). *Symbolic politics: Collection of scientific papers. Issue 3: Political functions of myths*. Moscow, 2015: 50-65. (In Russ.)
7. Evgenieva TV. The place of mythological images in the perception of political phenomena and processes. In: Malinova O.Yu. (ed.). *Symbolic politics: Collection of scientific papers. Issue 3: Political functions of myths*. Moscow, 2015: 79-91. (In Russ.)
8. Assman A. *The Long Shadow of the Past: Memorial culture and Historical Politics*. Moscow: New Literary Review, 2014. (In Russ.)
9. Miller AI. Political symbols and historical politics. In: Malinova O.Yu. (ed.). *Symbolic politics: A collection of scientific papers. Issue 1: Constructing ideas about the past as a power resource*. Moscow, 2012: 164-174. (In Russ.)
10. Sergeev SA, Sergeeva ZH. The search for the "genius of the place" of Kazan as a regional, value and cultural conflict. *PolitBook*. 2012, 3: 60-72. (In Russ.)
11. Chubukova DG. Monuments of the Russian Crimea: symbolic consolidation of the peninsula as part of Russia. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Literary studies. Linguistics. Cultural studies*. 2019, 4: 95-116. (In Russ.)
12. Prasolov DN. Monuments and rituals in commemorative practices in Kabardino-Balkaria. In: Lapin V.V., Miller A.I. (eds.). *Symbolic aspects of memory politics in modern Russia and Eastern Europe: a collection of articles*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2021: 65-80. (In Russ.)
13. Urushadze AT. Ermolov in the memorial space of the South of Russia: Conflicts of historical interpretations. In: Lapin V.V., Miller A.I. (eds.). *Symbolic aspects of memory politics in modern Russia and Eastern Europe: a collection of articles*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2021: 164-176. (In Russ.)
14. Mushegh Lalayan. Garegin Nzhdeh (Biographical sketch). *Garegin Nzhdeh: Selected works*. Yerevan, 2012: 3-10. (In Russ.)

интерпретаций // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сборник статей / под ред. В.В. Лапина и А.И. Миллера. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. С. 164–176.

14. *Мушег Лалаян*. Гарегин Нжде (Биографический очерк) // Гарегин Нжде: Избранное / Под общей редакцией Л. Казаряна. Составители: Э. Тадевосян, Л. Казарян. Ереван, 2012. С. 3–10.

15. Автобиография Г. Нжде // Овсепян В. Гарегин Нжде и КГБ. Воспоминания разведчика. Ереван: НОФ «Нораванк», 2007. С. 238–242.

16. *Гарегин Нжде*. Род наша опора: избранное / Сост. Руслан Арутюнян. Пер. с арм. Жанны Шахназарян. Ереван: Зангак, 2015. – 317 с.

17. *Абрамян Э.А.* Кавказская эмиграция в планах нацистского руководства Германии накануне войны против СССР // Вестник военного университета, 2007. № 2(10). С. 88–94.

18. *Абрамян Э.А.* Кавказцы в Абвере. М.: Издатель Быстров, 2006. – 352 с.

19. *Мелкумян Л.Е.* Гарегин Нжде и его учение об армянском роде между Востоком и Западом // Acta Orientalia Voronensia. Воронежское востоковедение: сборник статей / науч. Ред. М.В. Кирчанов. Воронеж: Факультет международных отношений; Центр восточных исследований, 2017. Вып. 2. С. 136–143.

20. *Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О.Ю. Малинова. М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 207 с.

21. *Искандарян Александр*. Армения: удревление модерна // Национальные истории на постсоветском пространстве / под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 225–243.

22. *Берберян А.С., Тучина О.Р.* Исследование национальной идентичности и исторического опыта личности в титульном армянском этносе и сопряженной армянской диаспоре в России // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. № 2. С. 190–214.

15. Autobiography of G. Nzhdeh. *Ovsepyan V. Garegin Nzhdeh and the KGB. Memories of an intelligence officer*. Yerevan: NOF “Noravank”, 2007: 238-242. (In Russ.)

16. Garegin Nzhdeh. *Kin is our support: selected works*. Yerevan: Zangak, 2015. (In Russ.)

17. Abramyan EA. Caucasian emigration in the plans of the Nazi leadership of Germany on the eve of the war against the USSR. *Bulletin of the Military University*. 2007, 2(10): 88-94. (In Russ.)

18. Abramyan EA. *Caucasians in the Abwehr*. Moscow: Bystrov Publ., 2006. (In Russ.)

19. Melkumian LE. Garegin Nzhdeh and his theory about the Armenian kin between Orient and Occident. Kyrchanoff M. (ed.). *Acta Orientalia Voronensia. Voronezh Oriental Studies: a collection of articles*. Voronezh: The faculty of international relations – The Centre for Oriental Studies. 2017;2: 136-143. (In Russ.)

20. Malinova OYu. The actual past: The Symbolic politics of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity. Moscow: Political Encyclopedia, 2015. (In Russ.)

21. Alexander Iskandaryan. Armenia: antiquating the modernity. In: Bomsdorf F., Bordyugov G. (eds.). *National histories in the post-Soviet space*. Moscow: Friedrich Naumann Foundation, AIRO-XXI, 2009: 225-243. (In Russ.)

22. Berberyan AS, Tuchina OR. The study of national identity and historical experience of the individual in the titular Armenian ethnic group and the associated Armenian Diaspora in Russia. *Russian Psychological Journal*. 2018, 15(2): 190-214. (In Russ.)

Поступила в редакцию 13.09.2022

Принята в печать 26.10.2022

Опубликована 25.12.2022

Received 13.09.2022

Accepted 26.10.2022

Published 25.12.2022

ЭКСПЕДИЦИИ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1841141-1159>

Научный отчет

Сайпудинов Мурад Шахбанович
младший научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
haosta@mail.ru

Рябогина Наталья Евгеньевна
к.г.н., заместитель руководителя
Институт проблем освоения Севера
Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Россия
nataly.ryabogina@gmail.com

Борисов Александр Владимирович
к.б.н., заведующий лабораторией археологического почвоведения
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино, Россия
a.v.borisovv@gmail.com

Идрисов Идрис Абдулбутаевич
к.г.н., ведущий научный сотрудник
Институт геологии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
idris_gun@mail.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА МУГИНСКОМ ПОСЕЛЕНИИ В 2021 г.

Аннотация. Статья посвящена результатам разведочных археологических исследований на Мугинском поселении (Акушинский район Республики Дагестан) и палеоботанического анализа полученного материала. В результате проведенных работ обнаружен разнообразный вещественный материал, главным образом, керамика. Внимания заслуживают также находки обломка каменного навершия булавы и кремневой ножевидной пластины. Следует отметить находки большого количества костей животных, главным образом, мелкого рогатого скота. Исследования Мугинского поселения дали новый и важный материал для культурно-исторической характеристики культуры центральной части Горного Дагестана и хронологии памятника, позволили определить двуслойный характер поселения и датировать его заключительной фазой энеолита (слой 4) и эпохой средней бронзы (слой 3). Радиоуглеродная дата для слоя 3 с учетом калибровки (1770 ± 50 BC) позволяет датировать слой 3 в пределах XIX–XVIII вв. до н.э. Палеоботанические исследования находок из культурного слоя Мугинского поселения выявили нетипичное совместное сочетание зерен ячменя и ржи. Обнаруженные зерновки ржи являются наиболее ранним свидетельством наличия этого злака на Восточном Кавказе, что ставит вопрос о времени и путях распространения этого культурного злака из первичного ареала. Эта тема требует дальнейшего исследования и получения более массовых палеоботанических коллекций из культурных слоев и ресурсной зоны вокруг поселений. Это позволит расширить наши представления о хозяйственной деятельности местного населения, в частности, таких как развитие земледелия и становление террасного земледелия.

Ключевые слова: Восточный Кавказ; Горный Дагестан; Мугинское поселение; энеолит; средний бронзовый век; палеоботанические исследования.

Для цитирования: Сайпудинов М.Ш., Рябогина Н.Е., Борисов А.В., Идрисов И.А. Археологические исследования на Мугинском поселении в 2021 г. // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 1141-1159. doi: 10.32653/CH1841141-1159

© Сайпудинов М.Ш., Рябогина Н.Е., Борисов А.В., Идрисов И.А., 2022
© Сефербеков М.Р., перевод, 2022
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022

EXPEDITIONS

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1841141-1159>

Scientific report

Murad Sh. Saipudinov,
Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center, RAS, Makhachkala, Russia
haosta@mail.ru

Natalia E. Ryabogina,
Cand. Sci. (Geology), Deputy Head
Institute of the Problems of North Development
Tyumen Scientific Center, SB RAN, Tyumen, Russia
nataly.ryabogina@gmail.com

Alexander V. Borisov,
Cand. Sci. (Biology), Head of Laboratory of Archeological Pedology
Institute of Physico-Chemical and Biological Problems of Pedology, RAS, Pushino, Russia
a.v.borisovv@gmail.com

Idris A. Idrisov,
Cand. Sci. (Geology), Leading Researcher
Institute of Geology
Dagestan Federal Research Center, RAS, Makhachkala, Russia
idris_gun@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS AT THE MUGINSKY SITE IN 2021

Abstract. The paper provides the results of the archaeological exploration of the Muginsky site (Akushinsky district of the Republic of Dagestan) and paleobotanical analysis of the obtained material. As a result of the investigations carried out, various archeological materials, mainly ceramic ware, have been uncovered. The finds of a fragment of a stone mace head and a flint knife-shaped blade are of particular interest. In addition, a large number of animal bones, mainly of small cattle, were found. Exploration of the Muginsky site have provided new and important material for the cultural and historical characteristics of the culture of the central part of Mountainous Dagestan and the chronology of the site, allowed us to determine the two-layered nature of the site and date it to the final phase of the Eneolithic (Layer 4) and the Middle Bronze Age (Layer 3). The radiocarbon dating for Layer 3, with calibration (1770 ± 50 BC), attributes it between the 19th–18th centuries BC. Paleobotanical examination of finds from the cultural layer of the Muginsky site has revealed an atypical combination of barley and rye grains. The rye grains found are the earliest evidence of the presence of this cereal in the Eastern Caucasus, which raises the question of the time and ways of dissemination of this cultivated crop from the primary area. This subject requires further research and obtaining more extensive paleobotanical collections from cultural layers and the resource zone around sites. This will expand our understanding of the economic activities of the local population, such as the development of agriculture and the emergence of terraced agriculture.

Keywords: Eastern Caucasus; Mountainous Dagestan; Muginsky site; Eneolithic; Middle Bronze Age; paleobotanical examination.

For citation: Saypudinov M.Sh., Ryabogina N.E., Borisov A.V., Idrisov I.A. Archaeological investigations at the Muginsky site in 2021. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2022. Vol. 18. N. 4. P. 1141-1159. doi: 10.32653/CH1841141-1159

В августе–сентябре 2021 г. Горный отряд Дагестанской археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН провел инвентаризацию объекта археологического наследия «Мугинское поселение», расположенного в Горном Дагестане на территории Акушинского района республики. Целью работы было изучение Мугинского поселения, ранее отнесенного к эпохе бронзы, в рамках исполнения раздела плановой научно-исследовательской темы института «История и культура народов Дагестана в письменных и археологических памятниках». Археологические работы проводились в целях уточнения датировки памятника, его историко-культурной атрибуции, определения мощности и характера культурных напластований, а также оценки современного состояния объекта культурного наследия и установления границ территории памятника.

В результате работ была проведена инвентаризация ОАН «Мугинское поселение», уточнена хронология памятника, определена его стратиграфия, составлена соответствующая документация, изготовлен инструментальный план с определенными границами территории памятника и др.

Мугинское поселение было зафиксировано краеведом М.И. Исаковым в конце 1950-х гг. Информация о поселении была опубликована им в 1966 г. работе «Археологические памятники Дагестана». В ней автор дал краткое описание Мугинского поселения, указал, что поселение расположено на террасированном участке, ограниченном с юга крутым склоном, а с севера – речкой. На поверхности им была собрана небольшая коллекция лепной керамики и большое количество кремневых отщепов. Поселение было отнесено в целом к эпохе бронзы [1, с. 63, № 805]. В дальнейшем информация о поселении без изменений и уточнений была включена в книгу А.И. Абакарова и О.М. Давудова «Археологическая карта Дагестана» [2, с. 203, № 1088]. Р.Г. Магомедов в своей монографии «Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы» отнес Мугинское поселение на основе имевшихся разведочных материалов к кругу памятников гинчинской культуры эпохи средней бронзы. Плохая изученность данного поселения на уровне разведочного обследования и беглого анализа подъёмного материала не позволила автору обстоятельно говорить об относительной и абсолютной хронологии. Однако имеющая информация позволила ему отнести его к поздней фазе развития гинчинской культуры [3, с. 18, 38, 166, 170]. Постановлением Правительства Республики Дагестан от 24 июля 1996 г. № 117 Мугинское поселение включено в перечень памятников истории и культуры, подлежащих государственной охране. Археологические полевые исследования на памятники не проводились.

Результаты археологических исследований

Территория расположения поселения находится в юго-восточной части Внутригорного (Известнякового) Дагестана, к югу от сел. Муги Акушинского района. В геологическом плане участок расположен на северо-западной периклинали Дейбукской антиклинали, вблизи от перехода далее на северо-запад к Айлитимахинской антиклинали. Между крупными антиклиналями сформирована узкая антиклиналь амплитудой менее 100 м и протяженностью порядка 2 км. К осевой части и юго-западному склону этой складки приурочено Мугинское поселение. Горные породы в целом на

участке погружаются на северо-запад под углом 5–10°. Антиклинальные складки прямо выражены в рельефе протяженными на несколько десятков километров хребтами за счет развития массивных бронирующих известняков верхней юры – нижнего мела серо-желтого цвета, мощностью более 400 м.

Мугинское поселение расположено (рис. 1, 2) на вершине горного отрога и его юго-западном склоне в местности под названием «ГъяргъянчИла хъяб» (в пер. с даргинского языка – «Долина валунов»). Поселение имеет размеры 70×70 м, среди местных жителей известно под названием «Уцми гИерила бурхИи» (в пер. с дарг. яз. – «Местность, принадлежащая Уцми», и находится на левом борту долины р. Шинкваликотты. Долина речки представлена узким каньоном с вертикальными бортами до 70 м глубиной. Скальный отрог, на котором расположено поселение, с юга-запада ограничен эрозионной долиной с широкими выходами скальных пород на дне и отдельными террасированными участками. Превышение отрога над эрозионной долиной составляет от 20 м на востоке до 50 м на западе. Поверхность отрога в пределах поселения скоплениями камней и мелкозема, к востоку за пределами поселения отрог представляет собой открытый скальный грунт (рис. 1). Скальный отрог, обращенный на юго-запад, осложнен выходами скал и крупных обломков известняков. На отдельных участках скального гребня фиксируются остатки террасовых уступов, возвышающихся над дном эрозионной долины на 15 м. Вершина скального гребня плоская, шириной до 20 м, на ней зафиксированы заплывшие ямы возможных жилищ и хозяйственных построек, а также курганообразная каменная насыпь (рис. 1, 2).

Всего на территории поселения, в основном на вершине скального гребня, выявлено 17 таких ям, которые можно интерпретировать, как остатки жилищ или построек хозяйственно-бытового назначения. Из-за отсутствия четких границ сооружений, прослеживаемых в виде западины, визуально наблюдаемых выходов стен, кладок, фиксация их производилась со сквозной нумерацией без замеров (точные размеры жилищ можно получить лишь в ходе археологических раскопок) с нанесением на топографический план (рис. 1, 2). Западины №№ 1–17 расположены на территории поселения весьма скученно, почти параллельными рядами в направлении СЗ-ЮВ (выделяются до 4 рядов западин), имеют овальные и овально-подпрямоугольные очертания, размерами в среднем около 4×3 м (рис. 1, 2). На территории поселения, на вершине скального гребня, кроме западин от возможных жилищно-хозяйственных сооружений, зафиксирована курганообразная каменная насыпь. Она расположена на юго-восточной окраине поселения, сложена из рваного известняка, поверхность слегка задернована. Насыпь имеет округлую форму, диаметр ее по линии СЗ-ЮВ составляет 9 м, по линии ЮЗ-СВ – 7 м, высота насыпи около 1,2 м (рис. 1). В центре насыпи зафиксирована грабительская яма округлой формы размерами 1,7×1,8 м, глубиной до макс. 40 см. Выяснить характер и назначение данной насыпи не удалось – для этого требуются дополнительные исследования (раскопки).

Для определения стратиграфии и хронологии памятника, а также для получения археологического материала, в юго-западной части поселения, на сохранившемся фрагменте террасы в нижней части отрога на склоне юго-западной экспозиции на расстоянии 15 м от дна эрозионной долины и в 25 м от вершины горного отрога, был заложен шурф 1 (рис. 3). Шурф размерами 2×1 м, ориентированный длинной осью по линии С-Ю, был заложен для предварительного определения стратиграфии, характера культурных отложений, получения материала для уточнения хронологии

и историко-культурной принадлежности памятника. Дневная поверхность места закладки шурфа имеет сильный уклон в южном и западном направлении: перепад составляет 25–54 см. Репер был установлен в возвышенном северо-восточном углу шурфа. GPS координаты шурфа: N42°17'02,9777, E47°26'12,2567. В ходе вскрытия в северо-восточном углу шурфа на уровне зачистки пласта 2 был расчищен завал камней. Было принято решение сохранить данный завал камней, а по всей остальной площади шурфа раскопочные работы были доведены до материка.

Стратиграфия шурфа 1 (рис. 3, 4):

- слой 1 – гумусированный суглинок коричневого цвета (дерновый слой), толщиной max. 10 см. В слое обнаружены кремь, фрагменты керамики и кости животных;

- слой 2 – серый суглинок, слабо уплотнённый, с обломками известняков, с включениями находок костей животных, кремня и фрагментов керамики. Толщина слоя 20–70 см. Переход размытый, неровный;

- слой 3 – супесь рыхлая, серо-пепельного цвета, порошистая с отдельными включениями небольших камней. Толщина слоя 17–35 см. В слое обнаружены кремь, фрагменты керамики и кости животных. Нижняя граница слоя неровная;

- слой 4 – суглинок, уплотненный, со множеством мелких (до 5 см) обломков известняков, светло-серого цвета с бурым оттенком. Толщина слоя 35–50 см, переход постепенный, граница ровная. Из слоя происходят находки кремня, фрагментов керамики и костей животных;

- слой 5 – суглинок, уплотненный, с большим количеством мелких обломков известняков, погребенная почва каштаново-серого цвета. Толщина слоя 18–30 см. Артефакты отсутствовали;

- материк представляет суглинок, бесструктурный, уплотненный со множеством мелких и средних обломков известняков, желтого цвета, прокопан до 25 см.

В ходе раскопок получена коллекция археологических находок, включающая в себя фрагменты керамики, изделия из камня, кости. Индивидуальные находки представлены следующими артефактами:

– фаланга МРС со сквозным отверстием, одна из сторон которой отшлифована, гл. -0,47 м от ±0, слой 2 (рис. 5, 1);

– фаланга МРС со сквозным отверстием, гл. -1,19 м от ±0, слой 3 (рис. 5, 2);

– обломок каменного полированного, шаровидной формы с уплощенным основанием навершия булавы, изготовленного из речной кальки, гл. -1,24 м от ±0, слой 3 (рис. 5, 3);

– нуклеус, гл. -1,27 м от ±0, слой 4 (рис. 6, 1);

– ножевидная пластина с односторонней ретушью по одному краю, гл. -1,46 м от ±0, слой 4 (рис. 6, 2).

Кроме перечисленных индивидуальных находок получена относительно многочисленная коллекция керамического материала, описание и характеристику которого приводим ниже по конкретным стратиграфическим слоям.

В слое 1 найдено 10 фрагментов керамики, в том числе фрагменты венчика сильно отогнутого наружу горшка светло-коричневого цвета с лощеной наружной поверхностью (рис. 7, 2).

В слое 2 найдено 11 фрагментов керамики, один из которых имеет обмазку жидкой глиной внешней поверхности. В слое также найдены:

- фрагмент венчика миски коричневого цвета с горизонтальным лощением поверхности (рис. 7, 4);
- фрагмент венчика заглаженной миски темно-серого цвета, ниже венчика с внешней стороны на поверхности сохранились следы обмазки (рис. 8, 2);
- фрагмент венчика миниатюрного горшочка коричневого обжига с серым изломом (рис. 8, 4);
- фрагмент придонной части плоскодонного сосуда серого цвета с заглаженной поверхностью (рис. 8, 10);
- фрагмент стенки коричневого сосуда с рельефным орнаментом в виде налепного дугообразного валика (рис. 8, 9).

В слое 3 обнаружен 41 фрагмент керамики, два из которых имеют обмазанную жидкой глиной наружную поверхность. В слое представлены также следующие формообразующие обломки керамики:

- фрагмент венчика заглаженного горшочка коричневого цвета, венчик сильно отогнут в наружу (рис. 7, 8);
- фрагмент массивной ленточной ручки коричневого цвета (рис. 8, 11).

В слое 4 найдено 58 фрагментов керамики, в том числе:

- фрагмент венчика чернолощеного горшочка со слегка отогнутым и утонченным венчиком (рис. 8, 3);
- фрагмент заглаженного горшка коричневого цвета со слегка отогнутым и утонченным венчиком (рис. 7, 7);
- фрагменты стенки лощеного сосуда коричневого цвета с потёком краски темно-бурого цвета (рис. 8, 5, 6);
- фрагмент ленточной, прямоугольной в сечении, лощеной ручки коричневого цвета (рис. 8, 8);
- фрагмент венчика качественного лощеного сосуда с высокой горловиной, с наружной поверхностью терракотового цвета и темно-серой внутренней поверхностью (рис. 7, 1);
- фрагмент венчика темно-серого заглаженного горшка с сильно отогнутым венчиком (рис. 7, 6);
- фрагмент венчика коричневого заглаженного горшка с немного отогнутым венчиком (рис. 7, 7);
- верхняя часть бортика сковороды с прямым невыделенным венчиком, под которым проходит ряд сквозных отверстий, поверхность грубо заглажена, коричневого цвета (рис. 8, 1).

При расчистке культурного слоя в шурфе обнаружено всего 120 фрагментов керамических сосудов. Вся керамика изготовлена лепным способом. Всего 4 фрагмента сосудов орнаментированы. На них нанесены: врезной орнамент в виде горизонтального ряда сквозных отверстий (рис. 8, 1); рельефный – в виде налепного дугообразного валика (рис. 8, 9); вдавленный – в виде оттисков параллельных рядов цинковки, образованный в ходе технологического приема формовки сосуда (рис. 8, 7) и расписной орнамент в виде темно-бурых потеков краски (рис. 8, 5–6). Поверхность практически всех фрагментов залощена или хорошо заглажена. Особое внимание необходимо уделить трем фрагментам стенок с обмазанной жидкой глиной поверхностью (слои 2 и 3). Керамика с обмазанной поверхностью в данном случае служит определенным хронологическим индикатором. Она зафиксирована практически во всех памятниках

Горного Дагестана [3, с. 77], и датируется концом эпохи ранней бронзы – началом средней бронзы, примерно в середины III тыс. до н.э. [3, с. 78]. Обмазка жидкой глиной наносилась на тулово сосуда и отделялась от лощёной или заглаженной шейки, как правило, налепным рельефным валиком.

Другой массовой категорией находок в шурфе, помимо керамики, является остеологический материал. В культурном слое всего найдено 79 фрагментов. Остеологический материал направлен на анализ для последующего его определения.

Для исследования специфики земледелия и спектра возделываемых зерновых было проведено тестовое исследование состава карбонизированных макроостатков в культурном слое Мугинского поселения из шурфа 1. Пробы грунта, объемом 10 л каждая, отбирались из стенки шурфа. Для извлечения растительных макроостатков применялась методика водной флотации [4, с. 259–262] с использованием сита 0,5 мм/ячейка. В результате здесь выявлены сохранившиеся в почве исключительно обугленные остатки растений – зерновки ржи посевной и ячменя многорядного, а также сорняки, сопутствующие рудеральным местам (марь, представители семейства гречишных и крестоцветных), и луговые травы, кусочек горелой органики (предположительно остаток пригорелой пищи) (табл. 1). Слой 4 оказался почти пустым, содержал только единичные фрагменты дикорастущих злаков.

Таблица 1. Результаты палеоботанического исследования растительных макроостатков из культурного слоя Мугинского поселения / Table 1. Results of paleobotanical research of plant macroremains from the cultural layer of the Muginsky site

Состав культурных злаков Мугинского поселения не типичен для Горного Дагестана: здесь не найдена пшеница, а представленные ячмень и рожь ранее на археологических памятниках Дагестана совместно не встречались. Ячмень обыкновенный (*Hordeum vulgare* L.) известен из культурных слоев IV–III тыс. до н.э.

преимущественно из долины р. Кура [5, с. 79, рис. 15]. В Дагестане известны находки преимущественно голозерной формы ячменя на памятниках середины-конца III–II тыс. до н.э. (Гильярское поселение, Галгалатли-1, Верхнегунибское поселение), однако всегда совместно с разными формами пшеницы. Обнаружение зерен ржи является достаточно редким явлением для Северного Кавказа, карбонизированные остатки *Secale cereal* L. Обнаруживаются преимущественно в Закавказье [5, с. 79]. Немногочисленные находки ржи известны на памятниках III–II тыс. до н.э. в Осетии и Адыгее [6, с. 73, 74; 7, с. 250]. Однако вопрос – была ли эта рожь культурной или засоряла посева – остается дискуссионным. Достоверно возделывание ржи подтверждено археоботаническими находками из аланского поселения Подкумское-2 в Кисловодской котловине – считается, что это одно из ранних локаций возделывания ржи в горных районах Северного Кавказа [8, с. 324]. Поэтому обнаружение в культурном слое Мугинского поселения трех зерновок ржи является наиболее ранним для Восточного Кавказа и ставит новые вопросы о времени и путях распространении этого культурного злака из первичного ареала культивирования. Эта тема требует дальнейшего исследования и получения более массовых археоботанических коллекций из культурных слоев и ресурсной зоны вокруг поселений.

В ходе исследований было установлено, что археологический материал и формирование самих стратиграфических слоев (1–2 и 4) происходило путем эрозионных и иных (смывание, стекание, хозяйственная деятельность) процессов непосредственно с вершины скального массива по склону вниз, где и откладывался на сохранившейся части террасы эрозионной долины. На это также указывает и то, что под слоем 4 зафиксирована древняя дневная поверхность, которая была в дальнейшем погребена данными слоями. Формирование слоя 3 происходило непосредственно здесь, о чем свидетельствует характер слоя, порошистая супесь пепельного цвета. Отложения подобного рода происходят путем перегнивания древесной, растительной органики; на это указывают и данные флотации культурного слоя шурфа 1.

Выделить хронологический период бытования поселения, учитывая переотложенный характер слоев 1, 2 и 4, затруднительно. Однако можно четко разграничить хронологически слой 4 и слой 3. На это указывает наличие в слое 4 керамического материала, выступающего относительным хронологическим индикатором. Это, в первую очередь, фрагмент стенки сосуда светло-коричневого цвета с отпечатками корзины циновки (рис. 8, 7). Этот технологический прием широко использовался при формовке сосудов в эпоху энеолита Северо-Восточного Кавказа [9, с. 76]. Также важно обратить внимание на наличие в слое качественной столовой посуды – мисок, горшковидных сосудов (рис. 7, 1, 3, 6, 7; рис. 9, 1-3) в сочетании с грубой кухонной – жаровни со сквозными отверстиями (рис. 8, 1). В целом керамика данного слоя тяготеет к керамическому комплексу поселения Чинна, датированному заключительной фазой энеолита. Также необходимо отметить, что с наступлением бронзового века в технике изготовления керамики перестает практиковаться формовка сосудов в специальных циновках, плетёных корзинах [9, с. 141]. Отметим также находки в слое 4 кремневых нуклеуса и ножевидной пластины. На основании сказанного материал из слоя 4 можно отнести к заключительному этапу энеолитической эпохи.

Слой 3 можно датировать периодом среднего бронзового века. На это указывает наличие в слое сосудов с обмазанной жидкой глиной поверхностью, фрагмента венчика заглаженной миски темно-серого цвета, ниже венчика которой с внешней

стороны на поверхности имеются следы обмазки, фрагментов стенок серого цвета сосудов с обмазанной наружной поверхностью (рис. 8, 12). Данный прием обмазки тулова жидкой глиной характерен для эпохи средней бронзы. Характерен для этой эпохи и найденный в нижней части слоя обломок каменного полированного сферического навершия булавы [10, с. 109]. На период среднебронзовой эпохи указывает радиоуглеродная дата коллагена из кости животного из слоя 3. Радиоуглеродный возраст ее составляет 3370 ± 50 ВР, с учетом калибровки полученную дату можно отнести 1770 ± 50 ВС (Кi – 20322). В целом Мугинское поселение можно считать двуслойным и датировать, соответственно, двумя периодами: 1 – заключительная фаза энеолита (слой 4); 2 – эпоха средней бронзы (XIX–XVIII вв. до н.э.) (слой 3).

Таким образом, в результате проведенных работ был обнаружен разнообразный вещественный материал, главным образом, керамика. Большого внимания заслуживают находки обломка каменного навершия булавы и кремневой ножевидной пластины. Полевые исследования Мугинского поселения дали новый и интересный материал для культурно-исторической характеристики местной культуры центральной части Горного Дагестана и, что особенно важно, позволили определить двухслойный характер поселения и датировать его, соответственно, заключительной фазой энеолита (слой 4) и эпохой средней бронзы (слой 3). Получен новый и важный материал для изучения культурно-исторического и хозяйственного развития населения центральной части Горного Дагестана, в частности, его хозяйственной деятельности, земледелия, скотоводства, гончарства.

Благодарность. Полевые археологические исследования и микробиологические анализы выполнены при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-29-05205мк. Радиоуглеродное датирование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-18-00406.

Acknowledgments. Field archaeological research and microbiological analyzes were carried out with the financial support of the RFBR, project № 19-29-05205mk. Radiocarbon dating was supported by RSF, project № 19-18-00406.

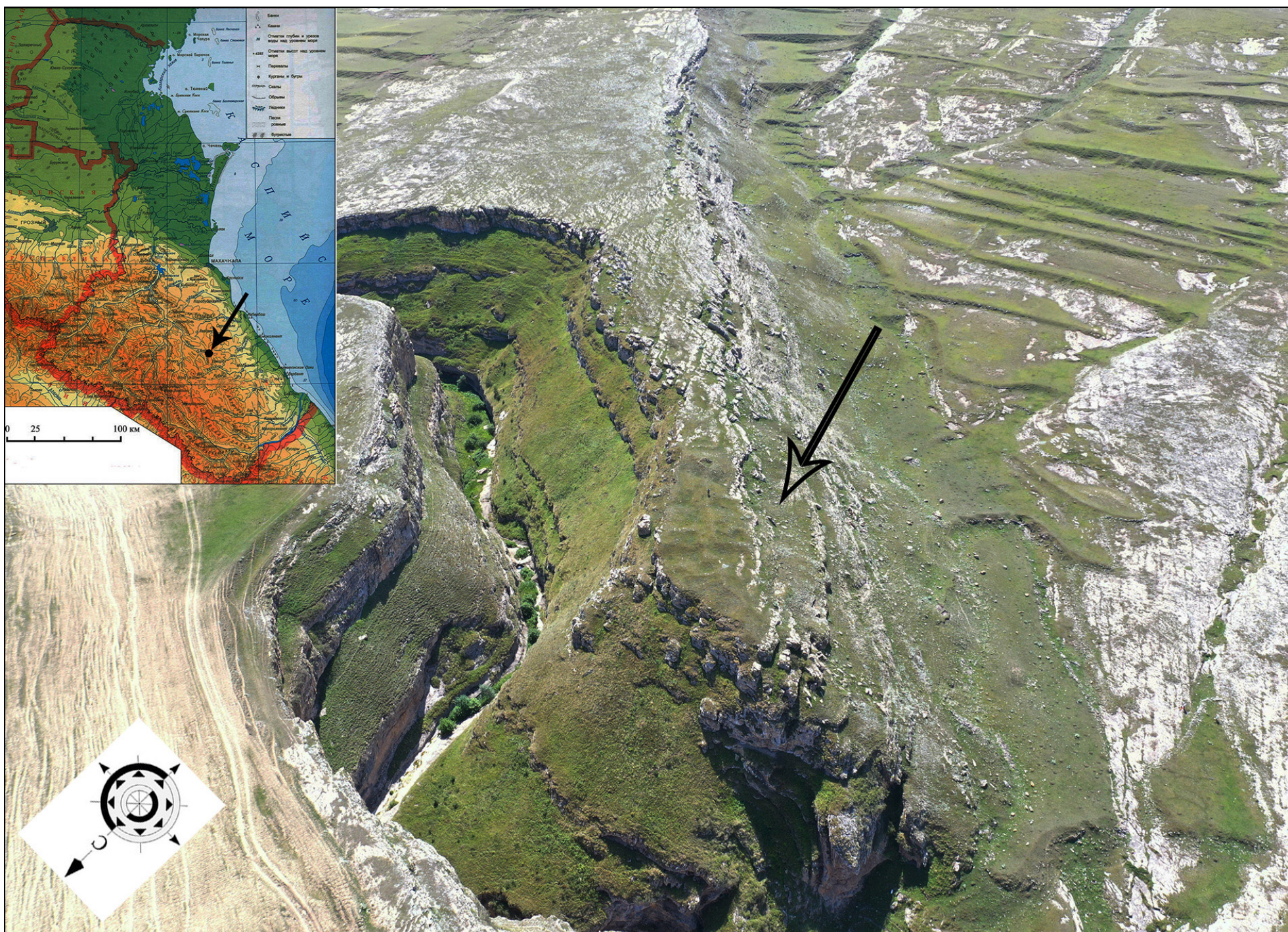

Рис. 1. Вид на Мугинское поселение (местоположение указано стрелкой) с СЗ. Снимок с квадрокоптера

Fig. 1. View of the Muginsky site (the location is indicated by the arrow) from North-West (quadcopter photo)

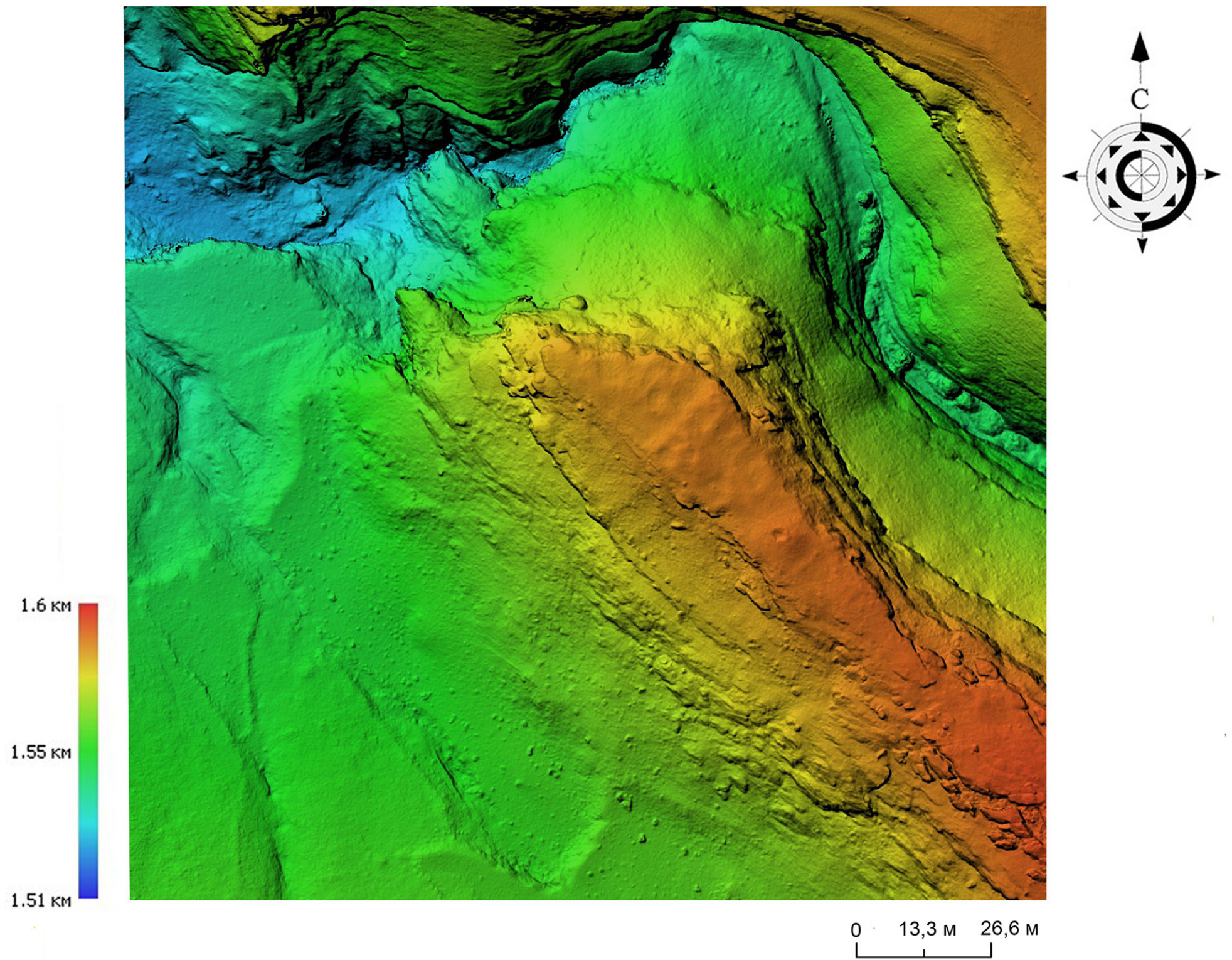

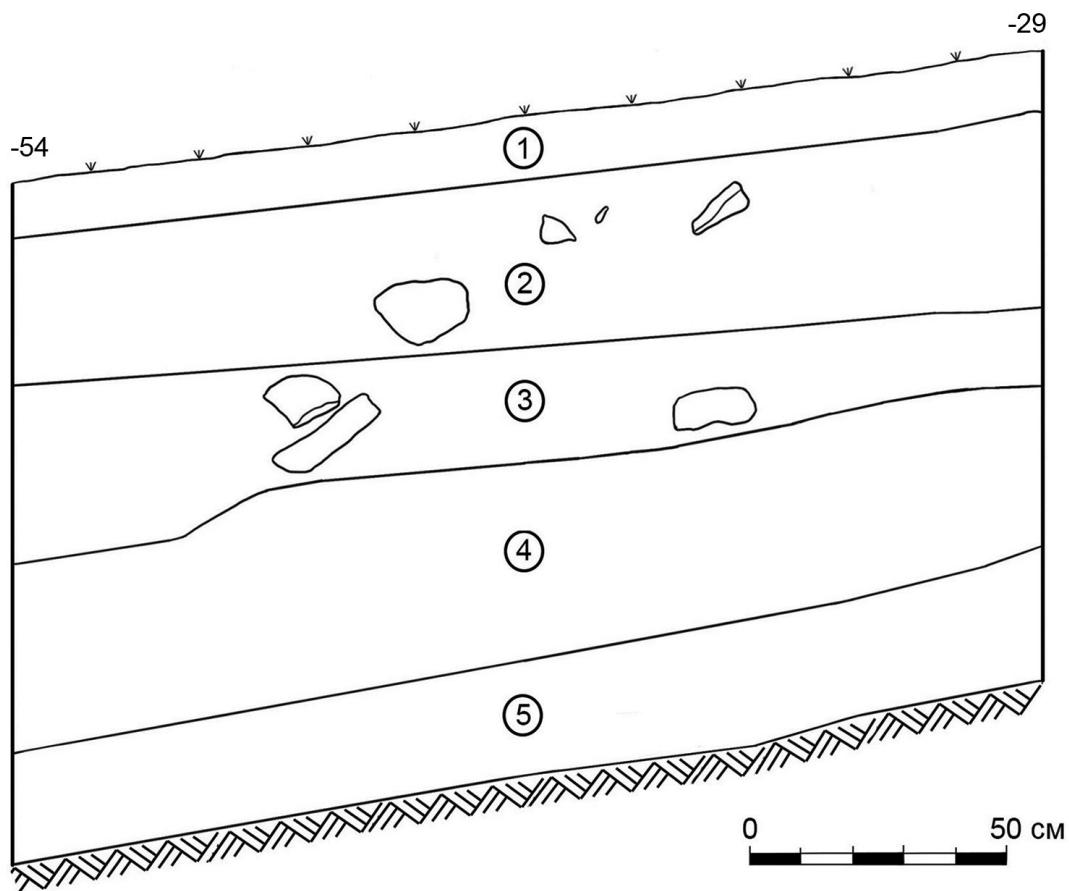
Рис. 2. Модель микро рельефа Мугинского поселения с цветовой дифференциацией высотных поясов

Fig. 2. Model of microrelief of the Muginsky site with color differentiation of altitudinal belts

Рис. 3. Мугинское поселение. Шурф 1. Профиль отложений западной стенки

Fig. 3. Muginsky site. Trench 1. Profile of deposits of the western wall

Условные обозначения

- ① - Темно-коричневый гумусированный суглинок. Современная дневная поверхность
- ② - Серый суглинок слабо уплотненный с обломками известняков
- ③ - Серо-пепельная супесь, порошистая слабо уплотненная с обломками известняков
- ④ - Светло-серый суглинок уплотненный с множеством мелких обломков известняков
- ⑤ - Каштаново-серый суглинок
- ▨ - Материк
- ⬜ - Камни

Рис. 4. Мугинское поселение. Шурф1. Профиль отложений западной стенки

Fig. 4. Muginsky site. Trench 1. Profile of deposits of the western wall

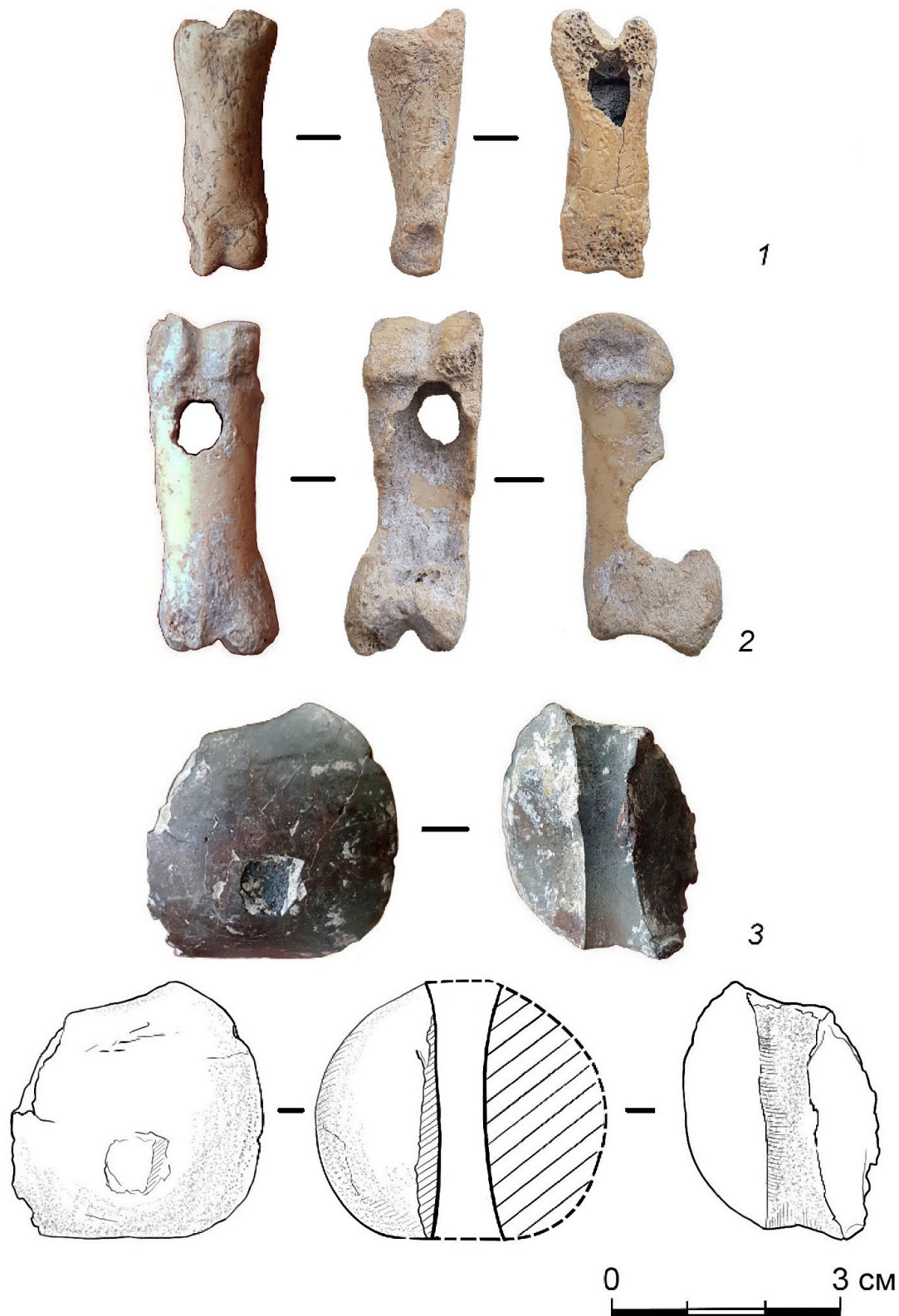

Рис. 5. Мугинское поселение Шурф 1, слой 2. Индивидуальные находки: 1 - костяное изделие с сквозным продольным отверстием, инв. № 1, гл. -0,47 м; слой 3, 2 - костяное изделие с сквозным отверстием, инв. № 3, гл. -1,19 м; 3 - обломок каменного навершия булавы, инв. № 2, гл. -1,24 м

Fig. 5. Muginsky site Trench 1, Layer 2. Individual finds: 1 – a bone piece with a through longitudinal hole, inv. No. 1, -0.47 m deep; Layer 3, 2 – a bone piece with a through hole, inv. No. 3, -1.19 m deep; 3 – a fragment of a stone head of a mace, inv. No. 2, -1.24 m deep

Рис. 6. Мугинское поселение. Шурф 1, слой 4: 1 - нуклеус, инв. № 4, гл. -1,27 м; 2 - ножевидная пластина с односторонней ретушью по одному краю, инв. № 5, гл. -1,46 м

Fig. 6. Muginsky site. Trench 1, Layer 4: 1 – nucleus, inv. No. 4, -1.27 m deep; 2 – knife-shaped blade with one-sided retouching along one edge, inv. No. 5, -1.46 m deep

Рис. 7. Мугинское поселение. Шурф 1. Фрагменты керамических сосудов

Fig. 7. Muginsky site. Trench 1. Fragments of ceramic ware

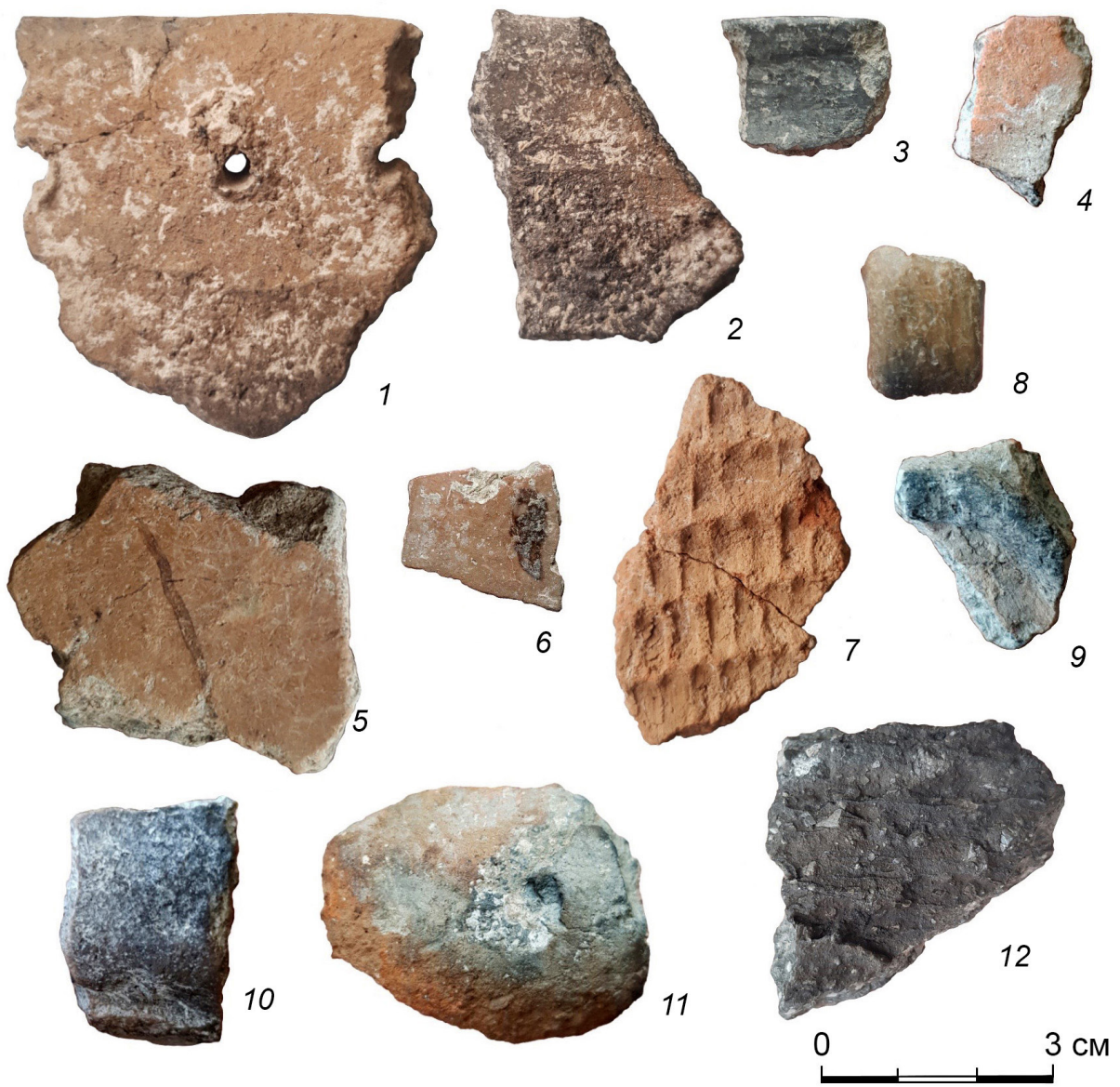

Рис. 8. Мугинское поселение. Шурф 1. Фрагменты керамических сосудов

Fig. 8. Muginsky site. Trench 1. Fragments of ceramic ware

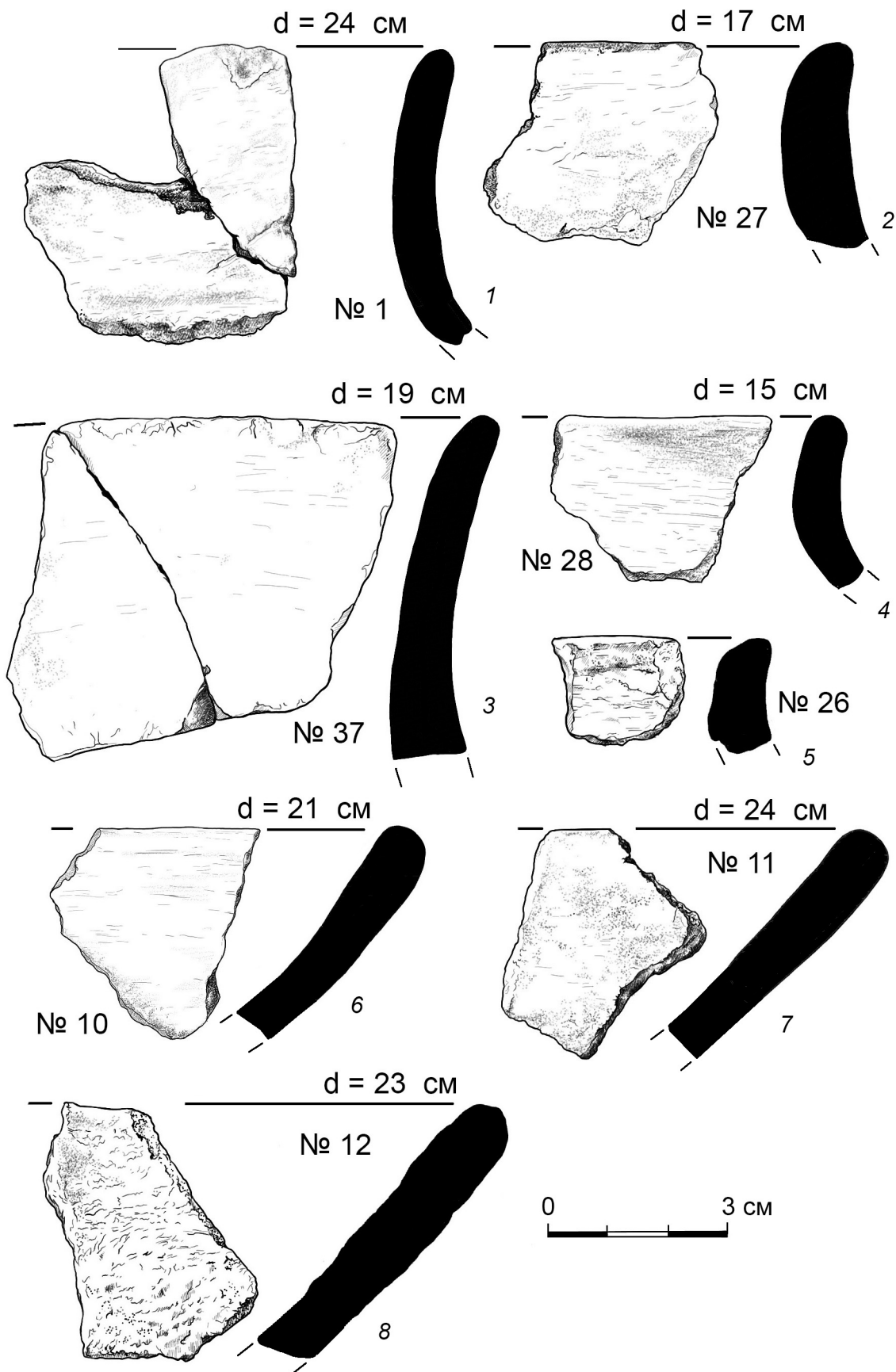

Рис. 9. Мугинское поселение. Шурф 1. Фрагменты керамических сосудов

Fig. 9. Muginsky site. Trench 1. Fragments of ceramic ware

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исаков М.И. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966.
2. Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. Махачкала, 1993. 325 с.
3. Магомедов Р.Г. Гинчинская культура Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала, 1998. 378 с.
4. Лебедева Е.Ю. Рекомендации по сбору образцов для археоботанического анализа // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М.: Ин-т археологии РАН. 2009. Вып. 1. С. 258–267.
5. Лисицина Г.Н., Прищепенко Л.В. Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока, М.: Наука, 1977. 127 с.
6. Лебедева Е.Ю. О горном земледелии в Осетии в эпоху бронзы (археоботанические иссл. на поселении Чидгом) // Материалы охранных археологических исследований: города, поселения, могильники: сб. ст. / Ред.: З.Х. Албегова, А.В. Энговатова. Т. 17. Чебоксары: Перфектум. С. 68–76.
7. Лебедева Е.Ю. Первые результаты археоботанических исследований на археологических памятниках Адыгеи // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2 / Ред.: Е. Н. Черных, В. И. Завьялов. М.: Ин-т археологии РАН: Таус. С. 244–257.
8. Сергеев А.Ю., Лебедева Е.Ю. К вопросу о раннеаланском земледелии: находки культурных и сорных растений на укреплении Подкумское-2 (II-IV вв. н. э.) // Краткие сообщения Института археологии. 2017. № 249-II. С. 311-328.
9. Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М., 1991. 264 с.
10. Мирзоев Р.Н. Вооружение древнего населения Северо-Восточного Кавказа (III-II тыс. до н.э.). Махачкала, 2021. 184 с.

Поступила в редакцию 07.06.2022

Принята в печать 08.07.2022

Опубликована 25.12.2022

REFERENCES

1. Isakov MI. *Archaeological sites of Dagestan*. Makhachkala, 1966. (In Russ.).
2. Abakarov AI., Davudov OM. *Archaeological map of Dagestan*. Makhachkala, 1993. 325 p. (In Russ.).
3. Magomedov R.G. *Ginchinskaya culture. Mountains of Dagestan and Chechnya in the Middle Bronze Age*. Makhachkala, 1998. 378 p. (In Russ.).
4. Lebedeva EYu. Recommendations for the collection of samples for archaeobotanical analysis. *Analytical studies of the laboratory of natural science methods. Issue 1*. Moscow: Institute of Archeology RAS. 2009: 258–267. (In Russ.).
5. Lisitsina GN., Prishchepenka LV. *Paleoethnobotanical finds of the Caucasus and the Middle East*. Moscow: Nauka, 1977. 127 p. (In Russ.).
6. Lebedeva EYu. About mountain farming in Ossetia in the Bronze Age (archaeobotanical research at the Chidgom settlement). *Materials of conservation archaeological research: cities, settlements, cemeteries: coll. Art. / Ed.: Z.Kh. Albegov, A.V. Engovatova*. T. 17. Cheboksary: Perfectum, 2015: 68–76. (In Russ.).
7. Lebedeva EYu. The first results of archaeobotanical research on the archaeological sites of Adygea. *Analytical research of the laboratory of natural science methods. Issue. 2*. Moscow: Institute of Archeology RAS: Taus, 2011: 244–257. (In Russ.).
8. Sergeev AYU., Lebedeva EYu. On the issue of early Alanian agriculture: finds of cultivated and weed plants on the Podkumskoe-2 fortification (II-IV centuries AD). *Brief reports of the Institute of Archeology*. No. 249-II. 2017: 311-328. (In Russ.).
9. Gadzhiev MG. *Early agricultural culture of the North-Eastern Caucasus*. M., 1991. 264 p. (In Russ.).
10. Mirzoev R.N. *Weapons of the ancient population of the North-Eastern Caucasus (III-II millennium BC)*. Makhachkala, 2021. 184 p. (In Russ.).

Received 07.06.2022

Accepted 08.07.2022

Published 25.12.2022

Научное издание

Литературный редактор
Л.Ш. Капланова

Переводы на английский язык
М.Р. Сефербеков

Верстка
С.Ш. Раджабова

Подписано в печать 30.12.2022. Формат 60x84 ¹/₈
Гарнитура Georgia.